AMAZON BOOKS ARE NEVER RETURNED - PLEASE

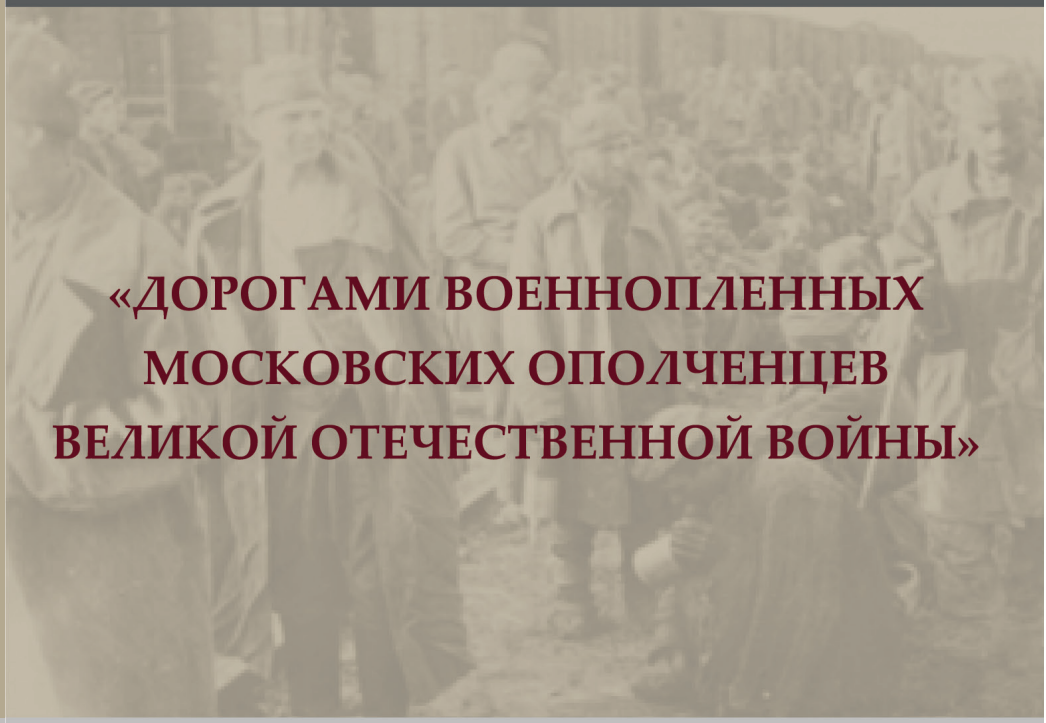
«ДОРОГАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА

При поддержке Правительства Москвы

ПАМЯТИ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

СООБЩЕСТВО ПОТОМКОВ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АНО



«ДОРОГАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Выпуск издания осуществлен при поддержке Правительства Москвы, Московской городской Думы, Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ДОРОГАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

Москва 2024

УДК 355.486
ББК 63.3(2)622,4
Д.69

Д.69 Дорогами военнопленных московских ополченцев великой отечественной войны. Материалы международной научно -практической конференции. – Москва: АНО «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны», 2024. – 454 с.

ISBN 978-5-6050233-5-7

Выпуск издания осуществлен при поддержке Правительства Москвы, Московской городской Думы, Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы

Редакционный совет:
А.В. Шапошников, С.В. Орлов, Е.В. Драгунова, А.В. Берлов, Н.Г. Фомин, В.Л. Куликов, А.Ю. Дрожжина-Лабинская, А.А. Попов, А.Ю. Таран.

В сборнике представлены статьи, рассказывающие о трагедии плена московских ополченцев и бойцов Красной армии во время Великой Отечественной войны: исследования, посвященные лагерям военнопленных; восстановление списков узников дулагов и шталагов; работа поисковиков и родственников военнопленных по восстановлению судеб без вести пропавших; поездки по местам памяти ополченцев, попавших в плен во время Вяземской оборонительной операции 2-13 октября 1941 года; воспоминания военнопленных ополченцев; представлены ранее неизвестные страницы истории и подвига воинов в годы войны.

УДК 355.486
ББК 63.3(2)622,4

ISBN 978-5-6050233-5-7
9 785605 023357 >

© АНО «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны», 2024

Уважаемые читатели!

В ноябре 2023 года на площадке Музея обороны Москвы состоялась Международная научно-практическая конференция «Дорогами военнопленных московских ополченцев Великой Отечественной войны», где собрались историки, поисковики, потомки – те, кто по крупицам собирает историю судеб московских ополченцев. Среди выступающих были представители Республики Беларусь, которые внесли свой значимый вклад в дело сохранения общей исторической памяти о героических подвигах советских воинов.

Тема истории народного ополчения тесно связала народы России и Беларуси. Москвичи мужественно сражались на белорусской земле в партизанских отрядах, освобождали ее в рядах Красной армии, в том числе и в составе бывших дивизий Московского народного ополчения.

Одна из самых трагических страниц в истории ополчения Москвы – Вяземская оборонительная операция, в ходе которой осенью 1941 года тысячи бойцов Московского народного ополчения попали в плен. Большинство из них содержались в лагерях для военнопленных, соз-

данных немецко-фашистскими захватчиками на современной территории Республики Беларусь. Сегодня установление их судеб – одна из первоочередных задач.

В ходе реализации патриотической программы Московской городской Думы «Памяти Московского народного ополчения» столичные законодатели всецело поддерживают инициативы, которые помогают открыть новые страницы истории дивизий ополчения.

Благодарю Музей обороны Москвы, организаторов и участников конференции «Дорогами военнопленных московских ополченцев Великой Отечественной войны» за большой вклад в дело восстановления героической судьбы бойцов-ополченцев.

Уверен, что сборник материалов конференции станет надежным источником новых сведений об истории ополчения и позволит развить взаимодействие с Республикой Беларусь в деле восстановления судеб московских ополченцев и военно-патриотического воспитания граждан наших государств.

Председатель Московской городской Думы
А.В. Шапошников

Уважаемые участники конференции!

С первых же дней войны сотни тысяч москвичей по зову сердца готовы были встать на защиту Родины. Рабочие, служащие, студенты, работники техники, науки и культуры, не подлежавшие призыву, обращались в партийные и советские организации, в военкоматы с просьбой отправить их на фронт. В июле в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения, которые в сентябре 1941 были переименованы в стрелковые дивизии и получили войсковые номера.

Пять дивизий ввиду потерь в октябре 1941 были расформированы, остальные участвовали в боях до конца войны. В октябре 1941 в Москве было сформировано ещё 4 дивизии народного ополчения, которые в январе 1942 были переименованы в стрелковые.

Мы с особым чувством вспоминаем подвиг московских ополченцев в битве за столицу, ту самоотверженность и тот патриотизм москвичей, с которыми они с самого начала Великой Отечественной войны вступали в ряды ополчения.

Осенью 1941 года в ходе Вяземской оборонительной операции в окружение попали крупные соединений Красной армии. Из двенадцати сформированных дивизий Московского народного ополчения одиннадцать оказались в котле под Вязьмой, из окружения вышли немногие, тысячи бойцов Московского народного ополчения

попали в плен. Большинство из них содержались в лагерях для военнопленных на современной территории

Республики Беларусь, и сегодня установление их судеб - одна из первоочередных задач в рамках развития сотрудничества с братским народом Беларуси.

Сохранение исторической памяти - залог нашего будущего, в котором нет места очернению истории и подвигов народа, в котором трепетно хранят память о Великой Отечественной войне, о величии человеческого духа, о Героях, отдавших жизни за Отечество.

Председатель Комитета общественных связей
и молодежной политики города Москвы
Е. В. Драгунова

Уважаемые читатели!

24 – 25 ноября 2023 года в Москве состоялась Международная научно-практическая конференция «Дорогами военнопленных московских ополченцев Великой Отечественной войны».

Инициатива её организации основывалась на патриотической программе Московской городской Думы «Памяти Московского народного ополчения» и была поддержана Комитетом общественных связей и молодежной политики города Москвы, Государственным музеем обороны Москвы. Активное участие в подготовке конференции приняли исследователи из Республики Беларусь.

Важнейшей целью стало привлечение внимания общественности к трагической и малоизвестной странице истории Великой Отечественной войны, связанной с судьбами советских военнопленных и, прежде всего, с судьбами военнопленных московских ополченцев. Более 460 тысяч офицеров и красноармейцев Красной армии, включая московских ополченцев, были пленены в начальный период Битвы за Москву во время и сразу после проведения Вяземской оборонительной операции 2 – 13 октября 1941 года, закончившейся окружением войск Западного и Резервного фронтов под Вязьмой.

Участие в заседаниях приняли более 60 представителей из 4-х субъектов Российской Федерации: Москвы, Смоленской, Ставропольской и Тюменской областей, из 2-х субъектов Республики Беларусь: Минской и Витебской области, а также Канады.

Было зачитано приветственное слово Председателя Московской городской Думы А.В. Шапошникова, с научно-практическими докладами выступили 18 исследователей.

В целом, выступления и предложения участников конференции были проникнуты сознанием важности сохранения памяти и восстановления судеб всех московских ополченцев. Тех, кто в дни тяжелейших испытаний добровольно выступил на защиту Отечества, остановил фашистов на подступах к столице, пройдя через трагедию плена или закончив свои дни в фашистских лагерях военнопленных, расположенных как на территории Советского Союза, так и в Европе. Было отмечено, что важным примером для молодежи должны служить судьбы военнопленных, которые, оказавшись на оккупированной территории, в лагерях для военнопленных, проявили несгибаемую веру в победу и продолжили борьбу за свободу Родины.

Докладчики затронули темы установления в местах подвига военнопленных московских ополченцев памятных знаков, как на территории Российской Федерации, так и Республики Беларусь; продолжения информационно-поисковых исследований в государственных и ведомственных архивах; формирования сводной электронной базы данных участников Московского народного ополчения; военно-исторических поездок по местам памяти военнопленных ополченцев; поощрения работы школьных музеев дивизий народного ополчения.

Все вопросы, рассмотренные на конференции, нашли свое отражение в текстах докладов, представленных в сборнике материалов конференции.

В резолюции конференции, единогласно принятой её участниками, предложено отметить значение этого мероприятия и продолжить в дальнейшем проводить подобные конференции на регулярной основе.

Оргкомитет конференции выражает надежду, что её материалы послужат координации общих усилий в реализации намеченных целей, станут импульсом в воспитательной работе с молодежью, придадут энергию историческому поиску и научному осмыслению новых свидетельств о подвиге Московского народного ополчения в годы Великой Отечественной войны.

Оргкомитет Международной научно-практической конференции
«Дорогами военнопленных московских ополченцев
Великой Отечественной войны».

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВОДИМЫЕ КОМИТЕТОМ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ГОРОДА МОСКВЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИВИЗИЙ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

2024 © А.В. Берлов (Российская Федерация, г. Москва)

Мы с особым чувством вспоминаем героический подвиг советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, в том числе подвиг московских ополченцев в битве за столицу, ту самоотверженность и тот патриотизм москвичей, с которыми они с самого начала Великой Отечественной войны вступали в ряды ополчения.

Московские дивизии народного ополчения в Великой Отечественной войне – добровольческие военные и военизированные формирования из лиц, не подлежавших первоочередному призыву по мобилизации, создававшиеся в помощь Красной армии. В июле по территориальному принципу в районах Москвы было сформировано 12 дивизий народного ополчения (с обозначением в наименовании каждой дивизии района Москвы, в котором проходило основное формирование), которые в сентябре 1941 были переименованы в стрелковые дивизии и получили войсковые номера.

Осенью 1941 года в ходе Вяземской оборонительной операции в окружение попали крупные соединений Красной армии. Из двенадцати сформированных дивизий Московского народно-

го ополчения одиннадцать оказались в котле под Вязьмой, из окружения вышли немногие, тысячи бойцов Московского народного ополчения попали в плен. Большинство из них содержались в лагерях для военнопленных на современной территории Республики Беларусь, и сегодня установление их судеб – одна из первоочередных задач в рамках развития сотрудничества с братским народом Беларуси.

В октябре 1941 года в Москве было сформировано ещё 4 дивизии народного ополчения, которые в январе 1942 года были переименованы в стрелковые. Всего народное ополчение Москвы составило свыше 160 тысяч человек.

В память об этих знаменательных событиях Комитетом общественных связей и молодежной политики города Москвы в настоящее время проводятся различные памятные мероприятия.

11 октября 2023 года, в День Московского народного ополчения, в столице прошла акция «Цветы Победы», в ходе которой студенты и активисты общественных организаций возложили цветы к памятным местам, связанным с формированием Московского народного ополчения, и отдали дань памяти героям – защитникам столицы. Акцию «Цветы Победы» впервые провели в 2020 году.

В рамках программы «Дорогами памяти Московского народного ополчения» Комитет общественных связей и молодежной политики города Москвы организует выездные акции по местам боев дивизий Московского народного ополчения с проведением памятных акций у памятников героям Великой Отечественной войны. Участники мероприятия – ветераны, потомки ополченцев, учащиеся московских школ и вузов, представители общественных и некоммерческих организаций, принимающих участие в программе «Памяти Московского народного ополчения».

В ходе мемориально-патронатных мероприятий Комитет общественных связей и молодежной политики города Москвы проводит работу по сохранению и уходу за памятными знаками, посвященными Московскому народному ополчению.

Уже не первый год в Москве утвердилась новая форма работы в сфере гражданского и патриотического воспитания населения – общественный патронат над братскими воинскими захоронениями, индивидуальными захоронениями защитников
Отечества, памятниками, мемориальными досками, памятными знаками.

Это традиционная мемориально-патронатная акция проводится накануне всех знаменательных дат. Сотрудники Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы, его подведомственных учреждений вместе с ветеранами, кадетами, волонтерами, представителями молодежных организаций облагораживают места захоронений участников Великой Отечественной войны, Героев Советского Союза и Российской Федерации.

В рамках программы проводятся тематические мероприятия, получающие широкую поддержку среди москвичей: открываются новые памятники или приводятся в надлежащий вид уже существующее монументы, организуются экскурсии для школьников по местам боев дивизий Московского народного ополчения, выпускаются тематические издания, организуются конференции и выставки, проводятся иные памятные и патронатные акции.

В реализации мероприятий программы активно участвуют ветеранские и общественные организации: Московский городской совет ветеранов, Московский Комитет ветеранов войны, Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил, сообщества родственников ополченцев и другие.

В годовщину 80-летия Битвы под Москвой Комитетом общественных связей и молодежной политики города Москвы проведена научно-практическая конференция «Мы беспощадный путь к Берлину открыли битвой за Москву», где широко освещалась тема: «Московское народное ополчение».

Правительство Москвы оказывает системную поддержку сообществу потомков московских ополченцев по увековечиванию памяти московского народного ополчения и патриотическому воспитанию молодежи.

По сей день Московское народное ополчение – символ народного единства, героизма и мужества, пример беззаветной любви к родной Москве, к нашей великой стране, который все ветераны московского ополчения оставили детям и внукам.

Заместитель председателя
Комитета общественных
связей и молодежной политики
города Москвы,
доктор исторических наук,доцент

Берлов Артур Валерьевич

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В 1945 г.: ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРУКТУРА, РЕПАТРИАЦИЯ

2024© А.Ю. Безугольный (Российская Федерация, г. Москва)

В истории Великой Отечественной войны едва ли найдется тема, столь политизированная, как вопрос об исчислении потерь, которые понесла Красная армия. Вопрос всегда имел политический оттенок, ибо та или иная оценка потерь советских войск позволяет диаметрально противоположно интерпретировать результат усилий Советского Союза – или как великую победу над сильнейшим противником, или же, напротив, как победу, доставшуюся непомерной ценой.

Проблемы исчисления потерь осложняются отсутствием общепринятой методики подсчета и лакун в источниковой базе. Так, одной из наиболее спорных категорий безвозвратных потерь являются военнопленные. В советских документах учета пленные чаще всего проходили по категории пропавших без вести. Изучение послевоенных архивов, сравнение отечественных и немецких данных показывает многократное расхождение в исчислении этой категории лиц в документах двух враждовавших сторон. В зависимости от их решения итоговая цифра потерь может значительно колебаться.

В этих условиях учет боевых потерь личного состава велся еще хуже. В начальный период войны этой работой занимался Отдел учета персональных потерь Главного управления формирования и укомплектования (Главупраформ) Красной армии (5-й отдел). Все воинские части обязаны были направлять сюда списки безвозвратных потерь, однако далеко не всегда по объективным причинам (окружения, отступления, нарушения связи и т.д.) это делалось своевременно, а иногда и вовсе не делалось. Недоучет потерь или искажение данных учета отмечались как «массовое и повсеместное явление».[1] 5 февраля 1942 г. в связи с большим объемом работы отдел был развернут в Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии в составе Главупраформа Красной армии. Работа по учету безвозвратных потерь совершенствовалось в течение

[1] Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 245. Л. 7.

всей Великой Отечественной войны и была отлажена фактически лишь к ее концу, а пробелы начала войны учета потерь, даже в отношение офицеров не были устранены. Еще в феврале 1945 г. Главное управление кадров Наркомата обороны отмечало: «До сих пор не выявлены полностью и не исключены [офицеры], пропавшие без вести в 1941–1942 гг., не велся учет попавших в плен, многие служебные перемещения не оформлялись приказами, личные дела заводились не на всех, велись плохо, учет в дивизиях велся плохо, убыль не учитывалась, не оформлялось зачисление из запаса и т.д.»[2].

Впервые общий подсчет безвозвратных потерь Красной армии был произведен еще в первые месяцы после окончания Второй мировой войны. Согласно справке Организационно-учетного управления Генерального штаба Красной армии, общие безвозвратные потери составили 8 871 917 чел., из которых: убито 5 133 266 чел., без вести пропало – 3 174 883 чел., сдалось в плен – 35 649 чел.; небоевые безвозвратные потери составили 528 119 чел. Однако эта цифра сразу представлялась неокончательной, поскольку к ней следовало прибавить военнослужащих, умерших в госпиталях на излечении (их число оценивалось в 1 190 тыс. чел.), но отнять бывших военнопленных, возвращающихся на родину по репатриации (их число оценивалось в 2 015 тыс. чел.). Кроме того, предстояло учесть и другие факторы (общее число военнопленных, двойной счет потерь, вторичный призыв на освобожденных территориях Советского Союза и многое другое).

Итак, согласно данным, принятым в современной историографии, безвозвратные, так называемые военно-оперативные потери Красной армии (убитых, умерших от ран в госпиталях, пропавших без вести, попавших в плен, умерших от болезней, погибших от несчастных случаев и осужденных трибуналами к расстрелу) исчисляются 11 444,1 тыс. чел.[3] Из этого числа следует вычесть два показателя: 1 836 тыс. бывших военнопленных, вернувшихся на родину в ходе послевоенной репатриации и 939,7 тыс. чел., призванных в Красную армию вторично на освобожденных территориях Советского Союза в 1942–1945 гг. Оставшиеся 8 668 400 чел. (здесь учтены и потери в кампании на Дальнем Востоке) следует считать общими демо-

[2] ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 89. Л. 13.

[3] Гриф секретности снят... С. 130.

графическими безвозвратными потерями. Из этого числа армия и флот потеряли 8 509 300 чел., внутренние войска – 97 700 чел., пограничные войска – 61 400 чел. Эта цифра озвучена в классическом труде, изданном под редакцией начальника ГОМУ ГШ генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование».

В современных официальных фундаментальных трудах по истории Великой Отечественной войны и энциклопедических изданиях данные о потерях, выработанные комиссией Кривошеева, публикуются уже как «канонические», без критического анализа, в том числе и российским статистическим ведомством (Росстатом).

Несмотря на то, что перечисленные цифры потерь основаны на документах, они нередко подвергаются критике в связи со вновь открывающимися документами. В частности, предполагаемая цифра возможных потерь советских войск может оцениваться выше за счёт повышения оценки численности военнопленных.

В современной литературе эта оценка доходит до 5,2 млн. чел. и даже до 5,7 млн. чел.[4] (последняя цифра соответствует данным германских первоисточников, однако многими они подвергаются сомнению). Напомним, что в первом исследовании Организационно-учетного управления Генштаба в 1945 г., от которого отталкивался дальнейший «официальный» расчет, совокупное число сдавшихся в плен и пропавших без вести составляло 3 210 тыс. чел. В начале 1990-х гг. комиссия генерал-полковника Кривошеева оценила эту категорию безвозвратных потерь в 3 396,4 тыс. чел., однако, прибавила к нему полученные расчетным способом 1 162,6 тыс. чел. «неучтенных потерь первых месяцев войны».[5] В основном именно оценка численности пленных, описывающая масштаб катастрофы Красной армии в 1941 г., и является предметом споров и спекуляций по сей день, ибо соблазн увеличить масштаб «неучтенных потерь» у некоторых исследователей бывает очень силен.

В современной литературе эта оценка доходит до 5,2 млн. человек и даже до 5,7 млн. человек (последняя цифра соответствует

[4] Шабаев А.А., Михалев С.Н. Трагедия противостояния: Потери вооруженных сил СССР и Германии в Велик. Отеч. войне 1941–1945 гг.: (Ист.-стат. исслед.). М., 2002. С. 43.

[5] Гриф секретности снят… С. 130.

данным германских первоисточников, однако многими они подвергаются сомнению).

До 1 мая 1944 г. немецким командованием освобождено 823 230 военнопленных. До 13 ноября 1941 г. освобождались лица по национальности немцы, жители Прибалтики, украинцы, белорусы (всего освобождено 318 770 чел.), а после этого – лица, вступившие в добровольческие коллаборационистские формирования.[6]

Напомним, что в первом исследовании Организационно-учётного управления Генерального штаба в 1945 году, от которого отталкивался дальнейший «официальный» расчёт, совокупное число сдавшихся в плен и пропавших без вести составляло 3 210 тыс. человек.

В начале 1990-х годов комиссия генерала Кривошеева оценила эту категорию безвозвратных потерь в 3 396,4 тыс. человек, однако, прибавила к нему полученные расчётным способом 1 162,6 тыс. «неучтённых потерь первых месяцев войны».

В основном именно оценка численности пленных, описывающая масштаб катастрофы Красной армии в 1941 году, и, является предметом споров и спекуляций по сей день, ибо соблазн увеличить масштаб «неучтённых потерь» у некоторых исследователей бывает очень силён.

По принятой на сегодняшний день оценке с 22 июня по 31 декабря 1941 года безвозвратные и санитарные потери Вооружённых сил СССР составили 4 473 820 человек, из них убиты, умерли от ран и болезней, погибли в результате происшествий 806,2 тыс., пропали без вести и попали в плен 2 335,5 тыс., ранены, контужены, заболели, обморожены – 1 336,1 тыс. человек.

Среднемесячные потери в 1941 г. составляли 75,5 тыс. убитыми (2,5% к списочной численности войск), 190,5 тыс. без вести пропавших (6,3%), 207,1 тыс. раненых (6,85%), а в 1945 г.: 128,1 тыс. убитыми (1,95%), 13,5 тыс. без вести пропавшими (0,21%) и 431,5 тыс. ранеными (6,55%).

Для уточнения интенсивности и структуры потерь Красной армии приведем еще такие цифры. В последний период (с 1.7.1944 по 9.5.1945 гг.) потери убитыми были выше, чем в первый (с 22.6.1941 по 30.5.1942 гг.) – соответственно 1 141 058 и 1 093 105 чел. Однако, общие безвозвратные потери в первый период войны все равно были значительно выше за счет без вести пропавших (1 836 247 и 129 148 чел. соответственно).

[6] Гриф секретности снят… С. 333-334.

Сохранившиеся статистические источники позволяют оценить некоторые этнические аспекты трансформации Вооруженных Сил СССР, связанной с окончанием войны и переходом общества и армии к послевоенному мирному строительству. К таковым относятся вопросы репатриации бывших советских военнопленных на родину и переход к комплектованию армии мирного времени.

Численный состав репатриированных, конечно, не отражает всего состава военнопленных, а лишь только тех, кому посчастливилось пережить войну, и кто был возвращен на родину. Освобождение военнопленных из нацистских лагерей военнопленных началось еще в период войны. Число учтенных созданным 23 октября 1944 г. Управлением уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова репатриированных советских военнослужащих составляет 1 825 тыс. чел.[7] по состоянию на 1 марта 1946 г., когда главная волна репатриации была завершена.

Амбивалентность положения освобождаемых военнопленных заключалась в том обстоятельстве, что они одновременно оказывались и ценным мобилизационным ресурсом, и лицами, подозреваемыми органами НКВД в измене и сотрудничестве с врагом. Согласно руководящим документам, рядовой и сержантский состав, а также интернированное гражданское население военнообязанных возрастов направлялись на армейские сборно-пересыльные пункты для проверки органами СМЕРШ, а затем – в армейские или фронтовые запасные части. Офицерский состав, а также военнопленные и гражданские лица, служившие в вермахте и в коллаборационистских формированиях, направлялись в спецлагеря НКВД.[8]

В большинстве случаев после проверки бывшие военнопленные восстанавливались на военной службе и пополняли действующие войска Красной армии. Обычно рядовой и сер-

[7] Данные, обнаруженные В.Н. Земсковым в фонде ведомства генерала Ф.И. Голикова (ГАРФ. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175, 270–271). В Центральном архиве Министерства обороны РФ автором данной книги, также со ссылкой на органы репатриации найдена ссылка на 2 015 тыс. бывших советских военнопленных, но без детализации национального состава (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 28. Л. 1).

[8] Герман А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 257–270.

жантский состав направлялся в обычные воинские части, а офицеры лишались воинских званий и обращались на комплектование офицерских штрафных частей. После окончания войны освобождаемые офицеры направлялись на проверку в лагеря НКВД или в запасные части, после чего, «ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего прохождения службы или увольнялись в запас». Рядовой и сержантский состав возрастов, подлежавших демобилизации, увольнялись в запас, а остальных восстанавливали на военной службе, используя как в войсках, так и для укомплектования рабочих батальонов.[9] Репатриированные представители этносов, репрессированных в Советском Союзе (немцы, калмыки, чеченцы, ингуши и др.), выделялись из общей массы и специальными эшелонами направлялись в места нового поселения.

В ходе выявления и проверки военнопленных национальность обязательно вносилась в учетные карты, заводившиеся на всех советских граждан.[10] Данные национального состава репатриированных имеются на 1 569 572 чел.[11] Таким образом, сохранившаяся отчетность позволяет определить национальный состав хотя бы части людских потерь Красной армии, которые в годы войны относили к безвозвратным. Правда из современного расчета безвозвратных потерь (в официальных изданиях последние 30 лет озвучивается одна цифра – 8 668 400 чел.) вся масса репатриантов исключается.

В представленной ниже *Таблице* отражены абсолютные и относительные данные на репатриированных бывших советских военнопленных по национальности. Для сравнения приведено процентное соотношение представительства военнослужащих по национальности перед началом войны (на 1 января 1941 г.), на исходе самого тяжелого, первого года войны (на 1 июля 1942 г.) и в ее конце (на 1 января 1945 г.)

---

[9] Земсков В.Н. К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944–1955) // Политическое просвещение. 2011. № 1. (https://www.politpros.com/journal/read/?ID=141&journal=68, дата обращения: 14.4.2020).

[10] Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952. Сборник документов. В 2-х т. Т. 1. М., 2019. С. 72.

[11] Земсков В.Н. К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944–1955) // Политическое просвещение. 2011. № 1. (https://www.politpros.com/journal/read/?ID=141&journal=68, дата обращения: 14.4.2020).

Таблица. Данные о национальном составе советских военнопленных, репатриированных на родину по состоянию на 1 марта 1946 г.[12]

Национальность	**Бывшие военно-пленные на 1.3.1946 г., чел.**	**Бывшие военно-пленные на 1.3.1946 г., в проц.**	**Военнослужащие Красной армии на 1.1.1941 г., в проц.**	**Военнослужащие Красной армии на 1.7.1942 г., в проц**	**Военнослужащие Красной армии на 1.1.1945 г., в проц.**
Русские	**740 114**	**47,14**	**56,39**	**68,98**	**61,88**
Украинцы	**460 208**	**29,31**	**20,1**	**11,98**	**20,45**
Белорусы	**134 776**	**8,59**	**4,35**	**1,91**	**4,28**
Литовцы	3 019	0,19	0,41	0,05	0,28
Латыши	3 456	0,22	0,38	0,11	0,21
Эстонцы	2 746	0,18	0,29	0,29	0,28
Молдаване	5 094	0,32	0,15	0,06	1,55
Грузины	25 541	1,63	1,37	1,23	0,76
Армяне	20 657	1,32	1,18	1,31	0,85
Азербайджанцы	21 985	1,4	1,09	1,16	0,46
Казахи	24 448	1,56	1,66	1,9	0,94
Узбеки	29 588	1,88	2,45	1,27	0,92
Туркмены	2 791	0,18	0,33	0,24	0,17
Таджики	4 258	0,27	0,47	0,19	0,19
Киргизы	4 299	0,27	0,41	0,28	0,17
Карелы	2 194	0,14	0,16	0,12	0,1
Татары	32 178	2,05	1,99	2,49	1,85
Башкиры	4 578	0,29	0,37	0,47	0,3
Калмыки	4 087	0,26	0,07	0,09	0,02
Евреи	4 762	0,3	1,84	1,83	1,64
Поляки	2 702	0,17	0,27	0,07	0,2
Финны	583	0,04	0,09	0,02	0,01

[12] Составлено автором по: *Земсков В.Н.* К вопросу о судьбе советских репатриантов в СССР (1944–1955) // Политическое просвещение. 2011. № 1.

(https://www.politpros.com/journal/read/?ID=141&journal=68, дата обращения: 14.4.2020); ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Другие национальности	34 505	2,2	4,54	4,04	2,7
Из них представители коренных народов СССР (удмурты, осетины, кабардинцы, чеченцы и др.)	31 586	2,01	-	-	-
Из них представители некоренных народов СССР (немцы, греки, болгары, румыны и др.)	2 919	0,9	-	-	-
Всего	**1 569 572**	**100**	**100**	**100**	**100**

Достаточно даже беглого взгляда на таблицу, чтобы заметить существенный дисбаланс среди военнопленных трех восточнославянскихнациональностей в пользу украинцев и белорусов. К этому следует добавить, что по данным Управления уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации, из учтенных 1 368,8 тыс. репатриированных советских военнопленных (данные на 3 октября 1945 г.) – 49,2 % попали в плен в 1941 г., 32,8 % – в 1942 г., 11,7 % – в 1943 г., в то время как на 1944–1945 гг. приходится лишь 6,3 % военнопленных.[13] Таким образом, *свыше 80 % учтенных по национальности репатриантов, были пленены противником в первые полтора года войны*. Однако и это не дает оснований механически экстраполировать выводы о масштабах пленения представителей тех или иных национальностей без учета общей численности советских военнопленных. В отношении последней консенсуса в литературе до сих пор нет (напротив, имеется крайне широкий разброс мнений – от 4 059 тыс. чел.[14] до 5 млн. чел.[15] и даже 6,3 млн. чел.[16]). Также следует принять во внимание данные о сверхвысокой смертности в лагерях, учесть дифференцированное отношение нацистов к военнопленным различных национальностей (освобождение из плена представителей ряда национальностей), численности и национального

[13] Гриф секретности снят. С. 339.

[14] Гриф секретности снят. С. 339.

[15] Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество. 1941-1945. Кн. 2. М., 2004. С. 236.

[16] Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22 – 32.

состава сотен тысяч «невозвращенцев» и военных коллаборационистов («власовцы», легионеры национальных частей вермахта и СС и др.) и другие факторов. Пока что выявленную диспропорцию в национальном представительстве военнопленных можно предложить будущим исследователям в качестве нерешенной проблемы.

По состоянию на 1 июля 1948 г. в западных зонах оккупации Германии находились, по данным советских комиссий по репатриации, 233 928 советских граждан: 63 238 украинцев, 78 412 латышей, 23 658 эстонцев, 47 505 литовцев, 9 292 русских,1 029 белорусов, 4 998 советских немцев, 5 796 других национальностей. Таким образом, на 90,1 % эта категория состояла из представителей четырех национальностей: украинцев (западных), эстонцев, латышей и литовцев.[17]

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00637, https://rscf.ru/project/23-28-00637/

[17] Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952. Сборник документов. В 2-х т. Т. 1. М., 2019. С. 26–27

ДОРОГАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ

ЛЮДИ И ЦИФРЫ. СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ 13-й РОСТОКИНСКОЙ ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ г. МОСКВЫ и 389-го ГАУБИЧНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА

2024© Е.Г. Брунова (Российская Федерация, г. Тюмень)

Аннотация: Исследование посвящено судьбам воинов 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы и 389-го гаубичного артиллерийского полка, попавших в плен во время Вяземской оборонительной операции.

Впервые подсчитаны общие потери 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы, уточнены потери по 389-му гаубичному артиллерийскому полку.

Значительное количество военнослужащих попали в плен в октябре 1941 г. Данные по датам за этот месяц, полученные из советских источников, сопоставляются с документами 5-го и 8-го армейских корпусов вермахта.

Приводятся воспоминания советских воинов и документы 106-й пехотной дивизии вермахта о попытке прорыва окружения 11 октября 1941 г. в районе села Богородицкое Вяземского района Смоленской области.

Анализируются судьбы 1 457 военнопленных ополченцев-ростокинцев и 139 военнослужащих 389-го гаубичного артиллерийского полка.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Вяземская оборонительная операция; военнопленные; 13-я дивизия народного ополчения Ростокинского района г. Москвы; 140-я стрелковая дивизия 2-го формирования; 389-й гаубичный артиллерийский полк; 5-й армейский корпус; 8-й армейский корпус.

Введение

Целью данного исследования является сопоставление данных из советских и немецких источников о воинах 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы и 389-го гаубичного артиллерийского полка, значительная часть которых попала в плен под Вязьмой в октябре 1941 г.

13-я дивизия народного опол-

чения г. Москвы (13 ДНО) была сформирована в Ростокинском районе г. Москвы в начале июля 1941 г., 26.09.1941 г. была преобразована в 140-ю стрелковую дивизию 2-го формирования (140 сд). По состоянию на конец сентября 1941 г. 140 сд (13 ДНО) входила в состав 32-й армии Резервного фронта. 27 декабря 1941 года дивизия была расформирована как погибшая на фронте.[18] 389-й гаубичный артиллерийский полк (389 гап) был сформирован в мае 1940 г. в составе 194-й стрелковой дивизии в г. Чирчик Ташкентской области Узбекской ССР. В начале июля 1941 г. дивизия выдвинулась на Западный фронт и заняла оборону по восточному берегу Днепра в 40-50 км северо-западнее г. Вязьма. По состоянию на конец сентября 1941 г. 389 гап входил в состав 194-й стрелковой дивизии 49-й армии Резервного фронта. В связи с резким ухудшением обстановки на Юго-Западном и Брянском фронтах, в ночь с 30 сентября на 01 октября 1941 г. командование 49-й армии получило Директиву Ставки Верховного Главнокомандования, предписывающую переброску данной армии для прикрытия орловского, курского и харьковского направлений.[19] Пока дивизия готовилась к погрузке в эшелоны, немецкие войска начали операцию «Тайфун» и резко ухудшилась обстановка на Брянском фронте. В соответствии с новой Директивой Ставки Верховного Главнокомандования, 03 октября 1941 г. 194-й стрелковой дивизии было приказано выдвинуться в район г. Карачев.[20] Рубеж обороны 194-й стрелковой дивизии по восточному берегу Днепра предписывалось передать 140-й стрелковой дивизии (13 ДНО). По всей видимости, реальной передачи позиций не произошло, и передовой отряд ростокинцев прибыл к восточному берегу р. Днепр в районе устья р. Вязьма уже после того, как соединения 49-й армии оставили эти рубежи.

В предыдущих публикациях автором статьи было выдвинуто предположение, что 389 гап не отбыл вместе с 194-й стрелковой дивизией, а остался на днепровских позициях вместе со

[18] Каримов В.И. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. Москва : Планета, 2016. С.259-279; Разин С.А. Мобилизация и московское народное ополчение. 13 дней Ростокинской дивизии. 1941 г. Москва: Центр-Полиграф, 2023. С. 6-7.

[19] Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 002488 от 01 октября 1941 г. 01.30 // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 3. Оп. 11556, Д. 2. Л. 393-396.

[20] Боевой приказ №2 Штаба 49 армии от 03.10.1941 // ЦАМО. Ф. 404 Оп. 9711. Д. 2. Л. 29.

140-й стрелковой дивизией.[21] Данная гипотеза, основанная на документах освобожденных советских военнопленных командиров из 389 гап и немецких документах, нашла еще одно подтверждение. Исследователем И.Г. Михайловым было обнаружено донесение командующего 49-й армией генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина и члена Военного совета 49-й армии бригадного комиссара А.И. Литвинова от 02 октября 1941 г.:

«Заместителю Начальника Генерального штаба КА Генерал-майору Василевскому

В соответствии с Вашими личными указаниями начальнику штаба 49 армии полковнику Верхолович, 389 и 774 гапы должны убыть вместе со своими дивизиями.

В данное время указанные полки находятся в движении к месту погрузки.

Ваше распоряжение об отправке указанных полков было немедленно сообщено начальнику штаба Резервного фронта генерал-майору Анисову.

Несмотря на это, поступило распоряжение начальника штаба Резервного фронта генерал-майора Анисова об оставлении 389 и 774 гап на огневых позициях и передаче их 32 армии. В 194 сд 299 ап – горный артполк и имеет боеприпасов только 3 б/к, расстреляв которые дивизия фактически может остаться без артиллерии, поэтому крайне необходимо 389 гап, не являющейся средством усиления, оставить в составе дивизии.

В 248 сд 774 гап также сформирован за счет артчастей дивизии и является составной ее частью, а не средством усиления.

Военный Совет армии просит Вас подтвердить Ваше распоряжение об оставлении 389 и 774 гап в составе 49 армии.

Командующий 49 армии генерал-лейтенант ЗАХАРКИН

Член ВС бригадный комиссар ЛИТВИНОВ»[22]

Вероятно, решение штаба Резервного фронта о передаче 389 гап в состав 32-й армии не было отменено, и по возвращении на днепровские рубежи, полк был придан 140-й стрелковой диви-

[21] Брунова Е.Г. 389-й гаубичный артиллерийский полк в начале Великой Отечественной войны: реконструкция боевого пути на основе социально-демографических данных и документов вышестоящих частей // Вестник Томского государственного университета. 2020. №461. С. 111-122.

[22] Донесение Военного Совета 49 армии от 02.10.1941 // ЦАМО. Ф. 404. Оп. 9711. Д. 7. Л. 7.

зии, то есть 13 ДНО.[23] Спустя несколько октябрьских дней 1941 г. 389 гап разделил судьбу московских ополченцев, чем и объясняется их рассмотрение в одном исследовании.

База данных личного состава 13 ДНО и 389 гап

В течение многих лет архивная группа Сообщества родственников ополченцев 13 ДНО восстанавливает списки личного состава дивизии, которые публикуются в общедоступной базе данных.[24] В разные годы над созданием базы работали А.Г. Попов, М.А. Семенова, А.В. Крюков, А.Д. Мелков, Т.Н. Чугорина, О.Б. Калинина и И.А. Берда (системный администратор). Внесла свой посильный вклад и автор статьи.

По состоянию базы данных на 29.08.2023 г. в категории «Участники 13 ДНО» содержатся сведения о 6 371 человеке.[25] Из них 3 253 человека (51%) пропали без вести, 1 471 человек (23%) попал в плен, 353 человека (5%) были демобилизованы или уволены в запас, 59 человек (1%) учтены погибшими или умершими от ран и болезней, 185 человек (3%) – выбывшими по иным причинам, судьбы 1 050 человек (17%) неизвестны, см. Таблицу 1.

Над базой данных 389 гап автор работает с 2019 г. По состоянию на 29.08.2023 г. в категории «389 гап» содержатся сведения о 803 человеках. Из них 230 человек (29%) пропали без вести, 139 человек (17%) попали в плен, 122 человека (15%) были демобилизованы или уволены в запас, 33 человека (4%) учтены погибшими или умершими от ран или болезней, 11 человек (2%) – выбывшими по иным причинам, судьбы 268 человек (33%) неизвестны, см. *Таблицу 1*.

Неизвестные судьбы у воинов 13 ДНО – это фамилии из списка коммунистов 13 ДНО, воспоминаний и других источников, когда недостаток социодемографических данных не позволяет найти и идентифицировать этих ополченцев по общедоступным базам данных. Неизвестные судьбы у воинов 389 гап относятся к сведениям довоенного периода, обнаруженным в Российском государственном военном архиве,

[23] Далее в статье военнопленные из 140 сд будут называться военнослужащими 13 ДНО, поскольку именно так идентифицировали себя подавляющее большинство красноармейцев и командиров этой дивизии в немецком плену. Это можно объяснить тем, что присвоение нового номера дивизии произошло за одну-две недели до пленения.

[24] 13-я Ростокинская дивизия народного ополчения г. Москвы [сайт]. URL http://13dno.ru.

[25] В базе данных имеется также категория «Возможно, участники 13 ДНО», в которой содержатся данные еще примерно об 1,3 тыс. чел. Эта категория в данном исследовании не рассматривается.

Таблица 1. Судьбы воинов 13 ДНО и 389 гап

Судьба	13 ДНО, чел.	13 ДНО, %	389 гап, чел.	389 гап, %
Пропали без вести	3 253	51	230	29
Попали в плен	1 471	23	139	17
Демобилизованы / уволены в запас	353	6	122	15
Погибли в бою / умерли от ран / болезни	59	1	33	4
Иное	185	3	11	2
Нет данных	1 050	16	268	33
Всего	**6 371**	**100**	**803**	**100**

которые также характеризуются недостатком социодемографических данных.

На протяжении нескольких лет архивная группа 13 ДНО работает с Российским государственным архивом социально-политической истории (РГАСПИ), обработаны документы 186 человек из списка коммунистов 13 ДНО и многие неизвестные ранее судьбы прояснены. Что касается 389 гап, то списка коммунистов полка найдено не было, однако некоторые номера партийных билетов удалось обнаружить в наградных листах и учетно-послужных карточках. Обработаны документы 30 человек, некоторые неизвестные судьбы прояснены.

К выбывшим по иным причинам относятся воины 13 ДНО и 389 гап, которые во время войны были признаны негодными к воинской службе по ранению или болезни, осужденные и приговоренные к различным срокам лишения свободы или к высшей мере наказания и т.д.

Сведения из советских источников о военнослужащих, которые попали в плен или окружение[26], включают донесения из военно-пересыльных пунктов, сведения, собранные при фильтрации после освобождения из плена, а также трофейные немецкие документы о военнопленных,

[26] Сохранившиеся документы не всегда позволяют точно установить, было ли событие пленением или окружением.

свидетельства очевидцев, воспоминания, письма и т.д.

Согласно сведениям, имеющимся в базе данных, 813 из 1 471 ополченцев 13 ДНО были пленены в октябре 1941 г., 31 человек – в ноябре 1941 г. и позже, у 627 человек дата пленения не установлена; 59 из 139 военнослужащих 389 гап попали в плен в октябре 1941 г., 10 человек – в ноябре 1941 г. и позже, у 70 человек дата пленения не установлена, см. *Таблицу 2.*

Названия населенных пунктов указаны в Таблице 2 как в документах. Необходимо иметь в виду, что названия городов Вязьма, Гжатск и т.д. следует понимать как приблизительное место пленения.

Таблица 2.
Военнослужащие
из 13 ДНО и 389 гап,
попавшие в плен / окружение

Дата	13 ДНО, чел.	Населенные пункты	389 гап, чел.	Населенные пункты
02.10.1941	2	Вязьма	Нет данных	Нет данных
03.10.1941	5	Вязьма, Ельня, Спас-Деменск	1	Вязьма
04.10.1941	9	Нет данных	1	Нет данных
05.10.1941	11	Вязьма, Коробец, Холм-Жирковский	1	Вязьма
06.10.1941	48	Вязьма, Холм-Жирковский, Холм, Холмы, Красный Холм, Волосто-Пятница, Смоленск, Ельня	Нет данных	Нет данных
07.10.1941	56	Вязьма, Ярцево, Петраково, Княжино	1	Вязьма
08.10.1941	73	Вязьма, Чечулино, Черное	1	Вязьма
09.10.1941	67	Вязьма, Семлёво, Холм-Жирковский, Смоленск	3	Вязьма
10.10.1941	109	Вязьма, Возжаевка, Смоленская обл.	5	Вязьма
11.10.1941	71	Вязьма, Холмы	3	Вязьма
12.10.1941	94	Вязьма, Холм-Жирковский, Смоленская обл.	11	Вязьма

13.10.1941	87	Вязьма, Федоровка, Янново, Ельня	9	Вязьма
14.10.1941	36	Вязьма, Гжатск, Холмы	8	Вязьма
15.10.1941	9	Вязьма, Гжатск, Холмы, Бухоново	5	Вязьма
16.10.1941	5	Вязьма	Нет данных	Нет данных
17.10.1941	5	Вязьма	1	Нет данных
18.10.1941	3	Вязьма	0	Нет данных
19.10.1941	7	Вязьма, Всходы	1	Нет данных
20.10.1941	6	Вязьма, Гжатск	1	Семлёво
Октябрь 1941, без указания точной даты	110	Вязьма, Богдановка, Гредякино, Гжатск, Юхнов, Малоярославец	7	Вязьма, Можайск
Всего попали в плен в октябре 1941 г.	**813**		**59**	
Попали в плен в ноябре 1941 г. и позднее	31	Вязьма, Степанцево, Холм, Юхнов, Украинская ССР	10	Вязьма, Издешково, Харьков
Дата пленения не установлена	627	Вязьма	70	Вязьма, р. Днепр
Итого попали в плен	**1471**		**139**	

Названия населенных пунктов указаны в Таблице 2 как в документах. Необходимо иметь в виду, что названия городов Вязьма, Гжатск и т.д. следует понимать как приблизительное место пленения.

13 ДНО и 389 гап в документах 5-го армейского корпуса вермахта

В документах 106-й пехотной дивизии вермахта обнаружено приложение к боевому донесению 5-го армейского корпуса, в котором приводятся данные по количеству военнопленных, захваченных в период со 2 по 14 октября 1941 г., и упоминается 13 ДНО.[27] Перевод этого документа представлен в *Таблице 3*.

Таблица 3.
Приложение 3 к боевому донесению 5-го армейского корпусВсего взято в плен со 2.10 по 14.10.1941[28]

Дата	Дивизия	Всего	Массово из дивизий
2.10	5 пд	600	244, 162
	35 пд	670	162
	106 пд	150	244
3.10	35 пд	175	35 пд
	106 пд	113	106 пд
4.10	5 пд	10	251
	35 пд	180	152, 162, 251
	106 пд	455	45 кд
5.10	5 пд	51	101 тд
	35 пд	280	152, 162
	106 пд	60	251, 244, 45 кд
6.10	5 пд	26	152
	35 пд	720	152, 101 тд
	106 пд	21	134

[27] Anlage 3 zum Gefechtsbericht V.A.K. Gefangenenzahlen vom 2.10. bis 14.10.1941 // NARA. T 315. R 1246. f 29. Перевод с немецкого Е.Г. Бруновой.

[28] Здесь и далее подчеркнуто в документе.

7.10	5 пд	450	152
	35 пд	600	152
	106 пд	25	134
8.10	5 пд	400	152, 101 тд
	35 пд	100	152
9.10	5 пд	860	13, 101 тд, 202 тд, 128 тбр
	35 пд	450	152, 13, 101 тд, 128 тбр
	106 пд	50	152, 13
10.10	5 пд	450	13, 214
	106 пд	251	13, 152, 134
	161 пд	200	107 тд, 242, 251
11.10	Нет данных		
12.10	5 пд	725	2, 3, 8, 89, 91, 134, 214, 248, 101 тд, 147 тбр
	35 пд	1600	2, 248, 134, 152, 214, 101 тд, 128 тбр
	106 пд	352	2, 13, 18, 38, 112, 134, 214, 101 тд
13.10	5 пд	11	--
	35 пд	3624	152, 3, 134
	106 пд	6160	194, 2, 13, 18, 38, 112, 134, 214, 101 тд
14.10	5 пд	257	Разрозненные
	35 пд	250	Разрозненные
	106 пд	56	13, 248
10.10-12.10	6 тд и 7 тд	7200	89, 91, 128 тбр, 69 мсд
Итого со 2 по 14.10		**27582**	**Взято в плен**

Данные за вторую половину октября содержатся в другом донесении 5-го корпуса[29], перевод фрагмента из которого представлен в *Таблице 4*.

Таблица 4.
Пленные в октябре месяце 1941 г.

Дата	5пд	35пд	106пд	Всего	С начала периода	Из дивизий
15.10		150		150	150	Разрозненные
16.10		170	8	178	328	Разрозненные (152, 248)
17.10			186	186	514	Разрозненные (13, 248, 251)

С 16.10.1941 г. 5-й корпус находился в движении, направляясь в район Волоколамска, 16 и 17 октября 1941 г. в данном донесении указаны пленные, захваченные на марше, а с 18 октября 1941 г. – уже из других советских дивизий.

Таким образом, в период со 2 по 17 октября 1941 г. в районе Вязьмы 5-м армейским корпусом были захвачены в плен 28 096 советских военнослужащих.

Документы 5-го корпуса не содержат разбивки количества военнопленных по советским дивизиям, поэтому мы не можем точно сказать, сколько пленных из 13 ДНО и 389 гап было захвачено соединениями 5-го корпуса. Примечательно, что 13 ДНО упоминается в период с 09 по 14 октября 1941 г., практически ежедневно по 5, 53 и 106 пд, а также 17.10.1941 по 106 пд. Что касается 389 гап, то можно предположить, что он упоминается в составе 13 ДНО или 194 сд.[30]

Динамика захвата в плен военнослужащих 13 ДНО и 389 гап по советским и немецким источникам

Попробуем сопоставить динамику пленения военнослужащих 13 ДНО и 389 гап с данными о военнопленных по 5-му корпусу, представив их графически, см. *Рис. 1, Рис. 2 и Рис. 3.*

[29] Gefangene in Monat Oktober 1941 // NARA. T 315. R 1248. f 367. Перевод с немецкого Е.Г. Бруновой.

[30] См. Таблицу 3 за 13.10.1941. Остальные полки 194 сд на эту дату находились в районе Калуги и Сухиничей, поэтому массово в Вяземском окружении мог оказаться только 389 гап.

Рис. 1. Количество ополченцев 13 ДНО,
попавших в плен в октябре 1941 г. по советским источникам

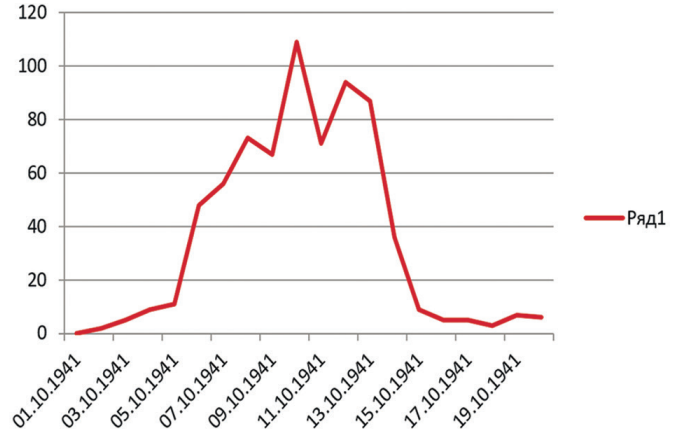


Рис. 2. Количество военнослужащих 389 гап,
попавших в плен в октябре 1941 г. по советским источникам

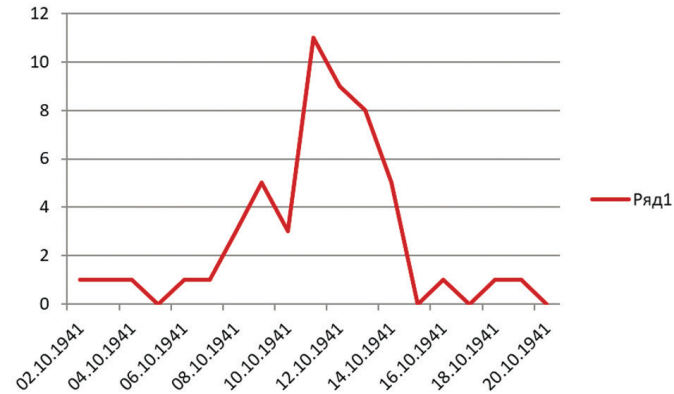
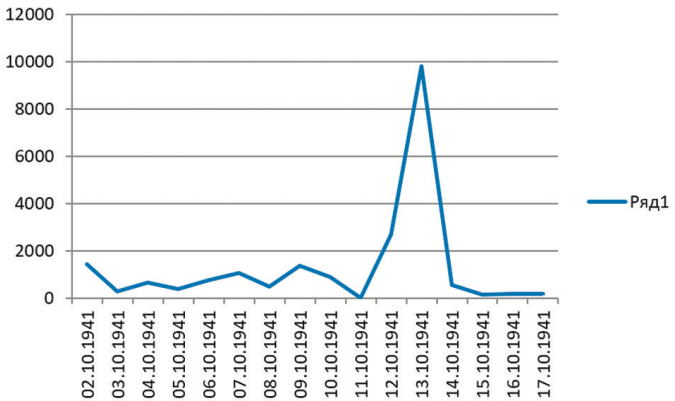


Рис. 3. Количество советских военнопленных, захваченных в период со 2 по 17 октября 1941 г. по данным 5-го армейского корпуса вермахта



Эти данные трудно полноценно сопоставить ввиду следующих обстоятельств:

1. В октябре 1941 г. военнослужащие 13 ДНО и 389 гап были захвачены в плен не только дивизиями 5-го армейского корпуса, но и другими соединениями вермахта.

2. В указанном документе 5-го армейского корпуса имеется разбивка по датам, но отсутствует разбивка по советским дивизиям.

3. Отсутствуют данные по советским военнопленным, захваченным 5-м армейским корпусом 11 октября 1941 г.

4. Данные по военнопленным из советских источников представляются неполными. Вероятно, часть военнопленных из 13 ДНО и 389 гап до сих пор числятся пропавшими без вести.

5. У 110 из 813 ополченцев 13 ДНО и у 5 из 57 военнослужащих 389 гап, попавших в плен в октябре 1941 г., точная дата пленения не установлена.

Однако кое-что мы все же можем сопоставить, а именно общую динамику захвата в плен. Как видно из Рис. 1, резкий рост количества военнослужащих 13 ДНО, попавших в плен, начинается 07 октября и заканчивается 14 октября 1941 г. По 389 гап резкий рост попавших в плен начинается с 11 октября и закан-

чивается 14 октября 1941 г., см. Рис. 2. Пик количества советских военнослужащих, плененных дивизиями 5-го армейского корпуса, приходится на 12 – 14 октября 1941 г., см. Рис. 3.

Резкий рост количества советских военнопленных во вторую неделю октября 1941 г. отмечается и в документах 8-го армейского корпуса, который доложил о захвате в плен 51 484 человек в первой половине октября 1941 г. (в том числе – из 13 ДНО), из них более
30 000 (почти 60%) было захвачено в течение двух суток – 12-13 октября 1941 г. Этот рост количества военнопленных поясняется следующим образом: *«С начала боев преследования картина русской обороны становилась все сложнее в связи с растущей неразберихой и перемешиванием частей. После 10 октября количество военнопленных возросло скачкообразно».*[31]

13 ДНО упоминается в данном документе как соединение, из которого 8-м армейским корпусом было захвачено существенное количество пленных: *«В большой массе разбитые и окруженные из всех возможных полков военнопленные наиболее серьезно представляли 2-ю, 13-ю, 134-ю, 162-ю, 166-ю, 214-ю и 248-ю стрелковые дивизии».*[32]

В донесении приводится боевая характеристика дивизий народного ополчения, которые называются в документе «резервными дивизиями 32-й армии»:

«Постоянное пребывание на передовой и большие потери распылили основную силу. Но если с русской пехотой вряд ли можно рассчитывать на наступательные успехи, то, тем не менее, надо рассчитывать на то, что под давлением командиров и комиссаров в обороне они создадут большую силу.

То же самое можно сказать о резервных дивизиях 32-й армии, которые находятся на лежащих в глубине оборонительных позициях на Днепре и восточнее от него. Эти пять дивизий – по номерам 2-я, 7-я, 8-я, 13-я и 18-я стрелковые дивизии, за исключением 7-й стрелковой дивизии, уже отмечались в предыдущих боях как уничтоженные или сильно разбитые. Однако они после пополнения опять достигли определенной боеспособности.

После того как в первые дни наступления были прорваны пер-

[31] Feindlage vor dem VIII. A.K. fur die Zeit der Vorbereitung u. Durchfuhrung der Schlacht von Wjasma (25.9 – 15.10.1941) // NARA. RG 242. T 314. R 382. ff. 1128-1139. Перевод с немецкого Алексея Кислицына.

[32] Ibid.

вые линии обороны, целым рядом русских дивизий, как показывают многочисленные, перекрывающие друг друга показания военнопленных самых разных частей, были получены приказы отойти на днепровские укрепления и там организовать оборону. <…> Остаткам 2-й и 13-й стрелковых дивизий, тем не менее, было приказано уйти с уже занятых главных позиций на днепровских укреплениях.

Противник попытался дальше восточнее в непроходимых лесных массивах усиливающуюся неразбериху в частях прекратить и оттуда попытаться провести операции прорыва. На Вяземских укреплениях были оставлены только небольшие посты прикрытия. После прорыва позиций, лежащих за ними, противник больше не оказывал серьезного сопротивления»

Последнее предложение в абзаце зачеркнуто, на полях стоит вопросительный знак, и от руки приписано: «Неправда».[33] Этот комментарий явно снижает победный пафос донесения. Далее в донесении отмечается сопротивление, которое оказали окруженные советские войска, несмотря на отсутствие управления и понесенные потери:

«Невозможность планомерного управления и падающий моральный дух частей в окружении позволяет оценивать боеспособность всех частей в этом районе теперь как невысокую. Тем не менее, все равно еще раз пришлось выдержать ожесточенные бои. Это выглядело как последняя вспышка русского самосохранения перед концом. 12 октября дивизии корпуса в быстром продвижении уперлись местами в ожесточенное сопротивление сильно перемешанных частей противника и отбросили их в лес у Рохлево.[34] Там русские были окружены в узком районе. Прорыв 87-й дивизии до Вязьмы отрезал русские части с юга и севера от шоссе. Им частично удалось пройти шоссе, но прорыв закончился в котле соседней армии. Там были тяжелые, полные потерь бои».[35]

В приложении к данному документу 8-го армейского корпуса приводится состав советских дивизий, окруженных под Вязьмой, составленный согласно показаниям военнопленных. Состав 13 ДНО[36] указывается

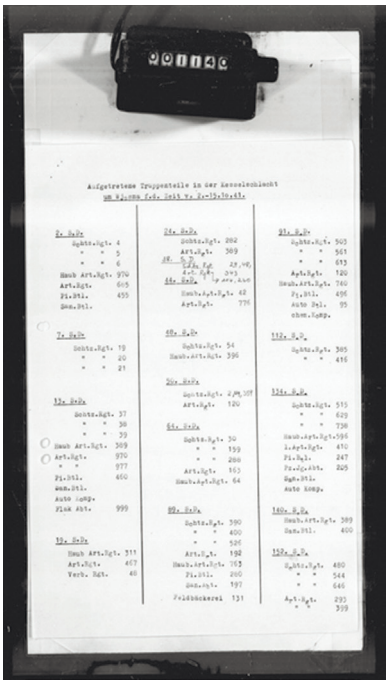
[33] Ibid.

[34] В оригинале донесения и на немецких картах– Roshlnjewa. Вероятно, имеется в виду д. Рожково к западу от д. Горнево Андрейковского поселения Вяземского района Смоленской области. Ныне не существует.

[35] Ibid.

[36] В документе – 13 сд.

следующий: 37-й, 38-й и 39-й стрелковые полки, 389 гап, 970[37] и 977 ап, 460-й саперный батальон, медсанбат, авторота, 999-й зенитный дивизион. Примечательно, что ополченцы 13 ДНО не указывали новых четырехзначных номеров стрелковых полков, равно как и нового номера дивизии, за исключением воинов 389 гап и медсанбата, поскольку на той же странице мы видим в составе 140-й стрелковой дивизии только 389 гап и 400-й медсанбат, см. *Рис. 4.*



Aufgetretene Truppenteile in der Kesselschlacht um Wjasma f.d. Zeit v. 2.–15.10.1941.

Рис. 4. Состав советских дивизий, выявленный 8-м армейским корпусом в окружении под Вязьмой в период со 2 по 15 октября 1941 г. (фрагмент)[38]

Почему в колонных советских военнопленных под Вязьмой было мало командиров?

В донесении 8-го армейского корпуса указывается на небольшое количество командиров среди плененных военнослужащих:

«Большому количеству офицеров удалось, видимо, под видом гражданских лиц раствориться на просторах, или они прячутся в лесу. В качестве командиров небольших групп солдат или партизан они распространяют беспокойство в тылу немецкой линии. Многие, убрав знаки отличия, под видом простых солдат находятся в бесконечных колоннах военнопленных, идущих на восток».[39]

[37] 970-й артполк входил в состав 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы, и на этой же странице он также указывается в составе 2-й стрелковой дивизии.

[38] Aufgetretene Truppenteile in der Kesselschlacht um Wjasma f.d. Zeit v. 2. – 15.10.1941 // NARA. RG 242. T 314. R 382. ff. 1140.

[39] Feindlage vor dem VIII. A.K. fur die Zeit der Vorbereitung u. Durchfuhrung der Schlacht von Wjasma (25.9 – 15.10.1941) // NARA. RG 242. T 314. R 382. ff. 1128-1139. Перевод с немецкого Алексея Кислицына.

Действительно, в Вяземском окружении были случаи, когда командиры и политработники снимали знаки отличия, переодевались в гимнастерки красноармейцев или гражданскую одежду. В частности, такие факты отмечаются в воспоминаниях бойца 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы А.А. Леляичева:

«Доложил политруку Курбатову о гибели товарищей. Вместе с ним шли на прорыв к Богородицкому, поле усеяно трупами. Команда политрука: «Ложись!», а затем – «Отходи!» Раненых взять нельзя, мертвых захоронить тоже. Отошли. От села отошли оставшиеся 300 человек из 3 тысяч, среди них был политрук Курбатов. Подъехал командир полка. Отдал приказ «Вперед!», и поехал к деревне Пекарево, там был прорыв, но командир полка Бовда попал в плен (по предположениям и слухам). Команду принял майор. Оставшиеся спустились в лощину уже в малом количестве, половина раненых, ранен и политрук Курбатов.

В последний момент два майора поссорились – спор был: кто должен командовать полком. Один другого застрелил и оставшийся [в живых] майор лет 53 принял командование. Он согласился выводить нас из окружения при условии выполнения его приказов и полного подчинения. Это было связано с тем, что находились такие, у которых нервы не выдерживали: срывали погоны,[40] психовали. Меня ничего не пугало, кроме ужаса раненым попасть в плен».[41]

Из воспоминаний А.А. Леляичева также следует, что многих командиров и политработников его дивизии уже не было в живых к 13-14 октября 1941 г., другие были тяжело ранены, и лишь немногим удалось пробиться из окружения.[42] В 13 ДНО ко второй неделе октября 1941 г. погибли командир дивизии полковник П.Е. Морозов, командир 37-го стрелкового полка майор З.Г. Губайдуллин, командир 38-го стрелкового полка полковник А.П. Пискунов, многие командиры и политработники остались тяжелоранеными на поле боя или лежали в медсанбатах, тоже оказавшихся в окружении, и поэтому, разумеется, не могли шагать в колоннах военнопленных.

Некоторые командиры и политработники, оказавшись в плену,

---

[40] Имеются в виду петлицы, поскольку погон в 1941 г. еще не было.

[41] Цит. по: Лопуховский Л.Н. 1941. Вяземская катастрофа. Страшнейшая трагедия войны. М. : Яуза-Каталог, 2019. С. 477–478.

[42] Там же.

отказались снять знаки отличия, как, например, начальник отдела сбыта завода «Калибр», батальонный комиссар, командир батальона 37-го стрелкового полка 13 ДНО Яков Маркович Кононович, см. Рис. 5. По этому поводу сохранились воспоминания ополченца 13 ДНО Виля Никитовича Рыбакова. Сам В.Н. Рыбаков был ранен в районе деревни Волково Вяземского района и оставлен в сарае, куда спустя некоторое время немцы бросили и избитого Я.М. Кононовича. В.Н. Рыбаков вспоминает:

«Осенью 1941 г. наш батальон попал под деревней Волково[43] в окружение. Патроны наши кончились, отступать некуда, бойцов из батальона оставалось, два десятка, не больше. Раненного в грудь, сильно ослабшего от потери крови, боевые товарищи успели затащить меня в какой-то уцелевший от снарядов и бомб сарай. Вскоре фашистам удалось овладеть нашими позициями и этим сараем. Сюда они бросили избитого, изуродованного до неузнаваемости Якова Марковича Кононовича. На его окровавленной гимнастерке виднелась комиссарская звезда, комиссаров и политруков фашисты расстреливали в первую очередь. До войны Яков Маркович Кононович, наш батальонный комиссар, работал в отделе снабжения завода «Калибр». Он хорошо знал моего отца и уважал его. К нему очень хорошо относился и отец. Очнувшись в сарае, Яков Маркович подозвал меня. С болью смотрел я на батальонного комиссара, который и звал нас вперед в прорывах из окружения, и оберегал меня. Увидев, что я ранен, он с помощью бинтов сделал мне перевязку. Помню, как он подбадривал меня и других. Помню, как, набравшись смелости, я посоветовал ему снять гимнастерку с комиссарской звездой. Кононович улыбнулся разбитыми губами и отрицательно покачал головой. «Коммунисты всегда, в любой обстановке должны быть сильными духом, мой мальчик!» – ответил он. <…>

[43] Деревня Волково Щеколдинского сельсовета находилась в 1 км к востоку от дер. Всеволодкино Масловского сельского поселения Вяземского района Смоленской области. Ныне не существует.

Прошло несколько дней, и немцы объявили, что тех, кто в состоянии передвигаться, поведут в Вязьму. В нашей группе, состоявшей из 15–20 человек, был и Яков Маркович Кононович. По приходе в Вязьму эсэсовцы забрали его»[44]

Рис. 5. Яков Маркович Кононович (1902 – 1941), в 1941 г. батальонный комиссар, командир батальона 37-го стрелкового полка 13 ДНО, г. Москва, 1936 г.[45]

По советским источникам Я.М. Кононович до сих пор числится пропавшим без вести[46]. О его пребывании в плену и гибели документов нет, скорее всего, немцы его даже не зарегистрировали.

Что происходило под Вязьмой во время пика пленения воинов 13 ДНО и 389 гап?

Что же происходило под Вязьмой в дни, на которые приходится максимальное количество военнопленных? 07 октября 1941 г. немецкие войска замкнули кольцо вокруг Вязьмы, а 11 октября 1941 г. в районе с. Богородицкое к северо-западу от Вязьмы, была предпринята попытка прорыва из окружения, в составе этой группировки советских войск были ополченцы 13 ДНО и военнослужащие 389 гап.

Одним из тех, кто попал в плен в эти октябрьские дни 1941 г. был начальник финансовой части 389 гап техник-интендант 1-го ранга Сергей Николаевич Фемистоклов [47], см. *Рис. 6*.

[44] Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии / Сообщество родственников ополченцев 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы : сост. Никулина Г.В., Пименова Л.В., Попов А.Г., Юшинский Ю.Т. Москва: б.и., 2019. С. 517-518.

[45] Партийные документы Кононовича Якова Марковича // РГАСПИ.

[46] Приказы об исключении из списков // ЦАМО. Фонд 33. Опись 563783. Дело 29. Лист 271.

[47] При освобождении из плена свое последнее место службы С.Н. Фемистоклов указал так: 389 гап 140 сд 32 А, см. Управление 20 сп. Донесение об освобожденных из плена № 119266. 03.08.1945 // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1503. Л. 145.

Рис. 6. Сергей Николаевич Фемистоклов (1914 – 1984), в 1941 г. техник-интендант 1-го ранга, начальник финчасти 389 гап, г. Катта-Курган Узбекской ССР, 1970-е гг.[49]

После войны С. Н. Фемистоклов вернулся к семье. По воспоминаниям дочери, он рассказывал, что в начале октября 1941 г. полк получил зимнее обмундирование, и когда красноармейцы переодевались, начался авианалет, люди бежали к лесу через свекольное поле, очень много бойцов погибло, оставшиеся стали пробиваться малыми группами. Сам С.Н. Фемистоклов попал в плен 14 октября 1941 г. при следующих обстоятельствах: в составе небольшой группы он прятался в стогу в какой-то деревне под Вязьмой, а хозяин из страха выдал их немцам[48].

Дмитрий Федорович Медведев, заместитель начальника отдела ветеринарного снабжения Наркомзема РСФСР, старший политрук, комиссар 2-го батальона 39-го стрелкового полка 13 ДНО был ранен и контужен в начале октября 1941 г., эвакуирован в госпиталь и после излечения продолжил воевать в составе 5-й армии, см. Рис. 7. Он вспоминал в 1947 г.:

«В районе Богородицка[50] *было побоище. Я об этом знаю по рассказам раненых бойцов, с которыми я лежал в госпитале. Противник не хотел дать нашим соединиться. Он бил со всех сторон, бросил авиацию. Столько там людей осталось на Богородицком поле!*

Мы, раненные и контуженные, находились в лесу, немного левее, но связь была все время, знали, что идет бой. Авиационные снаряды долетали до нас, и погибла часть раненых, потому что снаряды разрывались в лесу.

После двухдневного напряженного боя ночью, помню, что-то шепчут. Появилось много наших

[48] Личный архив Е.Г. Бруновой.

[49] Личный архив семьи С.Н. Фемистоклова.

[50] Правильно – Богородицкого.

Рис. 7. Дмитрий Федорович Медведев (1890 – ?), в 1941 г. старший политрук, комиссар батальона 39-го стрелкового полка 13 ДНО. Предположительно г. Москва, 1940-е гг.[52]

Последствия боя в месте прорыва из окружения в районе с. Богородицкое описываются в воспоминаниях местного жителя, который побывал там со своими товарищами спустя несколько дней:

«Своих солдат немцы захоронили. Кресты, изготовленные из березы, стояли повсюду на перекрестках дорог и в деревнях, основное кладбище было в деревне Доманово, там крестов стояло без счета. Наши бойцы лежали там, где их настигла смерть. Недалеко от села Богородицкого в лесу мы поймали кавалерийских лошадей с седлами и от Мартюхов со стороны бывшей Масловской больницы выехали на поле. Всюду стояли тягачи с орудиями без замков, обгоревшие остовы машин, батареи гаубиц без снарядов, минометы, везде валялась разбитая техника. За деревней около Бебри мы обнаружили около 100 человек погибших. Мы внимательно осмотрели всех и поняли – их расстреляли. По знакам различия было видно, что все они в лесу, в этом районе. Что-то неблагополучно. Смотрим, начинают ночью двигаться по лесу. Я был счастлив, потому что меня взяли, положили на какую-то подводу вместе с еще двумя товарищами, и мы двинулись по лесу. Много людей шло. Брошены были автомашины и всякие хозяйственные вещи. Народ двигался на восток»[51].

[51] Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии / Сообщество родственников ополченцев 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения г. Москвы : сост. Никулина Г.В., Пименова Л.В., Попов А.Г., Юшинский Ю.Т. Москва: б.и., 2019. С. 340-341.

[52] Медведев Дмитрий Федорович // ЦАМО. Учетно-послужная картотека

командиры Красной Армии. В этой группе было несколько женщин с санитарными сумками. Земля была сырая, и под убитыми стояли лужи крови. Почти рядом с Богородицким была деревня Обухово, но она была сожжена. За деревней стоял сарай для хранения снопов ржи или сена. Сарай сгорел. Когда мы приблизились к пепелищу, то были потрясены увиденным: на всю длину сарая по обе стороны лежали обгоревшие трупы солдат. Мы пересчитали их всех, а они были в свое время тяжело раненые и, когда загорелась солома на крыше, никто из них (а их было более 50 человек) не смог выбраться из сарая… На поле боя мы находили много оружия, но патронов и гранат не нашли. Напрашивается мысль о том, что солдаты в окружении сражались до последней возможности.

Пройдя войну от Брянской области до Берлина и Праги, я не встречал, чтобы на сравнительно небольшом пространстве было столько убитых наших солдат. Все поля, леса, овраги пропитались кровью погибших в окружении под деревней Богородицкое»[53]

Трагическая картина боя под с. Богородицкое и его последствий произвела впечатление и на противника. Вот как описывает ее офицер 106-й пехотной дивизии вермахта:

«13 октября 1941 г. 106-я пехотная дивизия грандиозным успехом завершает свое участие в битве с окруженным под Вязьмой противником.

В 8:00 239-й пехотный полк (справа), а 241-й пехотный полк (слева) начинают выдвижение с рубежа Анчуки – Мартюхи на юго-восток с целью сужения и зачистки части Вяземского котла. Справа на рубеже Починки – Лепешкино – Шутово осуществляют сдерживание и боевое охранение подразделения 28-й пехотной дивизии, слева – по дороге Холм – Вязьма фронтом на юго-запад внешнее кольцо котла замыкают подразделения из состава 35-й пехотной дивизии. Попытки русских прорваться на северо-восток в районе Волнь[54] *и Мартюхи 12 октября были пресечены частями 75-го пехотного полка во взаимодействии с зенитной артиллерией резерва главного командования, противник понес большие потери.*

[53] Кубанов А. Поле ратной славы // Газета «Ленинский путь». № 171. 26.10.1988.

[54] В оригинале – Woljn. Имеется в виду Масловская больница к западу от д. Мартюхи Вяземского района Смоленской области, обозначенная на картах РККА как «Больн.»

Стремительным броском, преодолев незначительное сопротивление противника, части 239-го пехотного полка к 9:00 вышли на высоты к западу от Богородицкое, а 1-й батальон 241-го пехотного полка на высоту 285,7 к западу от Орлянка. Уже при первом приближении через свой передний край навстречу потянулись толпы русских с поднятыми вверх руками.

А когда 241-й пехотный полк достиг первых домов в северной части Богородицкое, перед ним открылась невообразимая картина тотального хаоса и полного разгрома: подбитые и сгоревшие бронемашины, грузовики разных размеров и типов, трактора и тягачи самых современных типов, автоцистерны, орудия всех калибров, санитарные автомобили, повозки, штабеля боеприпасов, емкости для горючего, полевые кухни, сено, солома, продовольствие – все это в беспорядочном нагромождении и полнейшем сумбуре, покрывая собой все пространство вокруг. Между всем этим горы мертвых тел и вздувшихся конских трупов.

Немногие оставшиеся целыми дома битком набиты ранеными русскими всех типов и разновидностей, вместе с ними много женщин в форме и тех, кто служит в женских батальонах.

По окрестностям бродят сотни лошадей, некоторые на трех ногах и с другими тяжелыми ранениями, дополняя собой картину тотального поражения. По мере дальнейшего продвижения, которому противодействует лишь редкий пулеметный и минометный огонь, количество пленных постоянно растет. До наступления темноты в тыл выведено 4800 деморализованных пленных русских. Небольшие группы отправляются в путь к пунктам сбора пленных вплоть до глубокой ночи.

Не поддается описанию картина, отрывающаяся по левую руку 241-му пехотному полку при дальнейшем продвижении. В низине речки между Богородицким – Красным Обухово – Леонтьево – Уколово – Ифтино[55] *словно разверзлась сама преисподняя. В этом тесном пространстве еще кучнее и гуще, чем было увидено ранее: артиллерия, зенитки, колонны техники, обозы, боеприпасы и бронеавтомобили на целую армию – все это разбито в клочья и уничтожено. <…>*

Разрозненные группы противника все еще прячутся в перелесках, открывая огонь по связным, одиночным отделениям и обозам.

[55] В оригинале – Iftino. Имеется в виду д. Красное Щетино Вяземского района Смоленской области.

Однако большинство русских рады выбраться из котла, добровольно сдаваясь в плен»[56].

Таблица 5. Судьбы воинов 13 ДНО и 389 гап, попавших в плен

Судьба	13 ДНО, чел.	13 ДНО, %	389 гап, чел.	389 гап, %
Освобождены	1 116	76	119	87
Погибли в плену	281	19	18	13
Служили в коллаборационистских формированиях	1	Менее 1	1	Менее 1
Нет данных	73	5	1	Менее 1
Всего	**1 471**	**100**	**139**	**100**

Судьбы военнопленных из 13 ДНО и 389 гап

Судьбы 1 471 ополченца 13 ДНО и 139 военнослужащих 389 гап, которые попали в плен, сложились по-разному. Из 1 471 ополченца 13 ДНО 1 116 человек (76%) были освобождены, 281 человек (19%) погиб в плену, 1 человек (менее 1%) служил в коллаборационистских формированиях, судьбы 73 человек (5%) остаются неизвестными. Из 139 военнослужащих 389 гап 119 человек (87%) были освобождены, 18 человек (13%) погибли в плену, 1 человек (менее 1 %) служил в коллаборационистских формированиях, судьба 1 (менее 1 %) человека неизвестна, см. *Таблицу 5.*

Красноармеец хозчасти 39-го стрелкового полка 13 ДНО Владимир Георгиевич Шолматов, до призыва – инструктор Московского областного союза потребительских обществ, погиб в плену 21.11.1941 г., захоронен на территории дер. Боровуха-1 Полоцкого р-на Витебской обл. Белорусской ССР (ныне микрорайон г. Новополоцка Витебской обл. Республики Беларусь), см. *Рис. 8.*

[56] Kriegstagebuch. 106.I.D. // NARA. RG 242. T 315. R 1246.ff 408-412. Перевод с немецкого Сергея Вершинина

Рис. 8. Владимир Георгиевич Шолматов (1902 – 1941), в 1941 г. красноармеец хозчасти 39-го стрелкового полка 13 ДНО. Предположительно, г. Москва, начало 1920-х гг.[57]

В Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) хранится письмо В.Г. Шолматова матери Вере Ивановне от 09.09.1941 г.:

«9 сентября 1941 г.

Дорогая мама,

Очень долго не писал Вам. Все ожидал оказии, а также письма от Вас. Но последнего так и не дождался. Завтра, по всей видимости, поедут в Москву, поэтому спешу писать.

Сейчас 11 ч[асов] 40 м[инут], я только что кончил работать, а мой трудовой день начался в 7 часов. Как видишь, работать приходится очень много. Из этих 16 часов, которые прошли с 7 до 11 ч[асов] я затратил на еду в общей сложности не более 1 ½ часа.

Нахожусь на старом месте. Ничего особенно нового нет. Стало холодновато. Сплю в палатке. Натягиваю на себя все, что у меня есть. Верхнее платье (пальто), два одеяла, плащ-палатку. И, несмотря на это, утром едва зуб на зуб попадает.

Кажется, теперь удастся перебраться в деревню. Сегодня, во всяком случае, буду ночевать в избе.

Питаюсь я пока очень хорошо. Едва ли такое питание можно получить в Москве. Утром к завтраку – каша, хлеб с маслом, колбаса или сыр, в обед – хорошее первое мясное и на второе – тоже вкусное мясное блюдо, вечером – каша.

Присланные Вами посылки уничтожаются медленно. Правда, я из них создал определенный неприкосновенный запас. Мне посылать ничего не надо. Изредка я имею возможность пополнять свои запасы за счет приезжающей к нам лавки.

У нас сейчас меняется характер транспорта. Видимо, в ближайшее время я смогу учиться ездить верхом.

[57] Личный архив семьи В.Г. Шолматова.

У нас очень много грибов. Жаль, что нет времени их собирать.

Хорошо, что исправилась погода. В дожди у нас непролазная грязь – глина.

Как Вы живете в Москве? Плохо, что нет от Вас писем. Почтовый адрес у меня новый; 424 полевая почтовая станция, 39 стрелковый полк, хозчасть, мне.

Я очень прошу более или менее писать мне регулярно, постараюсь и я также писать чаще.

Есть ли какие-либо вести от Володи? Все ли на месте? Как ты себя чувствуешь? Последние приезжавшие из Москвы говорили, что в Москве относительно спокойно.

Очень прошу узнать, что делается у Раисы Георгиевны. Она в связи со своим отъездом к сыну просила ей не писать. Вернулась ли она обратно? Может быть, к ней смогла бы заехать домой Ирочка.

Прошу поздравить Раису Георгиевну с днем рождения и именинами. Знаю, что они в сентябре, но точных дат не помню (они у меня записаны на календаре). Если будет возможность, может быть, Вы сделаете ей небольшой подарок.

Уже первый час, нужно ложиться спать. Правда, я так устал, что и спать не хочется.

Целую Вас всех крепко-крепко. Пишите чаще.

Ваш Володя.

P.S. Береги себя, не жалей денег, меньше ходи, спи днем»[58]

До 1947 г. В.Г. Шолматов числился пропавшим без вести, затем его переучли погибшим в плену (см. Рис. 9), после того как были получены показания очевидца. Матери на тот момент было 82 года.

«Заявление Прохорова И.Р.
В Киевский Райвоенкомат
г. Москвы
Гр[аждани]на Прохорова
Ивана Романовича,
прожив[ающего] в г. Москве
по ул. Чайковского д. 6/15, кв. 12
(паспорт № СУ – XVII 531529)

Настоящим подтверждаю, что я был знаком с быв[шим] работником М[осковского] о[бластного] с[оюза] п[отребительских] о[бществ] – народным ополченцем Великой Отечественной войны тов[арищем] Шолматовым Владимиром Георгиевичем, погибшим в конце ноября 1941 года.

Познакомился я с ним в конце октября 1941 г. в немецком плену

[58] Документ, уточняющий потери // ЦАМО. Фонд 58. Опись 977520. Дело 3319. Л. 138-143.

в лагере «Баравуха» (между Полоцком и Двинском)[59].

Мы с т[оварищем] Шолматовым были помещены в один корпус и в одну комнату вместе с 20-25 человеками других военнопленных.

Погиб т[оварищ] Шолматов числа 19-21 ноября 1941 г. при таких обстоятельствах.

Больной, как и все мы тогда, он, совершенно слабый от голода, вышел ночью из корпуса наружу в уборную и больше не вернулся. Обнаружив утром его исчезновение, мы, его товарищи, стали разыскивать Шолматова, и только к концу дня узнали от врача лагерной санчасти №2 (Украинской) Кудинова Василия Васильевича, что Шолматов, раздетый до белья, в бессознательном состоянии, избитый и закоченевший, был подобран во дворе и принесен в санчасть, где, не приходя в сознание, скончался. На следующий день тело мертвого т[оварища] Шолматова свезли в братскую могилу, куда в те дни и недели ежедневно вывозили по 250-300 человек. Для всех нас тогда было ясно, что Шолматов сделался жертвой грабежа со стороны лагерных полицейских, которые единственно могли быть [с]наружи ночью.

Кроме меня о такой гибели т[оварища] Шолматова знают еще т[оварищ] Салазкин Ник[олай] Алексеев[ич], учитель средней школы в Кемеровской области, с. Ново-Николаевка и т[оварищ] Банакин Ал[ексан]др Александрович, ныне зав. радиолабораторией Томского университета.

В дни, предшествовавшие гибели т[оварищ]а Шолматова, с последним вместе спал также работник МСПО т[оварищ] Хрущев Алексей Иванович, о судьбе которого мне ничего не известно.

Подпись
8 марта 1947 г.

Подпись руки т. Прохорова заверяю.
Зав. дел[опроизводства] I части Киевского РВК г. Москвы
8 марта 1947 г. Подпись, печать»[60]

[59] Вероятно, стационарный лагерь военнопленных Шталаг 354 (Stalag 354), располагавшийся на территории дер. Боровуха-1 Полоцкого р-на Витебской обл. Белорусской ССР, см. Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941 – 1944 – Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941 – 1944: справ. / авт.-сост. В.И. Адамушко [и др.]; редкол. В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2004. – С. 85-87.

[60] Там же.

Рис. 9. Извещение о гибели в плену В.Г. Шолматова[61]

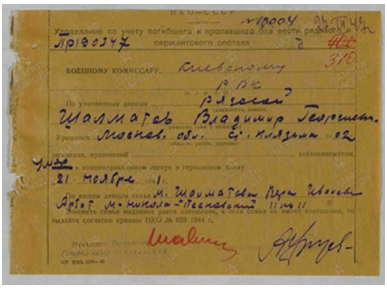
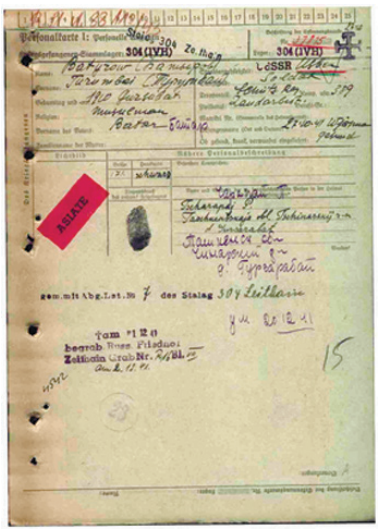


Рис. 10. Документ военнопленного красноармейца 389 гап Турумбая Батырова (1910 – 1941) [62]



Некоторым военнопленным, оказавшимся в окружении или плену, удалось примкнуть к партизанам. Ефим Яковлевич Алехно (1917 – ?), лейтенант, помощник начальника штаба 37-го стрелкового полка 13 ДНО (см. Рис. 11), 12 октября 1941 г. попал в окружение под Вязьмой, с декабря 1941 г. – в партизанах в должностях командира взвода, начальника подрывной группы, начальника штаба партизанского отряда.

Рис. 11. Ефим Яковлевич Алехно (1917 – ?), в 1941 г. лейтенант, помощник начальника штаба 37-го стрелкового полка 13 ДНО. Предположительно, конец 1930-х гг.[63]

[61] Документ, уточняющий потери // Кунцевский ОВК, г. Москва. Дело 24-32.

[62] Документ о военнопленных // ЦАМО. Фонд 58. Опись 977520. Дело 1289. Л. 30.

[63] Алехно Ефим Яковлевич // ЦАМО. Учетно-послужная картотека

В документах партизана Е.Я. Алехно имеется автобиография:

«Я, Алехно Ефим Яковлевич родился в 1917 г. в д. Сапейково Октябрьского р[айо]на Б[елорусской] ССР. До 1933 г. учился и в этом же году, окончивши 7 кл[ассов] ср[едней] школы и 8-месяч[ные] пед[агогические] курсы, стал работать учителем. До 1939 г. работал на этой должности учителем и заведующим нач[альной] школы в д. Качай Болото Октябрьского р[айо]на Б[елорусской] ССР. В 1939 г. был призван в Красную армию и по желанию в этом году был направлен Паричским райвоенкоматом в Смоленское стрелково-пулеметное училище, г. Смоленск, с какого выпущен в 1941 г. в г. Сарапул с присвоение звания лейтенанта. Общее образование имею среднее, в 1938 г. окончил пед[агогическое] училище.

Родители до Октябрьской и после Октябрьской революции занимались земледелием, по положению – середняки, и из 1931 года родители вступили в колхоз, в котором работали до Отечественной войны. Во время Отечественной войны родители проживали в д. Сапейково Романического с[ель] с[овета] Октябрьского р[айо]на Б[елорусской] ССР и были изолированы немцами в лагерь для военнопленных.

Я во время войны в 1941 г. с училища был послан в 32 арм[ию] 140 с[трелковую] д[ивизию], 1305 с[трелковый] п[олк], в котором работал сначала пом[ощником] нач[альника] штаба, а потом ком[андиром] роты ПВО. С окруж[ения] наших частей в р[айоне] Вязьмы в октябре м[еся]це 1941 г. остался на временно оккупированной территории немцами (Смолен[ская] обл[асть]) и в конце декабря м[еся]ца 1941 г. пришел в свою местность и сразу поступил в отряд Левенсона Виктора, в котором пробыл до марта м[еся]ца 1942 г. С марта по апрель месяц действовал в отряде Васьки, с апр[еля] месяца 1942 г. в пар[тизанском] отр[яде] т[оварища] Попруги, работал командиром взвода, потом ком[андиром] подрывной группы.

6 октября 1943 г.»[64]

После воссоединения с частями Красной армии Е.Я. Алехно продолжил воевать, награжден Орденом Красного Знамени (1944 г.), Орденом Отечественной войны 1-й степени (1948 г.), медалями, дата окончания службы: 21.12.1957 г. Дальнейшая судьба неизвестна[65].

[64] Алехна Ефим Яковлевич // Партизаны Беларуси. https://partizany.by/partisans/25101.

[65] Алехно Ефим Яковлевич // ЦАМО. Учетно-послужная картотека.

Рис. 12. Иван Петрович Меднис (1904 – ?), капитан, командир 389 гап с августа по октябрь 1941 г. Предположительно, 1945 г.[66]

В октябре 1941 г. попали в плен командир и начальник штаба 389 гап. Командир полка капитан Иван Петрович Меднис попал в плен 13 октября 1941 г. в районе Вязьмы, был освобожден в 1945 г. и уволен в запас, затем отбыл в Омскую область по месту проживания семьи, награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени (1958 г.), дальнейшая судьба неизвестна, см. Рис. 12.

Начальник штаба 389 гап лейтенант Николай Юлианович Баранов попал в плен 25.11.1941 г., через несколько дней бежал, см. Рис. 13. С мая 1942 г. – в партизанах, с октября 1942 г. командир отряда, с ноября 1943 г. по июль 1944 г. — командир 200-й партизанской бригады имени К.К. Рокоссовского и член Дзержинского подполья РК КП(б) Белорусской ССР. Награжден Орденом Красной Звезды (1942), Орденом Красного Знамени (1944), Орденом Отечественной войны 1-й степени (1986), медалями. В 1964-1976 гг. – первый заместитель министра пищевой промышленности Белорусской ССР[67].

[66] Меднис Иван Петрович // ЦАМО. Учетно-послужная картотека.

[67] Баранов Николай Юлианович // Партизаны Беларуси. https://partizany.by/partisans/25882; Баранов Николай Юлианович // Биографический справочник. Минск: «Белорусская советская энциклопедия» имени Петруся Бровки, 1982. — Т. 5. — С. 40.

Рис. 13. Николай Юлианович Баранов (1915 – 1996), лейтенант, начальник штаба 389 гап с августа по октябрь 1941 г. Предположительно, 1941 г.[68]

Заключение

Из всех видов потерь категория советских военнопленных остается одной из самых сложных для исследования. Это связано, во-первых, с тем, что тема плена и пленных была стигматизирована не только во время войны, но и спустя много лет после ее окончания. Многие ветераны, прошедшие плен, старались умолчать о своем пребывании во вражеских лагерях и неохотно делились воспоминаниями. Во-вторых, сам массив источников данных о военнопленных характеризуется неполнотой и противоречивостью сведений, что объясняется утратой ряда документов, намеренным искажением информации о себе со стороны военнопленных, а также ошибками в персональных данных при регистрации и переводе. Со всеми этими сложностями мы столкнулись в полной мере при работе над этим исследованием.

Впервые были подсчитаны потери по 13 ДНО и уточнены потери по 389 гап. На первом месте пропавшие без вести (51% и 29% соответственно), на втором месте – попавшие в плен (23% и 17%), на третьем месте – демобилизованные или уволенные в запас (6% и 15%). Остается высокой доля тех, чья судьба неизвестна (16% и 33%).

В результате исследования установлено, что 55% ополченцев 13 ДНО и 42% военнослужащих 389 гап попали в плен в октябре 1941 г. У не менее значительной доли военнопленных дата пленения не установлена – 42% по 13 ДНО и 50% по 389 гап. Поэтому можно предположить, что среди них также есть попавшие в плен в октябре 1941 г. Вероятно, среди

[68] Баранов Николай Юлианович // ЦАМО. Учетно-послужная картотека.

пропавших без вести военнослужащих также есть попавшие в плен.

Данные из советских источников о военнопленных подтверждаются документами 5-го и 8-го корпусов вермахта. Пик пленения ополченцев 13 ДНО и 389 гап приходится на вторую неделю октября 1941 г., что также подтверждается немецкими источниками.

Большая часть попавших в плен воинов 13 ДНО (76%) и 389 гап (87%) были освобождены, 19% и 13% соответственно погибли в плену.

Эти цифры нельзя считать окончательными, поскольку архивно-поисковая работа по личному составу 13 ДНО продолжается как по первичному поиску новых персоналий, так и по уточнению данных у воинов, включенных в списки ранее.

БОЙ У ДЕРЕВНИ ВИТИТНОВО УГРАНСКОГО (бывш. ВСХОДСКОГО) РАЙОНА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В НОЧЬ с 5 на 6 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА.

По воспоминаниям московских ополченцев

2024© Г.Я. Грин (Российская Федерация, г. Москва)

Аннотация: В статье на основе воспоминаний московских ополченцев – сотрудников Государственного Исторического музея – приводятся сведения о бое у д. Вититново Всходского района Смоленской области сводной группы, ядро которой составили бойцы 60-й стрелковой дивизии 2-го формирования (60 сд, бывшей 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы (1-й ДНО). Этот бой перевернул многие судьбы ополченцев.

Описываемые события случились на стратегически важном направлении немецко-фашистского наступления на Москву, на первой линии южной части вяземского окружения в начале октября 1941 года.

В первые дни создания Вяземского котла, основная масса немецких танковых дивизий, при поддержке своих бомбардировщиков (до 2/3 всей авиации гитлеровцев), постаралась как можно скорее охватить советские войска Западного и Резервного фронтов, повернув некоторые танковые дивизии с Варшавского шоссе на север двумя потоками: от Спас-Деменска и от Юхнова. Затем гитлеровцы стали сжимать окруженные советские части к центру котла.

У д. Вититново с помощью заградотряда 60-й сд из разных отходящих советских частей с была собрана группа бойцов. Ядром этой группы стала 1-я рота 1-го батальона 1281-го стрелкового полка (сп) 60 сд (1-й полк 1-й ДНО). Ополченцы намеревались прорваться ночью на восток через танковые части вермахта, двигавшиеся на север к Вязьме.

Рис. 1. Фрагмент карты РККА 1935 г. Масштаб 1:100 000 (1 клетка = 2 км). д. ВИТИТНОВО

Рис. 2. Фрагмент карты РККА 1941 г. Масштаб 1:500 000. д. ВЕКИТНОВА (иное написание). Ныне это место называется «Урочище ВИТИТНОВО»

В этой ополченческой роте служили и сотрудники Государственного Исторического музея (ГИМ). Так случилось, что именно они оставили свои воспоминания об этом бое.

В конце 1941 г. в институте Истории СССР АН СССР была создана комиссия по изучению истории Отечественной войны под руководством академика И.И. Минца, проводившая в годы войны беседы под стенограмму с участниками боевых действий – командирами, отличившимися бойцами, партизанами, строителями линий обороны, ополченцами и т.д.

Беседа этой комиссии с московскими ополченцами 1-й ДНО: Павлом Григорьевичем Рындзюнским[69] проводилась 11 апреля 1944 г., а беседа с Алексеем Петровичем Смирновым[70] – 26 июня 1944 г. Оба они, независимо друг от друга, описали бой у д. Вититново, как одно из самых ярких воспоминаний их боевой жизни.

П.Г. Рындзюнский и А.П. Смирнов в беседах с Комиссией академика И.И. Минца указали, что этой ночной попыткой прорыва на восток через части вермахта командовал командир их 1-й роты - Загудаев, награжденный за Финскую войну медалью «За боевые заслуги», из Московского текстильного института.

По воспоминаниям А.П. Смирнова, «…Загудаев – очень спо-

[69] Научный архив Института Российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Разд. 1. Оп. 69. Д. 27. Рындзюнский П.Г. Л. 5-9, с об.,1944 г.

[70] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 69. Д. 28. Смирнов А.П., 1944 г.

койный человек, из гражданских инженеров и в финскую был призван из запаса…», командиром 1-го батальона был подполковник Крицкий (около 60 лет, имел 4 Георгиевских креста за Первую мировую войну, командиром 1-го (1281-го) полка – полковник Берестов, который обычно никогда не общался с бойцами, а только внимательно наблюдал за ними молча. По сведениям П.Г. Рындзюнского, Загудаев накануне вечером держал связь с Берестовым. О других командирах, которые могли бы руководить этим боем, сведений пока не установлено.

А.П. Смирнов и П.Г. Рындзюнский указали, что перед боем сводная группа была организована силами заградотряда их дивизии из рассеянных по лесам более мелких отходящих групп. Кроме того, большую роль в организации группы для выхода после боя оказал некий батальонный комиссар, присоединившийся от Бауманской дивизии (29-й стрелковой дивизии 1-го формирования, бывшей 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы).

А.П. Смирнов смог выйти из Вяземского окружения, а П.Г. Рындзюнский попал в плен. Описание первых трагических переживаний человека, оказавшегося в плену, доносит до нас реальные события 1941 года.

Воспоминания московских ополченцев

Рассказ ополченца Алексея Петровича Смирнова о бое в районе д. Вититново (из беседы с комиссией акад. И.И. Минца, 1944 г.)

«Первоначально предполагалось, что наша рота будет пробиваться одна, она все время сохраняла боевой порядок. Настроение у всех было хорошее, никто не думал об опасности. Но командование наше – лейтенант Загудаев /к-р 1 роты 1 б-на 1 сп 1 ДНО/ – по-видимому, не был в курсе всех событий, у него чувствовалась некоторая растерянность. Говорили, что он виделся с Берестовым /к-ром 1 сп/, результатом явилось то, что наша рота была ядром, вокруг которого стали собирать бойцов. Отдельные группы и отдельные люди, которых мы встречали, объединялись вокруг нашей роты. Заградотряды собирали людей из разный частей. *Собралось около 800 чел. из др. полков и дивизий.*

Первоначально мы предполагали наступать днем. Была послана разведка, мы стояли в лесу, и этот лес подвергся интенсивному налету немцев. Много раз

самолеты проносились над лесом довольно низко и обстреливали бомбами. Те, кто был рядом со мной – не пострадали. От бомб были воздушные волны, но я не слышал, чтобы кто-то пострадал от них. Все, что мы видели, это был перевернутый автомобиль. К вечеру нас отвели и расположили на отдых. Выдали хлеба и еще чего-то.

Подняли нас часов в 12 ночи, и мы пошли пробиваться. Руководил наступлением лейтенант Загудаев, не только нашей ротой, но и всей присоединившейся группой. Миномет нам пришлось во время движения положить на повозку, и эта повозка куда-то делась, но все равно, мин у нас было всего 35 шт., т.е. явно недостаточно для ведения боя.

Мы особенно об этом не жалели, потому что мы ни разу боевыми минами за время боевой подготовки не стреляли, и я не знаю, как бы это вышло у нас в первый раз.

Мы пошли в качестве рядовых пехотинцев вместе со всеми в наступление. Наше подразделение заняло опушку леса. Прямо перед нами была поляна, ограниченная с трех сторон лесом, а с другой стороны находилась д. Вити… / Вититново – прим.авт./

Наступление проходило очень неорганизованно, отдельными группами. Это не была цепь, а шли отдельные кучки людей, в основном слева и справа. Лейтенант Загудаев руководил всем наступлением и голос его я слышал несколько раз. Наш командир взвода в то время уже был другой – лейтенант Лихачев. Сначала он пошел с нами, потом я его не видел.

Не успели мы пройти 100-150 шагов, как над деревней взвились ракеты и затем немцы открыли пулеметный и минометный огонь и загнали нас в землю. Мы залегли, а т.к. мы шли неорганизованными кучками, то огонь вести не могли, рискуя попасть в лежащих впереди товарищей. Передо мной лежал Дмитриев, немножко в стороне – Рындзюнский. Впереди меня был Малышев, я – непосредственно за ним. Когда огонь кончился, я подергал за ногу Дмитриева и спросил, что мы будем делать.

В это время на правом фланге раздалось что-то вроде «Ура». Мы поднялись, но не успели сделать и 2-х шагов, как огонь снова загнал нас в землю. Здесь у нас не было командиров – ни Лихачева, ни командиров отделений, никого из старших товарищей. Мимо меня проползли назад, в сторону тыла, несколько человек. Я посмотрел в сторону Рындзюнского. Он в это время спокойно си-

дел на земле, как будто не на поле сражения, а в спокойном месте.

Потом началось движение назад. Вместе со всеми отправился и я, и вышел на фланг – на левую сторону леса. Здесь собралась значительная группа. Из нашего полка вначале никого не было. Все были растеряны, некоторые потеряли винтовки. И вот тут организацию этой группы человек взял на себя батальонный комиссар Бауманской дивизии. Он собрал вокруг себя лейтенантов и предложил навести боевой порядок в этой группе. Что меня тогда поразило, что на предложение сориентироваться по карте, где мы находимся, никто из этих командиров не отозвался. У него была карта, был компас, но некоторые отговаривались тем, что с картой не знакомы и не могут ориентироваться. Это было странно, но факт.

Я тогда предложил свои услуги. С картой я прекрасно знаком и ориентировался. Комиссар Бауманской дивизии /7 ДНО = 29 сд/ выбрал одного из офицеров и предложил ему встать во главе группы. Сам он человек невоенный, политработник, призван из запаса, и, как он сказал, с военной наукой совершенно не знаком.

Утром пошел дождь. Потеряли мы от огня довольно много. Товарищи, которые ходили на опушку леса, рассказывали, что поле было покрыто убитыми и оттуда неслись стоны. Уже здесь, в Москве я встретился с Малышевым, и он мне рассказал, что, когда он выходил с другой группой, он видел, как немцы днем ходили и пристреливали раненых. Оставляю это на совести Малышева…».

Из беседы Павла Григорьевича Рындзюнского с комиссией акад. И.И. Минца по истории Отечественной войны, 1944 г.

«… Командир заградотряда предложил кому-нибудь из командного состава организовать нас в часть. Так получилось, что командиром этой части стал как раз командир моей роты Загудаев. Это была уже смешанная часть, ополченцы преобладали, но я не знал, из каких они рот, а из нашего батальона была, по-моему, только наша рота… Стали учитывать, каким оружием мы обладаем, подбирать расчеты пулеметов. Были 2 местных жителя, которые рассказали, что у немцев силы незначительные, что их всего около взвода, у них есть небольшие танкетки.

*Меня вызвал наш политрук (*видимо, Б.М. Кляшторин – прим. авт.*) и сказал, что он меня назначает в расчет станкового пулемета...*

...Я был со своими товарищами из музея. Тут были Дмитриев, Смирнов… Потом мы двинулись. Было сказано, чтобы мы шли тихо, по всем правилам настоящего ночного похода. Вошли глубже в лес. Обстановка была жуткая., снаряды разрывались позади нас. Я помню, тут поймали немца, он был одет в нашу спецпалатку. Я впервые увидел немца-диверсанта. Он держался очень нахально. Впереди были построены разведчики…

...После выстрела на противоположной опушке мы пошли. Вышли на противоположную опушку, на большое поле, которое с 3-х сторон ограничивалось лесом, с четвертой стороны - деревней. Мы пошли по полю прямо на деревню, разбившись на 2 колонны, одна шла слева, другая справа… Командира Загудаева потерял из виду, передо мной шел командир взвода Лихачев. Я был в левой колонне, которая шла на левую сторону деревни.

Мы шли по полю, все было абсолютно тихо, немцы, очевидно, нас подпускали. И уже невдалеке, когда были шагах в 200 от деревни, немцы выпустили несколько осветительных ракет. Сейчас же из деревни раздались звероподобные крики и начался обстрел из минометов. Мины разрывались позади нас…, там было 3-4 пулемета, стреляли они трассирующими пулями. Мы все легли на землю… лежали долго… Немцы действовали так: после волны обстрела выпускали несколько осветительных ракет, потом летали какие-то светящиеся шары. Мне говорили потом, что шары (ракеты) выпускались для видимой густоты огня... Впереди меня находился командир моего отделения Дмитриев, сзади – Смирнов, впереди кто-то незнакомый. У нас были лопатки, я знал, что нужно окапываться и попробовал немного окапаться, а потом бросил. Пули пролетали так близко, что меня обдавало землей и я чувствовал по ушам струю воздуха… Казалось, что после каждого выпуска ракет, несколько выстрелов делалось по моему направлению прицельно.

В той части, где я был, у нас был один ручной пулемет, но еще до наступления было обнаружено, что он не действует, автоматически можно было стрелять только одним выстрелом. С нашей стороны огня не было… С правой стороны слышались крики, но они были вспышками, это было довольно далеко. Я начал перешептываться с Дмитриевым, что нам делать дальше… Потом по цепочке как-то установилась связь с нашим командиром взвода Лихачевым, который

остался сзади нас. Сзади была яма, откуда он по цепочке приказал нам отползать к нему.

Был дождик, все вымокли, ползли по мокрой траве. Приползли мы в эту яму, она была уже близко к лесу. Некоторое время видели все за краем ямы. Обстрел продолжался такой же интенсивный, и тогда мы пошли в лес. Лес был довольно редкий, он простреливался, слышалось щелканье пуль о деревья. Что делать дальше, мы не знали. Командира мы потеряли из виду, все время сходились группами и расходились, перебегали от дерева к дереву. Причем музейных наших уже не было. Решили отходить вглубь от деревни лесом, пройти за линию обстрела из минометов и там уже получить свободный проход. Мы… дошли до опушки..., прошли болотом сзади поля и вышли, примерно, в тот лес, откуда начали поход. Там было сравнительно тихо, стрельба закончилась.

В этом лесу были из нашего взвода люди, был Родин из нашего музея, Дмитриев, сотрудники ВЦСПС, с которыми я шел. Тут у нас наступила апатия, усталость была большая, мы были голодны, хлеба ни у кого не оказалось… Говорили, что недалеко от нашего леса находится штаб нашего полка, не знаю, так ли это… связь с ним не устанавливалась. В этих разговорах прошел день. Стали говорить о том, что прошел отряд конных немцев и стал прочесывать лес, и, действительно, немцы стали чувствоваться очень близко. Они кричали неистово, стреляли… Мы начали выходить небольшими группами в болото, противоположное той стороне, откуда немцы стали прочесывать лес.

Эти группы организовывались случайно, по 10-12 человек. Я держался вместе с Дмитриевым… Чувствовалось, что немцы совсем близко, и мы пошли в болото. Немцы в болото не заходили…. Уже были разговоры, чтобы строить землянки в болоте и партизанить… Мы с Дмитриевым решили идти вместе. У нас не было ни карт, ни компаса, но решили идти на восток. Дмитриев умел хорошо ориентироваться по звездам, по Луне и солнцу, и это помогло. Так мы ходили с ним вдвоем несколько суток по болоту, пищи у нас не было абсолютно никакой. Единственно только, что еще в д. Карповке Кубышкин принес мне посылку, он хотел курить… Это была посылка, отправленная товарищем из музея, там были разные теплые вещи, вкусные вещи и табак. Табак был мгновенно разделен, все вещи разделены и съедены. Узенький

маленький мешочек с пиленым сахаром я засунул в карман и забыл о нем…, а тут он нашелся. Мы с Дмитриевым съедали по полкусочка утром и полкусочка к концу дня, больше ничего не ели, но этот сахар кончился…

Нашли на болоте куст калины. Вот чем питались...

Шли мы по ночам, раз подошли к деревне, занятой немцами. Мы устремились на огороды, рыли картошку… Недалеко от нас проехал немецкий автобус, мы залегли на поле…, вытащили по гранате. Лежали и говорили, что как хочется бросить гранату в автобус, но потом решили, что ничего не сделаем, только себя обнаружим. Огонь разводить боялись и не могли, т.к. все вокруг было абсолютно сырое. Пробовали есть сырую картошку, но решили, что лучше совсем не есть…

Один раз в темноте попали в небольшое озеро, промокли по пояс… Последние дни были в каком-то полузабытьи от холода и голода. Как-то Дмитриев послал меня наблюдать за немцами из ямы, а я потерял сознание, … он меня случайно нашел… Как-то он пошел разыскивать дорогу в темноте…, я его потерял из виду, долго искал, но не смог разыскать. Я остался один. До сих пор не знаю, куда он делся…

Через некоторое время я прибился к другой группе из нашей же дивизии. Там был наш сотрудник Рощин, остальных людей я не знал. В этой группе был командир, у которого был компас, меня очень привлекало идти с ними. Пищи у них тоже не было, питались калиной в лесу… Однажды я попал в реку, промочил ногу и не мог ее просушить. Мы подошли к шоссе, по нему на мотоциклах двигались немцы, мы побоялись пересекать его днем. Легли вблизи него, а уже выпал первый снег, мы заснули, а когда я проснулся, у меня в ботинке был лед. Тут я отморозил ногу… Остановился перемотать обмотку, а когда встал – из группы уже нет никого… Нога отморожена, мне было трудно идти. Увидел в лесу следы, пошел по ним. Догнал небольшую группу, которую возглавлял… секретарь парторганизации нашего полка, я его знал, он меня знал…. Когда я догнал эту группу, крестьянин из деревни принес им еду, и они уже все съели, крестьянин собирался возвращаться обратно. Я сказал, что иду с ними, но он сказал, что нести меня они не имеют возможности, а я хромаю, поэтому я должен идти в деревню, меня там подкормят, а потом к кому-нибудь прибьюсь… Возглавляющий отряд категорически

сказал, что он меня не берет, и я пошел с крестьянином в деревню. Он сказал, что больше приносить еду в лес он не сможет, т.к. это будет подозрительно. А в деревне немцев сейчас нет. И повел меня в одну избу… Там крестьянка меня очень хорошо приняла…, накормила, сняла ботинки, поставила впечь. Накормила картошкой с салом. После нескольких дней голодания мне казалось, хотя наверху блаженства. Я был в красноармейской форме, она сказала, что держать меня не сможет, и я должен уйти. Она советовала мне идти лучше по деревням. Положила мне в кружку еще этой тертой картошки, и я пошел. Только я вышел на дорогу, как вижу большой отряд немцев, впереди командир. Меня крестьяне предупреждали, если немцы будут близко, то не бежать, а делать независимы вид… Немец меня остановил, поманил к себе и что-то спрашивает. Я понимаю, что он спрашивает – есть ли у меня оружие и куда я иду, но я только мотал головой и говорил по-русски, что ничего не понимаю.

Он махнул на меня рукой и пошел дальше….

Ходил я по деревням, и первое время не встречал немцев. В деревнях меня очень хорошо принимали…, было исключительное отношение… к человеку в красноармейской форме…

У меня создался план идти на Калугу…, мне думалось, что там встречу людей, которые меня знают, крестьяне знали дорогу на Калугу, она была не так далеко…

К вечеру, недалеко от перехода через железную дорогу, я встретился с деревенскими парнями, которые стерегли лошадей, они повели меня на ночевку. И вдруг из-за леса показалась колонна немецких автомобилей, впереди легковой, сзади несколько грузовиков… Офицер из легкового автомобиля подозвал меня к себе и начал говорить. Я, действительно, не понимал его, потому что немецкий слабо знаю… Я попытался отойти, тогда он закричал на меня, стал грозить руками и показывать, что я должен идти к грузовику и должен влезть в этот грузовик. Делаю вид, что не понимаю, но он очень разъяренно кричал, потом выхватил револьвер. В конце концов засунул меня в грузовик, и колонна тронулась.

Проехали много деревень, ночевали в одной деревне. Мне казалось, что они забыли меня в грузовике, и я хотел бежать, но был снег и оставались следы, это меня остановило…

Обо мне вспомнили, разыскали, ввели в избу, заставили хозяйку меня накормить. У меня была с собой кружка с тертой картошкой. Наутро меня посадили в машину и опять долго возили и привезли меня во Всходы на р. Угра… (это недалеко от д. Вититново, где был ночной бой 5-6 октября – прим. авт.) *Я себе представлял, что это были немцы из специального отряда, собиравшего людей… Под конец я ехал в кабине шофера, он высадил меня в конце улицы, а сам уехал. А я остался один на улице райцентра с совершенно разбитыми каменными домами. На верхушках крыш стояли немецкие солдаты, по улицам бродили в очень печальном состоянии наши раненые, абсолютно без всякого ухода, голодные. Один молодой красноармеец особенно запомнился, у него был прострел головы, лицо было совершенно отечное, оно было сплошным синяком с темно-коричневым отливом. Немцев рядом со мной не было и пути были открыты. Я ушел из Всходов, пошел в ближайшую деревню и попросил, чтобы меня переодели. В этой деревне отказались, отправили в соседнюю деревню, рядом же. Я шел по задворкам, там встретился мальчик, он сказал:*

– В деревню не ходи, а на окраине есть дом, в котором переодевают.

Я пошел в этот дом, но, чтобы в него попасть, нужно пройти через двор, и как только я обошел дом, там встретился немецкий патруль… Я ему показываю, что пришел поесть. Он пошел со мной. Хозяйка дома дала мне кружку молока и хлеб. Я съел и пошел с ним. Он меня привел в штаб их части. Офицер говорил со мной по-немецки, я понял, что он говорил, что я поеду в Германию работать на немецких фабриках и рудниках, но я делал вид, что не понимаю. Делал, по возможности, безучастное лицо. Тут подошел офицер, вырвал плащ-палатку из рук, и повел в лагерь, который стоял за деревней. Там было несколько автобусов, из одного вышел какой-то чин высокий, кажется с железным крестом… Лагерь пленных был на окраине Всходов… в лагере остались только раненые, которые не могли ходить, остальных немцы вывезли. Я оказался среди раненых.

У меня не хватает слов, описать обстановку этого лагеря…: больные, тяжелораненые люди, абсолютно без пищи. Была там одна наша медицинская сестра, которая хотела что-то сделать, но средств не было, еще был один

бывший санитар. Там были люди, доведенные до полной апатии. Кроме того, ужасный холод, лагерь на пустыре, на открытом месте, оцепленный немецким солдатами. Была единственная маленькая избушка, до отказа забитая лежащими ранеными. Даже нечем было разводить костров, топлива не было. Я там провел день, ночью все же откуда-то стали добывать топливо, ломали остатки построек, которые удалось разыскать…. Чтобы протиснуться к костру была драка. Немцы приводили пленных партию за партией, не раненых. Иногда они находили нужным нас устрашать, тогда солдаты, которые нас охраняли, зажигали фонари и наступали на сжатую толпу, стреляя в воздух. Не знаю, зачем это.

Утром нас построили в колонну на улице во Всходах, окружили и повели по дороге. Нам сказали, что ведут в Рославль, жестами и словами пытались нас убедить, что там нам будет хорошо. Этот путь в Рославль был ужасен. Конвоиры были вооружены палками, ехали на лошадях, менялись, а мы шли пешком. Остановка была только на ночь. Когда мы проходили мимо деревень, крестьяне выносили и пробовали дать поесть, но немцы не разрешали никаких передач, сами же ничем не кормили. Были очень тяжелые сцены: крестьяне плакали навзрыд и пытались передать что-нибудь. Но тех, кто пытался пойти за хлебом, били палками. Ночлежки были тяжелыми, даже тяжелее, чем сам путь. Они останавливали нас на пустырях, костры все же зажигали, по дороге искали всякие палки и несли для костра на ночлеге. Когда мы останавливались, немцы окружали нас сплошным кольцом… Мы ели траву, которую случалось собрать по краю дороги, или были трупы упавших лошадей, неизвестно какой давности, отрезали от них куски и жарили на костре. Меня тоже раз накормили этим.

…. На краю пустыря, где мы расположились на ночлег, стоял каменный домик. Как-о удалось узнать, что в подвале есть картошка. Несколько человек устремились туда. Немцы подошли к подвалу и выстрелами из автоматов прикончили тех, кто туда забрался.

Уже были заморозки. Костры не согревали, и костров по количеству народа было немного. Мы предпочитали идти, чем так отдыхать. Не знаю, сколько времени шли. Было ночлега три. Последний ночлег был особенно тяжелый, было особенно холодно (по прогнозу погоды, наиболее

сильные заморозки были ночами с 14 по 18 октября 1941 г. С 19 октября началась оттепель и держалась до конца октября – прим. авт.) *Я видел людей, которые просто падали, их пробовали палками поднимать. А потом стреляли. Идешь, и натыкаешься на трупы наших людей.*

После последнего ночлега погода сильно испортилась, сначала полил холодный сплошной дождь, потом начало морозить, и мы, насквозь промокшие, стали покрываться коркой льда….

Теряли возможность идти, от голода и холода.

Конвоиры проводили своеобразную агитацию, старались рассказать, как все будет хорошо, когда война кончится. Проводили агитацию о положении евреев. Показывали, что еврей – мелкий, а русский – большой, а потом спрашивали жестами, почему еврей сидит с золотой цепочкой и ничего не делает, а русский копает? Эта агитация была совершенно непонятна…. Они обращались с ней к молодежи, а те недоуменно смотрели, они таких евреев не видели….

Еще нас проводили через Спас-Деменск. Там тоже были пленные раненые. Один сильно раненый в голову вышел за загородку и хотел приблизиться к нам, к нему подбежал офицер и плеткой стал бить по обвязанной голове, раненый схватился за голову и, качаясь, бросился обратно.

Грабили пленных, у которых были заплечные мешки, чемоданчики, когда мы приближались к Спас-Деменску, там стояли настороже офицеры и вытаскивали таких, у кого были вещи и отбирали.

На последнем переходе я решил: будь что будет, но я убегу. Очень явно ощущалось свое скотское положение, моральное состояние было ужасное… Решил бежать. Выбрал тот участок дороги, где лес был ближе. Но под конец усилили конвой, впереди ехал грузовик с пулеметом. Что сзади делалось, я плохо знаю, потому что шел в середине. Это было уже в 80 км от Рославля. Бежать надо было, когда шли. Дождик перешел в снег и сильным ветром, погода была скверная, из-за этого колонна наша растянулась. Сами конвоиры не ожидали, что так скоро настанет темнота, и несколько растянули колонну. Середина оказалась с разрежением конвоев. Потом стало совсем темно, я оказался в группе таких же пленных, близко не было видно немца, впереди меня шла колонна, и сзади. Мы вошли в деревню, и, т.к. оторвались от колонны несколько, то

решили идти на сеновал. Со мной были два красноармейца молоденьких. Мы оказались втроем на сеновале в усадьбе, где было какое-то заведение у немцев. Зарылись в сено, причем даже разделись, потому что были совершенно мокрые. Верхнюю одежду положили рядом. Пришел колхозник, сказал, что до утра можно полежать, а утром придут немцы, они обходят все дома и сараи и пристреливают всех, кто остается, до их прихода нужно уйти. Он припер палкой дверь на сеновал. Утром он разбудил нас и сказал, что нужно скорее идти, потому что подходят немцы. Он очень нас торопил, очевидно, и за себя боялся.

Мои спутники быстро оделись и ушли с тем, чтобы опять идти в колонну. Немцы уже появились в усадьбе, кричали, стреляли в воздух. Я задержался, т.к. потерял пилотку, обмотки и остальные вещи, с трудом их нашел, они закопались в сене. Мне помог хозяин…

Хозяин говорит: обойди двор кругом, в какую-нибудь избу зайди, дадут что-нибудь. Это деревня Михайловка.

Я попал в избу и тут решил, что в колонну обратно не пойду. В этой избе оказались беженцы. Деревня расположена на большом шоссе, по которому постоянно ведут пленных. После каждой колонны деревня прочесывалась, поэтому оставлять меня они боялись… Они мне сказали, что от деревни идет кустарник, потом лес, а за лесом идут деревни и там смогут приютить.

Вышел я на улицу деревни, очень быстро посмотрел налево по направлению к деревне, направо, там в конце деревни мне показались немцы…, но близко немцев не было. Я быстро пошел по дороге вперед и там, как они говорили, через кусты попал в лес. Мне показалось, что кто-то стреляет, но я деловым шагом пошел в деревню за лесом.

Это было 16 октября. Эту дату я запомнил, потому что это был мой день рождения, и я подумал, что второй раз на свет рождаюсь. Я попал в одну деревню, там было много таких, как я, сбежавших в разное время от немцев. В каждой избе жило по 1-2 человека, мне посоветовали идти в другую деревню - Столыпинка.

Я шел по улице деревни. Очевидно, вид у меня был жуткий. Ко мне подбежала одна крестьянка и говорит: «Иди скорее в избу!».

Потом она разъяснила, что ей показалось, что я вот-вот упаду и умру. Это оказалась очень гостеприимная семья колхозников: старуха, хозяин, две дочки. Они

продержали меня 3 дня. Они собирали многих, бывало в их собиралось по 18 человек, всех он обогревали, подкармливали….

Тут я стал опять думать, куда же теперь идти? ...теперь у меня создался другой план:

Идти в сторону Можайска, во-первых, потому что это ближе к Москве, во-вторых, под Можайском на Бородинском поле были старые знакомые крестьяне, у которых я жил летом, когда работал в Бородинском музее.

Я начал свой путь. Шел недели две. К 1 ноября я попал в Бородино…».

Бывший политрук 1-й роты 1-го батальона 1281 сп 60 сд (ранее 1-я ДНО) Борис Маркович Кляшторин, был ранен и обожжен в том бою 5-6 октября 1941 года у д. Вититново. В 1975 году он посетил место боя, где искал захоронение своих павших товарищей, но не нашел.

В своих воспоминаниях, датированных годом поездки в д. Вититново, Б.М. Кляшторин написал:

«Ко дню юбилея Победы над фашизмом хочется просить товарищей из РК КПСС (районного комитета Коммунистической партии Советского Союза – прим. авт.) и РИКа (районного исполнительного комитета – прим. авт.) изыскать способы, возможные силам района, как-то отметить место гибели нашего отряда и могилу без вести погибших товарищей, пытавшихся вырваться из немецкого окружения…

Погибшие жертвы и места их гибели должны быть изучены, описаны историей, а поколениями живых людей запоминаемы и чтимы, как святыня. Они должны быть чтимы одинаково и тогда, когда эти жертвы неизвестны поименно, но места их гибели известны».

Это прямое обращение к нынешнему поколению, к поисковым отрядам. Памятника погибшим на поле боя в 1941 году у д. Вититново – нет. А место подвига бойцов Красной армии и ополченцев 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы должно быть отмечено!

Биографические сведения об участниках боя у д. Вититново Смоленской области в ночь с 5 на 6 октября 1941 года

Рындзюнский Павел Григорьевич, (1909 – 1993)[71]— историк, доктор исторических наук (1959), профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1991).

Отец — Г.Д. Рындзюнский, правовед, присяжный поверенный. Мать — А.Г. Кондратьева, художница и скульптор, выпускница Строгановского училища. Семья Рындзюнских была близка к Малому и Московскому Художественному театрам.

В 1927 окончил 17-ю среднюю трудовую школу (с общественно-педагогическим уклоном) в Москве и поступил на этнологический факультет Московского государственного университета, который окончил в 1930 году. В 1931–32 — старший научный сотрудник, затем заместитель директора по научной работе краеведческого музея г. Ростова Великого.

В 1932–41 — научный сотрудник Государственного исторического музея (ГИМ). Кандидатскую диссертацию защитил в 1941.

Участник Великой Отечественной войны, московский ополченец 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы. Попал в плен, бежал.

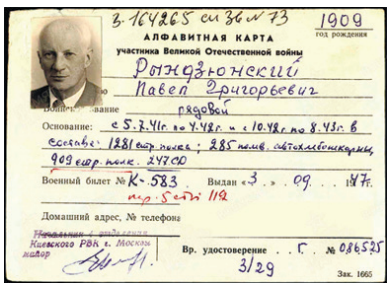


Рис. 3. Алфавитная карта участника Великой Отечественной войны Рындзюнского П.Г.[72]

[71] https://www.koob.ru/ryndzunsky_pg/

[72] https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat32319489/

В 1943–47 — снова в ГИМе. В 1947–90 — старший научный сотрудник, старший научный сотрудник-консультант (с 1980) Института истории (с 1968 — истории СССР) АН — сначала в секторе истории религии и атеизма, затем (с 1953) в секторе истории СССР периода капитализма.

В 1990–93 — научный сотрудник ГИМа. Принимал большое участие в создании первой экспозиции ГИМ по истории XIX века. Участвовал в создании Большого Советского Атласа мира, цикла трудов по истории городов России.

Преподавал в Московском государственном университете, сначала на кафедре музееведения, затем — источниковедения.

Член ученых советов Института истории АН, ГИМа, военно-исторического музея «Бородинская панорама». Автор книги «Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг.»

Смирнов Алексей Петрович, (1899 – 1974)[73] — советский историк и археолог, специалист в области финно-угорской и булгарской археологии. Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Заместитель директора Государственного исторического музея и Института археологии АН СССР. Участник Первой мировой и Великой Отечественной войн. Заслуженный деятель науки Чувашской АССР и Татарской АССР. Член редколлегии и заместитель главного редактора журнала «Советская археология» Родился в семье

[73] https://ru.wikipedia.org/wiki/Смирнов,_Алексей_Петрович

присяжного поверенного в 1899 г. В 1922 г. поступил в МГУ на факультет общественных наук, окончил его в 1924 г. по археологическому отделению. В 1929 г. защитил кандидатскую диссертацию, стал преподавать и работать в Государственном Историческом музее, который с 1935 г. был переведен в систему АН СССР.

В июле 1941 г. записался в народное ополчение, служил красноармейцем 1-го батальона 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района Москвы. Участник Битвы за Москву, Вяземской оборонительной операции 2-13 октября 1941 г.

В 1944 г. защитил докторскую диссертацию, стал доктором исторических наук. Выдающийся советский археолог, историк, крупный специалист по истории Волжской Булгарии и финно-угорской археологии. Автор книги «Волжские болгары» (1951 г.) и более 70 научных работ.

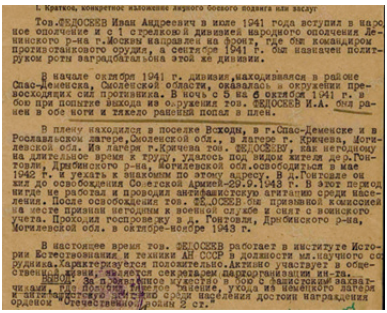
Федосеев Иван Андреевич, (1909 – 1998)

Родился в 1909 г. в с. Приютном Свердловского района Чкаловской обл. Русский, член ВКП (б).

Будучи старшим лейтенантом запаса в июле 1941 года, записался в 1-ую дивизию народного ополчения Ленинского района г. Москвы. В сентябре 1941 г. был назначен политруком роты заградительного батальона этой же дивизии (60-й сд). Именно И.А. Федосеев формировал сводную группу, основу которой составляли бойцы 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы, перед боем у д. Вититново. Во время боя был ранен в обе ноги и тяжело раненный попал в плен 8 октября[74]. Его путь в первые дни плена проходил по тем же населенным пунктам, как путь этапирования П.Г. Рындзюнского.

[74] https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=79916323

Вначале Ивана Андреевича содержали в плену в с. Всходы, затем в г. Спас-Деменске. Но, в отличие от Рындзюнского, И.А. Федосеев до Рославля добрался. Есть запись о его поступлении в Рославльский лагерь военнопленных дулаг-130.[75]



1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов.ЗЕДОСЕЕВ Иван Андреевич в июле 1941 года вступил в народное ополчение и с 1 стрелковой дивизией народного ополчения Ленинского р-на г.Москвы направлен на фронт, где был командиром противотанкового оружия, а сентября 1941 г. был назначен политруком роты автобатальона этой же дивизии.

В начале октября 1941 г. дивизия,находившаяся в районе Спас-Деменска, Смоленской области, оказалась в окружении превосходящих сил противника. В ночь с 5 на 6 октября 1941 г. в бою при попытке выхода из окружения тов. ЗЕДОСЕЕВ И.А. был ранен в обе ноги и тяжело раненый попал в плен.

В плену находился в поселке Всходы, в г.Спас-Деменске и в Рославльском лагере,Смоленской обл., в лагере г. Кричева, Могилевской обл. Из лагеря г.Кричева тов. ЗЕДОСЕЕВУ, как негодному на длительное время к труду, удалось под видом жителя дер.Рентовки, Дрибинского р-на, Могилевской обл.освободиться в мае 1942 г. и уехать к знакомым по этому адресу. В д.Гонтовке он жил до освобождения Советской Армией-28.9.1943 г. В этот период нигде не работал и проводил антифашистскую агитацию среди населения. После освобождения тов. ЗЕДОСЕЕВ был призванной Комиссией на месте признан негодным к военной службе и снят с воинского учета. Проходил госпроверку в д. Гонтовки, Дрибинского р-на, Могилевской обл. в октябре-ноябре 1943 г.

В настоящее время тов. ЗЕДОСЕЕВ работает в институте Истории Естествознания и техники АН СССР в должности мл.научного сотрудника.Характеризуется положительно.Активно участвует в общественной жизни, является секретарем парторганизации ин-та.

За [illegible] мужество в бою с [illegible] захватчиками, [illegible] умелое [illegible], уходя из немецкого лагеря и [illegible] ценную [illegible] среди населения достоин награждения орденом Отечественной войны 2 ст."

Рис 4. Из наградного листа И.А. Федосеева[76]

После войны Иван Андреевич, как П.Г. Рындзюнский и А.М. Смирнов, стал доктором наук (только не исторических, а географических), заслуженным деятелем науки РСФСР, членом-корреспондентом Международной Академии науки и техники. Талантливый организатор и историк науки, ученый и поэт, воспитатель научных кадров и государственный деятель.[77][78]

Послевоенные доктора наук, заслуженные деятели науки РСФСР и Российской Федерации П.Г. Рындзюнский, А.М. Смирнов, И.А. Федосеев —это ополченцы только одного 1-го батальона 1-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы.

Сколько еще потенциальных докторов наук, деятелей науки было потеряно в этом бою? А в других боях Вяземской оборонительной операции 2-13 октября 1941 года в начале Битвы за Москву?

Какую пользу они могли бы принести нашей стране, если бы остались живы…

[75] https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84308866

[76] https://calameo-download.tiny-tools.com/pages.php?doc_id=004711682565c3f534a84)

[77] http://hydrohistory.ru/bio.php?id=366

[78] https://ru.wikipedia.org/wiki/Федосеев,_Иван_Андреевич

ВЯЗЬМА – ЖЕРТВЕННИК ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

2024© Е.А. Иванова (Российская Федерация, г. Москва)

«Не ругайте солдат 41-го! Именно она – наша кадровая армия,
почти полностью погибшая в оборонительных боях
и котлах начального периода Великой Отечественной войны,
определила и срыв немецкого «блицкрига» и нашу Победу в 45-м!
Именно ЭТОТ ПЕРИОД был самым победным
для нас периодом войны…
Победа в 45-м была одержана благодаря ИМ!»

А.А. Крупенников, ветеран Великой Отечественной войны, профессор,
в 1956-1965 гг. - создатель и руководитель музея Брестской крепости,
в 1985-2004 гг. – создатель и директор Мемориального музея
немецких антифашистов в Красногорске

Память о погибших в плену. Московские офицеры

Поисковая работа по установлению имен и судеб защитников Москвы, воевавших в вяземском окружении в октябре 1941 года на дальних рубежах обороны столицы и попавших в немецкий плен, является лишь частью – хоть и масштабной – деятельности Международной Ассоциации общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества». Более 20 лет мы ведем работу по увековечению памяти советских бойцов и командиров, погибших в немецком плену в годы Великой Отечественной войны.

Началась наша работа после компьютеризации Ассоциацией международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» сведений неполной трофейной немецкой картотеки о судьбах 55 тыс. советских офицеров, в тяжелейших оборонительных боях и окружениях преимущественно 1941-1942 гг., а также других трагических обстоятельствах, попавших в немецкий плен и погибших в нацистских лагерях смерти.

В картотеке приводились сведения о 583 офицерах-москвичах, погибших в плену – их воинские звания и части, адреса проживания в Москве на 1941 год, причины смерти в нацистских лагерях, сведения о местах захоронений многих из них. Там же вырисовывались трагические обстоятельства пленения наших воинов – Брест, Умань, Керчь, Севасто-

поль, Сталинград, Киев, Харьков, Мясной бор, Волхов, Могилев, Рославль, Ельня, Вязьма, Смоленск, Брянск, Спас-Деменск, Юхнов, Ржев. Приводились имена более десяти летчиков-москвичей, по официальным данным «не вернувшиеся с боевого задания».

Фото 1. Вечер памяти «Вспомним всех поименно!» в Московском доме общественных организаций, посвященный памяти офицеров-москвичей, трагически погибших в немецко-фашистском плену. Родственникам погибших вручен изданный накануне 65-летия Великой Победы 20-й том Книги Памяти города Москвы, в котором впервые увековечены имена около 600 офицеров-москвичей, погибших в нацистских лагерях смерти, документы ЦАМО РФ, Памятные Свидетельства, подготовленных ВКГМ г. Москвы. 17 декабря 2010 г.

Когда проверили, в какой степени увековечены имена погибших в Книге Памяти Москвы, оказалось, что из 583 человек только 25 числятся погибшими в плену или в бою, 346 – более половины – на страницах Книги Памяти не значатся совсем, более 200 пропали без вести.

Быстро сложилась группа поисковиков-единомышленников. Присоединились по нашей просьбе московские школьники-поисковики со своими руководителями – участники московской городской поисковой краеведческой экспедиции школьников и молодежи «Где погибли мои земляки? (Продолжим Книгу Памяти)» по корректировке и дополнению Книги Памяти города Москвы. Замечательно помогали в уточнении всех вопросов наши профессиональные военные историки – Виктор Черновалов (г. Энгельс), Константин Степанчиков (г. Москва), Алексей Кислицын (Германия).

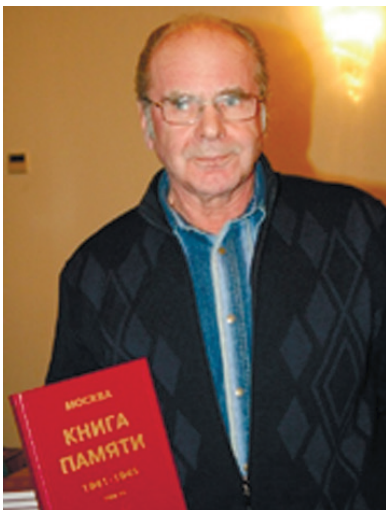


Фото 2 и 3. Григорий Григорьевич Одинцов с Книгой Памяти города Москвы, в которой увековечено имя его отца Григория Дмитриевича Одинцова, защитника брестской земли…

Ассоциация «Военные мемориалы» предоставила нам по запросу Комитета общественных связей Правительства Москвы официальные документы о судьбах военнопленных. Мы проработали их в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), получив на каждого человека официальные справки с общей информацией, составленной на основании данных картотек учета офицерского состава, учета безвозвратных потерь офицерского состава, неполной немецкой трофейной картотеки военнопленных советских офицеров. А также сведений картотеки учета награжденных. Было найдено почти триста имеющихся в ЦАМО РФ фотографий погибших. Снимки из плена заставляли содрогнуться.

Фото 4. Кузнецов Юрий Дмитриевич, участник Великой Отечественной войны, в Белостокском выступе «без вести пропадавший», член Совета старейшин Московского городского совета ветеранов войны (в течение четырех лет переходил из лагеря в лагерь, совершил четыре побега, последний (в 1945-м) – удачный. Был в штрафных лагерях, карцерах, тюрьме гестапо, дважды приговаривался к расстрелу…): «Эти бойцы сражались до последнего снаряда, мины, гранаты, патрона, будучи в окружении. Но многим из них, к величайшему сожалению, была уготована участь оказаться в немецком плену, и погибнуть в немецком лагере военнопленных, практически на месте сражения под Вязьмой…».

Параллельно провели скрупулезное статистическое расследование – подсчитали, на какие годы войны приходится то или иное количество людей из нашего списка, попавших в плен (в 1941 году – 409, в 1942 г. – 125 и т.д.), подсчитали их количество по конкретным местам пленения и по местам гибели в нацистских лагерях. Вывели суммарные данные о причинах гибели наших земляков. *Туберкулез, сыпной тиф, истощение, пневмония, па-*

ралич сердца, сепсис, менингит, катар желудка, дизентерия, и «убит при побеге», и «убит при оказании сопротивления», и «самоубийство…». Средний возраст погибших – от 18 до 40 лет. Погибли, как зафиксировано в трофейной картотеке, как минимум, в 77 лагерях военнопленных, в основном в Германии, а также в других странах Европы.

Сразу выявилось, что не менее 150 наших офицеров (треть списка) были пленены фашистами в страшном вяземском окружении в октябре 1941 года - 120 человек под Вязьмой, 17 человек – под Ельней и 13 человек – под Смоленском. В списках трофейной картотеки рядом с именами погибших в графе воинская часть были указаны номера *практически всех дивизий народного ополчения Москвы.*

Начали работу по поиску родственников погибших. Очень осложнялся поиск тем, что почти все офицеры жили до войны в центре Москвы, от которого мало что осталось в наше время – застроено, снесено, продано. Только две семьи из найденных нами проживали в своих довоенных квартирах на старых городских улочках.

Для поиска семей погибших использовали все возможное. В самом начале поиска наш коллега Алексей Самохвалов сгруппировал имена погибших воинов по местам их проживания в Москве на 1941 год и опубликовал списки во всех районных газетах Москвы и в Интернете. Он установил связь с «Центром генеалогии и информации» и форумом-клубом «Всероссийское Генеалогическое Древо». Это почти сразу помогло найти более 10 семей. Чуть позже списки погибших полностью были опубликованы Еленой Геннадьевной Мокровой, советником экспертно-консультационной группы Комитета общественных связей города Москвы, в «Вечерней Москве» – это тоже дало свои результаты в поиске родственников.

В 2010 г. работу по поиску родственников воинов-москвичей поддержала редакция программы «День города» ОАО «ГТК «ТВ Столица» (руководитель программы Игорь Крючков, ведущая передачи Оксана Гасилова), которая на протяжении ряда лет освещала в отдельных передачах работу поисковиков по увековечению памяти воинов-земляков, а затем организовала на телеэкране показ небольшой программы «Они не вернулись из боя» – с демонстрацией фотографий погибших офицеров и с указанием их довоенных адресов и имен ближайших родственников. Это

позволило некоторым семьям узнать своих близких по фотографиям прямо с экрана телевизора.

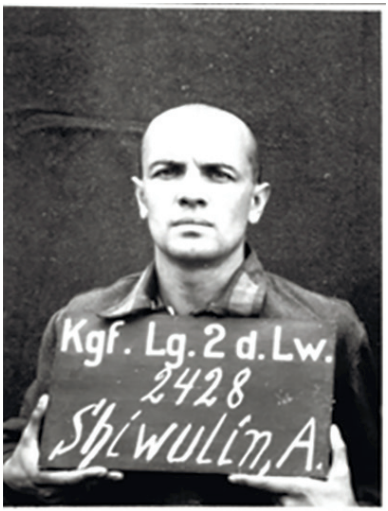
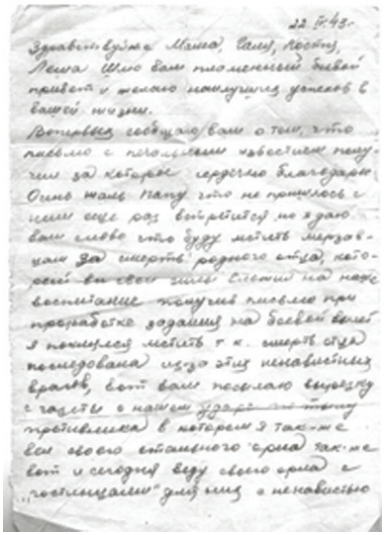


Фото 5 и 6. Живулин Александр Владимирович, летчик 862 ближнебомбардировочного авиационного полка 244 бомбардировочной авиационной дивизии 17-й воздушной армии, младший лейтенант. 7 мая 1943 г. был сбит в воздушном бою в районе Краматорска, попал в плен. Узник нацистских лагерей Люфт 2 для летчиков и других. В июне 1944 г. был расстрелян при побеге. Погребен на кладбище в Гааге[79]. Увековечен в Книге Памяти г. Москвы в 2010 г.

«22.IV.43 г. Здравствуйте Мама, Галя, Костя, Леша. Шлю вам пламенный боевой привет и желаю наилучших успехов в вашей жизни.

...Получив письмо, я поклялся мстить, т. к. смерть отца последовала из-за этих ненавистных врагов, посылаю вам вырезку газеты о нашем ударе по тылу противника, в котором я также вел своего стального орла. Вот и сегодня веду своего орла с «гостинцами» для них с ненавистью и презрением…».

«Нашего Сашу мы нашли именно благодаря этой передаче. Саша похоронен в немецкой земле, ненавистной ему, и, вероятно, его душа до сих пор не знает покоя...» (племянник А.В. Живулина Геннадий Алексеевич Живулин).



[79] Увековечен в Книге Памяти г. Москвы в 2010 г. (том 20, стр. 187).

С большими трудностями, но мы начали работать по старым домовым книгам в паспортных столах районов города, испрашивая на это разрешение у глав управ. В большинстве случаев сотрудники паспортных столов отнеслись к нашим поискам с большим пониманием – успешная работа прошла в районах «Хамовники», «Таганский», «Краснопресненский», «Даниловский».

Очень долго не могли «выйти» на телефонную базу МГТС, диски с которой тогда можно было купить только на рынках. Но диски были то старые, то некачественные. Время телефонных справочников в Интернете еще не пришло. Телефонная база была нам нужна в первую очередь для поиска родственников погибших.

Тесные контакты сложились у нас с Центром розыска и информации Российского Красного креста (генеральный директор И.В. Михайлова), в который мы передали свои материалы. По нашей просьбе Центр направил запросы по линии Красного креста о состоянии захоронений военнопленных в странах ближнего и дальнего зарубежья. Мы получили положительные ответы из Беларуси и Украины, Польши и Чехии (официальный ответ не последовал лишь из Литвы – об офицерских лагерях военнопленных Каунаса и Кальварии).

Фото 7 и 8. Алексей Алексеевич Иванов и его семья бережно хранят память о защитнике Отечества лейтенанте Иванове Алексее Алексеевиче, защищавшего Сталинград, погибшего в немецком лагере военнопленных Владимир–Волынский Волынской области Украины. Уголок Памяти об отце дома.

Ежедневная тяжелая и кропотливая работа группы велась на протяжении более шести лет – с базой данных МГТС и, параллельно, с обобщенной базой данных «Мемориал» Минобороны России: «расшифровка» искаженных фамилий, установление личности человека, у которого только одно имя и известно,

установление связи с дальними территориями, которые упоминались в справках ЦАМО РФ о погибших, где могли проживать их родственники – отправка писем-запросов на места. Использование сайтов «Одноклассники» и «Мой мир», размещение фотографий воинов на сайте «Жди меня» (правда, последнее нам так ничего и не дало).

Результатом всей работы стало:

•Установление связи со многими семьями погибших, в большинстве случаев ничего не знавшими о судьбах своих родных. Выяснилось, что еще живы вдовы, сестры и братья воинов, их родные дети и племянники, подросли внуки, правнуки, праправнуки.

•Увековечение имен героев-офицеров в 20-м томе Книги Памяти Москвы, изданной к 65-летию Великой Победы в 2010 г., и передача Книг Памяти в торжественной обстановке в семьи погибших.

•Подготовка и издание в 2012 году книги «Горькая память» Е.А. Ивановой, Б.И. Рытикова в рамках издательской программы Правительства Москвы. Задача книги – сохранить для потомков, особенно молодых людей, светлую память и горькую правду о трагических страницах войны, бессмертных подвигах их дедов и прадедов, их тяжелых страданиях и борьбе в немецко-фашистском плену.

•Проведение презентации книги «Горькая память» в Московском доме общественных организаций с приглашением родственников офицеров-москвичей, ветеранов войны, представителей «Народного союза» Германии, поисковиков, школьников.

•По нашей просьбе Московский городской военный комиссариат подготовил памятные Свидетельства *«Светлой памяти ушедших на Великую Отечественную войну из Москвы и отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины»* за подписью Военного комиссара города Москвы В. Регнацкого, которые также были вручены семьям погибших.

•Как следствие всей работы, проходили и проходят поездки родственников к родным могилам, как бы далеко они не находились.

В основу книги «Горькая память» легли не только документальные материалы, но и семейные воспоминания и фотографии. Книга стала рукописным памятником погибшим героям, написанным их благодарными потомками.

Фото 9, 10 и 11. Презентация книги «Горькая Память…» (2012 г.). На фотографиях Марина Никоновна Суслова - сотрудник Комитета общественных связей и молодежной политики Правительства г. Москвы; Алевтина Николаевна Макарова – родственница погибшего в дулаге-184.

Как отмечала писательница Елена Кононенко, в Великую Отечественную войну – военный корреспондент газеты «Правда», племянница Кононенко Петра Викторовича, политрука штаба (артиллерии) 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района г. Москвы, погибшего в немецком плену: *«Появление книги на свет разрушает стену забвения, несправедливо отделявшую память о наших героических отцах и дедах от той священной памяти о героях Великой Отечественной войны, которая живет в сердцах россиян. Мы в ответе перед павшими в оборонительных боях и концлагерях российскими воинами за то, что имена их до недавнего времени находились за занавесом бесславия, молчания».*

Очень трогает то, что дети погибших воинов выросли замечательными достойными людьми, состоялись в жизни, как в профессиональном плане, так и в личном, в духовном. Они остались детьми своих отцов. Среди них профессора и ученые, лауреаты государственных премий и кавалеры орденов, блестящие медики и педагоги, геологи и военные, директора заводов и выдающиеся спортсмены, люди и рабочих, и творческих профессий, даже путешественники есть. Нам очень посчастливилось быть знакомыми с этими прекрасными людьми!

Преступный факт наших сегодняшних реалий – многие из осиротевших «детей войны», отдавших государству свой труд и талант, после выхода на заслуженный отдых, были оставлены государством за чертой бедности, получают мизерные пенсии. Последнему Поколению в Истории военных лет, несмотря на многолетние обращения в государственные структуры России, отказано и в присвоении статуса «Дети войны».

Вяземские пересыльные лагеря военнопленных. Лазаретные списки

С 2008 года работа Ассоциации по увековечению памяти офицеров-москвичей, не прерываясь, переросла в поисковую работу по увековечению памяти защитников Москвы, трагически погибших в немецких пересыльных лагерях г. Вязьмы Смоленской области – дулагах №№ 230, 231, 184 в период гитлеровской оккупации с октября 1941 г. по март 1943 г.

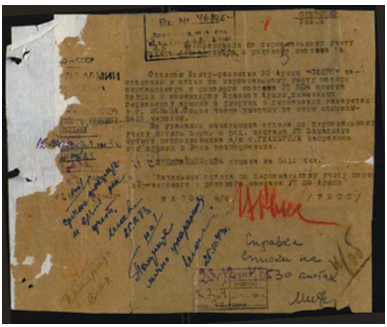
Нам передали небольшую книжечку «Долг памяти» вяземских краеведов А.Л. Какуева и И.В. Долгушева, выпущенную тиражом в 200 экземпляров[80]. В ней были опубликованы «Списки бойцов и командиров Красной армии, плененных германской армией и умерших в германских лазаретах в г. Вязьма» за семь неполных месяцев 1942 г., обнаруженные контрразведкой «СМЕРШ» 33-й армии при освобождении города.[81]

Приступая к работе с вяземскими списками, которые нуждались в исследовании, никто из нас

[80] «Долг памяти», составители А.Л. Какуев, И.В. Долгушев. Смоленск: Маджета, 2005. 172 с.

[81] Донесение Отдела контрразведки «Смерш» 33-й армии. ЦАМО. 9 отдел. Д. 101-1555-1 за 1943 г.; входящее донесение о военнопленных № 46925с. от 12.11.1943. Оп. 18001. Д. 1200. Л. 1.

Фото 12. Донесение Отдела контрразведки «СМЕРШ» 33-й армии с приложением списков «…бойцов и командиров Красной армии, плененных германской армией и умерших в германских лазаретах в г. Вязьма» за семь неполных месяцев 1942 г.



не предполагал, что она затянется на много лет, и кроме уточнения имен и судеб людей и поиска их родных, нам годами придется отстаивать жертвенный подвиг, честь и достоинство защитников Родины, возрождать их братские могилы.

С горечью приходится констатировать, что работа по увековечению памяти жертв немецких пересыльных лагерей в Вязьме велась нами фактически с чистого листа.

На момент первого организованного приезда осенью 2008 г. в Вязьму группы родственников московских ополченцев, семьи которых нам удалось найти, там не было ни одной обозначенной могилы военнопленных. Мы посетили тогда только памятник у действующего мясокомбината – символическую памятную стелу с колоколом, к которой возложили цветы и венки. За стелой открывался неухоженный пустырь с мусорными свалками и облезлым полуразрушенным железобетонным забором мясокомбината, часть которого была врыта, как потом выяснилось, в один из погребальных рвов. На подступах к стеле находились помойки, сараи, заброшенные огороды. Жители примыкающего к стеле частного сектора жаловались, что по вечерам на площадке у обелиска собирались «асоциальное элементы» – бомжи, наркоманы и пьяницы.

Фото 13. Первый памятник военнопленным в Вязьме, снесенный по решению властей в 1980 г. На фото – бывший узник дулага-184 А.П. Тетцов из Тюменской области (1973 г.). Дважды бежал из лагеря, храбро воевал в спецгруппе «Вихрь» НКГБ БССР в тылу врага. К памятнику им возложен венок с лентой «Погибшим воинам ... от доктора Гасса» (имея фельдшерское образование, до заключения в лагерь лечил раненых бойцов в «подпольном» госпитале д. Тихоново). Искал своих боевых товарищей.

Фото 14. Стела в память о жертвах дулага-184, установленная вновь по требованию местных жителей. На фото – участники первой поездки в Вязьму родственников московских ополченцев 25-26.10.2008 года.

Недалеко от стелы виднелось основание первого памятника пленникам дулага-184, установленного в 1965 г. и, как выяснилось, ликвидированного решением местных властей через 15 лет, в 1980 г. Это были те самые места, где в 1943 г. после освобождения Вязьмы официально было зафиксировано 45 погребальных рвов с останками погибших! После освобождения города в марте 1943 года газета «Известия» писала о вяземском лагере военнопленных: *«...Попавшие в*

страшный подвал через неделю, самое большее через две, переселялись на кладбище. Оно тут же рядом, на пустыре. Огромные насыпи, метров десять-пятнадцать шириной и метров шестьдесят-сто в длину»[82].

Фото 15 и 16. Советские военнопленные под Вязьмой. Бараки дулага-184. Октябрь 1941.

[82] ЦГАОР СССР. Ф. 7021. Оп. 44. Д. 620.

Обескураженные увиденным, мы обратились за разъяснением в вяземскую администрацию, написали коллективное письмо Главе администрации Вяземского городского поселения В.А. Семейкину. Но никакого встречного движения со стороны властей не последовало.

Созданная нами общественная организация Оргкомитет «Вяземский мемориал», в который вошли потомки погибших военнопленных из многих городов России, поисковики, ветераны и краеведы, предлагала:

• Создать на месте немецкого пересыльного лагеря дулаг-184 в Вязьме – месте массовой гибели бойцов и командиров РККА, призванных практически из всех республик бывшего СССР, большинства субъектов Российской Федерации, единый мемориальный комплекс в память о защитниках Родины, принявших нечеловеческие муки и страдания в немецко-фашистском плену.

• Провести в Вязьме исследовательскую работу, включающую в себя опрос местного населения, работу с архивными документами и воспоминаниями очевидцев, а также, возможно, полевые работы на местах предполагаемых захоронений. Добиться максимального включения в мемориальную

зону мест с вновь выявленными погребениями военнопленных.

•Решить вопрос о возможности поименного увековечения погибших воинов на памятных плитах мемориального комплекса.

В обращении родственников основные мероприятия по увековечению памяти узников дулага-184 предлагалось осуществить к 65-летию Победы (2010 г.), затем к 70-летию Московской битвы, или, непосредственно, к трагическим и героическим событиям октября 1941 г. под Вязьмой (2011 г.). Как это было наивно с нашей стороны!

Вяземская администрация считала достаточным видеть мемориальной зоной «пятачок» 50 м х 40 м вокруг символической стелы, хотя эта территория далеко не включала в себя места с массовыми захоронениями.

Несмотря на требования родственников, администрация ничего не предпринимала даже по поводу такого вопиющего факта, как врытый буквально в огромный погребальный ров прямо в человеческие кости, бетонный забор мясокомбината. Это дважды подтверждали официальные отчеты ГКУ «Смоленский областной центр «Долг» по итогам межрегиональной «Вахты Памяти» 1999 г. и повторного обследования данной территории в 2011 г., в ходе которого были вторично подтверждены места погребений под забором мясокомбината. Этот факт не заставил ужаснуться ни владельцев мясокомбината, ни чиновников. В отчете № 583 от 01.12.2011 г. Центра «Долг» о проведении поисковых работ сообщалось:

«Обследовалась территория в районе памятного знака дулаг-184:

• вдоль ограждения Мясокомбината с обеих сторон (в т.ч. и на территории комбината);

• от мемориала до частного сектора, выходящего на ул. Кронштадтская (приусадебных огородов);

• заросшего пустыря за мемориалом параллельного ул. Репина.

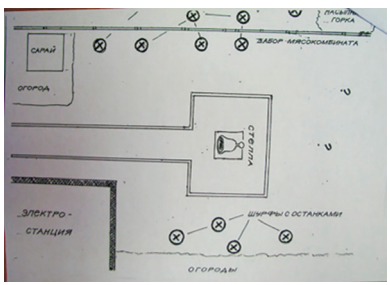


Фото 17. Схема вырытых шурфов с останками, подтвердивших захоронения военнопленных.

В результате работ обнаружено не менее 12 захоронений на глубине от 30 до 180 см. Костные останки в них определены, как человеческие. Работы проводились исследованием грунта на однородность и наличие костных останков щупами. Было также заложено 15 шурфов.

Выводы и предложения:

1. Необходимо обследовать более тщательно территорию на пустыре и за мемориалом, т.к. там не найдены захоронения, но нет твердых доказательств их отсутствия. Работа осложнена наличием в земле большого количества бытового и строительного мусора.

2. Организовать в мае 2012 года экспедицию по подъему и перезахоронению останков военнопленных совместными усилиями.

К отчету прилагается схема с указанием найденных захоронений.

Директор областного центра «Долг» Н.Г. Куликовских»

Отчет поступил в Администрацию 02.12.2011 г. Но запланированная на май 2012 г. экспедиция по перезахоронению останков военнопленных не проводилась, не была обследована и территория на пустыре и за мемориалом.

В знак протеста против бездействия вяземских властей во время коллективной поездки 30 апреля – 1 мая 2011 г. в Вязьму в канун Дня Победы родственники вывесили на бетонный забор фотографии своих погибших отцов, возложили живые цветы. А приехавшая из Алтая семья Скуратовых опустилась на колени перед поруганной могилой.

Причиной отказов убрать забор с захоронения, расширить мемориальную зону у памятной стелы являлось частная собственность на землю – массовые захоронения советских военнопленных после приватизации

Фото 18 и 19. Родственники погибших военнопленных – участники 5-й коллективной поездки в Вязьму 30.04 – 01.05.2011 г. У забора «мемориального» мясокомбината.

90-х гг. оказались на территории частного предприятия – мясокомбината ООО «Супрема-АГРО» (с 2018 года ООО «Вязьмамясопродукт» и по тому же адресу ООО «Вяземские консервы»). В годы немецкой оккупации именно здесь, в здании недостроенного авиационного завода находилось основное место размещения военнопленных дулага-184.

Владельцем мясокомбината по настоящее время является известный вяземский предприниматель широкого профиля А.Г. Павлов, с 2001 г. депутат Смоленской областной Думы от фракции КПРФ (в прошлом первый секретарь ГК КПСС г. Вязьма), с 2016 года – почетный гражданин г. Вязьма, недавно награжденный почетным знаком «За заслуги перед Смоленщиной» в связи с 30-летием Смоленской областной Думы.

Вяземская администрация такую ситуацию всецело поддерживала. Как писал в Оргкомитет «Вяземский мемориал» Глава городской администрации В.А. Семейкин: «Никто не может быть лишенным своего имущества, иначе, как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Средств для равноценного возмещения стоимости земель, не принадлежащих Вяземскому городскому поселению…, …в бюджете нет»[83].

Родственники погибших писали руководству города: *«Нам непонятно, Виктор Иванович, почему работа по созданию мемориального комплекса памяти наших отцов и дедов, чего мы добивались три года подряд, осуществляется ныне без взаимодействия с Оргкомитетом родственников «Вяземский мемориал»? На совместное совещание по данному вопросу городской администрации с представителями Москвы родные погибших приглашены не были, с предполагаемыми планами не ознакомлены.*

…Считаем такое положение дел оскорбительным для родственников погибших защитников Родины, проявлением неуважения по отношению к многочисленным семьям погибших, найденным поисковиками МАОПО «Народная память о защитниках Отечества», волонтерами поисковых сайтов.

Мы, родственники погибших защитников страны, имеем право и хотим заблаговременно знать, что будет представлять

[83] Письмо председателю Оргкомитета «Вяземский мемориал» Р.И. Низаметдиновой от 07.07.2011 № 961101-02-21.

из себя памятное место. что создается на месте гибели и захоронений наших отцов, братьев, дедов и прадедов? Как обстоит дело с захоронениями военнопленных, которые находятся на территории мясокомбината, под частными огородами и др.? Как решается вопрос с поименным увековечением павших героев? Каковы планы администрации по приведению в порядок всех захоронений советских военнопленных в г. Вязьме. Непонятна судьба проекта художников В.М. Чайки и архитектора Г.И. Константинова, одобренного родственниками и рабочей группой Российского организационного комитета «Победа».

Ждем Вашего ответа на поставленные и очень важные для нас вопросы (Председатель Оргкомитета родственников «Вяземский мемориал», внучка погибшего ополченца Р.И. Низаметдинова. Дети погибших в дулаге № 184 воинов А.С. Лаврова, А.Н. Макарова (Антропова), Б.Э. Крапивская, И.С. Дедкова, Л.А. Емельянова, А.В. Никитков, Р.Ш. Кожухова. А.В. Хритинина (Русанова), С.А. Иксанова, Е.Я. Шамшина).

По истечению времени стало понятно, что игнорирование вопроса увековечения памяти военнопленных, их подвига, как защитников Родины, Москвы – официальная политика администрации Вязьмы, и что изменений просто так не последует.

Фото 20. Обсуждение архитектурного проекта благоустройства военного кладбища при лазарете №1 дулага-184. 2011 год.

Даже когда житель Вязьмы Заслуженный художник России Виктор Чайка, с которым мы познакомились в ходе поездок, в 2011 г. создал проект мемориального комплекса у мясокомбината, отражающий масштабы трагедии, а еще несколько лет спустя вяземский архитектор Г.И. Константинов безвозмездно, как и его коллега, подготовил проект благоустройства мемориальной зоны в районе Красноармейского шоссе на месте заброшенного братского кладбища у бывшего лазарета № 1 (при этом был изготовлен и сам памятник и даже заложен на территории бывшего лазарета под него фундамент)

– вяземская администрация эти проекты даже не рассматривала.

В 2012 г. была фактически сорвана деятельность специально созданной по предложению бывшего Губернатора Смоленской области С.В. Антуфьева *«рабочей группы по всестороннему рассмотрению вопроса мемориализации места захоронения советских военнопленных на месте пересылочного лагеря дулаг № 184»,* в которую вошли родственники погибших и поисковики (председатель – Глава Администрации муниципального образования «Вяземский район» Смоленской области И.В. Демидова). Комиссия фактически прекратила работу после второго заседания в конце января 2012 г. без объяснения причин со стороны ее руководства, хотя вопрос увековечения памяти защитников страны с участием родственников и поисковиков решен так и не был. На третье заседание нас просто не пригласили, о принятых решениях даже не сообщили.

В своих замечаниях на протокол № 2 Заседания рабочей группы мы писали: *«Наши отцы, деды и прадеды погибли на вяземской земле. Они отдали свои жизни за Свободу и Независимость Родины, за мирное небо. Потомки погибших воинов приезжают в Вязьму из всех уголков России, из бывших республик СССР, чтобы поклониться подвигу своих родных. И мы не понимаем, почему на протяжении стольких лет вопрос увековечения их памяти в городе Воинской Славы стоит на месте. Ближайшим родственникам погибших воинов – их вдовам, братьям и сестрам, детям и даже внукам – уже много лет. Они хотят при жизни увидеть мемориал памяти своим родным! Однако, даже в ходе заседаний рабочей группы 26 декабря 2011 г. и 25 января 2012 г. по всестороннему рассмотрению вопроса мемориализации места захоронения советских военнопленных, погибших в немецком пересыльном лагере дулаг № 184 г. Вязьмы, первостепенный вопрос по определению границ мемориальной зоны по ул. Репина, так и не решен.*

Мы по-прежнему настаиваем на том, чтобы обследование территории бывшего лагеря военнопленных охватило всю территорию с предполагаемыми захоронениями погибших воинов». Только после этого может быть поставлен вопрос «о благоустройстве и ограждении захоронения советских военнопленных по ул. Репина» и, тем более, составлена смета «благоустройства захоронения советских военнопленных по ул. Репина с

учетом дополнительного финансирования из областного бюджета» и других источников. Мы об этом просили почти четыре года назад после первой коллективной поездки родственников защитников Отечества в Вязьму в 2008 г. От этого обследования зависит принятие архитектурного проекта, его сметная стоимость, начало строительства - то есть вся дальнейшая работа по увековечению памяти защитников Москвы. Но воз пока и ныне там.

От имени семей погибших в немецком пересыльном лагере дулаг № 184 защитников Москвы, Председатель Оргкомитета «Вяземский мемориал», дочь погибшего защитника Москвы А.С. Лаврова. 22.02.2012 г.».

Фото 21. «И не было бы весны у 45-го, без тех, из 41-го, солдат». 9 Мая 2013 г.

Фактическое отстранение родственников погибших в дулаге-184 и поисковиков-исследователей от решения важных вопросов происходило потому, что мы снова и снова ставили неудобные вопросы и последовательно добивались их решения – о включении части территории мясокомбината с захоронениями погибших воинов в мемориальную зону и проведение дальнейшего обследования территории.

В 2013 году Оргкомитет «Вяземский мемориал» подал в Вяземский районный суд «Исковое заявление в части нарушения органами местного самоуправления законодательства Российской Федерации о погребении и увековечении памяти погибших при защите Отечества о праве родственников погибших в фашистском пересыльном лагере дулаг-184 защитников Отечества на их захоронения». Суд решил в удовлетворении исковых требований отказать, сочтя их необоснованными, и ссылаясь на некие земельные участки с кадастровыми номерами, которые *«включены в перечень воинских захоронений и после проведения поисково-разведывательных работ переданы в постоянное (бессрочное) пользование Администрации Вяземского городского поселения Вяземского района Смоленской области для размещения и обслуживания места массового погребения советских воинов, умерших от ран в госпитале. Кроме того, разрешенное использова-*

ние данных земельных участков соответствует целям создания мемориальных зон согласно постановлению № 302». Решение было вынесено 19 февраля 2014 года. Таким образом, сознательная политика уничтожения воинских захоронений в 1980-е годы настолько укоренилась в современных реалиях Вязьмы, что эту память, действительно, удалось стереть и минимизировать до пары «пятачков» захоронений, что настойчиво предлагалось принять и потомкам погибших.

Александра Степановна Лаврова, председатель Оргкомитета родственников «Вяземский мемориал», с горечью отмечала: *«Нас, родственников защитников Отечества, оскорбляет то, что рядом на Смоленщине идут преобразования. В Духовщинском районе обустроили сборное кладбище немецких солдат. В то время как в Вязьме лежат десятки тысяч наших защитников – советских воинов, могилы которых никак не обозначены, а то и попраны. Пример тому – территория немецкого пересыльного лагеря дулаг-184, транзитных лагерей* № 230 и 231».

Памятники защитникам Отечества, погибших в немецком плену, были, как выяснилось, снесены и в других районах Вязьмы – в 1980 г., как и памятник у мясокомбината (ул. Репина, 16), по Красноармейскому шоссе на месте бывшего лазарета № 1, еще раньше – на территории Вяземского завода синтетических продуктов («ВЗСП»), где располагался в годы оккупации лазарет № 2. Лазарет № 3, находящийся предположительно в районе сквера Светланы Савицкой между улицами 25-го Октября, Репина и Загородным переулком, был застроен домами, затем и торговым комплексом… Возможные погребения за послевоенные десятилетия полностью утрачены.

Особенно тяжелое впечатление оставляла судьба воинского кладбища лазарета № 1 на Красноармейском шоссе.

В соответствии с генеральным планом развития и благоустройства города, руководством Вязьмы было принято решение № 299 «О перезахоронении останков советских граждан и военнослужащих, погибших в годы Великой Отечественной войны в фашистских лагерях военнопленных, на Фроловское городское кладбище» из братских могил на пересечении ул. Репина и Кронштадтской и у 1-го лазарета по Красноармейскому шоссе на городское Фроловское гражданское кладбище». Что и состоялось с 20 по 25 октября 1980 г.

Ухоженные горожанами братские могилы на территории лазарета № 1 раскатали бульдозерами, объявив о мнимом перезахоронении на Фроловское кладбище (это подтверждается документами Вяземского городского архива о наличии здесь захоронений, протестные обращения в Администрацию г. Вязьмы жителей города, отсутствие акта о перезахоронении и др.), застроили многоквартирными домами и детским садиком, заняли частными огородами. Святое место со временем превратилось в настоящую городскую свалку. Родственники, впервые увидев эту чудовищную картину осенью 2011 г., были потрясены!

В 2012-2013 гг. солдатские могилы заливало фекалиями из канализационных труб, проведенных в зону захоронений. В октябре 2013 г. об этом прошла передача по НТВ.[84] Сюда же под захоронения были проведены газопроводы и электрокабели.

Люзина вспоминает: *«Прислали солдат, поверхностно вскрыли две-три могилы и в нескольких гробах условно «перезахоронили» все кладбище (у лазарета № 1). Затем бульдозерами переутюжили оставшиеся могилы (более 30). Кости и черепа валялись*

Фото 22 и 23. На месте погребальных рвов лазарета № 1, Вязьма, Красноармейское шоссе. Октябрь. 2011 г.

везде, останки размывались дождями… Мой отец, Люзин Нил Дмитриевич, 1917 г.р., участник Великой Отечественной войны, инвалид I группы, присутствовал при этом варварском уничтожении воинского кладбища и всячески пытался остановить вакханалию. После этого ему вызывали «скорую».

На следующий день он позвонил горвоенкому и спросил его: «За что вы так поступили с захоронениями солдат?». На что получил ответ: «Что ты беспо-

[84] http://www.ntv.ru/novosti/728540

коишься, ведь там лежат предатели». Этот ответ так возмутил отца, что он стал писать во все инстанции с требованием восстановить захоронения. Благодаря его обращениям в Вязьму из Смоленска приезжала комиссия — разбирались, фотографировали. Выяснилось, что землю с массовыми погребениями защитников Отечества планировалось отвести под строительство пятиэтажного дома. Глумление…

Вернувшись в Вязьму в 2004 г. после длительного отсутствия и разбирая домашний архив, я нашла эту переписку и стала расспрашивать мать о тех событиях. Затем пошла и посмотрела, что осталось от захоронений. И мне стало нехорошо. Я увидела настоящую помойку, заросли, там выгуливали собак, вешали белье — и все это на солдатских костях!»

Об этом же свидетельствовал Николай Иванович Романов, старожил Вязьмы: *«Школа № 5 следила за захоронением, там принимали в пионеры и т. д. Но в 1979 г. бульдозером братскую могилу снесли, черепа покатились, и пацаны давай играть в футбол… Люди повозмущались, а потом написали в газете, что снесли братскую могилу в общую братскую могилу на Фроловское кладбище… Это сейчас Лютовский овраг засыпан, а так каждый год и школьники, и с производства ходили перезахоранивать трупы».*

Но через четыре года решением исполнительного комитета Смоленского областного Совета народных депутатов от 4 мая 1984 г. № 251 «О дополнении и частичном изменении решения исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 11 июня 1974 года № 358» из списка памятников Смоленской области в Вяземском районе были *исключены* братская могила по ул. Кронштадтская и братское кладбище у железнодорожной поликлиники ввиду *«перезахоронения на Фроловское кладбище» (*Приложение № 2 к решению исполкома областного Совета народных депутатов от 04.05.1984 № 251). И это, несмотря на массовые протесты и возмущения жителей города, школьных коллективов, которые многие годы ухаживали за солдатскими захоронениями.

Такие же недопустимые действия совершались с захоронениями военнопленных у мясокомбината. Но здесь через некоторое время по категорическому требованию местных жителей, особенно шефствующего коллектива средней школы № 2, на месте прежнего памятника была установлена высокая памятная стела

с колоколом. На ней были выбиты слова: «Величие подвигов будет в веках, как солнце, сиять величаво. Замученным зверски и павшим в боях — вечная память и вечная слава! Советским воинам и гражданским лицам, замученным и расстрелянным немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1943 гг.». Много позже выяснилось, что памятная стела была построена на народные деньги, и можно и нужно было сохранить ее рядом с мемориалом С.А. Щербакова в знак уважения перед неравнодушными, болеющими за сохранение памяти людьми. Но этот вопрос видимо в Вязьме не обсуждался, а сама стела с колоколом вскоре куда-то пропала.

Однако конкретные места захоронений при этом восстановлены не были, как и не были внесены на тот момент в Реестр памятников истории и культуры.

Ввиду упорного нежелания администрации Вязьмы изменить ситуацию, мы вынуждены были обращаться к губернаторам Смоленской области С.В. Антуфьеву и А.В. Островскому, в главные государственные структуры – дважды к президенту РФ Д.А. Медведеву (2009 г., 2011 г. Второе письмо подписали члены 98 семей погибших воинов из многих регионов России, из Украины, Литвы, Беларуси), в Управление по увековечению памяти Минобороны России, к Святейшему патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу, в ветеранские организации, во Всероссийскую политическую партию «Единая Россия», к помощи средств массовой информации. С 2009 года несколько лет подряд вопрос рассматривался на заседаниях рабочей группы № 3 Комиссии по увековечению памяти погибших при защите Отечества при Российском организационном комитете «Победа», куда приглашались с отчетами представители административных структур г. Вязьмы. В Вязьму выезжал заместитель начальника Управления Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества Андрей Леонидович Таранов. Поднимали тревогу ветеранские организации Москвы, обращавшиеся к Губернаторам Смоленской области и руководству г. Вязьма, Советы ветеранов московских ополченческих дивизий.

В прессе и по ТВ (ТК «Звезда», ТВЦ, НТВ и др.) прошли десятки острых публикаций и передач на тему «мемориального мясокомбината». Но так как последнее слово по существующему закону оставалось за органами местно-

го самоуправления (Закон РФ от 14 января 1993 г. N 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» (с изменениями и дополнениями), ст. 10) – по инстанциям отсылались стандартные ответы-отписки, и долгое время все оставалось без движения.

Международный поиск. Беспрецедентный опыт

Во многом благодаря поисковым сайтам (прежде всего, Солдат.ру и «Люди и война»), посвященным теме дулага-184, наша работа была поддержана поисковиками-волонтерами России, других стран СНГ, Германии и Израиля. Активное участие в поисковой работе приняли и родственники военнопленных. *«…Была проведена титаническая работа, объединившая поисковиков всего постсоветского пространства. Каждый вел поиск родных погибших солдат своими методами. Но для начала надо было перелопатить массу информации, документов и записей, чтобы правильно определить регион поиска родных, так как фамилии и места рождения бойцов были сильно искажены.*

Требовалась тщательная правка и сопоставление с архивными источниками. Далее были направлены письма-запросы губернаторам краев и областей. И – о чудо!!! Сработало!» (Ирина Яркова, поисковик, г. Тюмень).

Были исследованы и уточнены списки погибших в дулаге-184 – с именами 4 037 человек – военнопленных и гражданских лиц (в том числе стариков, женщин, детей). Для получения этих данных из общих Списков были исключены повторяющиеся имена (объединены в одну персоналию), имена узников, погибших не в Вязьме, как выяснилось, а позже, в других местах (в плену или в бою), и выживших узников, вернувшихся домой после войны. В отдельную группу выделены упоминания о людях, числившихся в списках как «Неизвестные», поступивших в лазареты «в бессознательном состоянии», «в агонии», «без документов» (общим числом в 1 239 человек).

В исследовательской работе поисковики использовали документы Обобщенного электронного банка данных «Мемориал» Минобороны РФ (www.obd-memorial.ru), материалы региональных Книг памяти, электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», фонда израильского Мемориального комплекса Яд Вашем в Иерусалиме. Велась переписка с местными органами власти – главами регио-

нальных, районных и поселковых администраций, общественными поисковыми организациями России и стран СНГ, местными архивами и краеведческими музеями, советами ветеранов, учреждениями образования, отделениями милиции, военкоматами, отдельными гражданами. В поисковой работе были задействованы телефонные справочники стран, областей, городов; возможности интернета позволили устанавливать контакты через социальные сети, в частности «Одноклассники.ru», и электронную почту. Благодаря военному поисковику из Германии Алексею Кислицыну впервые широко использовались материалы немецких архивов и книг немецких историков.

Фото 24 и 25. Дочери на месте смерти своих отцов в дулаге-184.
Татьяна Шорина у стелы с портретом своего деда Гончаренко Георгия Ивановича (2010-7.01.1942)

При проработке списков лазаретов № 1, 2, 3 дулага-184 возникали определенные сложности: так, данные об одном и том же солдате могли встречаться до 5 раз, что, возможно, объясняется перемещением людей из одного лазарета в другой по мере ухудшения физического состояния солдат. Часто в списках отсутствовала фамилия солдата, и приводились только имя и отчество или только одно имя; в большинстве случаев фамилии воинов были искажены; встречалась неверная дата рождения; у половины солдат было искажено название места жительства: республики, области, района, города, села или деревни; случайно или сознательно неверно был указан номер воинской части. Все это в процессе поиска «расшифровывалось» и уточнялось.

Работа с самого начала приобрела международный аспект, ведь в вяземских лагерях погибли

защитники Отечества из всех республик Советского Союза.

По нашим данным военнослужащие, упомянутые в списках, были призваны из 73 регионов Российской Федерации: 20 республик в составе России – из 22 ныне существующих, 9 краев – из 9 существующих, 42 областей – из 46 нынешних, из двух городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга. В дулаге-184, согласно спискам, содержались граждане 12 из 16 республик СССР, включая Россию. И в этом состоит особая ответственность увековечения светлой памяти представителей практически всех народов Советского Союза, защищавших Родину, Москву, принявших нечеловеческие муки в фашистских лагерях смерти.

Из общего списка погибших была произведена выборка имен воинов, призванных из конкретных регионов России, Беларуси, Украины, республик Средней Азии и Казахстана, Закавказских республик. Имена погибших обобщались по областям и районам проживания людей с учетом многочисленных изменений в административно-территориальном делении. Подготовленные списки были разосланы в адрес республиканских и региональных поисковых организаций стран СНГ, размещены на различных поисково-информационных сайтах.

В списках погибших у 1 929 человек указана их национальность (учет велся только в 1-м и 3-м лазаретах). Если учесть, что в СССР проживало более 100 наций и народностей, то в данных списках представлено более четвертой их части – 30 национальностей! В том числе почти полностью – народы Европейской части СССР и Сибири, Средней Азии и Закавказья. Приведем эти данные: в списках погибших в лазаретах числится русских – 1 841 человек, украинцев – 170, татар – 74, белорусов – 31, чувашей – 12, башкир – 11, удмуртов – 9, мордвы – 8, марийцев – 7 человек. Погибло по одному человеку от национальностей – бурят, зырянин (старинное название народа коми), кабардинец, карел, якут. По два человека от национальностей – еврей, калмык, латыш, нанаец. Из народов республик Закавказья в лазаретах погибло: грузин – 13, армян – 11, азербайджанцев – 3, дагестанцев – 3, лезгин – 1, осетин – 1, абхазцев – 1. Из республик Средней Азии: узбеков – 9, казахов – 9, киргизов – 8, таджиков – 2, туркмен – 1.

«Родину защищала вся огромная многонациональная страна – Советский Союз. Вместе плечом к плечу наши отцы, деды и пра-

деды в 1941–1945 гг. шли в смертельный бой с фашистами, вместе они лежат в одних могилах Вяземского лагеря военнопленных. Такое нельзя забывать. Погибшие объединяют и нас, ныне живущих, в единую многонациональную семью. Почти десять лет мы вместе приходим поклониться их братским могилам за не дождавшихся весточек матерей и вдов, положить цветы. Пока мы помним, и мы есть одна семья, в каких бы отдаленных уголках страны люди ни жили» (Л.В. Шлепова, родственница ополченца 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы К.А. Виталя).

Общими усилиями поисковиками найдены семьи более 500 погибших (с близкой или дальней степенью родства), проживающих в России, других странах СНГ и Балтии, в странах дальнего зарубежья. Собраны семейные воспоминания, письма с фронта, фотографии, архивные документы. С 2008 г. ежегодно организуются коллективные и индивидуальные поездки родственников защитников Отечества к местам гибели своих родных в Вязьму. Родственники погибших приезжают из самых отдаленных уголков России, из Украины, Беларуси, Литвы, Канады.

Фото 26. Потомки красноармейца Дмитрия Семеновича Вохминцева (Нижегородская область), расстрелянного фашистами при побеге из лагеря, приехали из разных городов и сел России на встречу со своим отцом, дедом, прадедом. Дочери воина Зое Дмитриевне - 93 года (в центре). 26.06.2022 г., Вязьма.

Постоянно посещают места братских кладбищ в Вязьме потомки московских ополченцев, создавшие дружную целеустремленную организацию АНО «Сообщество потомков московских народных ополченцев Великой Отечественной войны», которая много сделала для увековечения памяти защитников столицы. При поддержке Московской городской Думы, Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы успешно реализуется программа военно-исторических поездок «Дорогами памяти Московского народного ополчения». Это тоже героическая и многострадальная Вязьма! В Москве законодательно установлена памятная дата столицы – День Московского на-

родного ополчения (1941 года) – 11 октября. Жаль только, что ветераны-ополченцы этого уже не узнают.

Фото 27. Ветераны-ополченцы около народного мемориала памяти жертв дулага-184 (слева направо): Анися Сафиевна Зенкова, ветеран 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы, член Московского комитета ветеранов войны; Ирина Трифоновна Филатова, ветеран 2-й дивизия народного ополчения Сталинского района г. Москвы, попала в плен под Вязьмой – бежала, Председатель Совета ветеранов дивизии. 12 мая 2011 г.

Фото 28 и 29. ***Шлячков Борис Иванович,*** *ветеран 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы. В 1941-м году ему было 17 лет, когда Борис записался в ополчение. Во время окружения под Вязьмой был схвачен фашистами раненым в ногу, находился в госпитале в Вязьме, где наши пленные врачи «на живую» без наркоза сделали ему тяжелую операцию. Прошел шталаг в Молодечно в Беларуси, лагеря в Германии и Чехословакии. Бежал из плена, воевал с партизанами и в Красной армии до конца войны.* ***Одноклассники Борис Шлячков, Юрий Курнашов****. Москва, 1940 г. «Мой одноклассник, лучший товарищ мой, Юра Курначев (он жил на 3-й Сокольнической улице в Москве, а наша школа в Сокольниках была, деревянная) – погиб под Вязьмой. Мы записались с ним вместе во 2-ю дивизию народного ополчения Сталинскую на военном заводе № 615 на Большой Семеновской, дом 40, но попали с ним в разные части».*

В последние годы силами Фонда сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «МИР РАДИ ЖИЗНИ» (президент А.А. Новиков) по программе «Памяти Московского народного ополчения», инициированной Московской городской Думой и поддержанной Правительством г. Москвы, были организованы несколько военно-исторических поездок по местам бывших лагерей военнопленных на Смоленщине и в Республике Беларусь, в которых приняли участие и семьи погибших в дулаге-184.

Поисковиками собраны воспоминания бывших узников дулага-184, вяземских пересыльных лагерей № 230 и 231, чудом выживших и вернувшихся домой. Некоторые из них бежали из плена, героически сражались с фашистами до конца войны, были награждены боевыми орденами и медалями. В ходе работы установлены имена более 60 военврачей и медработников вяземских лагерей – именно они вели записи имен погибших пленников. Найдены семьи некоторых из них, в том числе семьи главных врачей лазаретов № 1 И.И. Семко (г. Сталино – Донбасс), Е.Г. Посохина (г. Краснодар), Н.Ф. Шулейко (г. Курск), П.Г. Степанова (Новосибирская область, 166-я Сибирская стрелковая дивизия); лазарета № 2 – М.Ю. Чуловского (г. Москва). Оказалось, что некоторые из военврачей, пройдя с октября 1941 г. весь ужас немецко-фашистского плена, вернулись домой, успешно продолжили свою работу в мирные дни. Некоторые оставили в семьях личные дневники, письма, имена и адреса своих товарищей по плену. Теперь записаны и воспоминания их ближайших родственников. В книге И.Г. Михайлова «Рожденная и погибшая под Вязьмой (Боевой путь 248-й стрелковой дивизии первого формирования)», вышедшей в 2010 г., опубликованы воспоминания военного врача медсанбата 902-го стрелкового полка 248-й стрелковой дивизии Алексея Сергеевича Шубина (г. Москва), бывшего узника вяземского лагеря, записанные со слов его сына Сергея Алексеевича Шубина.

Сравнительно недавно новополоцкий поисковый отряд «Разведчики Воинской Славы» (руководитель Светлана Комогорцева) установил имена еще нескольких советских военврачей и бойцов, попавших в плен в вяземском окружении и переправленных затем из Вязьмы в шталаг-354, который располагался рядом со ст. Боровуха под г. Полоцком Витебской области в Беларуси (сейчас

микрорайон Боровуха-1 города Новополоцка). Там чудом сохранились списки узников лагеря, спрятанные военврачом 215-го медсанбата 166-й Сибирской стрелковой дивизии С.В. Беляевым под стропилами здания, где содержались военнопленные, его послевоенные письма в поисковый отряд, воспоминания. По найденным спискам ведется работа по поиску родственников погибших.

Легенды военного плена. Федор Полетаев. Александр Печерский

При проведении исследовательской работы поисковиками были получены новые сведенья о существовании в лагере военнопленных подпольной организации, его тесной связи с партизанским движением. Установлены новые имена героев плена, прошедших вяземские дулаги – среди них Герой Советского Союза, Национальный герой Италии Фёдор Андрианович Полетаев (с его внуком Фёдором Михайловичем Полетаевым мы встретились в Рязани на презентации книги «АД-184») и его товарищи по вяземскому плену и Итальянскому сопротивлению летчик Николай Петухов и кировчанин красноармеец Николай Кочкин.

В вяземском лагере некоторое время находился, попавший в плен при прорыве из окружения, младший лейтенант 596-го корпусного артиллерийского полка 19-й армии Александр Печерский, прошедший затем страшные лагеря военнопленных в Борисове и Минске, ставший организатором и руководителем восстания заключенных 14 октября 1943 г. в лагере смерти «Собибор» в Польше. История лагеря уничтожения «Собибор» стала частью обвинений на Нюрнбергском процессе. Об этом лагере написан целый ряд книг, сняты художественные и документальные фильмы. В мае 2018 года в российский прокат вышел художественный фильм «Собибор», фрагмент которого был продемонстрирован затем в Бундестаге. Ранее, 29 января, этот фрагмент публично представили Президенту Российской Федерации В.В. Путину и премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху на открытии выставки «Собибор: победившие смерть» (г. Москва).

Именем Александра Печерского в ряде городов России, в том числе в Москве, и в Израиле названы улицы, в его честь открыты памятники и мемориальные доски. Имя Печерского включено в школьные учебники по истории Отечества. В январе 2016 г. Указом

Президента России В.В. Путина он был посмертно награждён Орденом Мужества.

Установка мемориала Российским военно-историческим обществом

В марте 2014 года Оргкомитет «Вяземский мемориал» обратился к Российскому военно-историческому обществу с просьбой помочь в увековечении памяти защитников Отечества в Вязьме. И уже через три месяца 21 июня 2014 г. накануне Дня памяти и скорби трудами Российского военно-исторического общества под председательством Министра культуры РФ Владимира Мединского в Вязьме на пересечении улиц Репина и Кронштадтской был установлен грандиозный мемориал, по своей концепции не имеющий аналогов в мире.

Фото 30 и 31. Открытие в Вязьме Мемориала памяти сотен тысяч советских военнопленных, мученически погибших в фашистском пересыльном лагере дулаг-184. Выступает Министр культуры РФ В.Р. Мединский. 2014 год.

Автор мемориала, народный художник России, скульптор Салават Щербаков использовал при его создании до шестидесяти фотографий погибших военнопленных, предоставленных поисковикам их родственниками. На памятнике увековечена записка Степана Маркеловича Крутова, бойца 58-го кавалерийского полка 45-й кавалерийской дивизии, чьей рукой и сердцем была написана записка *«Дорогие русские люди, соотечественники! Не забывайте нас! Мы, что могли бороться, боролись с фашистским псом. ...Нас захватили в плен раненых, истекаем кровью, и морят голодом, издеваются над нами... Много народу уже померло от голода и побегов… Кто после нас будет жить, пускай помнят, что люди боролись за свою Родину, любили ее, как мать. Мы непобедимы!»*.

Это послание стало своего рода эпиграфом к теме советских военнопленных, как символ веры

в свою Родину, свой народ. Веры в Победу.

В боях под Смоленском, раненый в ногу и контуженый, С. Крутов оказался в плену. При перегоне колонны пленных в Смоленск он вбросил записку, спрятанную в гильзе патрона крупнокалиберного пулемёта, в толпу местных жителей. Найдена она была уже после войны в 1963 г. двенадцатилетним мальчишкой из посёлка Хиславичи Смоленской области. А Степан Крутов прошёл ужас трёх нацистских лагерей. При интернировании его в четвёртый концлагерь уже во Франции Степан с группой французов совершил дерзкий побег и героически сражался вместе с товарищами во Французском сопротивлении.

Фото 32. Три брата, три героя. Вечная благодарная память! (Из семейного архива Крутовых)

Мы установили тесную связь с родственниками Степана Маркеловича Крутова. В Москве до недавнего проживал его родной брат Денис Маркелович Крутов (1926 – 2022 гг.), также участник войны. На фронт он ушел 16-летним юношей, прибавив себе два года. Второй брат Василий был минометчиком и танкистом, и тоже прошел всю войну от начала до конца, освобождал Варшаву и Берлин. Проживают в Москве племянницы героя – Вера Денисовна и Любовь Денисовна. В подмосковном Пушкино – его дочь Валентина Степановна и внук Олег. Родственники посетили музей «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» в Смоленске, где в подлиннике хранится записка С.М. Крутова, присутствовали в Вязьме на презентации книги «АД-184» у мемориала. Помнят и гордятся.

В церемонии открытия мемориала 21 июня 2014 г. приняли участие: председатель Российского военно-исторического общества Министр культуры РФ Владимир Мединский, губернатор Смоленской области Алексей Островский, автор мемориала Салават Щербаков, епископ Смоленский и Вяземский Исидор, ветераны Великой Отечественной войны, родственники погибших,

представители поисковых и общественных организаций, жители Вязьмы. Епископ Смоленский и Вяземский Исидор отслужил заупокойную литию и освятил мемориал. Право открыть монумент Владимир Мединский и Алексей Островский передали ветеранам войны и родственникам. В ходе церемонии погибшим были отданы воинские почести.

«…В момент открытия мемориала пошел дождь, как будто небеса пролились слезами солдатиков, так долго ждавших, что их вспомнят, поймут, помянут… Они это заслужили, ведь отдали за свою страну, свой народ, своих детей, жен, матерей самое дорогое, что у них было — свою жизнь! дочери, сыновья, ставшие уже вдвое старше своих родителей, припадали к их барельефам и подолгу стояли, не отрываясь от бронзовых РОДНЫХ ЛИЦ: недолюбил, недоласкал их папка… Через пропасть времени - они ВМЕСТЕ!!! Слезы душили! Непередаваемые ощущения! Огромное спасибо, поклон до земли!!!» (Ирина Яркова, поисковик, г. Тюмень).

Среди участников открытия мемориала – Абузарова (Шестакова) Надежда Ивановна, дочь Шестакова Ивана Николаевича (1904 – 1942), красноармейца 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы, прилетевшая из Канады, чтобы со всеми другими родственниками, прибывшими со всех концов нашей необъятной Родины и из ближнего и дальнего зарубежья, поехать в Вязьму, где их деды и отцы сложили свои головы, защищая подступы к Москве. *«Для моей мамы это была очень важная поездка, она в буквальном смысле ехала на встречу со своим отцом. На открытии памятника она очень волновалась, тем более ей было доверено перерезать ленточку…»* (Роженцева Елена Анатольевна, внучка бойца).

Так, благодаря РВИО, лично советнику председателя РВИО Ростиславу Игнатьевичу Мединскому, созданием уникального мемориала была восстановлена историческая справедливость, отдан долг памяти защитникам Отечества, про дулаг-184 узнала вся страна, мемориал стал достопримечательностью Города воинской славы Вязьма. Вошел в проспекты и программы автобусных экскурсионно-туристических маршрутов, посещается коллективами учащихся, паломниками.

Родственники погибших военнопленных писали: *«Мы, семья солдата Макжанова Айси, погибшего в немецком пересыльном лагере дулаг-184 и похороненного в одном из 45-ти рвов в г. Вязь-*

ма, как и сотни других семей с нетерпением с 2008 года ждали достойного увековечения памяти погибших, по возможности боролись с бюрократической машиной и полным равнодушием чиновников. Долгие годы проглатывали и терпели всевозможные обвинения от горе-историков в адрес наших родственников военнопленных в измене Родине. Наконец дожили до светлого дня, когда, наконец, установили Мемориал нашим Советским солдатам погибшим мученической смертью.

Как надо было прочувствовать весь масштаб трагедии, как надо было четко разобраться в исторических фактах и не обвинять солдат в предательстве, а понять, что попали они в лазареты этого лагеря не по своей воле, а уже, будучи тяжело раненными или больными. Единственная организация РВИО откликнулась и приложила все силы, чтобы найти нужные средства на установление мемориала. Как оказалось вокруг нас много хороших добрых и талантливых людей и среди них скульптор Салават Александрович Щербаков, который поддержал идею создания мемориала, взялся за разработку проекта с последующим исполнением.

То, каким мы увидели Мемориал, превзошло все наши ожидания, хотя нет, нам сложно было вообще представить, каким он будет. Впечатление такое, как будто все наши солдаты вернулись, а Салават Александрович сам там побывал в том далеком 1941 – 1942 годах и с нашими солдатами плечом к плечу с оружием в руках защищал Родину. Так глубоко он отразил события тех лет.

Спасибо поисковикам, просиживавшим ночи напролет расшифровывая фамилии солдат и всеми возможными и невозможными способами, находившим наши адреса…».

По материалам исследовательской работы поисковиков в 2018 г. Российском военно-историческом обществом была издана книга-мемориал «АД-184. Советские военнопленные, бывшие узники вяземских дулагов, вспоминают…», ставшая лауреатом Национальной премии «Лучшие книги и издательства 2018 года» в номинации «История». Импульсом для начала работы над книгой стал добровольный финансовый вклад родственницы ополченца 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы Лидии Шлеповой.

Презентации книги «АД-184» с успехом состоялись в Москве на

Красной площади в рамках Всероссийского книжного фестиваля, в Вязьме, Рязани, Йошкар-Оле, Тюмени, Кургане, Саранске. В презентациях, которые проходили под девизом «Без срока давности!», участвовали группы родственников, проживающих в данных территориях, которым вручались книги «АД-184», представители региональных отделений РВИО, региональные поисковые организации, школьная и студенческая молодежь, историки и краеведы, широкая общественность. Организовывались поисковые и книжные выставки, демонстрировались фильм Ирины Ярковой «Узникам дулага-184 посвящается» и презентация «Журавли (Вязьма. Немецкий пересыльный лагерь для советских военнопленных «ДУЛАГ-184»)» Ольги Лавровой, внучки ополченца 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы С.И. Крицына. Мероприятия освещались в средствах массовой информации.

Благодаря руководителям региональных поисковых объединений России, нашему поисковому братству в Краснодаре, Брянске, Красноярске книги вручались родственникам героев во время областных патриотических мероприятий с широким участием молодежи, или же по месту жительства родных, проживающих в городах, деревнях и селах страны, что называется «из рук в руки».

В 2021 г. наша книга была дважды переиздана – издательством «Алгоритм» и ООД «Поисковое движение России». В нее вошло около ста новых фотографий погибших в дулаге-184, а также фотографии бывших военнопленных, которым посчастливилось вернуться из плена домой – командующего 19-й армией генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, мл. лейтенанта А.А. Печерского – героя фильма «Собибор», военврачей И.И. Семко, П.Г. Степанова, Н.Ф. Шулейко, С.В. Беляева, П.П. Зимы, сапера П.Р. Веселкина из Челябинской области, красноармейца 33-й армии В.М. Пугачева, ульяновцев А.С. Евсеева и А.О. Улазова, ополченца 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы Е.Н. Невесского. Проведена большая работа по передаче дополненных новыми материалами книг потомкам героев – а это почтовые отправления во все края, встречи, вручение книг летом 2021 года поисковым отрядам на международной Вахте Памяти на Зайцевой горе.

…Через несколько месяцев после открытия мемориала в Вязьме в сентябре 2014 г был совер-

шен акт вандализма. С одной из стел были варварски выломаны барельефные портреты защитников нашей Родины – красноармейца 178-й стрелковой дивизии Венжеги Константина Ивановича (1910 – 05.01.1942) из Алтайского края и красноармейца 1188 стрелкового полка 357-й стрелковой дивизии Макжанова Айси (1904 – 08.10.1942) из Московской области. Было возбуждено уголовное дело, состоялись передачи по ТВ. По просьбе родственников Салават Александрович Щербаков восстановил утраченные портреты героев

По словам С. А. Щербакова *«У этого памятника есть возможность развития. Очень важно, чтобы родственники это понимали. Этот монумент возник довольно быстро. Мы встретились с теми, кто эту тему хорошо знает, чтобы понять, как это должно быть. Мы погружались в чувства этих людей. Такие памятники нужны не столько тем людям, которые здесь захоронены, они нужны нашим детям, внукам. Я бы хотел сказать большое спасибо тем, кто эту память десятилетиями вытаскивал, сохранял и донес до сегодняшнего дня. Хочу сказать спасибо от нашего творческого коллектива за оказанную нам честь.*

Очень важно вспомнить сегодня всех этих людей, потому что это мы с вами и есть — только 70 лет назад».

Фото 33 и 34. Салават Александрович Щербаков вместе со счастливыми родственниками и поисковиками 21 июня 2014 г. на открытии Мемориала жертвам фашистского пересыльного лагеря дулаг-184.

Утрата при строительстве мемориала братских захоронений

«Вахты Памяти-1999». Ликвидация и забвение

При строительстве Мемориала были окончательно уничтожены (запаханы) братские могилы, созданные по итогам межрегиональной «Вахты Памяти –1999»

Смоленским областным центром героико-патриотического воспитания молодежи «Долг» (руководитель Н.Г. Куликовских). Благодаря размещенному в интернете видеорепортажу поисковика Александра Фэстэра «Захоронение на территории бывшего концлагеря дулаг-184 г. Вязьма 1999 г.», выяснилась масштабность проведенных тогда работ. Видеокамера запечатлела три большие братские могилы возле бетонного забора мясокомбината, в которые 21 июня 1999 г. поисковики опустили не менее 40 гробов с останками 156 погибших. По солдатскому медальону было установлено имя одного из них – красноармейца Дронова Антона Васильевича, 1919 г. р., уроженца Тульской области, призванного на фронт Московским РВК. На захоронении присутствовали администрация, поисковики, ветераны и местные жители.

На момент приезда в 2008 г. в Вязьму родственников погибших воинов эти могилы находились в полузаброшенном состоянии. Захоронения, как выяснилось, не были паспортизированы, не обеспечивались уходом, а при установке Мемориала просевшие могильные холмики стерли с лица земли, что по закону является «надругательством над телами умерших и местами их захоронений» (УК РФ Статья 244).

Родственники погибших были поставлены перед фактом.

Руководству МО «Вяземский район» были направлены коллективные требования установить памятный знак на месте братских могил: *«Да, это были военнопленные, но данный факт никак не умаляет их человеческого достоинства, чтоб в двухтысяч-*

Фото 35 и 36. Слева - неучтенные и заброшенные братские могилы. Справа - кадр из видеофильма Александра Фэстэра «Захоронение на территории бывшего пересыльного лагеря дулаг-184, г. Вязьма 1999 г.»

ных братскую могилу стереть с лица земли. И доводы, что весь мемориальный комплекс является общей братской могилой, никак не вписывается в общечеловеческий моральный принцип. Не можем мы ходить по гробам! Уважаемая Инна Васильевна, родственники и поисковики вновь обращаются к Вам – восстановите братскую могилу, установите ограду, памятный знак. Отдадим погибшим последний долг, не допустим попрания исторической памяти!» (из письма О. Сапиги, внучки красноармейца Д.М. Рузина, погибшего в лазарете № 3 дулага-184).

Но вопрос с восстановлением братских захоронений остается открытым!

Дальнейшая работа по увековечению памяти военнопленных.

Перенос забора мясокомбината

В 2015 г. через год после открытия мемориала в Вязьме, наконец, была снесена и передвинута часть бетонного забора мясокомбината по ул. Репина, варварски врытого в солдатское захоронение, в человеческие останки. Оргкомитет «Вяземский мемориал» добивался этого от вяземской администрации семь лет! *«…Мы поздно узнали об участи своих близких, иначе мы бы никогда не допустили, чтобы бездушные чиновники оскорбляли беспамятством наших отцов и дедов, которые до сих пор не упокоены ни по людским, ни по божьим законам. Иначе как надругательством над останками погибших воинов существующее в Вязьме положение назвать нельзя»* (Макарова Алевтина Николаевна, дочь лейтенанта Н.А. Антропова, умершего в дулаге-184).

В 2013 г. на бетонной стене мясокомбината появилась еще одна фотография, вбитая шурупами прямо в злополучный забор. Может это и стало «последней каплей».

Фото 37 и 38. Фотография погибшего в плену Тюкаева Ивана Осиповича на заборе мясокомбината. Родственники военнопленного приехали из Татарстана, Солнечногорска, Домодедова, Москвы.

Правнучка погибшего воина Наталья Богова из Нижегородской области пишет: *«Тюкаев Иван Осипович мой прадед (дедушка моей мамы). Наша семья очень рада, что уважаемые поисковики нашли его, а нам эта информация стала известна сравнительно недавно, потому что до этого момента наш прадед считался пропавшим без вести. И теперь еще один солдат вернулся домой. Это счастье.*

В Вязьму накануне 22 июня ездил мой папа (он работает водителем дальнего рейса). Он и прикрепил фотографию на забор мясокомбината, куда ему удалось попасть.

Я сейчас сижу, смотрю на фотографии, присланные вами, и плачу. Это слезы радости и скорби одновременно. Спасибо Вам!»

Сносу забора предшествовали непонятные действия администрации – обшарпанный забор в 2014 г. сначала починили, выровняли и покрасили, даже прибили на него красивые венки.

Как потом выяснилось, в том же 2014 году изготовили и зарегистрировали в ЦАМО РФ фальсифицированный документ – паспорт на якобы имеющееся здесь в районе мемориала захоронение с именами 218 (219) военнопленных (номер захоронения в ВМЦ 67-372/2014, Учетная карточка воинского захоронения № 2-33. «Место захоронения Вяземский р-н, г. Вязьма, ул. Репина, Немецкий пересылочный лагерь дулаг-184»). Акт о проведении какого-либо перезахоронения в 2014 г., схема захоронения и другие документы отсутствует. Свидетелей «перезахоронения», естественно, нет.

Паспорт на захоронение подписали бывший мэр города Вязьмы Александр Клименков (2012 – 2014 гг.) и начальник отдела ВКСО по городу Вязьма и Вяземскому району Олег Бурылев. Имена людей, внесенные в паспорт захоронения, изъяли из списков всех трех лазаретов лагеря военнопленных, располагавшихся в разных частях города и до сих пор не паспортизированных. Тем самым по документам лишив погибших своих действительных могил. На требования Оргкомитета «Вяземский мемориал», поддержанное Управлением по

увековечению памяти погибших при защите Отечества» МО РФ, отозвать фальсифицированный паспорт из ЦАМО РФ, чиновники Вязьмы не реагируют.

Для чего совершались эти противоправные действия? Чтобы сохранить местоположение забора, неприкосновенность частной собственности с солдатскими костями, придать благопристойный вид очевидному?

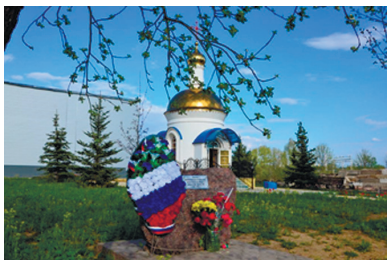
С возмущением и недоумением отметим, что в нарушение Федерального закона от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» работы по сносу забора проводились приезжей строительной бригадой без присутствия официальных лиц, представителей горвоенкомата, как это положено по закону, местных поисковиков. Границы же воинского захоронения при этом отмечены не были, упущены и представившиеся возможности его обследования.

По просьбе родственников военнопленных осенью 2019 г. состоялась передача Оргкомитетом «Вяземский мемориал» списков советских воинов и мирных граждан, погибших в дулаге-184, в Спасо-Богородицкий Одигитриевский женский монастырь для вечного поминовения. Монастырь расположен в 12 км от Вязьмы у деревни Всеволодкино – месте кровопролитных оборонительных боёв Красной армии в октябре 1941 года. «Основная задача монастыря – поминовение вождей и воинов, павших в Великую Отечественную войну 1941 – 1945 гг., всех православных жителей страны, погибших от рук оккупантов в плену и лагерях военнопленных, принявших страдальческую кончину вследствие тяжести военного времени; воинов, погибших в ходе локальных конфликтов, спецопераций и во всех военных конфликтах XX и XXI веков» (официальный сайт монастыря).

При поддержке директоров Вяземского завода синтетических продуктов (ВЗСП) Е.В. Гончаренко и В.П. Короля продолжаются работы по совершенствованию мемориальной зоны на территории предприятия, где в годы оккупации располагался лазарет № 2 дулага-184. Там уже очень многое сделано: возведена и освещена часовня Покрова Пресвятой Богородицы в память о погибших советских военнопленных и мирных гражданах, разбит яблоневый сад, оборудовано памятное место для возложения цветов, высажены деревья и кустарники. Родственники готовят материал для создания мемориальных плит с известными именами 1 282 погибших узников и для местного

музея. Администрация и весь коллектив ВЗСП с 2009 г. принимают делегации родственников военнопленных, как самых дорогих гостей.

Фото 39 и 40. Часовня Покрова Пресвятой Богородицы на территории «ВЗСП» в память о погибших военнопленных и мирных гражданах. Освящена 9 января 2011 года епископом Смоленским и Вяземским Феофилактом.
Потомки воинов приехали из Республики Коми, Екатеринбурга, Ульяновска, Москвы. 2023 г.



Справка: В послевоенное время после изгнания фашистов здесь на территории нынешнего ВЗСП находились ухоженные захоронения военнопленных и мирных граждан, были оформлены братские могилы, разбиты цветники, стояли бюсты Сталина и Молотова. Однако в том же списке памятников и памятных мест, подлежащих государственной охране, в Приложении к решению Исполкома Смоленского облсовета от 11 июня 1974 года № 358 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны, содержания и реставрации памятников истории и культуры» массовые захоронения военнопленных на территории ВЗСП уже даже не упоминаются. Ни горвоенкомат, ни власти города, ни руководство предприятия не позаботились в те годы о сохранении солдатских могил.

Фото 41. Схема захоронений братского кладбища лазарета № 2 в 1952 г.

В 1967 г. при проведении земляных работ на территории завода были случайно обнаружены останки военнопленных. Состоялось символическое перезахоронение, но пока нам никто не сказал точно, куда именно были опущены четыре гроба с останками советских воинов (предположительно, на ближайшее городское Юбилейное кладбище, ныне закрытое). Акт о проведенном перезахоронении, как и в двух других случаях, отсутствует. Прах большинства погибших за наш мирный день узников остался лежать под застройками завода.

Важно отметить, что в нарушение законодательства, в Вязьме до сих пор не проведена паспортизация воинского кладбища при лазарете № 2, хотя такое предложение неоднократно направлялось Оргкомитетом «Вяземский мемориал» местному руководству.

В 2019 году началось благоустройство территории по Красноармейскому шоссе, превращенной за годы забвения в место свалки мусора. Оргкомитет добивался этого десять лет!

9 мая 2020 года к 75-летию Великой Победы здесь был открыт памятник, посвященный бойцам и командирам, умершим в советском военном госпитале (госпиталь функционировал в Вязьме с июля до начала октября 1941 г. до вторжения фашистов), военнопленным и мирным жителям, погибшим в лазарете № 1 дулага-184, а также умершим от ран участникам Первой Мировой войны, которых принимала тогда «лютовская» больница. Автором памятника стал скульптор-монументалист заслуженный художник РФ А.А. Ромашевский. Памятник открывали представители Администрации МО «Вяземский район» – из-за пандемии родственники погибших и поисковики приехать не смогли.

В связи с открытием к 75-летию Великой Победы у деревни Хорошево под Ржевом Мемориала советским солдатам, по предложению Р.И. Мединского мы отправили все имеющиеся у нас фотографии солдат, трагически погибших в вяземских лагерях военнопленных, и офицеров-москвичей, погибших в немецкой неволе, положивших свои жизни на алтарь Победы, – для расположения их в мемориальном музее Ржевского мемориала.

Фото 42. С портретом отца красноармейца Можайского Тимофея Трофимовича его дочь Галина Тимофеевна Овчинникова (Можайская), внучки Марина Алексеевна Голышева, Ирина Валерьевна Можайская, сноха Можайская Галина Петровна. Вязьма, 2015 г.

В целом можно оценить работу по увековечению памяти жертв немецких пересыльных лагерей военнопленных, как более чем достойную. Столько сделано совместными усилиями множества неравнодушных и ответственных людей и организаций – волонтерами-поисковиками, родственниками погибших солдат, военными историками и юристами, вяземскими краеведами и местными жителями, Управлением по увековечению памяти погибших при защите Отечества Минобороны России, общественными и государственными учреждениями и ведомствами, как в центре, так и на местах, прежде всего, РВИО, ветеранскими организациями – Московским и Российским комитетами ветеранов войны, Международным союзом ветеранов, Центром розыска и информации Российского Красного креста, общественными организациями потомков 2-й Сталинской, 13-й Ростокинской, 9-й Кировской дивизий народного ополчения г. Москвы, Московской городской детской музыкальной школой им. В.М. Блажевича, редакциями многих газет и телеканалов, журналистами, поддержавшими тему трагедии дулага-184 и других немецко-фашистских пересыльных лагерей Вязьмы, в том числе, газетами «Советская Россия», «МК», «Учительская газета», «Красная звезда», «Российская газета», «Вечерняя Москва», телевизионными каналами «НТВ», «ТВЦ», «ЗВЕЗДА», «МИР».

Хочется назвать жителей Вязьмы, не оставшихся в стороне от происходящего, добивавшихся от администрации города восстановления памятных мест. В их числе – вязьмичка Галина Ниловна Люзина, отец-фронтовик Люзин Нил Дмитриевич которой обращался во все инстанции, требуя восстановить военно-мемориальное кладбище по Красноармейскому шоссе. Много сил отдали делу памяти вязьмичи – директор школы № 2 участница войны Н.И. Кобзарь и старшая пионервожатая В.Е. Гаврилова, краеведы И.В. Долгушев, А.Л. Какуев,

И.Д. Музыченко, Л.Н. Егорова, архитектор Г.И. Константинов, художник и краевед В.М. Чайка, В.А. Антипцева, Г.М. Ковалева. С пониманием отнеслись к проблеме Э.В. Богомолова, председатель вяземской общественной организации по охране памятников и другие жители города. Огромную помощь в воссоздании истории «лютовской» больницы, где размещался лазарет № 1, оказала семья коренной вязьмички В.В. Шехавцовой. Низкий поклон этим и другим неравнодушным людям, патриотам своей родной Вязьмы, которые нас вдохновляли на поиск и участвовали в общем деле.

С благодарностью вспоминаем старожила города Николая Ивановича Романова, мальчишкой вместе с матерью обошедшего во время оккупации Вязьмы все жуткие места, где содержались военнопленные, в поисках своего родного отца. Он и записку нам передал в 2009 г., во время третьего приезда родственников, с перечислением мест погребений пленников, просил довести дело памяти о жертвах фашистского лагеря до конца.

Благодарная наша память Ивану Егоровичу Николаеву, с 1943 г. жившему в частном доме напротив мясокомбината и захоронений павших воинов, встречавшийся с нами в каждый наш приезд и в любую погоду. Он был непосредственным свидетелем всего того, что здесь происходило. *«Каждый год в любую погоду он встречал нас на месте захоронения солдат и рассказывал, рассказывал, рассказывал о тех тяжелых военных годах, о городе Вязьме в послевоенные годы, о своей юности, а главное — о солдатских могилах. Рассказы были настолько подробными, честными — порой казалось, что все это мы видели и слышали сами. Моя тетушка Сафия всегда привозила ему небольшой гостинец, иногда мне казалось, что она едет к нему как к своему отцу. К сожалению, Ивана Егоровича теперь с нами нет, но остались светлые воспоминания о нем как о человеке большой души, честном советском гражданине»* (Низаметдинова Рамиля, внучка красноармейца Айси Макжанова).

Запреты краеведения. Со списками работали со времен войны

Как выяснилось в ходе исследования, списки погибших в дулаге-184 находились в Вязьме всегда, начиная с их обнаружения в марте 1943 года. Работа ГУК НКО, региональных военных комиссариатов СССР со списками началась уже в разгаре войны и

первые послевоенные годы (в том числе военкомата Вяземского района Смоленской области).

Напомним, что на бланке Донесения отдела по персональному учету потерь сержантского и рядового состава 33-й армии Западного фронта от 12.11.1943 г. с приложенными списками бойцов и командиров Красной армии, «плененных германской армией и умерших в германских лазаретах в г. Вязьма» стояла резолюция: *«Срочно проверить и взять на учет.* 25.11.1943 г.»[85].

Согласно резолюции, уже в конце войны и первые послевоенные годы во многих региональных донесениях о безвозвратных потерях, составляемых местными военкоматами, были сделаны от руки особые приписки, подтверждающие гибель земляков в вяземском дулаге-184 (чему есть многочисленные примеры по России и другим республикам бывшего Советского Союза). Информация о гибели людей в немецком плену в ряде случаев доводилась до сведения родственников погибших. Списки активно использовали!

С начала 1990-х годов со списками плотно работали редколлегии региональных Книг Памяти России (в том числе Смоленской области) и других стран СНГ – для увековечения памяти своих земляков в региональных изданиях.

Кроме того, при проведении нами исследовательской работы выяснилось, что часть имен из списков погибших в дулаге-184 узников в 1980 г. при так называемом «перезахоронении останков» из района мясокомбината и территории лазарета № 1 была занесена в Паспорт захоронения городского Екатерининского кладбища (в нарушение закона – без всякого документального подтверждений личностей павших). Имена военнопленных наобум брались из списков всех трех лазаретов лагеря, даже из лазаретов №№ 2 и 3, откуда перезахоронения вообще не проводились. Но это еще раз подтверждает, что списки с конкретными именами погибших были известны в Вязьме – и военкомате, и в органах местного самоуправления.

Тем не менее, в Вязьме делали вид, что… не было никаких списков

Вяземский историк профессор и депутат городского Совета депутатов Д.Е. Комаров писал: «Все изменилось в 2003 г., когда абсолютно случайно в архиве Министерства обороны РФ архангельскими поисковиками были

[85] ЦАМО. 9 отдел. Д. 101-1555-1 за 1943 г.; входящее донесение о военнопленных № 46925с. от 12.11.1943. Оп. 18001. Д. 1200. Л. 1.

обнаружены 524 списка на 5.416 человек, умерших в лазаретах № 1, 2, 3 вяземского лагеря дулаг-184 весной-летом 1942 г. Директор архангельского центра «Поиск» И.И. Ивлев обратился с письмом на имя Губернатора Смоленской области, военного комиссара Смоленской области и Главы Администрации Вяземского района, в котором отметил следующее: «...Списки сохранились случайно: во время освобождения г. Вязьмы в 1943 г. сотрудники отдела контрразведки «Смерш» 33-й армии Западного фронта доставили найденные ими документы в управление тыла штаба 33-й армии, а тот переслал их как обычное донесение о потерях личного состава в Управление по персональному учету потерь сержантского и рядового состава Генерального штаба Красной армии без пометки «военнопленные».

Поэтому эти документы пролежали не выявленными в ЦАМО РФ почти 60 лет.

...После этого была создана инициативная группа, которая технически переработала данные списки и опубликовала книгу «Долг памяти», содержавшую указанную информацию.

Данный случай уникален. По крайней мере, я не знаю факта, чтобы по какому-либо лагерю были обнаружены более пяти тысяч именных записей о погибших узниках. Теперь вяземский лагерь приобрел конкретные имена тех советских солдат, которые в нем погибли. Были найдены родственники погибших солдат, создавшие общественную организацию»[86].

А как же работа военных комиссариатов СССР, в том числе, Вяземского, со списками погибших дулага-184 в военное и первое послевоенное время? Работа со списками Смоленской областной редколлегии Книги Памяти, рабочей группы Вяземского района по созданию Книги Памяти? Случай, с так называемым «перезахоронением» 1980 года, когда в паспорт захоронения Екатерининского кладбища вписывались имена из Списков всех трех лазаретов дулага-184»?

Вот только несколько примеров работы военкоматов со списками лазаретов дулага-184 в период за 1946–1948 гг.:

Российская Федерация. Смоленская область. В донесениях послевоенного периода №5828 от 31.01.1948 г. Рославльского РВК Смоленской области уточняется: Гринев Владимир Матвеевич, 1900, урож. д. Кухарево Астапко-

[86] Д.Е. Комаров, доктор исторических наук, профессор, Газета «ВЯЗЕМСКИЙ ВЕСТНИК» № 31 (17550) от 28 июля 2011 года.

вичского с/с Рославльского р-на, считавшийся пропавшим без вести в декабре 1941 г., «умер в плену 22.03.1942 г. Вх. № 46925с», что совпадает с данными списков лазарета № 2 дулага-184 (Гринев Владимир Матвеевич умер 22.03.1942 г.) и с входящим номером «46925с» донесения 33-й армии от 12.11.43 г.

Письменное уточнение от руки на бланке донесения сделано сотрудниками военкомата 03.02.1948 г., через три года после окончания войны[87].

Россия. Новосибирская область. Из донесений послевоенного периода №94692 от 31.12.1946 г. Новосибирского РВК Новосибирской обл.: красноармеец 2 сд Пугачев Иван Григорьевич, 1913, урож. г. Бердска Новосибирской обл., считался пропавшим без вести с 11.1942 г. На бланке донесения сделана приписка от руки: «умер в плену 3.09.1942 г., вх. 46925с.43». По спискам лазарета № 2 дулага-184 Пугачев И.Г. действительно умер 3 сентября 1942 г.[88].

Использовано донесение 33-й армии, внесены коррективы. Со списками работали.

Российская Федерация. Воронежская (ныне Липецкая) область. В донесении послевоенного периода № 90758 от 04.11.1946 г. Усманского РВК Воронежской области красноармеец Чекалин Андрей Григорьевич, 1909, урож. с. Никольское-Предтечье-Городок Усманского района, был учтен, как пропавший без вести.

Тут же на бланке донесения РВК читаем приписку от руки: «Учтен вх. № 46925с. Умер в плену г. Вязьме 22.02.42. Выписано извещение». Использовано донесение 33-й армии от 12.11.1943 г. за № 46925с. и информация списков лазарета № 1 дулага-184: Чекалин Андрей Григорьевич умер 22.02.1942 г.[89]. Родственникам направлено извещение.

Республика Беларусь. Могилевская область. Из Донесений послевоенного периода № 100598 от 31.12.1946 г. Шкловского РВК Могилевской обл.: Гарбузов Семен Александрович, 1914, урож. д. Новоселки Подгайцевского с/с Шкловского р-на Могилевской обл., считавшийся пропавшим без вести в октябре 1941 г., «умер в немецком плену I-42г.», «вх. 46925с-43». Дата гибели совпадает со списками лазарета № 1

[87] ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 63.

[88] ЦАМО: Ф. 58. Оп. 18004, Д. 770.

[89] ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 878.

дулага-184 (погиб 08.01.1942 г.), так же, как и вх. номер донесения 33-й армии от 12.11.1943 г. [90]

Республика Кыргызстан. Ошская область. Из донесений послевоенного периода № 82832 от 03.10.1946 г. Мирза-Апинского РВК Киргизской ССР: Лебеденко Иван Кузьмич, 1920, урож. с. Мирза-Аки Узгенского (Мирза-Акинского) р-на Ошской обл. Киргизской ССР, учтенный пропавшим без вести в апреле 1942 г., «умер в плену, Вязьма март 1942 г.» «учтен вх. 46925» (приписка сделана от руки). По спискам лазарета № 1 дулага-184 умер 03.03.42 г.[91].

Военкоматы СССР работали добросовестно. Не знать о списках лагеря военнопленных дулаг-184 администрация Вязьмы и Вяземского района, военный комиссариат не могли.

Как долго умалчивалась правдивая информация об именных списках дулага-184 неизвестно, если бы опытный поисковик, директор архангельского центра «Поиск» И.И. Ивлев, столкнувшийся со списками дулага-184 в ЦАМО, не направил письмо об их наличии высшим должностным лицам Смоленской области, военному комиссару Смоленской области, главе администрации МО «Вяземский район», директору Смоленского областного центра «Долг». После этого в Вязьме были вынуждены заняться списками, поручив их первоначальную проработку И.В. Долгушеву и А.Л. Какуеву.

«Небрежности» при создании Книг Памяти

Однако, в большинстве региональных Книг Памяти, в том числе в Книгах Памяти Смоленской области, в Книге Памяти Москвы, сведения об узниках дулага-184 сообщались, как о воинах, «умерших от ран», с указанием точной даты их гибели в вяземском лагере военнопленных, но без упоминания о городе Вязьме, о самом лагере военнопленных, как месте гибели воинов.

Так в Книге Памяти города Москвы у более 80 человек, погибших в дулаге-184, констатируется: «умер от ран (дата гибели в дулаге-184)», «умер от ран (дата гибели в дулаге-184) в лазарете № 1» – без указания вяземского лагеря военнопленных. Неоднократно – «Умер от ран (дата гибели в дулаге-184) в лагере военнопленных», «Погиб (дата гибели в дулаге-184) в немецком плену» – без указания конкретного места гибели и захоронения (вяземский лагерь не упоминается). Неод-

[90] ЦАМО. Ф. 58.Оп. 18004.Д. 780. Л. 362.

[91] ЦАМО. Ф. 58.Оп. 18004. Д. 676.

нократно – «Умер от ран (дата гибели в дулаге-184). Похоронен в г. Вязьма» – без упоминания лагеря военнопленных дулаг-184 и номера лазарета. В некоторых случаях вместо дулага-184 и его лазаретов указывается аббревиатура советских госпиталей: «Умер от ран 03.03.1942 г. в 1 (2) омедсб» (отдельный медсанбат); «Умер от ран в ВГ № 1» (ВГ – военный госпиталь).

Точно такая же картина и в других региональных Книгах Памяти, в том числе в Книгах Памяти Смоленской области: сведения о погибших даются почти повсеместно без указания лагеря военнопленных дулаг-184 в Вязьме. А ведь это все имена воинов-земляков!

• Алексеев Константин Николаевич, 1890, Дорогобужский р-он Смоленской обл. Призван Дорогобужским РВК. Согласно спискам дулага-184 погиб 27.08.1942 г. в лазарете № 1.

Однако в Книге Памяти Дорогобужского района Смоленской области (Стр. 15) указано: «Алексеев Константин Николаевич, рядовой. Родился: 1890 г. Дорогобужский р-он. Призван Дорогобужским РВК. Умер от ран 27.08.42 г.». Вяземский лагерь военнопленных не назван.

• Гайдуков Андрей Николаевич, 1909 (1908), д. Новая Круча Пуповского с/с Вяземского р-на Смоленской обл. Младший политрук 123-го запасного стрелкового полка. Согласно спискам дулага-184 умер 21.03.1942 г. в дулаге-184 в лазарете № 1.

В Книге Памяти Вяземского района Смоленской области (том 1, стр. 184) значится: «умер от ран 21.03.1942». Вяземский лагерь военнопленных не назван.

• Антонов Георгий Федорович, 1915, русский, Смоленская обл., Темкинский р-н, с. Кузнецово. Согласно спискам дулага-184 умер 20.03.1942 г. в лазарете №1.

Книга Памяти. Смоленская область. Угранский район, Темкинский район, с. 414: «умер от ран 20.03.1942, лазарет № 1». Вяземский лагерь военнопленных не назван.

Трагедия и героизм. Государственная политика и человеческий фактор

События под Вязьмой в октябре 1941года, при всем великом героизме ее защитников – это крупнейшая военная катастрофа СССР, просчеты командования, гибель кадровых дивизий и армий, гибель Московского народного ополчения, куда добровольно шли люди непризывного возраста, невоеннообязанные.

В этой связи, отметим такой бросающийся в глаза факт, что

именно город Вязьма, как таковой, в сочетании со словами «военнопленные», «плен» старательно не упоминался:

– ни в мемориальных надписях на памятниках военнопленным в Вязьме, где не было даже слова «военнопленные» (лишь после приездов с 2008 г. родственников погибших в плену воинов у памятника по ул. Репина возле мясокомбината была установлена новая плита с надписью «Здесь захоронены советские воины и мирные граждане, погибшие в немецком лагере военнопленных дулаг-184. Вечная память павшим»).

– ни в списке памятников и памятных мест, подлежащих государственной охране, в Приложении к решению Исполкома Смоленского облсовета от 11 июня 1974 года № 358 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны, содержания и реставрации памятников истории и культуры».

В перечне памятников и памятных мест, связанных с борьбой за независимость, по г. Вязьме названы (без упоминания слова «плен»):

– «…68. Братская могила более 30 000 советских граждан, расстрелянных и замученных немецко-фашистскими захватчиками в 1941-1943 гг. *Ул. Кронштадтская. Установлен памятник.* (Прим.: находится в районе мясокомбината).

– 70. Братское кладбище советских воинов и мирных жителей, погибших в 1941-1943 гг. во время оккупации района. *Установлен обелиск у ж.д. поликлиники.* (Прим.: по Красноармейскому шоссе, бывший лазарет № 1 дулага-184).

Можно отметить, что в других населенных пунктах Смоленской области, где находились в годы оккупации лагеря советских военнопленных, включая сам город Смоленск, картина совершенно другая – там все называлось своими именами.

Деятельность поисковиков-патриотов, Оргкомитета родственников «Вяземский мемориал», жителей Вязьмы, поддержанная многими организациями и структурами, поставила все на свои места. Защитила забытые солдатские могилы, восстановила имена героических защитников нашего Отечества, сплотила единомышленников. Слова «ПЛЕН» в Городе воинской славы можно было не чураться.

Мемориальные плиты. Дети и внуки требуют восстановить историческую справедливость

В настоящее время в Вязьме остается еще много нерешенных

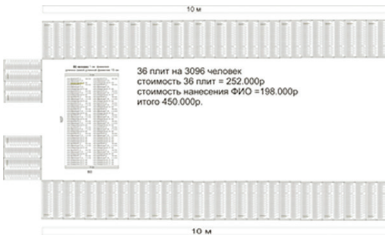
задач в деле сохранения исторической памяти о правде войны, судьбах защитников Родины.

Но особенно злободневно стоит вопрос установки в Вязьме мемориальных плит с именами советских воинов и мирных граждан, погибших в лазаретах немецкого пересыльного лагеря военнопленных дулаг-184.

Этот важнейший вопрос поднимался Оргкомитетом «Вяземский мемориал» с первых коллективных поездок в Вязьму. Неоднократно при содействии Управления Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества и другими высокими инстанциями[92].

Что и было начато Администрацией МО «Вяземский район» в юбилейном 2021 году 80-летия Битвы за Москву.

Плиты с известными именами 4 037 человек, погибших в дулаге-184 – военнопленных и гражданских лиц (в том числе стариков, женщин, детей), планировалось установить возле центрального Мемориала по ул. Репина, организовать их торжественное открытие с приглашением родственников погибших воинов, поисковиков. Комитет по культуре, спорту и туризму Администрации МО «Вяземский район» прислал нам Проект мемориальных плит.



По просьбе Администрации МО «Вяземский район» в феврале-апреле 2021 года на имя Главы Администрации И.В. Демидовой, а также в Комитет по культуре, спорту и туризму Администрации МО «Вяземский район», были официально направлены *уточненные поисковиками* списки жертв дулага-184 с именами более четырех тысяч погибших советских военнопленных и мирных граждан, для последующего занесения их имен на мемориальные плиты *(письма от 16.02.21 г., 28.02.21г. и 06.04.21 г.)*.

Одновременно для составления по установленной форме персональных карточек на всех погибших в адрес Комитета по культуре, спорту и туризму были отосланы *уточненные поисковиками* списки советских воен-

[92] Письмо МАОПО «Народная память о защитниках Отечества и Оргкомитета «Вяземский мемориал» Начальнику управления МО РФ, погибших при защите Отечества В.В. Попову Исх.№ 64 от 05.09.2019 г.

нопленных и мирных граждан, погибших в лазаретах №№ 1, 2, 3 дулага-184, *сформированные по отдельным областям России*, в том числе из Смоленской области, *со ссылками на использованные архивы* – для дальнейшей проработки списков в Вязьме. Мы сообщали, что готовы оказать помощь в подготовке персональных карточек с архивными сведениями на каждого погибшего человека.

Также в Администрацию МО «Вяземский район» от имени родственников защитников

Отечества, погибших в лазаретах дулага-184, и поисковиков-исследователей были направлены предложения и требования, являющиеся принципиально важными!

Основное требование Оргкомитета «Вяземский мемориал» – размещение имен погибших на мемориальных плитах ПО ЛАЗАРЕТАМ, согласно имеющимся историческим документам – спискам жертв дулага-184, погибших в лазаретах №№ 1, 2, 3 города Вязьмы (Красноармейское шоссе, ООО «Вяземский завод синтетических продуктов» и в районе сквера Светланы Савицкой) и подтвержденных документами Вяземского городского архива – «Материалами по состоянию воинских братских кладбищ (схемы и списки захороненных) за 1952 год» исполкома Вяземского городского Совета депутатов трудящихся, данными современной аэрофотосъемки. По имеющимся в списках сведениям, за семь неполных месяцев 1942 года погибло: в лазарете № 1 – 2 372 человека, в лазарете № 2 – 1 282 человек, в лазарете № 3 – 383 человека.

Это три отдельных воинских кладбища, расположенных в Вязьме на территории трех бывших лазаретов дулага-184, за которыми в свое время – до их кощунственной ликвидации в 1980 г. – ухаживали вяземские школы, предприятия, жители города. Списки погибших составляли советские пленные военврачи – главные врачи лазаретов, оставившие нам страшные свидетельства о судьбах защитников Москвы, имена которых, если бы не эти списки, канули бы в сводках без вести пропавших.

На одной из мемориальных плит предлагалось указать количество узников (*1 239 человек*), числящихся в списках лазаретов, как «*неизвестные*», так как, согласно свидетельствам военврачей, они были доставлены в лазареты дулага-184 «в бессозна-

тельном состоянии», «*в агонии*», «*без документов*»[93].

На мемориальных плитах также необходимо нанести имена узников вяземских дулагов, не упомянутых в списках, но чью гибель подтверждают документы и свидетельства очевидцев. Родственники погибших целыми семьями ежегодно посещают места братских кладбищ в Вязьме. Такой список на имя Главы Администрации МО «Вяземский район» и в Комитет по культуре, спорту и туризму Администрации был направлен, но вопрос ни разу не обсуждался.

Инициаторы и единственные исследователи с 2008 года на протяжении 16 лет трагедии дулага-184 – МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитет «Вяземский мемориал», объединившие более 500 найденных семей жертв дулага-184 и поисковиков-патриотов, фактически были отстранены от участия в обсуждении вопросов по установке мемориальных плит и принятия совместных решений с учетом пожеланий родственников. Рабочая группа «*по увековечению памяти военнопленных, находившихся в фашистских пересыльных лагерях на территории Вяземского района в период Великой Отечественной войны*» (председатель - зам. Главы Администрации МО «Вяземский район» С.Б. Вавилова), созданная по нашей инициативе только в конце 2021 года, когда уже и плиты у мемориала были установлены с искаженными именами героев-мучеников, не функционирует, вопросы не прорабатываются, информация по продолжению работы с мемориальными плитами к нам не поступает.

Установили плиты без оповещения родственников. 50 ошибок в именах!

11 декабря 2021 г. участники очередной коллективной поездки в Вязьму увидели уже установленные у Мемориала «Памяти десяткам тысяч советских военнопленных, мученически погибших в фашистском пересыльном лагере дулаг-184 в 1941-1943 годах, в г. Вязьма» семь мемориальных плит с именами погибших, написанными с грубыми ошибками в фамилиях и датах жизни защитников Отечества. Это состоялось без всякого оповещения родственников военнопленных, без обсуждения вопросов, связанных с написанием фамилий, имен

[93] Письма МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитета «Вяземский мемориал» Главе МО «Вяземский район» И.В. Демидовой от 06.04.2021 г.; Исх.№ 34 от 27.06.2021 г.; Исх.№39 от 20.07.2021 г.

и отчеств жертв немецко-фашистского лагеря.

В первую очередь на плиты были занесены имена погибших из сведений все того же *фальсифицированного паспорта* 2014 г. на несуществующее захоронение у мясокомбината, составленного с грубыми ошибками в именах и судьбах людей, и без ссылок на лазареты. Кроме того, на плиты были занесены и другие имена погибших из списков всех трех лазаретов дулага-184. В нанесенных на плиты именах допущено около 50 фактических ошибок.

Имена погибших нанесли на мемориальные плиты не по лазаретам, что было крайне необходимо с точки зрения исторической достоверности, а с использованием имен из списков всех трех лазаретов дулага-184.

К большому сожалению, вопреки ожиданиям родственников на пилонах указаны лишь фамилии погибших и их инициалы, хотя участники и герои Великой Отечественной войны, достойны того, чтобы на мемориальные плиты заносились не только фамилии, но и полностью их имена и отчества, возможно и военные звания.

Администраций МО «Вяземский район» были нарушены Федеральный Закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. № 4292-1, Перечень поручений Президента России В.В. Путина по совершенствованию мер, направленных на увековечение памяти погибших при защите Отечества (от 31 января 2019 года), где говорится *о проверке сведений, содержащихся в поимённых списках лиц, погибших при защите*

Отечества, при нанесении надписей на мемориальные сооружения и объекты...».

Вот только несколько примеров искажения имен на мемориальных плитах:

• **Бздюлев** Василий Васильевич, 1901 г.р., Свердловская область, на плитах – БЕЗДОЛИН В.В.

• **Стриженов** Ефим Александрович, 1896 г.р., Смоленская область, на плитах – СТРЕМИНОВ Е.А.

• **Дроботенко** Николай Игнатьевич, 1903 г.р., Воронежская область, на плитах – ДРОБЕТЕНКО Н.И.

• **Погудин** Василий Кузьмич, 1914 г.р., Кировская область, на плитах – ПОГУДЛО В.К.

• **Егорчев** Никита Ильич, 1902 г.р., Рязанская область, на плитах – ЕГОРЦЕВ Н.И.

• **Жижин** Василий Иванович, 1908 г.р., Ярославская область, на плитах – ЖИЛИН В.И.

• **Жулькин** Никита Артемьевич, 1905 г.р., Московская область, на плитах – ЖУРКИН Н.А.
• **Каманин** Александр Иванович, 1897 г.р., Московская область, на плитах – КАМЕЛЕВ А.И.
• **Латырев** Николай Григорьевич, 1908 г.р., Республика Бурятия, на плитах – ЛАТЫРЕНКО Н.Г.
• **Лугов** Василий Тимофеевич, 1899 г.р., Владимирская область, на плитах – ЛУГОВОЙ В.Т.
• **Матенко** Алексей Артёмович, 1908 г.р., Тюменская область, на плитах – МАТИНКОВ А.А.
• **Манылов** Николай Абрамович, 1904 г.р., Кировская область, на плитах – МАНИЛОВ Н.А.
• **Салыкин** Николай Егорович, 1909 г.р., Архангельская область, на плитах – САЛЬКИН Н.Е.
• **Скрылёв** Антон Фёдорович, 1913 г.р., Липецкая область, на плитах – СЫРЫЛЕВ А.Ф.
• **Чечнев** Владимир Николаевич, 1921 г.р., Ярославская область, на плитах – ЧЕЧМЕВ В.Н.
• **Гуянов** Иван Фомич, 1918 г.р., Смоленская область, на плитах – ГУЛНОВ И.Ф.

Также на именные плиты занесены имена красноармейцев Г.А. Тютюнника и М.С. Храповицкого, упоминаемых в списках лазаретов дулага-184, однако погибших, как было установлено поисковиками на основании архивных данных ЦАМО РФ, уже в 1945 году на территории Германии (советский военный госпиталь, лагерь военнопленных). Сведения о них были представлены в распечатанном виде на совещании в военкомате в присутствии представителей администрации.

Судьбу красноармейца Григория Андреевича Тютюнника, бежавшего из плена и воевавшего почти до конца войны, удалось установить только в ходе исследовательской работы поисковиков с архивными документами:

По сведениям из списков: Тютюнник Григорий Андреевич,1898 г.р., рядовой 1263 сп, Смоленская обл., Ярцевский р-н, совхоз Петрово, погиб 01.09.1942 г. в лазарете № 2 дулага-184[94].

По результатам исследования: Тютюнник Григорий Андреевич, 1898 г.р., с. Хвощовка Хорольского р-на Полтавской области. Призван 20.07.1941 г. Ярцевским РВК, Смоленской обл., красноармеец. Умер от ран 15 марта 1945 г., в советском госпитале легкораненых № 2538. Письменная связь с семьей прекратилась в феврале 1945 г.

[94] ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1220. Л. 121.

Адрес семьи: Полтавская обл., Хорольский р-н, с. Хвощовка. Жена Тютюнник Пелагея Викторовна[95].

Фото 44. Подтверждающие документы военнопленного Григория Андреевича Тютюнника.

[95] ЦАМО. Ф.58. Оп. 18004. Д. 861. Л. 20; Ф. 58. Оп. 977520. Д. 3380. Л. 69-71.

Судя по документам имя Г.А. Тютюнника было сознательно во имя его возможного спасения внесено главным врачом лазарета № 2 дулага-184 М.Ю. Чуловским в списки погибших. Ему действительно удалось бежать из плена, воевать с фашистами. 15 марта 1945 года Григорий Андреевич Тютюнник умер от тяжелых ран в армейском полевом госпитале № 2538 на территории Германии, что было засвидетельствовано его товарищем, за полтора месяца до Победы.

Родственники погибших воинов протестуют

Вот строки из обращения Алексея Васильевича Дорошина, внука красноармейца В.В. Бздюлева (Челябинская область, г. Первоуральск) от 15.02.2022 г. на имя Губернатора Смоленской области А.В. Островского:

«…на именных плитах мемориала, установленных в г. Вязьма в конце 2021 г., фамилия моего деда не соответствует действительности. На мемориальных плитах написана фамилия Бездолин В.В., 1901 г. р., а должна быть Бздюлёв В.В., 1901 г.р. (Свердловская область, Первоуральский район, Гологорский рудник, дом 32). Дед жил с этой фамилией и умер с ней, документы о подтверждении его данных были пересланы на имя Главы Администрации

МО «Вяземский район» И.В. Демидовой поисковиками – членами Оргкомитета родственников «Вяземский мемориал».

Также в книге «АД-184» (стр. 279-280)., которую я рекомендую Вам почитать, напечатан мой рассказ о поиске деда, с какими документами работали поисковики и какой огромный труд был приложен по поиску и увековечению имени деда, а также тысяч других советских солдат, погибших в немецком пересыльном лагере. Так грубо и некрасиво относиться к памяти наших предков?! Мало того, что некрасиво, это просто не позволительно с вашей стороны! Иначе говоря, все наши труды по поиску и труды поисковиков были напрасны и просто Вами ПРОИГНОРИРОВАНЫ.

Совместно с моей мамой Дорошиной Анной Васильевной, её сёстрами: Евдокимовой Тамарой Васильевной, Тюленевой Ниной Васильевной, Скрябиной Пелагеей Васильевной, которые являются дочерьми Бздюлёва Василия Васильевича, обращаемся к Вам с требованием заменить фамилию нашего родственника на мемориальной плите, согласно Закону РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14.01.1993 №4292-1: «Уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан».

В этом году мы планируем посетить Вязьму и хотели бы видеть на мемориальной плите настоящую фамилию нашего отца и деда!..».

Фото 45. Документы военнопленного Бздюлева Василия Васильевича

В списке умерших военнопленных лазарета № 3 дулага-184 за 20 января 1942 г. за подписью главного врача Филимонова, совпали практически все данные о погибшем: «Бездолин Василий Васильевич, 1901. Домашний адрес: Свердловская обл., Перво-Уральский р-он, Вольгорский рудник д. 32»[96] Алексей Дорошин только поправил название рудника «В Первоуральском районе названия Вольгорский рудник никогда не было, есть Гологорский рудник, где до войны и работал мой дед плотником». Ошибка была сделана врачом только в написании фамилии погибшего: в списке указано «Бездолин Василий Васильевич», правильное же написание фамилии – Бздюлев Василий Васильевич.

Поисковики учли личное расследование А.В. Дорошина, записали правильные данные в итоговые списки, опубликовали в книге «АД-184».

Алесей Дорошин в ответ на свое письмо получил только «пояснения» Заместителя Главы МО «Вяземский район» С.Б. Вавиловой: *«…В отношении именных данных Бздюлева Василия Васильевича, 1901 г. р. поясняем, что на сегодняшний день в Администрации отсутствуют необходимые, оговоренные Российским законодательством, официальные подтверждающие документы.*

Просим Вас предоставить необходимые официальные подтверждающие документы в отношении именных данных погибшего в пересыльном лагере дулаг-184 Бздюлева Василия Васильевича, 1901 г.р., для нанесения информации на именные мемориальные плиты.

Мы уверены, что Ваше личное участие в скорейшем предоставлении в Администрацию необходимых документов о Бздюлеве Василии Васильевиче позволит внести информацию на именные мемориальные плиты к 9 мая 2022 года. Заместитель Главы муниципального образования С.Б. Вавилова» (ответ от 09.03.2022 г. № 394/02-57.)»

Чиновники так и не потрудились исправить фамилию погибшего Солдата на мемориальной плите. Ни разу больше не связались с Алексеем Васильевичем Дорошиным.

…Дома у Василия Бздюлева, после его ухода на фронт, на руках жены оставалось семеро маленьких детей. «Бабушка искала его всю жизнь, до самой смерти…», – пишет Алексей Дорошин. Но так и не приехали к могиле отца дочери погибшего солдата, 1927, 1928, 1940, 1942 годов рождения.

[96] ЦАМО. Ф. 58. Оп. 1801. Д. 1220.

В Вязьме лежат советские воины, а не немецкие солдаты

Крайнее возмущение вызвал и тот факт, что для создания мемориальных плит с именами наших солдат в Вязьме, не по своей воле попавших в плен в окружениях в оборонительных боях и погибших от бесчеловечного обращения гитлеровцев, чиновники взяли за образец пилон (плиту), установленный на мемориальном кладбище более 30 тысяч немецких солдат в дер. Карпово Новгородской области. Фотография именно этого пилона была официально включена в Эскизный проект мемориальных плит, подписанный Главой Администрации МО «Вяземский район» И.В. Демидовой.

Такое решение Администрации оскорбляет чувства любого нормального человека, и, прежде всего, родственников погибших. Здесь, в Вязьме лежат советские воины, а не немецко-фашистские солдаты!

Фото 46 и 47. На фото слева немецкий пилон в д. Карпово Новгородской обл., послуживший образцом для создания мемориальных плит в г. Вязьма с именами советских военнопленных и мирных граждан (Вяземский Эскизный проект, стр. 4).
Справа мемориальные плиты на ул. Репина у мемориала жертвам лагеря военнопленных дулаг-184 в г. Вязьме.

Такой же пилон установлен и на территории крупнейшего немецкого кладбища в Духовщинском районе Смоленской области, в ста с небольшим километрах от Вязьмы, где захоронены останки более 65 тысяч солдат и офицеров вермахта (открыто в 2013 г., несмотря на протесты местных жителей).

Фото 48 и 49. Слева фотография немецкого пилона на Духовщинском кладбище, куда из Вязьмы были перезахоронены останки сотен немецких «завоевателей», погребенных в городе во время оккупации.
Справа немецкое кладбище в г. Вязьме, 1943 г.

От имени потомков погибших в дулаге-184 защитников Отечества и участников международного движения «Вяземский мемориал», поисковиков МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» в адрес Администрации МО «Вяземский район» были направлены требования:

• Принести извинения за оскорбительное отношение к памяти погибших при защите Отечества перед их родственниками – детьми, внуками, правнуками, и поисковиками–общественниками.

• Демонтировать позорные пилоны, выполненные по образцу пилона для увековечения памяти немецких оккупантов в Духовщинском районе Смоленской области. Это оскорбляет наши чувства, нашу память. Изготовить новые мемориальные плиты, чтобы люди понимали, что здесь лежат советские воины, а не немецкие солдаты.

• В срочном порядке исправить искажения в именах защитников Отечества, погибших в фашистском пересыльном лагере военнопленных дулаг-184, на мемориальных плитах.

• Согласовывать дальнейшую работу Администрации МО «Вяземский район» по вопросу установления именных мемориальных плит с родственниками погибших в дулаге-184 советских воинов и поисковиками-общественниками в лице Оргкомитета «Вяземский мемориал» и МАОПО «Народная память о защитниках Отечества».

Эти требования были поддержаны в июле 2022 г. участниками белорусско-российского Марафона Памяти защитников Отечества и жертв войны, посвященного

78-й годовщине освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Поисковики и родственники погибших воинов посетили Вязьму, возложили цветы к мемориалу погибших в фашистском лагере военнопленных дулаге-184. Участники Марафона Памяти поставили свои подписи под обращением к Администрации МО «Вяземский район» от имени потомков погибших в дулаге-184 защитников Отечества, и от имени поисковиков – участников международного движения «Вяземский мемориал»:

Однако на сегодняшний день ни извинений, ни исправления допущенных ошибок в именах на мемориальных плитах! Складывается впечатление, что Администрация МО «Вяземский район» намерена закрыть святую тему создания мемориальных плит с именами героев, в очередной раз как это было в Вязьме не однажды, похоронить память о наших отцах, дедах и прадедах…

Ввиду сложившейся ситуации просим организаторов и участников Международной научно-практической конференции «Дорогами военнопленных московских ополченцев Великой Отечественной войны», руководство АНО «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны»,

Фото 50. Участники первых поездок в Вязьму к могилам своих родных. В центре группы – Иван Николаевич Егоров, проживавший в Вязьме с конца 1940-х гг. XX века, наш незаменимый экскурсовод и участник всех наших дел.

Фонда сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «МИР РАДИ ЖИЗНИ», Государственного музея обороны Москвы, краеведов-исследователей стран СНГ официально поддержать требования Оргкомитета «Вяземский мемориал» по созданию в Вязьме достойных мемориальных плит с именами многострадальных героев, защищавших Москву в грозный час до последней возможности, мученически погибших в фашистском лагере военнопленных дулаг-184, учитывая требования и предложения семей погибших защитников Отечества, а также поисковиков-исследователей.

Предлагаем совместно обратиться с ходатайством к Губер-

натору Смоленской области В.Н. Анохину, а также к исполняющему полномочия Главы муниципального образования «Вяземский район» Смоленской области О.М. Смолякову с просьбой о замене семи памятных плит на Мемориале памяти жертв военнопленных дулага-184, которые выглядят аналогично пилонам на немецких воинских кладбищах (д. Карпово Новгородской обл., г. Духовщина Смоленской обл.) в России. Это недопустимо! Нельзя уравнивать Статус советского воина-освободителя и гитлеровского солдата.

Замену необходимо выполнить к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., которую наша страна будет отмечать в 2025 году. Взять под свой личный контроль создание паспортов захоронения военнопленных с соблюдением юридических норм, размещение списков погибших на мемориальных плитах по лазаретам, недопущение массовых ошибок в именах бойцов и командиров.

Родственники, приезжающие к Мемориалу памяти жертв лагеря военнопленных дулаг-184 в Вязьме на ул. Репина, должны видеть имена своих родных написанными без ошибок, в неискаженном виде, как это произошло в декабре 2021 года. Ведь к юбилею Великой Победы в мае 2025 г. Вязьму посетят сотни потомков бойцов-героев, погибших в дулаге-184, чтобы почтить память своих родных и близких.

Дети и внуки требуют восстановить историческую справедливость

«Наша семья приезжает в Вязьму уже четырнадцатый год, с самой первой коллективной поездки в Вязьму родственников погибших солдат. Здесь погиб отец моей мамы, мой дед Степан Иванович Крицын, боец 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы. Маме в 1941 г. исполнился один годик. Всю жизнь мама искала следы отца, плакала, не могла смириться с такой страшной потерей… Наша семья возмущена кощунственным отношением вяземской администрации к увековечению памяти о советских солдатах, задержавших продвижение фашистов к Москве

и спасших ее своими жизнями! Возмущает и то, что за полтора года ни разу не рассматривались вопросы увековечения памяти воинов, чьи имена в списках погибших не значатся, но есть и документы, и свидетельские показания, подтверждающие, что человек погиб именно в вяземских дулагах. Рабочая группа по созданию мемориальных плит (председатель – зам. Главы Администрации МО «Вяземский район» Вавилова С.Б.), созданная по нашей инициативе, не работает. С мнением родственников защитников Отечества вяземская Администрация не считается! Как так?» (Ольга Лаврова, внучка С.И. Крицына, член Оргкомитета «Вяземский мемориал» от имени семьи Лавровых-Крицыных)

«В Вязьме мы посетили мемориальный комплекс, посвященный жертвам дулага-184. В этом лагере в 1942 г. находился наш герой – наш дед и прадед сержант саперного батальона Веселкин Прокопий Родионович. Во время Великой Отечественной войны он воевал под Смоленском и Ржевом в составе 365-ой стрелковой дивизии, попал в плен, где находился с 28 февраля 1942 года по 2 мая 1945 года. Но ему посчастливилось, не смотря на все лишения и страдания, пройдя многие лагеря смерти, выжить, вернуться домой!

Но каково было наше удивление в Вязьме, когда мы узнали, что на мемориальных пилонах имена чьих-то семейных героев были написаны с искажением. Неужели люди, которые были военнопленными и мирными гражданами заслужили такую «благодарность»? Как такое можно было допустить? Около 50 имен искажено, а это значит, 50 семей могут не узнать, что здесь погиб их родственник, что здесь хранится память о нём. Также на пилонах высечены имена тех красноармейцев, которые погибли в Германии, а не в Вязьме. Очень обидно, что доказать эту оплошность могут лишь тонны бумаг и нервов. И ведь это еще и неуважение к тем, кто потратил многие дни на поиск имен погибших и составление выверенных списков, к тем, кто неравнодушно помогал поисковикам. Каждый причастный к этой работе поисковик провёл целую исследовательскую работу, а люди, которые допустили искажение имён на плитах, не удосужились приложить даже четверть от тех усилий. Вот, за что нам обидно!» (Анна Кузнецова, правнучка сержанта П.Р. Веселкина, от имени семьи Кузнецовых, Свердловская область).

«У нас в Беларуси также не всюду на плитах указаны полные данные. Нет, к сожалению, документа, регламентирующего этот вопрос. И потому райисполкомы, ответственные за мемориальную работу, руководствуются лишь объемом выделяемых на реконструкцию средств, которых всегда недостаточно. Особенно там, где списки погибших исчисляются тысячами.

Другое дело в Вязьме. При подготовке книги-мемориала «Ад-184» огромная, многолетняя работа по установлению имён и судеб узников «Дулага-184» была проделана членами оргкомитета «Вяземский мемориал», поисковиками-волонтёрами России и других стран СНГ, входящих в МАОПО «Народная память о защитниках Отечества». Выверенные списки, с указанием на первоисточники, были переданы Администрации МО «Вяземский район».

Тем не менее, не сверяясь с переданными документами, при нанесении фамилий на только что установленные плиты, были допущены грубейшие ошибки в написании фамилий, имён, отчеств. Занесены в списки погибших в Вязьме фамилии и тех военнопленных, которым удалось бежать, сражаться на фронте, и геройски погибнуть лишь в 1945 году. Всё это указывает на то, что рабочая группа Вяземского района не придала должного внимания замечаниям и просьбам не только оргкомитета «Вяземский мемориал», но и родственников погибших воинов. Если бы не это, если бы администрация Вязьмы взяла за основу представленный поисковиками материал, не было бы разногласий, митингов протеста и многочисленных писем. Не была бы попрана священная память о погибших солдатах. Ведь сам мемориал, благодаря выдающемуся скульптору Салавату Александровичу Щербакову, не имеет аналогов в мире и заслуживает самых высоких похвал» (Лариса Бруева, член КС МАОПО «Народная память о защитниках Отечества», ветеран поискового движения, г. Витебск, Беларусь).

«Как-то неправильно и не уважительно, а главное не точно и не понятно для надеющихся установить судьбу близкого человека, найти и сомневаться, что это ОН, единственный… Меня удивляли, и сейчас в наши дни как-то особенно огорчают, надписи на памятных плитах. Фамилия и инициалы Иванов А.И. - Александр? Алексей? Анатолий? Иванович? Игнатьевич?

Игоревич? да еще и варианты сочетаний имен и отчеств! Как понять ищущему, желающему найти? В Белоруссии на мемориале в Лиозно все имена написаны полностью, да еще и воинское подразделение названо, а в Вязьме, почему не так?..» (Лариса Васина, дочь воина-ополченца 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы А.А. Леляичева).

К 80-летию Победы?

Основными задачами увековечения памяти защитников Отечества, погибших в дулаге-184, по мнению Оргкомитета «Вяземский мемориал», остаются следующие:

1. Администрации МО «Вяземский район» необходимо составить паспорта массовых захоронений в Вязьме, внеся в них имена погибших согласно спискам военнопленных, захваченным при освобождении Вязьмы контрразведкой «СМЕРШ» 33-й армии:

• по Красноармейскому шоссе (бывший лазарет № 1 дулага-184, советский госпиталь, известно 2 372 имени).

• по ул. 25-го октября (территория ВЗСП, бывший лазарет № 2 дулага-184, известны имена 1 282 человек).

• в районе сквера Светланы Савицкой (бывший лазарет № 3 дулага-184, известны имена 383 человек).

2. Отметить мемориальными досками или памятными знаками места, где содержались военнопленные и находились массовые захоронения погибших, подтвержденные архивными документами и другими данными: на территории машиностроительного завода, бывшего автотранспортного предприятия «Автоколонна 1134», бывшего хлебозавода.

3. Отозвать из ЦАМО РФ фальсифицированный паспорт от 2014 года на несуществующее захоронение у мясокомбината, подписанный мэром Вязьмы Александром Клименковым и начальником отдела ВКСО по городу Вязьма и Вяземскому району О. Бурылевым.

4. В ходе дальнейшей работы по установлению мемориальных плит:

• Размещать списки погибших тремя отдельными группами строго по лазаретам дулага-184, как отдельным братским кладбищам, обозначив тем самым реальные места их расположения.

• Использовать для мемориальных плит списки имен погибших, многократно уточненные

поисковиками-волонтерами России и других стран СНГ в ходе многолетней исследовательской работы с архивными документами ОБД «Мемориал» и другими источниками.

• Включить в списки лазаретов имена погибших, безосновательно в 1980 г. записанных на стелы Екатерининского городского кладбища.

• Администрации МО «Вяземский район» совместно с поисковиками обсудить вопрос об увековечении памяти жертв дулага-184, имена которых установлены позднее и не отмечены в списках лазаретов дулага-184 (около десяти человек из разных регионов России).

• Проводить совместную работу по заполнению персональных карточек погибших с учетом списков, выверенных поисковиками МАОПО «Народная память о защитниках Отечества» и Оргкомитетом «Вяземский мемориал».

5. Паспортизировать три неучтенных братских захоронения возле действующего мясокомбината, созданные в 1999 г. в ходе межрегиональной Вахты Памяти ГКУ «Смоленский областной центр «Долг» и ликвидированные при строительстве мемориала в 2014 г., увековечить память погибших, возможно созданием здесь памятного знака.

6. Рассмотреть вопрос об использовании материалов книги «АД-184» в учебных заведения г. Вязьма, в частности, о воинах, чьи портреты отражены на стелах Вяземского мемориала, к которым приезжают родные и близкие погибших героев.

Фото 50 и 51. Карпаева Наталья Николаевна и ее внук Вадим из с. Вязовка Майнского района Ульяновской области - потомки красноармейца Тюрина Анисима Михайловича, погибшего при побеге из вяземского лагеря военнопленных. «Прошу занести имя Тюрина Анисима Михайловича на плиты Вяземского мемориала в городе Вязьма».
Полковник в отставке Поленников Виктор Михайлович у портрета отца Поленникова Михаила Васильевича (Липецкая область), погибшего в лазарете № 2 дулага-184

Фото 52. Родственники погибших военнопленных дулага-184 у мемориала памяти жертв немецко-фашистских лагерей смерти.

«Прошедшие поездки в Вязьму перевернули мое представление об этом месте — открылась страшная и суровая правда той войны, которую выиграли солдаты 41-го года, остановившие и перемоловшие танковые клинья, рвавшиеся к Москве. Но какой страшной ценой это далось. Казалось бы, нет такой силы, которая бы противостояла вермахту. Начавшаяся 30.09.1941 наступательная операция «Тайфун» вырвала 500-километровый участок нашего фронта, и лучшие войска и ополчение оказались в кольце окружения. Западнее Вязьмы в ловушке оказались четыре армии в составе 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийского полка РГК. Потери Красной армии убитыми и ранеными превысили 380 тысяч человек; в плен попало под Вязьмой и Брянском по некоторым данным свыше 600 тыс. человек. Но наши солдаты и командиры продолжали выполнять свой воинский долг и в неблагоприятных условиях, не давали врагу двигаться к Москве. В октябре 1941 г. Вязьма стала местом, куда фашисты начали свозить наших захваченных в плен бойцов. Изнуренных от голода, часто раненых и контуженых, их гнали в сортировочные лагеря, чтобы дальше отправить в тыл. О кормежке и лечении практически не заботились – нашим раненым помогали взятые в плен советские врачи. Лекарства – только те, что были в окружении. Наши солдаты гибли сотнями в день – в первых числах октября лег снег, а многие были еще без зимнего обмундирования. Вяземский дулаг-184 стал местом, через которое прошли десятки тысяч наших бойцов, многие и многие тысячи навечно остались во рвах рядом с недостроенным авиацион-

ным заводом, в стенах которого размещался концлагерь. А в Вязьме и окрестностях было еще много таких лагерей.

Благодаря работе поисковиков многие, ныне живущие в разных концах нашей страны, обрели своих погибших родственников. Слишком мало документов сохранилось с того времени, но то, что нашлось, в том числе дневники врачей и списки, составленные ими, позволили проследить судьбы сотен и сотен солдат. И теперь эти солдаты обрели вторую жизнь.»

Виктор Зателепин, педагог,
участник поисковой работы
с 2000 г.,
внук лейтенанта
Н.А. Зателепина, командира мотоциклетной роты
198 разведывательного
батальона 126 стрелковой дивизии,
погибшего в немецком плену,
в гестапо

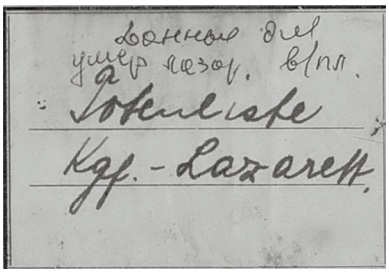
ВОПРОСЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ МОСКОВСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ОПОЛЧЕНЦЕВ, УМЕРШИХ В ЛАЗАРЕТЕ ДУЛАГА-126 и ЗАХОРОНЕННЫХ В БРАТСКОЙ МОГИЛЕ №16-19 по проезду МАРШАЛА КОНЕВА в г. СМОЛЕНСКЕ

2024© А.А. Швед (Республика Беларусь, Витебская обл., г. Браслав)

«Список умерших лазарета военнопленных»

Свой рассказ мне хотелось бы начать с 1943 года, когда в лазарете военнопленных была написана Книга на немецком языке, подписанная как «Totenliste Kgf.-Lazarett», в переводе – «Список умерших лазарета военнопленных» без каких-либо указаний на принадлежность его к конкретному лагерю и городу, где этот лагерь находился. [97]

Фото 1. «Totenliste Kgf.-Lazarett», «Список умерших лазарета военнопленных»

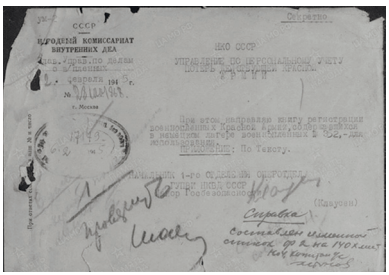


После освобождения Белорусской ССР от немецких захватчиков в 1944 г. данный «Список умерших лазарета военнопленных» на немецком языке был найден, но подробности его обнаружения нам не известны. Единственное указание на принадлежность данного документа к определенному лагерю имеется в Донесении № 17179 от 06.02.1945 г. в Управление по персональному учету потерь действующей Красной армии. В сопроводительном листе к этому донесению начальник 1-го отделения оперативного отдела ГУПВИ НКВД СССР май-

[97] Список умерших лазарета военнопленных (Totenliste Kgf.-Lazarett) // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408.
http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78723747&page=281
Далее по тексту статьи данный «Totenliste Kgf.-Lazarett» будет называться как немецкий «Список умерших лазарета военнопленных» или сокращенно немецкий «Список…». Слово «немецкий» указывает на то, что список был написан на немецком языке, но оно не означает, что немцы принимали участие в его создании.

ор госбезопасности Клаусен указал: *«При этом направляю книгу регистрации военнопленных Красной армии, содержащихся в немецком лагере № 352, для использования».*[98]

Фото 2. Сопроводительный лист к донесению начальника 1-го отделения оперотдела ГУПВИ НКВД СССР майора госбезопасности Клаусена.



На основании данного документа под руководством помощника начальника 1 отд. капитана а/с Харитонова был составлен на русском языке Именной список ф. 2 на 140 листов, в котором были зафиксированы данные на 2 269 человек.[99]

В 2006 г. Корпорация «Элар» по поручению Министерства обороны Российской Федерации начала создавать Обобщенный компьютерный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период (Объединенная база данных (ОБД) «Мемориал»).[100] В результате информация из сопроводительной записки майора госбезопасности Клаусена, а именно фраза «*содержащихся в немецком лагере № 352*» и фраза из русскоязычного Именного списка ф. 2 от капитана а/с Харитонова «*Находился в лагере в/п 352. Дальнейшая судьба неизвестна*»[101] попала в Информацию о военнопленном в ОБД «Мемориал», и у каждого военнопленного из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных» появилась запись – «*Лагерь шталаг 352. Судьба погиб в плену*». Данная фраза читается однозначно, и вывод о смерти их в Шталаге 352 становится очевидным. А так как

[98] Донесение № 17179 от 06.02.1945 в Управление по персональному учету потерь действующей Красной Армии // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78723747&page=281&p=1

[99] Именной список безвозвратных потерь Красной Армии на 2269 человек. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78723750

[100] ОБД «Мемориал» // https://obd-memorial.ru/html

[101] Именной список безвозвратных потерь Красной Армии. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78725421

во всей послевоенной документации Шталаг 352 необоснованно ассоциировался только с «Лесным лагерем» около д. Масюковщина и его лагерным захоронением (воинским захоронением) ВЗ № 1154, то информация о захоронении в Масюковщине людей, перечисленных в немецком Списке, была впоследствии растиражирована в разных источниках (в Книгах Памяти и др.).

Однако немецкий «Список умерших лазарета военнопленных» никогда не входил в Список паспорта воинского захоронения (ВЗ) № 1154 Мюсюковщина (ныне г. Минск). И свыше 7 тысяч умерших советских военнопленных из немецкого «Списка умерших лагеря военнопленных», о которых идет речь в данной статье, не были внесены в паспорт ВЗ № 1154, несмотря на то что формально всегда числились захороненными в Масюковщине.[102]

Ради объективности следует сказать, что небольшое количество фамилий из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных» на основании недостоверной информации про Шталаг 352 в послевоенные годы все-таки было внесено в список паспорта ВЗ № 1154 в Масюковщине. Таким образом, был составлен «Дополнительный список к пас. №3 (приложение) к книге погибших в немецком концлагере у д. Масюковщина близ Минска, составленный из распечаток ЦАМО СССР» на 102 воина.[103] Запись из Дополнительного списка к пас. № 3 «*Антихтов Александр, 1912, дата смерти 02.01.1942, откуда перезахоронен – ЦАМО, Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. Л. 176 об*», указывает на то, что первичная информация для этого Дополнительного списка была взята из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных». А ошибочное утверждение, что «*место захоронения д. Масюковщина, страна захоронения Беларусь*» сделано на основании неправильной информации из сопроводительной записки майора госбезопасности Клаусена, а именно фразы «*содержащихся в немецком лагере № 352*».[104]

[102] Швед А.А. «История Шталага № 352. Как мы «возвращали» погибших на верное место / Швед А.А., Мох Е.Н.// Альманах ГенЭкспо №2, Москва, 2021 г., С. 179–187.

[103] Дополнительный список к пас. №3 (приложение) к книге погибших в немецком концлагере у д. Масюковщина близ Минска, составленный из распечаток ЦАМО СССР // https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261828239&p=8

[104] Информация о захоронении: Антихтов Александр // https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261828294
Список умерших лазарета военнопленных: Антихтов Александр. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78726254

На основании данных, взятых из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных» был сделан еще один «Дополнительный список (приложение) к книге погибших в немецком концлагере у д. Масюковщина близ г. Минска, составленный из распечаток ЦАМО СССР» на 63 воина. В этом списке, например, указан Бас Павел, 1902 г.р., уроженец г. Минска, погибший в плену 13.12.1941 г.[105]

Оба этих дополнительных списка на 102 и 63 человека составлены в основном из фамилий сотрудников органов контрразведки и НКВД, уроженцев г. Москвы (Московской области) и г. Минска (Беларуси), погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

Точного ответа на вопрос, каким образом немецкий «Список умерших лазарета военнопленных» оказался в Шталаге 352, нет, но как возможный вариант событий можно рассмотреть следующий пример.

Так в Управление по персональному учету потерь младшего начальствующего и рядового состава Действующей Армии поступило донесение Главного Управления «СМЕРШ» НКО вх. № 78973 от 22.09.1944 г., в котором отмечалось: «*В бюро потерь НКО СССР. При этом направляем для использования документы, обнаруженные в здании бывшего немецкого лагеря № 352 для советских военнопленных, в местечке Масюковщина, в 8 клм. северо-западнее г. Минска…*

Арматурные и учетные карточки на быв. военнослужащих Красной Армии, находившихся в немецких лагерях: «Шталаг № 352» в Минске и «Дулаг» № 126 в Смоленске – 3 497 шт.»

Данные документы предположительно были перемещены из Смоленска в Минск (вероятно, через Оршу – Борисов) после эвакуации Дулага 126 в период с сентября 1943 г. по июль 1944 г. во время наступления Красной армии и освобождения г. Смоленска. Не исключено, что и немецкий «Список умерших лазарета военнопленных» тем же маршрутом из Смоленска попал в Минск.

---

[105] Дополнительный список (приложение) к книге погибших в немецком концлагере у д. Масюковщина близ г. Минска, составленный из распечаток ЦАМО МО СССР // https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261828640&p=215 // Список умерших лазарета военнопленных: Бас Павел // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78727616

Форум «Авиация СГВ». Коллектив экспертов по вопросам плена

В 2011 г. с вопросами о судьбе моего деда Шведа П.П. я впервые попал на форум «Авиация СГВ», который создал Ваничкин Александр Иванович из Калининграда.[106] Эксперты форума дали мне содержательные ответы по военнопленным. Выяснилось, что Швед Павел Петрович 1906 г.р., уроженец д. Тупичев Черниговской области, краснофлотец 40-го отдельного подвижного артиллерийского дивизиона Черноморского флота, пропавший без вести в октябре 1941 года[107], погиб в фашистском плену. Мой дед умер от алиментарной дистрофии 05.01.1942 г. в лагере военнопленных Дулаг 182, и был захоронен на лагерном кладбище в городе Запорожье.[108]

Фото 3. Швед Павел Петрович, (1906 – умер в плену 05.01.1942)

Впоследствии, решив свой личный вопрос, я присоединился к коллективу форума в качестве эксперта по медицине плена. При изучении медицинских вопросов в Шталаге 352 в наше поле зрения попал немецкий «Список умерших лазарета военнопленных», приписанный корпорацией «Элар» в ОБД «Мемориал» к этому лагерю. Совместными усилиями эксперты форума изучили данный документ, проанализировали полученную информацию и на ее основании сделали свои выводы.

[106] Форум «Авиация СГВ», тема «Военнопленные – шталаги, офлаги, концлагеря» // https://www.sgvavia.ru/forum/73

[107] Именные списки безвозвратных потерь личного состава Черноморского флота за 1941-1942 гг. от 03.07.1944 г. // ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1359.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=76771722

[108] Карта умершего военнопленного Шведа П.П. в Дулаге 182 (WASt, форма V8) // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 2261. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300868198

«Так при анализе документа стало известно, что официальное название Списка, найденного на территории Белоруссии, – «Totenliste Kgf.-Lazarett» («Список умерших лазарета военнопленных»). Этот Список состоит из двух частей. Первая часть представляет собой 732 записи хирургического отделения 2-го корпуса лазарета. Вторая часть – 7 028 записей терапевтического, инфекционного, сыпнотифозного отделений. Написали Список четыре писаря (четыре разных почерка), вероятно, регистраторы этих четырех отделений. Список был написан одномоментно в марте-апреле 1943 г. Первая часть написана не ранее 10 марта 1943 г., вторая часть – немного позднее, ориентировочно в начале апреля 1943 г., что видно по самым поздним датам смерти в каждой из частей Списка. То, что Список написан одномоментно и именно в 1943 г., можно понять по чередованию дат смерти при последовательном заполнении каждой страницы, когда после 1942 г. идет 1941 г., после 1943 г. – 1942 г. и т.д. Такое заполнение страницы было возможно только на основе первичных документов (о смерти и о захоронении), написанных в хронологическом порядке в 1941-1943 гг., и которые, видимо, хранились в ящиках архива лазарета в алфавитном порядке. В марте 1943 г. писарь из хирургического отделения создал свою 1-ю часть Списка из 732 фамилий и передал его в другие отделения для продолжения работы. Примерно 7 апреля 1943 г. Список был полностью завершен, сложен из отдельных сдвоенных типографских листов в одну книгу и сшит. Обе части последовательно были пронумерованы. Всего в Списке 7 860 фамилий. Почему Список содержит даты умерших только по апрель 1943 г., достоверно выяснить не удалось. Вероятнее всего, написание Списка было связано с наступлением Красной армии и освобождением Ржева (3 марта 1943 г.), в результате чего возникла угроза приближения линии фронта к Смоленску. Поэтому появилась необходимость готовиться к возможной эвакуации Дулага 126 с уничтожением части документации лазарета, перевозить которую было нецелесообразно. Есть версия, что после получения приказа уничтожить акты умерших военнопленных и акты о захоронениях советские патриоты сделали с этой документации конспект в виде Списка, который позднее и попал из Дулага 126 в Шталаг 352 в руки майора НКВД Клаусе-

на. Подробностей обнаружения Списка в архивах, в том числе и в архиве ФСБ, установить не удалось. Список написан на немецком языке. Вероятно, что и язык первичных документов, на основе которых он составлялся, тоже был немецким. Список составлен по алфавиту, но алфавит каждой части отличается. Первая часть написана на немецком, но в порядке букв русского алфавита. Вторая часть написана в порядке немецкого алфавита. Нумерация сквозная для двух частей, т.е. применяется для всего Списка. 1-я часть – 732 записи, 2-я часть – идет продолжение с 733 до 6 000 записи, далее нумерация отсутствует. Для написания списка были взяты стандартные типографские сдвоенные листы с графами на немецком языке. Такие листы использовались лагерями (лазаретами) для отчетов в WASt. Диагнозы, указанные в списке погибших: 1-я часть – хирургия: Wervundete (ранение), Meningitis (менингит), Peritonitis (перитонит), Sepsis (сепсис); 2-я часть – терапия: Herzschwäche (сердечная слабость), Erschöpfung (истощение), Oedema (голодный отек), Avitaminose (авитаминоз); инфекционное отделение: Durchfall (понос), Lungentuberkulose (легочной туберкулез); сыпнотифозное отделение: Flecktyphus (сыпной тиф). Заголовок на обложке немецкого Списка – «Totenliste des 2 Bau der Kgf.-Lazaretts», что переводится как «Список умерших лазарета военнопленных» относится к 2-м частям. 1-я часть не подписана, а 2-я часть озаглавлена как «Fortsetzung: Totenliste des 2 Bau der Kgf.-Lazaretts» «Продолжение: Список умерших во 2-м корпусе лазарета военнопленных». Заголовок говорит о том, что и первая часть Списка из 722 человек также относится ко 2-му корпусу. Особо стоит отметить, что Список нестандартный, он не похож ни на один регистрационный журнал лазаретов дулагов или шталагов, несмотря на то что он написан на типографски отпечатанных листах с 15-ю стандартными графами.»[109]

Первым, кто на форуме «Авиация СГВ» выдвинул версию о принадлежности к лазарету в Смоленске воинов из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных», стал исследователь Суворов Сергей Николаевич из Санкт-Петербурга. Сергей Николаевич озвучил информацию о судьбе военврача Слободчикова

[109] Амелин С.А., Швед А.А. Трагедия плена. Лагеря г. Смоленска в период гитлеровской оккупации / Главный редактор Шорин Ю.Н. // Край Смоленский. 2022. № 9, стр. 30.

А.И., упомянутого в книге московского ополченца, военврача Яковенко М.В. «Воспоминания времен Отечественной войны»; рассказал о судьбе красноармейца Жарского У.И., которые умерли в лазарете военнопленных в Смоленске. Фамилии Слободчикова А.И. и Жарского У.И. были в немецком «Списке умерших лазарета военнопленных». С этого момента я принял версию, что интересующий нас Список к Минску не имеет отношения. А окончательно согласился с этой версией, что «Список – не Минск», при совместном написании статьи «Единый комплекс документов по медицине Шталага № 352, Масюковщина» с кандидатом исторических наук Мох Еленой Николаевной[110] по лазаретным документам Шталага 352. В этой статье нами перечислены все лазаретные документы этого лагеря, но немецкий «Список умерших лазарета военнопленных» среди них отсутствует, как не относящийся к нему. К такому выводу мы пришли потому, что во всем массиве лазаретных документов Шталага 352 нам не встретилось ни единого! упоминания фамилий из более чем 7 тысяч человек немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных».

Приняв решение заняться вплотную судьбами людей из «Списка умерших лазарета военнопленных», стало ясно, что нужно привлечь к этому вопросу самых заинтересованных людей – родственников воинов, умерших в лазарете. Моей задачей стало найти их и проинформировать.

Поиск родственников в хронологическом порядке

Первым из родственников, с кем мы познакомились, работая в теме немецкого Списка умерших лазарета неизвестного лагеря, был Сергей Томилов, внук красноармейца, который еще 16 апреля 2013 г. написал на форуме «Авиация СГВ»[111] следующее:

«Ищем хоть какие-нибудь сведения о нашем деде и отце Томилове Андрее Никандровиче, 1913 г.р., проживавшем до войны в селе Майорово Сладковского сельского совета Слободо-Туринского района Свердловской области. Призван на второй день войны 23.06.1941 г. Слободо-Туринским райвоенкоматом в 50 сд 49 сп рядовым. В ноябре 1941

[110] Мох, Е. Н. Единый комплекс документов по медицине Шталага № 352, Масюковщина / Е. Н. Мох, А. А. Швед // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. - 2021. - № 9. - С. 88-96. http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/27860

[111] Форум Авиация СГВ, тема «Кр-ц Томилов Андрей Никандрович» // https://www.sgvavia.ru/forum/126-4618-1

было получено сообщение от командира о пропаже без вести Андрея Никандровича. Сообщалась, что пропал при форсировании р. Днепр».

Фото 4. Томилов Андрей Никандрович, (1913 – умер в плену 20.03.1942)

В соответствии с указанными в немецком «Списке умерших лазарета военнопленных» данными, Томилов Андрей Никандрович, 1913 г., умер 20.03.1942 в неизвестном лазарете в неизвестном лагере.[112] Но, используя информацию, данную майором НКВД Клаусеном в сопроводительной записке к Списку, оператор Корпорации «Элар» внес в личные данные Томилова в ОБД «Мемориал» фразу, что он «*Находился в шталаге-352. Погиб в плену*». Эта информация в отношении Томилова и остальных 7-ми тысяч воинов из немецкого Списка тиражировалась во всех поисковых сайтах, официальных документах, Книгах Памяти, ее использовали родственники при поездках в Минск до тех пор, пока по моему обращению в Корпорацию «Элар» не была замена на правильную: «*Погиб в плену*», без указания на Шталаг 352. Однако, одновременно данные из русскоязычного Именного списка на 2 269 человек, составленного капитаном Харитоновым на основании первичного немецкого Списка, сохранили запись про Шталаг 352, т.к. слова «лагерь 352» имеются в самом документе.

В дальнейшем внук Сергей с моей помощью написал ряд обращений в официальные органы с целью установить происхождение немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных» и историю его обнаружения в Шталаге 352, но ответа по существу вопросов в этих организациях мы не получили.

[112] Список умерших лазарета военнопленных: Томилов Андрей // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78733970
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78733926

Центральный архив ФСБ России, Государственный архив Российской Федерации, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации ответили, что «сведениями в отношении Томилова Андрея Никандровича, 1913 г.р., не располагают».

Центральный Архив Комитета Госбезопасности РБ сообщил, что «*архивные трофейные документы 352-го шталага на хранение в Центральный архив КГБ Республики Беларусь не поступали*».

Внук Сергей обратился в Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны РБ с просьбой помочь уточнить информацию о месте обнаружения немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных» в Шталаге 352. И, если место захоронения деда подтвердится в Шталаге 352, то внести данные своего деда Томилова А.Н. в список паспорта воинского захоронения № 1154 в Масюковщине (ныне Минск). Сделать это можно на основании созданного в 1991 году прецедента, когда некоторые фамилии из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных» в виде двух дополнительных списков на 102 и 63 фамилии были внесены в паспорт ВЗ № 1154.

В ответе Управления по увековечению… Министерства обороны РБ было отмечено:

«В списке воинского захоронения № 1154, г. Минск, микрорайон Масюковщина, на месте бывшего лагеря военнопленных шталаг 352, Томилов Андрей Никандрович не значится.

Управление … обратилось с ходатайством в администрацию Центрального района г. Минска для внесения в список воинского захоронения № 1154 ранее неизвестного имени Вашего деда, Томилова Андрея Никандровича».

Администрация Центрального РИК в своем ответе сообщила, что «*сведения о военнопленном бойце Красной Армии Томилове внесены в списки воинского захоронения № 1154*».[113]

Таким образом, ошибка по Томилову А.Н. была зафиксирована официально. Управление по увековечению МО РБ поступило достойно, увековечив имя воина на мемориале, но внесло его фамилию в паспорт воинского захоронения не в том месте, где он погиб. Причина такой ошибки – неверные данные, изначально внесенные в паспорт ВЗ № 1154 г. Минска в 1991 г.

---

[113] Из личного архива Томилова С.Н.

Управление по увековечиванию МО РФ по объективным обстоятельствам не имело возможности провести полноценную архивно-поисковую работу по данному вопросу, поэтому по аналогии с уже внесенными военнопленными из немецкого Списка признало Томилова А.Н., наряду с воинами, включенными в дополнительные списки, захороненным в Масюковщине. Таким образом, продолжив тиражировать ошибку, основу для которой создал майор НКВД Клаусен.

Книга военврача Яковенко М.В.

Несмотря на поиск и обращения в различные инстанции, вопрос с немецким «Списком умерших лазарета военнопленных» завис… И продолжение он получил только после того, как я прочитал книгу воспоминаний военврача 2 ранга Яковенко Мстислава Владимировича «Воспоминания времен Отечественной войны», которая в свободном доступе в Интернете оказалась, благодаря его внучке Ольге Игоревне Яковенко.[114]

Фото 5. Военврач 2 ранга Яковенко Мстислав Владимирович, (1889 – 1974)

Фото 6. Книга воспоминаний военврача 2 ранга Яковенко М.В. «Воспоминания времен Отечественной войны»

[114] Яковенко, М.В. Воспоминания времен Отечественной войны / Фонд сохранения исторической памяти. Электронное периодическое издание «Я помню»// https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich

В предисловии к книге Ольга Игоревна рассказала об истории ее создания: *«Мира Мстиславовна Яковенко, дочь Мстислава Владимировича и моя мать, долгое время просила дедушку написать воспоминания о своей жизни. И все же ей удалось его уговорить. Дедушка записал свои воспоминания о Первой и Второй мировых войнах. Мама эти воспоминания перепечатала, но они так и лежали в семейных архивах в черновом варианте. Я нашла их после смерти мамы, когда разбирала эти архивы, и решила сделать из них книгу для узкого круга семьи и тех людей, кому этот материал может быть интересен».*

Позднее мне удалось лично познакомиться с Ольгой Игоревной и получить от нее электронные копии записных книжек Мстислава Владимировича, которые помогли в работе над немецким «Списком умерших лазарета военнопленных». На основе книги Яковенко М.В. и его личных записей мною в журнале «Край Смоленский» в № 9 за 2022 г. была напечатана статья «Лазарет военнопленных Дулага 126 в Смоленске, по воспоминаниям врача М.В. Яковенко». В статье раскрываю историческую ценность сведений о лазарете Дулага 126 и захоронениях военнопленных в г. Смоленске.[115]

Внимательно изучив факты и события из книги военврача Яковенко М.В., мне стало понятно, что он оказался свидетелем множества событий, происходивших в смоленском лазарете. В том числе свидетелем смерти от сыпного

[115] Швед. А. Лазарет военнопленных Дулага 126 в Смоленске, по воспоминаниям врача М.В. Яковенко // Край Смоленский. 2022. № 9. – С. 38-46.

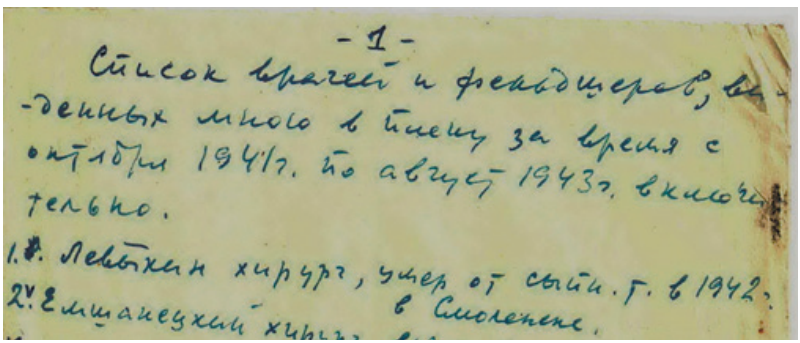

-1-
Список врачей и фельдшеров, в-
-денных мною в плену за время с
октября 1941г. по август 1943г. включи
тельно.
1. Лебухин хирург, умер от сыпн. т. в 1942г.
2. Емшанецкий хирург в Смоленске.

Фото 7. Фрагмент списка врачей и фельдшеров, встреченных Яковенко М.В. в плену

тифа в январе-феврале 1941 г. своего бывшего сослуживца, командира 499-го отдельного медсанбата 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы Александра Ивановича Слободчикова, под началом которого Мстислав Владимирович служил командиром взвода до момента их пленения в октябре 1941 г.

По словам М.В. Яковенко, смерть командира случилась в период, когда он лечил больных военнопленных в инфекционном отделении, располагавшемся во 2-м корпусе лазарета (акушерско-гинекологическом корпусе, который после войны стал корпусом Смоленской областной больницы).

При сравнении данных, приведенных в воспоминаниях военврача Яковенко М.В. и взятых из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных», четко видно, что СлободчИков Александр Иванович, 1897 года рождения, военврач 2 ранга, командир батальона 499 ОМСБ, умерший от сыпного тифа во 2-м корпусе лазарета военнопленных Дулага 126 в г. Смоленске в январе или феврале 1942 г. и SlobodstchAkov Al-dr, 1897, st. Moskau Ulansk, 19.2.42 (*gestorben*), Flecktyphus (перевод с нем. – СлободчАков Ал-др, 1897, г. Москва, Уланск(ий переулок), 19.2.42 умер, от сыпного тифа во 2-м корпусе лазарета военнопленных)[116] – это один и тот же человек!

Фото 8. Военврач 2 ранга Слободчиков Александр Иванович, (1897 – умер в плену 19.02.1942)

Данный вывод можно сделать на основании 9-ти сходных признаков:

1. Фамилия (редкая)
2. Имя
3. Год рождения
4. Москва
5. Уланс(кий переулок)
6. Умер в лазарете
7. Во 2-м корпусе
8. В один период с 01.1942 по 02.1942
9. Диагноз – сыпной тиф

[116] Список умерших лазарета военнопленных: Слободчиков Александр // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78732421

Книга Яковенко М.В. для меня стала тем звеном, которое связало немецкий Список умерших и лазарет Дулага 126 в г. Смоленске.

Однако, несмотря на то что косвенных фактов, подтверждающих догадку, было много, и все они указывали на то, что Список относится к смоленскому лазарету, не было ни одного прямого доказательства, которое бы со стопроцентной точностью подтверждало нашу версию. И даже смерть Слободчикова, свидетелем которой стал врач Яковенко М.В. в смоленском лазарете, не является убедительным подтверждением того, что именно командир Слободчиков записан в немецком Списке. Фамилия *Слободчиков* хоть и редкая, но написана по-немецки с ошибкой, отчество не отмечено, воинское звание и воинская часть не указаны. Не совпадает и место рождения. Написана Москва, как место рождения, а в реальности Александр Иванович родился в д. Большая Илимского района Иркутской области. Да и всех тех воинов из немецкого Списка умерших, кого ранеными или «убитыми» видели сослуживцы в Смоленске, теоретически могли позднее быть отправленными по этапу из города, их могли захоронить в других городах. Крайне маловероятно, но документов, опровергающих эту версию, не существует.

Родственники воинов, найденные через Интернет

Таким образом, доказательств версии принадлежности немецкого Списка умерших смоленскому лазарету Дулага 126 у меня не хватало до тех пор, пока я не встретил на поисково-историческом форуме «SmolBattle» в теме «13 МСДНО – 13-я Ростокинская дивизия народного ополчения Москвы (140 стрелковая дивизия)» сообщения Данилы Старикова, правнука брата Слободчикова Александра Ивановича.[117] Как следовало из его комментариев он давно искал информацию о своем родственнике, спрашивал поисковиков, делился своей информацией о Слободчикове. И при личной переписке сообщил мне важные данные, которые и стали связующим звеном, подтверждающим версию, что Слободч**И**ков по воспоминаниям Яковенко и Слободч**А**ков в немецком Списке умерших – это одно лицо. В графе «Место рождения» Списка умерших у Слободч**А**кова указана ин-

[117] Поисково-исторический форум «SmolBattle», «13 МСДНО - 13 Ростокинская дивизия народного ополчения Москвы (140 стрелковая дивизия)» // https://smolbattle.ru/threads/13-МСДНО-13-Ростокинская-дивизия-народного-ополчения-Москвы-140-стрелковая-дивизия.35920/page-20

формация – «г. Москва, Уланск». И Данил предоставил документ, объясняющий эту запись.

Так в удостоверении для медицинского факультета Московского государственного университета указано, что на 19.10.1921 г. Слободчиков Александр Иванович проживал по Уланскому переулку в доме № 4, квартира № 19[118]. Т.е. запись «г. Москва, Уланск» получила свое логичное объяснение. Стало понятно, что в немецком Списке умерших в данных Слободчикова г. Москва – это не место рождения, а место жительства. И в дальнейшем при изучении документации советских воинов из немецкого Списка умерших версия о том, что графа была подписана неверно, подтвердилась. По большинству воинов в ней отмечено именно местожительство перед призывом в Красную армию.

Данил Стариков, правнук брата А.И. Слободчикова[119] рассказал:

Фото 9. Удостоверение дано студенту Слободчикову А.И. в том, что он проживает по адресу: г. Москва, по Уланскому переулку в д. 4, кв.19. 1921г.

«Брат моего прадедушки Слободчиков Александр Иванович, 1897 г.р., военный врач 2 ранга, командир 499-го отдельного медико-санитарного батальона 13 стрелковой дивизии пропал без вести в октябре 1941 года в Смоленской области[120]. Долгие годы все его родственники делали запросы о нем в разные организации, но его судьба оставалась неизвестной. И только с появлением официального сайта Министерства обороны РФ «ОБД Мемориал» мы узнали, что он умер в феврале 1942 г. от сыпного тифа в лазарете лагеря военнопленных. Название лагеря и город, в котором он был размещен,

[118] Удостоверение Слободчикова Александра Ивановича для медфакультета Московского гос. университета от 19.10.1921 г. // Из личного архива Старикова Д.
Обращение в Администрацию Промышленного района г. Смоленска от 17.05.2022 г. // Из личного архива Старикова Д.

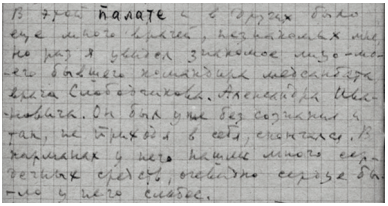
[119] Обращение в Администрацию Промышленного района г. Смоленска от 17.05.2022 г. // Из личного архива Старикова Д.

[120] Учетно-послужная картотека офицерского состава: Слободчиков Александр Иванович, военврач 2 ранга, 49 осб 10 А. // ЦАМО. УПК. Шкаф: 191. Ящик: 23. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70008014186

в документе не упоминаются. Но на наше счастье, в Интернете были опубликованы воспоминания военврача 2 ранга 499 ОМСБ Мстислава Владимировича Яковенко, прошедшего немецкий плен и работавшего врачом в лазарете военнопленных Дулага № 126 в г. Смоленске. В своих воспоминаниях он перечислил фамилии около 70 советских военнослужащих из разных частей, с кем ему пришлось делить тяготы плена, и рассказал об их судьбе. И среди них был и мой родственник Слободчиков Александр Иванович, который умер на глазах у врача Яковенко от сыпного тифа в феврале 1942 года в городе Смоленске в пересыльном лагере Дулаг № 126.

Военврач Яковенко М. В. писал об этом так: «Я ежедневно навещал инфекционное отделение… В этой палате и в других было еще много врачей, незнакомых мне, но раз я увидел знакомое лицо – моего бывшего командира медсанбата, врача Слободчикова Александра Ивановича. Он был уже без сознания и так, не приходя в себя, скончался. В карманах у него нашли много сердечных средств, очевидно, сердце было у него слабое. Захоронен он был на лазаретном кладбище.»

Фото 10. Фрагмент воспоминаний военврача 2 ранга Яковенко М.В. о военврача 2 ранга Слободчикове А.И.



После информации, полученной мною от Данилы Старикова, версия, что немецкий «Список умерших лазарета военнопленных» принадлежит лазарету в Смоленске стала для меня единственной, и мой поиск продолжился в только в этом направлении.

На том же форуме «SmolBattle» я изучил электронные образы документов из фондов Отдела кадров 32-й армии Резервного фронта о назначении военврача 2 ранга Слободчикова А.И. на должность командира 499 ОМСБ, которые представил Дмитрий Балашов.[121]

Инна Астафьева, внучка красноармейца Чумакова Серафима Петровича, разместила

[121] Приказ войскам 32-й армии по личному составу № 057/л. от 26 09.1941г. // ЦАМО. Из личного архива Дмитрия Балашова.

08.05.2016 г. на сайте «Бессмертный полк»[122] следующую информацию:

«Наш дед, Чумаков Серафим Петрович, был призван Бековским РВК Пензенской области в самые первые дни войны. Воевал под Москвой и Смоленском. Последнее письмо с фронта было отправлено им 18 июня 1942 года. До 2015 года считался пропавшим без вести[123]. У него осталась жена и четверо детей. Стали искать через ЦАМО и Объединение «Саксонские Мемориалы» (Дрезден). Выяснилось, что в 1942 году дед попал в плен под Вязьмой. А 16 октября 1942 года умер от истощения[124] в шталаге 352 в Белоруссии у деревни Масюковщина, Минск. Планируем обязательно поехать на могилу, чтобы почтить его память».

Инна стала первой из родственников воинов из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных» на немецком языке, с кем я связался по обратной связи сайта «Бессмертный полк» и сообщил ей, что в Минск ехать не нужно, так как ее дед захоронен в Смоленске. Первой, поскольку Сергей Томилов получил информацию про Смоленск еще на форуме «Авиация СГВ», а Данил Стариков узнал о месте захоронения брата своего прадеда из книги Яковенко М.В.

Фото11. Чумаков Серафим Петрович, (1907 – умер в плену 16.10.1942)

[122] Официальный сайт движения «Бессмертный полк» // https://www.moypolk.ru/soldier/chumakov-serafim-petrovich

[123] Список умерших лазарета военнопленных: Чумаков Серафим Петрович // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78726939

[124] Анкета на военнослужащего Чумакова Серафима Петровича в Управление по персональному учету потерь серж. и ряд. состава КА// ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 1459. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=67004644

Ольга Шпрингер из Новокузнецка и Дарья Рассказа из Смоленска – эксперты по теме военнопленных на форуме «Авиация СГВ» в теме «Totenliste Kgf.-Lazarett. Список в/п, умерших в лазарете» по моей просьбе активно подключились к вопросу идентификации военнопленных из «Списка умерших лазарета военнопленных» (дулага-126, г. Смоленск).[125]

Ольга Ромашова (Москва) – член инициативной группы по увековечению памяти 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы и Александр Павлович Коршаков, командир отряда «Бастион» (УМВД по Смоленской области) приняли участие в работе над немецким Списком и обработали его часть.

Совместными усилиями родственников и поисковиков мы провели идентификацию и составили Список №1 на 1 000 чел., который 14.02.2022 г. мною был отправлен в Департамент Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества. В обращении в Департамент предлагалось «принять решение о внесении персональных данных 1 000 советских военнопленных, умерших в лазарете Дулага 126 в г. Смоленске и захороненных в Братской могиле № 16-19 по проезду Маршала Конева в г. Смоленске в учетную карточку (паспорт) воинского захоронения №16-19».[126]

В их числе были также …

1. Слободчиков Александр Иванович, 1897 г.р., московский ополченец, военврач 2 ранга, командир батальона 499 ОМСБ, попавший в плен вместе с ранеными подчиненного ему медсанбата;

2. Жарский Ульян Иванович, 1914 г.р., уроженец: Смоленской области, Касплянского района, Сыр-Липецкого с/совета, д. Данилково, захваченный раненым в плен вместе с эвакогоспиталем в Смоленске;[127]

3. Пышьев Артем Ефимович, 1913 г.р., урож. Курская обл., Уразовский р-н, с. Колыхалино убитый по донесению Уразовско-

[125] Форум «Авиация СГВ», тема «Totenliste Kgf.-Lazarett. Список в/п, умерших в лазарете» https://www.sgvavia.ru/forum/218-10897-1#856342

[126] Обращение в Управление по увековечению памяти погибших защитников Отечества Министерства Обороны Российской Федерации от 14.02.2022 г., из личного архива.

[127] Документ, уточняющий потери: Жарский Ульян Иванович // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977523. Д. 157.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70688657&p=166
Список умерших лазарета военнопленных: Жарский Ульян // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78726408

го военкомата в бою в г. Смоленске;[128]

4. Чмыхало Филипп Васильевич, 1911 г.р., урож. Краснодарский край, Камышеватский р-н, ст. Должанская, тяжелораненым попавший в плен под Смоленском вместе с госпиталем.

Все они умерли в лазарете Дулага 126 в Смоленске.[129]

Но на мое обращение в Министерство обороны РФ пришел ответ из Главного управления Смоленской области по делам молодежи и гражданско-патриотическому воспитанию, в котором было сообщено следующее: *«В целях подтверждения информации, Главным управлением были направлены запросы в адрес Администрации г. Смоленска, Военного комиссариата Смоленской области и Государственного архива Смоленской области о предоставлении возможно имеющихся данных на 1 000 советских военнопленных, умерших в лазарете немецкого лагеря для военнопленных Дулаг 126, который в годы Великой Отечественной войны находился в г. Смоленске. В связи с тем, что в перечисленных учреждениях информация о персональных данных военнопленных отсутствует, увековечение памяти погибших и захороненных в Братской могиле № 16-19 в г. Смоленске не представляется возможным».*[130]

К поиску подключился Владимир Валерианович Венгржановский – мэтр отечественной журналистики. Им была записана серия радиопередач «Четверг с Владимиром Венгржановским – имена без вести павших – бессмертны!», которые выпустила в эфир ГТРК «Смоленск».[131]

После 2-х моих интервью для

[128] Документ, уточняющий потери: Пышьев Артем Ефимович // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 485.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57862878
Список умерших лазарета военнопленных: Пышьев Артем // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78726684

[129] Документ, уточняющий потери: Чмыхало Филипп Васильевич // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 1167.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=8129264

[130] Ответ Главного управления Смоленской области по делам молодежи и гражданско-патриотическому воспитанию от 07.04.2022 г. // Из личного архива Шведа А.А.

[131] ГТРК «Смоленск», передача «Четверг с Владимиром Венгржновским - имена без вести павших – бессмертны!»
https://gtrksmolensk.ru/channels/radio-rossii/radio-rossii-smolensk/chetverg-s-vladimirom-vengrzhnovskim-imena-bez-ves/
https://gtrksmolensk.ru/channels/radio-rossii/radio-rossii-smolensk/chetverg-s-vladimirom-vengrzhnovskim-imena-bez-v-2/

ГТРК «Смоленск» и публикации в Интернете Списка №1 на 1 000 человек тема получила определенный общественный резонанс и нашлись новые родственники воинов из немецкого Списка умерших. А среди них появились желающие помочь общему делу.

Татьяна Тодрия, внучка воина[132] рассказала:

«Мой дед, Атаманов Дмитрий Артемьевич, 1905 года рождения, уроженец села Хохлово Ардатовского района Горьковской области, был призван 30.06.1941 года Ардатовским РВК Горьковской области и воевал рядовым стрелком в 1003 стрелковом полку 279 стрелковой дивизии. В боях под Брянском в августе – сентябре 1941 года попал в плен (по дате последнего письма от 24.08.1942 г.)[133]. Существовала семейная история, что Дмитрий Артемьевич погиб в плену. После войны к жене Атаманова Д. А. приходил земляк, Пётр Андреевич Жаворонков, житель села Хохлово, и сообщил ей, что он вместе с её супругом был в плену, находился с ним в одном бараке. Дедушка был очень слаб: от изнурительного труда, постоянного холода, голода, антисанитарии и болезней – утром не смог идти на принудительную работу, перед смертью дед ослеп. «Ноги мои не идут и света вольного не вижу», – сказал на прощание Дмитрий Артемьевич своему земляку-односельчанину. А когда Жаворонков вечером вернулся в барак, дедушки на месте уже не было. Мёртвым деда односельчанин не видел. Описанное событие произошло 21 ноября 1941-го. Именно этот день, 21 ноября, в нашей семье считался днём поминовения Дмитрия Артемьевича.

Фото 12. Атаманов Дмитрий Артемьевич, (1905 – умер в плену 26.11.1941).

И только на официальном

[132] Обращение в Администрацию Промышленного района г. Смоленска от 16.04. 2022 г. // Из личного архива Тодрия Т.
Сайт «Бессмертный полк»: Атаманов Дмитрий Артемьевич //
https://www.moypolk.ru/soldier/atamanov-dmitriy-artemevich

[133] Документ, уточняющий потери: Атаманов Дмитрий Артемьевич // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 669.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=65882642

сайте Министерства обороны Российской Федерации «ОБД Мемориал» мною была обнаружена информация, что мой дед погиб в плену 26 ноября 1941 г. в лазарете немецкого лагеря военнопленных. Об этом имеется запись в документе умерших в немецком лагерном лазарете, только фамилия Атаманов искажена и записана писарем как Стаманов. Но при этом его инициалы Д.А. и деревня рождения (д. Хохлово Горьковской области) написаны точно.[134] *Но при этом было подтверждено, что в 1941 году был призван только мой дед Атаманов Дмитрий Артемьевич. Таким образом, было подтверждено, что запись в документе на немецком языке относится к моему дедушке Атаманову Д.А. Расхождение в датах смерти по свидетельству земляка Жаворонкова П. А. (21.11.1941) и по немецкому документу (26.11.1941) объясняется несколькими днями лечения в лазарете. Но лечение в лазарете не помогло, и смерть дедушки наступила от истощения. Все сходится! Он умер в г. Смоленске!»*

Светлана Шатинина, правнучка воина изложила свою историю[135] так:

«Мой прадед, Волонцевич Василий Сидорович, 1888 г.р., уроженец г. Ярцево, Смоленской области в марте 1942 г. был задержан немцами в г. Ярцево, отправлен в Смоленский лагерь военнопленных, где и погиб 21.04.1942 г. в лазарете Смоленского лагеря военнопленных,[136] *что доподлинно известно из рассказов и воспоминаний моей бабушки, а его дочери, Федоренковой (Волонцевич) Анны Васильевны.*

[134] Список умерших лазарета военнопленных: Стаманов Д. А., Горьковская обл., д. Хохлово, погиб в плену 26.11.1941, ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78733051

[135] Обращение в Администрацию Промышленного района г. Смоленска от 16.05.2022 г. // Из личного архива Шатининой С.

[136] Книга памяти. Смоленская область. Ярцевский район. Волонцевич В. С., 1888 г.р. // https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=401240446

Фото 13. Волонцевич Василий Сидорович, (1888 – умер в плену 21.04.1942)

Во время войны он проживал со своей семьей в оккупированном немцами г. Ярцево. Там же отдельно проживала и его средняя дочь (моя бабушка) Анна Васильевна с детьми. Василий Сидорович работал подсобником в местной «богодельне» (так местные называют по сей день существующий дом инвалидов). В один из дней марта 1943 г. начальник (завхоз) дома инвалидов дал ему свои документы, чтобы он на лошади привёз продовольствие. Во время этой поездки в лесу его задержали немцы и, обнаружив два удостоверения личности, арестовали. Понятно, что никто из родных не знал наверняка, да и не мог знать, был ли связан Василий Сидорович с партизанами или подпольем, но факт остаётся фактом, что отправлен он был именно в Смоленский лагерь для военнопленных. Дочь Василия Сидоровича узнала об аресте отца от немцев, которые квартировали в ее доме. Надеясь выкупить отца из лагеря, Анна Васильевна отправилась пешком из Ярцева в Смоленск (около 60 км), ведя с собой корову в качестве оплаты немцам. «Шла очень долго…, не успела…» – говорила бабушка, имея в виду не только дорогу, но и время, которое ушло, пока стало известно об аресте, пока решали семьёй, что делать. Но когда Анна Васильевна добралась до лагеря, то узнала, что накануне Волонцевич Василий Сидорович погиб.

Историю о прадедушке и о том, что он погиб в этом жутком Смоленском немецком лазарете, знают все наши многочисленные родственники в Ярцево, Минске, Санкт-Петербурге и Москве. И мы все очень надеемся на то, что имя нашего предка будет официально увековечено и внесено в паспорт воинского захоронения по ул. Маршала Конева. И нам его потомкам будет

куда прийти, поклониться и сказать: «Спасибо за Победу, дед!»

Алексей Николаевич Кашин, внук воина, на сайте «Бессмертный полк» писал про своего деда[137]*: «Коноплев Андрей Дмитриевич, мой дед, ушёл на фронт в самом начале разразившейся войны и больше не вернулся. Он работал в колхозе и 30 августа 1941 года был призван в РККА Можгинским РВК (г. Можга, Можгинский р-н, Удмуртской АССР).*

Фото 14. Коноплев Андрей Дмитриевич, (1903 – умер в плену 12.11.1942)

[137] Сайт «Бессмертный полк»: Коноплев Андрей Дмитриевич
https://www.moypolk.ru/soldier/konoplev-andrey-dmitrievich

Как иногда бывает, к сожалению, про деда мне рассказать практически нечего. Бабушка, Коноплёва Марфа Игнатьевна, уже не сможет ничего рассказать. А когда что-то и рассказывала, я был мал, и ничего не помню. Моя мама, Кашина Надежда Андреевна, родилась в 1942 году и отца даже не видела. Старших сестер и брата её уже нет в живых.

Родные, чтобы как-то прояснить судьбу Андрея Дмитриевича, отправляли запросы. И однажды пришёл ответ: «Коноплев Андрей Дмитриевич, 1903 г.р., в декабре 1941 года пропал без вести».[138] Некоторое время назад решил поискать информацию с помощью интернета. Нашёл это донесение о потерях – «пропал без вести». Нашел и Список умерших лазарета, где указано, что Коноплев А.Д., 1900 г., погиб от истощения в плену 12 ноября 1942 года.[139] Несмотря на то, что год рождения не совпадает, все остальные данные

[138] Документ, уточняющий потери: Коноплев Андрей Дмитриевич // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 671.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=65889567

[139] Список умерших лазарета военнопленных: Коноплев А. Д. // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408.
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78729688

сходятся. Не сомневаюсь, что это мой дед!»

Торжественное мероприятие на Мемориале по проезду Маршала Конева в г. Смоленске в День Победы 09.05.2022 г. организовали родственники 6-ти воинов, захороненных в Братской могиле № 16-19 в Смоленске.

С помощью поисковиков из г. Смоленска они возложили венки на Мемориал с размещением фотографий своих воинов. На мероприятии присутствовала корреспондент местной «Смоленская газета» Мария Образцова, которая в своей статье в подробностях рассказала о данной акции.[140] Но главный итог этого мероприятия, по моему мнению, заключается в том, что впервые за 80 лет после окончания Великой Отечественной войны реальные родственники возложили цветы к Братской могиле своих погибших воинов, захороненных в Смоленске.

[140] Образцова М. В Смоленске почтили память советских военнопленных, умерщвленных фашистами // Смоленская газета. 09.05.2022 г. https://smolgazeta.ru/daylynews/100559-v-smolenske-pochtili-pamyat-belorusskih.html

Фото 15. Мемориал по проезду Маршала Конева в г. Смоленске

*А*настасия Морева, правнучка воина Чикина Василия Михайловича рассказала,[141] что в немецкий Список умерших лазарета внесен *«Чикин Василий, 1913 г.р., урож. Тульская обл., д. Хлопово, погиб 25.02.1942, место захоронения не указано. Как оказалось, что это мой прадед, Чикин Василий Михайлович, 1918 г.р., Тульская обл., Веневский р-н, Холтобинский с/с, д. Хлопово, призванный в 1941 г. Веневским РВК, Тульской обл., Веневского р-на. Все данные сходятся, кроме года рождения, который в немецком документе написан с ошибкой, но его фамилия, имя и деревня написаны точно.*

[141] Документ, уточняющий потери: Чикин Василий Михайлович // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 708. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=58724907

Из деревни Хлопово был призван только один Чикин Василий – мой прадед».[142]

Оксана Ковалевская, правнучка воина Самулеенкова Григория Васильевича пояснила, что Самулеенков Григорий Васильевич, 1903 г.р., красноармеец, призван в 1941 г. Глинковским РВК, Смоленской обл., Глинковского р-на, д. Клоково, пропавший без вести до 11.1943[143] и Самуленков Григорий Васильевич, 1923 г.р., Смоленская обл., д. Клоково, погибший в плену 10.08.1942[144] – это ее прадед, несмотря на ошибку написания фамилии.

Загуменников Денис, правнук воина, на сайте «Бессмертный полк» рассказал про своего прадеда: *«Дед моего отца Иван Григорьевич Загуменников, 1905 г.р., был призван из Ивановской области*[145] *вместе со своими двумя братьями в первые дни войны. Это был крепкий мужчина, бригадир тракторной бригады, настоящий русский богатырь. Он участвовал в битве под Ржевом, а в 1942 году участвовал в ожесточенных боях за Сталинград, долгое время считался пропавшим без вести в боях за этот город, и родные ездили почтить его память к Мемориалу Славы. Но когда были рассекречены архивные материалы мы узнали, что Иван Загуменников попал в плен*[146]*... Первоначально мы думали, что он был угнан в Белоруссию на окраину Минска в Шталаг 352, где содержалось около 80 тыс. пленных. Но оказалось, что он умер 23.12.1942 в лазарете Дулага 126 и захоронен в г. Смоленске.»*

Программист Образцов Сергей Александрович создал Эксель форму немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных», которая значительно облегчила нам работу по идентификации

[142] Список умерших лазарета военнопленных: Чикин Василий // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78733742

[143] Книга памяти. Смоленская область. Велижский, Глинковский районы: Самулеенков Григорий Васильевич // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 716. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=62129881

[144] Список умерших лазарета военнопленных: Самуленков Григорий Васильевич // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78732776

[145] Именной список безвозвратных потерь: Загуменников Иван Григорьевич // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 367. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=60534498

[146] Список умерших лазарета военнопленных: Загуменников Иван // ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 408. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78732339

Фото16. Загуменников Иван Григорьевич (1905 – умер в плену 23.12.1942)

и позволила уточнить итоговую цифру фамилий немецкого Списка. Она составила 7 860 чел., включая дубли записей на некоторых военнопленных. После удаления дублей была получена итоговая цифра немецкого Списка умерших в смоленском лазарете Дулага 126 – 7 300 чел.

Большую помощь в теоретическом обосновании темы немецко-фашистских лагерей военнопленных, размещавшихся в г. Смоленске, и лазарета военнопленных Дулага 126 оказал смоленский исследователь Сергей Александрович Амелин.[147] От него мы получили теоретические предположения, которые нам удалось применить на практике для определения принадлежности Списка умерших к лазарету в г. Смоленске. Совместно с Амелиным С.А. мы приняли участие в создании тематического номера по теме лагерей для советских военнопленных в г. Смоленске в годы немецко-фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны для журнала «Край Смоленский». В статьях для этого журнала нами была дана подробная характеристика лагерей для советских военнопленных, история их создания и функционирования, описан лазарет для военнопленных в Смоленске и его захоронения, дана подробная оценка Списка умерших в лазарете и приведены доказательства его принадлежности лазарету Дулага 126 в Смоленске.

Редактор журнала «Край Смоленский» Шорин Юрий Николаевич и его редакция создали отличный журнал по теме немецко-фашистских лагерей для советских военнопленных в г. Смоленске, который должен помочь в решении главной задачи нашего общего поиска.[148]

[147] Амелин, Сергей Александрович. Смоленск в оккупации [Текст] : фотоальбом / С. А. Амелин, Д. А. Ивочкин, И. А. Трапезников. - Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2015. - 435 с. // https://search.rsl.ru/ru/record/01008164060

[148] Амелин С.А., Швед А.А. Трагедия плена. Лагеря г. Смоленска в период гитлеровской оккупации / Главный редактор Шорин Ю.Н. // Край Смоленский. 2022. № 9.

Фото 17. Журнал «Край Смоленский» №9 за 2022 г.

Документы Смоленского лазарета

Проведенные поисковиками и родственниками воинов исследования по немецкому «Списку умерших лазарета военнопленных», позволили собрать множество данных, подтверждающих принадлежность Списка лазарету Дулага 126 в г. Смоленске, но все они были в той или иной мере косвенными. Не хватало прямых доказательств, т.е. не было первичных документов, написанных непосредственно в смоленском лазарете. Ни в фонде Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) Государственного архива Смоленской области, ни в ОБД «Мемориал» таких документов мы не нашли. И поэтому считали, что они не сохранились. И когда уже журнал «Край Смоленский» был готов к печати в сентябре 2022 г., а в Администрацию г. Смоленска мною был направлен окончательный Список умерших в лазарете Дулага 126 на 7 303 человек, выяснилось, что в Государственном архиве РФ имеются ранее неизвестные нам документы по лазарету.

По моей просьбе родственник одного из воинов смоленского лазарета Дулага 126 Кашин Алексей Николаевич посетил ГАРФ в Москве и в фонде ЧГК, т.е. в фонде Р-7021 в описи 44 по Смоленской области, нашел дело 1093.

Оказалось, что в этом деле имеется план лазарета, который был начерчен сразу же после освобождения Смоленска в октябре 1943 г. и на нем отмечены 2 корпуса лазарета, сохранившиеся и до нынешнего времени, такие как здание госпиталя ветеранов и корпус Смоленской областной больницы.[149]

В этом же деле находится и Акт изъятия документов от 14 ок-

[149] План расположения госпиталя и кладбища концлагеря военнопленных и гражданского населения, г. Смоленск, Киевская ул., 1941-1943 г., от 12 октября 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1093. Л. 9.

тября 1943 года, в котором было зафиксировано, что

«в помещении быв. фельдшерской школы, расположенной в гор. Смоленске, по Киевскому шоссе, где до освобождения гор. Смоленска от немецко-фашистских захватчиков 25.09.43 г., помещался госпиталь для русских военнопленных при лагере военнопленных № 126 – обнаружили следующие документы, относящиеся к указанному госпиталю:

Тетрадь умерших по 1-му этажу 2 корпуса госпиталя, с записями с 17.8.1941 по 16.3.1943 года на 18 листах.

Книга записей больных по одному из этажей 1-го корпуса (1-й этаж), начатая 28.8.1941 г. на 36 листах.

И прочие документы…

Указанные документы были изъяты для представления Государственной Чрезвычайной комиссии. О чем и был составлен настоящий акт».[150]

Факт наличия документов нами был установлен, но без архивных реквизитов отыскать их в фондах ГАРФ пока не удалось.

Список 7 303 воинов, умерших в смоленском лазарете Дулага 126

Совместными усилиями мы обработали немецкий Список умерших лазарета военнопленных Дулага 126 в Смоленске и в итоге получили 7 303 фамилии, перечень которых 26.08.2022 г. я отправил с обращением в Администрацию Промышленного района города Смоленска[151], в котором было указано следующее

«*По поручению инициативной группы родственников воинов, погибших при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны в 1941- 1943 гг., … направляю в адрес Администрации Промышленного района города Смоленска «Список 7 303 советских военнопленных, умерших в лазарете Дулага №126 в г. Смоленске и захороненных в Братской могиле № 16-19 по проезду Маршала Конева в г. Смоленске».*[152]

Предлагаю ознакомиться со Списком умерших в лазарете в количестве 7 303 человек и в соответствии с Законом Российской Федерации от 14.01.1993

[150] Акт об изъятии документов госпиталя при лагере военнопленных Дулаг №126 от 14.10.1943 г.// ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 44. Д. 1093. Л. 33.

[151] Обращение в Администрацию Промышленного района города Смоленска 26.08.2022 г. // Из личного архива Шведа А.А.

[152] Список 7 303 советских военнопленных, умерших в лазарете Дулага №126 в г. Смоленске и захороненных в Братской могиле № 16-19 по проезду Маршала Конева в г. Смоленске, в форме таблицы Эксель // Из личного архива Шведа А.А.

г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» с изменениями и дополнениями совместно с уполномоченным военным комиссариатом г. Смоленска провести паспортизацию, т.е. внести персональные данные этих советских военнопленных, умерших в лазарете Дулага №126 в г. Смоленске и захороненных в Братской могиле № 16-19 по проезду Маршала Конева в г. Смоленске в учетную карточку (паспорт) воинского захоронения № 16-19». [153]

В окончательный Список умерших, захороненных в Братской могиле № 16-19, отправленный мною в Администрацию Промышленного района г. Смоленска я включил также и фамилии 3-х врачей, чьи смерти в Смоленске подтвердил военврач Яковенко М.В. Их фамилии: Левыкин, Мерейнис, Штоклянд. Военврач Левыкин[154] точно умер в лазарете от сыпного тифа, но его фамилию в немецком Списке я не нашел. Захоронен в лазаретном захоронении. Военврач Мерейнес[155] был изъят из лазарета и умерщвлен в «душегубке». Захоронен в Смоленске. Военврач Штоклянд[156] расстрелян в лазарете Смоленска. Захоронен в Смоленске.

Таким образом, информация о том, что в немецком «Списке умерших лазарета военнопленных» записаны советские военнопленные, умершие в лазарете немецко-фашистского лагеря Дулаг 126 в Смоленске, была доведена до официальных органов и широкой общественности Смоленска, России и стран бывшего СССР, а также тех родственников, кого мне удалось найти.

Но нам так и не удалось решить главную задачу – добиться внесения в паспорт воинского захоронения № 16-19 по проезду Маршала Конева в г. Смоленске данных 7 303 воинов, защитивших Отечество, среди которых имеется немало фамилий и московских ополченцев. И они по-прежнему числятся в Смоленске неизвестными, несмотря на то что фамилии их теперь известны…

---

[153] Учетная карточка воинского захоронения №16-19 по проезду Маршала Конева в г. Смоленске

[154] Приказ об исключении из списков: военврач 3 ранга Левыкин Иван Григорьевич // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 595608. Д. 7. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=574510046

[155] Приказ об исключении из списков: военврач 2 ранга Мерейнес Лев Маркович // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563783. Д. 15. https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74152411

[156] Документ, уточняющий потери: военврач 2 ранга Штоклянд Исаак Яковлевич // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 594258. Д. 64; https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75941248

Фото 18. Фрагмент учетной карточки воинского захоронения № 16-19, проезд Маршала Конева, г. Смоленск

5. Количество захороненных:

Всего	В том числе		
	известных		неизвестных
30000	0		30000

Список военнопленных московских ополченцев, умерших в лазарете Дулага 126 и захороненных в Братской могиле № 16-19 по проезду Маршала Конева в г. Смоленске[157]

№ п/п	Фамилия Имя Отчество	Год рож.	Дата смерти	Звание	Адрес место-жительства родных	Призван, когда, каким РВК, в какую ДНО
1.	Мякотин Федор Николаевич	1923	16.12.1941	Кр-ц	Московская обл., Кунцевский р-н, Салаарьевский с/с, д. Румянцево	07.07.1941 Ленинский РВК 1 ДНО
2.	Лушников Анатолий Захарович	1906	11.12.1941	Кр-ц	Московская обл., г. Орехово-Зуевский р-он, Крутое, каз. 151, кв. 186.	08.07.1941 Орехово-Зуевский ГВК 1 ДНО
3.	Мельников Сергей Михайлович	1888	02.12.1941	Кр-ц	Московская обл., Можайский р-н, д. Плоздиево	06.07.1941 Ленинский РВК 1 ДНО
4.	Аспидов Евгений Николаевич	1904	01.03.1942	Кр-ц	г. Москва, ул. Б. Почтовая, д. 2/1, кв. 9	07.07.1941 Сталинский РВК 2 ДНО

[157] Данный «Список военнопленных московских ополченцев» не полный, т.к. составлен на основании фамилий всего 28 воинов, выбранных мною из немецкого «Списка умерших лазарета военнопленных». Они были призваны различными Московскими РВК и воевали в 9-ти из 12-ти дивизий народного ополчения (ДНО), номера которых мне удалось уточнить.

5.	Агапов Василий Федорович	1907	07.12.1941	Кр-ц	г. Москва, ул. Мытная, д.23, корп.12 кв.527а	08.07.1941 Сталинский РВК 2 ДНО
6.	Ельский Владимир Израилевич	1912	02.03.1942	Кр-ц	г. Москва, Б. Кашенкинская ул., д.4 кв.2	08.07.1941 Дзержинский РВК, 6 ДНО
7.	Азаров Александр Иванович	1902	15.02.1942	Кр-ц	г. Москва, Песочный пер., д.3 кв.5	07.07.1941 Дзержинский РВК, 6 ДНО
8.	Хаит Иосиф Филиппович	1886	23.03.1942	Инт. 2 р.	г. Москва, ул. Б. Почтовая, д.8	__.07.1941 Бауманский РВК 7 ДНО
9.	Анисимов Виктор Иванович	1924	11.05.1942	Кр-ц	г. Москва, ул. Гаврикова, д.12 кв.6	__.07.1941 Бауманский РВК, 7 ДНО
10.	Зуйков Михаил Ефимович	1902	11.12.1941	Кр-ц	г. Москва, ст. Лосиноостровская, ул. Коммунис-тическая, д. 8	06.07.1941 Красно-Пресненский РВК 8 ДНО
11.	Прибылов Михаил Семенович	1895	17.10.1941	Кр-ц	г. Москва, ул. Сретенка,38/1 кв.5	05.07.1941г. Краснопресненский РВК 8 ДНО
12.	Исаев Василий Андреевич	1924	18.11.1941	Кр-ц	г. Москва, Новогиреево, 3-й проспект, д. 29	05.07.1941 Кировский РВК 9 ДНО
13.	Фадин Николай Иванович	1924	15.11.1941	Кр-ц	г. Москва, ул. Пятницкая, д. 7, кв. 57	05.07.1941 Кировским РВК 9 ДНО
14.	Слободчиков Александр Иванович	1897	19.02.1942	Во-ен-врач 2 р.	г. Москва, пер. Уланский, д. 4 кв. 19	__.07.1941 Ростокинский РВК 13 ДНО
15.	Тимонин Петр Васильевич	1919	04.01.1942	Кр-ц	Московская обл., д. Новая Деревня, ул. Центральная д.40	06.07.1941 Ростокинский РВК 13 ДНО

16.	Бондарец Сергей Иванович	1923	04.01.1942	Кр-ц	Москва, Пушкинский студгородок. кор.25 кв.15	04.07.1941 Ростокинский РВК, 13 ДНО
17.	Ярцев Михаил Иванович	1897	23.11.1941	Кр-ц	г. Москва, М. Коптевский пр. д. 6 кв. 4	08.07.1941 Ленинградский РВК, 18 ДНО
18.	Лукин Сергей Васильевич	1907	30.11.1941	Кр-ц	г. Москва, 3-й Красногорский проезд, д. 6, кв. 1	07.07.1941 Ленинградский РВК, 18 ДНО
19.	Иванов Никита Иванович	1894	18.11.1941	Кр-ц	г. Москва, ул. Плющиха, д. 9, кв. 81	__.07.1941 Киевский РВК 21 ДНО
20.	Задков Трофим Дмитриевич	1901	15.06.1942	Кр-ц	г. Москва, ул. Манежная д. 3/2 кв. 6	06.07.1941 Киевский РВК 21 ДНО
21.	Жирнов Иван Степанович	1897	05.12.1941	Кр-ц	Москва, пос. Текстильщики д-а Москульт д.3 кв.6	__.07.1941 Таганский РВК г. Москва
22.	Жуков Петр Сергеевич	1899	02.11.1941	Кр-ц	Московская обл., Коммунистический р-н, д. Нижнево	07.07.1941 Коммунистический РВК, Московская обл.
23.	Славинский Борис Овсеевич	1923	14.12.1941	Кр-ц	г. Москва, ул. Шереметьевская, д. 12/23, кв. 27	__.07.1941 Останкинский ОВК Московская обл.
24.	Фролов Николай Степанович	1911	19.06.1942	Кр-ц	г. Москва, ул. Садово-Триумфальная, д.15 кв.3	17.07.1941 Тимирязевский РВК г. Москва
25.	Архангельский Матвей Матвеевич	1894	23.10.1941	Кр-ц	г. Москва, Измайловский р-н, ул. Баранова, д.13 кв.7	__.07.1941 Измайловский РВК Московская обл.

26.	Дымов Павел Ефремович	1903	20.07.1941	Кр-ц	Московская обл., с. Влыдыкино	20.07.1941 Щербаковский РВК Московская обл.
27.	Захаркин Матвей Панкратьевич	1898	16.12.1941	Кр-ц	Московская обл., Высоковский р-н, д. Некрасино, Октябрьская, д. 24	08.07.1941 Высоковский РВК Московская обл.
28.	Кудрявцев Георгий Николаевич	1903	15.02.1942	Кр-ц	г. Москва, ул. 2-я Мещанская д. 26, кв.15	17.07.1941 Коминтерновский РВК, Московская обл.

На дату проведения конференции 24.11.2023 г. переписка с Администрацией г. Смоленска продолжается.

Но я не сомневаюсь, что Воины, защитившие Отечество, умершие в лазарете лагеря военнопленных и захороненные в г. Смоленске, будут увековечены!

ЛАГЕРЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941 – 1944 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024© Е.Н. Мох (Республика Беларусь, г. Минск)

Для содержания советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси создавались специальные лагеря (дулаги, шталаги, офлаги)[158]. Среди которых особое место занимает Шталаг №352 (нем. Stalag или Stammlager – лагерь вермахта для военнопленных из рядового и сержантского состава). История данного лагеря – одна из самых драматичных страниц Второй мировой войны, в которую вписаны тысячи жертв советских военнопленных. Этот лагерь существовал самый длительный период с июля 1941 г. по июль 1944 г. Он состоял из двух частей – так называемого «Лесного лагеря» около деревни Масюковщина и «Городского лагеря» в Минске, размещавшегося в бывших Пушкинских казармах по Логойскому тракту. Лагерь имел 22 филиала по городу и более 90 отделений на станциях в распоряжении Главной железнодорожной дирекции «Центр». Для нужд «Лесного лагеря» были приспособлены основные жилые и хозяйственные постройки военного городка. Вся территории была обнесена в несколько рядов колючей проволокой, укрепленной на бетонных столбах высотой до 3 метров. Военнопленные поступали в Шталаг №352 Масюковщина по железной дороге и колоннами в пешем порядке. В июле – августе 1941 г. пленные прибывали в лагерь из районов окружения под Белостоком и Минском, осенью 1941 г. и в начале 1942 г. – из армейских сборных пунктов и дулагов оперативного тыла группы армий «Центр». Городская часть лагеря располагалась в бывшем военном городке артиллерийской части по Логойскому тракту, строительство которого началось незадолго до начала войны. В начале июля 1941 г. на месте военного городка артиллеристов был организован Дулаг №126. Военнопленных разместили на пусты-

[158] Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 = Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941–1944 : справочник / авт.-сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2004. 192 с.

ре рядом с военным городком[159]. В конце месяца дулаг рассортировали – большая часть пленных была направлена в «Лесной лагерь».

Для четкого управления лагерями территория Беларуси была разделена на округа. Управляли ими окружные коменданты. В функции комендантов округов входило инспектирование лагерей, а также контролирование выполнения приказов и распоряжений вермахта. Так, в соответствии с приказом командующего вермахта «Остланд» от 20.09.1941 г. на территории Генерального округа Беларусь был назначен окружной комендант лагерей военнопленных подполковник Вольтке с резиденцией в Минске (шталаг-352 – Пушкинские казармы). В его подчинении находились шталаги № 337 в Барановичах, 341 в Слуцке, 342 в Молодечно, 351 в Докшицах, 353 в Гродно[160].

Проблема функционирования лагеря № 352 на оккупированной территории Беларуси нашла свое отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Первым опытом обобщения материала по данной проблеме является книга Р.А. Черноглазовой «Масюковщина: Шталаг-352, 1941–1944: документы и материалы»[161]. Она отличается не только высоким уровнем исследования, но и новым подходом к освещению темы. Опираясь на архивные документы и воспоминания, автору удалось проанализировать повседневную жизнь узников в лагере, их использование в качестве рабочей силы, раскрыть политические, экономические, военные и социальные аспекты плена. Особую ценность представляют опубликованные документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации[162], а также в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) и в других архивах. В книге также представлен список военнопленных, умерших в лазарете шталага № 352 в 1943–1944 гг. Заслуга автора состоит и в том, что в данной книге также собраны воспоминания бывших узников шталага и очевидцев их страданий.

---

[159] Колоцей, М.Я. Лагерь военнопленных шталаг-352 в Минске (Масюковщина) /М.Я. Колоцей // Идеологические аспекты военной безопасности. 2013. № 2. С. 18 – 21.

[160] Der Kommandant in Weißruthenien des Wehrmachtsbefehlshabers Ostland // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1440. Оп. 3. Д. 952. Л. 9.

[161] Масюковщина: Шталаг-352, 1941–1944: док. и материалы / авт.-сост. Р.А. Черноглазова; науч. ред. С.В. Жумарь. – Минск: Четыре четверти, 2005. 198 с.

[162] ГАРФ, Ф. 7021. Оп. 148, 87

Особый интерес представляет книга «Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина»[163]. Издание уникально тем, что впервые представляет переводы документов из немецких архивов, относящихся к лагерю пленных: донесения, фрагменты журналов боевых действий, приказы, отчеты взяты из фондов военного архива г. Фрайбурга. Так, особый интерес представляет документ «Отбор военнопленных еврейского происхождения и других русских военнопленных военнослужащими лагеря «Шталаг 352» в Минске 1941-1943 гг.». Документ имеет следующую структуру: предварительное замечание, система содержания военнопленных, руководство лагеря (комендант, заместители комендантов, офицеры Абвера, переводчики, другие офицеры лагеря, врачи), подразделения охраны, отсортировка в лагере еврейского происхождения и политических комиссаров, особое обращение с отобранными военнопленными, расстрелы евреев, случаи смерти. В книгу помещен путеводитель по лагерю.

Ценную информацию для исследователей содержит сборник «Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941 – 1944: документы и материалы». В данном сборнике опубликованы приказы комендатуры Шталага №352 о содержании военнопленных, протоколы допросов бывших военнослужащих 332-го охранного батальона Г. Унрау и Г. Хегера[164].

В 2019 г. выходит книга «Масюковщина. Трагедия советских военнопленных». Ценность для исследователей представляют схематический план городской части Шталага №352 в Минске, схемы шталага, составленные бывшими узниками лагеря Н.А. Краевым (1994 г.), В.Н. Зыковым (1993 г.), план массового захоронения в «Лесном лагере» 21 июля 1944 г., а также план кладбища 1944 г. Особое внимание уделяется проблеме сопротивления военнопленных в лагере и издание московским ополченцем 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы Степаном Павловичем Злобиным рукописной газеты «Пленная правда»[165].

Вопросы организации создания и существования лагерей для советских военнопленных

[163] Карпов, С.К. Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина» / С.К. Карпов, А.П. Ульяненков. – Минск: Четыре четверти, 2019. 475 с.

[164] Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941 – 1944: док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев [и др.]; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: Беларусь, 2016. 327 с.

[165] Масюкоўшчына. Трагедыя савецкіх ваеннапалонных / Н.А. Яцкевіч, М.Г. Нікіцін. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2019. 123 с.

на оккупированной территории Беларуси – структура, управление, нормативная база, дислокация – отражены и в монографии немецкого историка Х. Герлаха[166]. Что же касается общих вопросов историографии по проблеме плена, необходимо выделить работы К.И. Козака[167] и С.Е. Новикова[168]. Так, Новиков С.Е. впервые в контексте германской историографии истории Второй мировой войны дает обзор литературы по проблеме плена. К.И. Козак рассматривает проблемы принуждения, плена и военнопленных в белорусской историографии.

Режим содержания советских военнопленных в Шталаге №352, а также документы, раскрывающие организацию и функционирование данного лагеря, имеют обширную базу источников, которые собраны в архивах Беларуси, России, Германии и других стран. В работе рассмотрим источники по данной теме в белорусских архивах, хранящихся в Государственном архиве Минской области (ГАМО), НАРБ. Документальные источники белорусских архивов, относящиеся к изучаемой теме, можно разделить на несколько групп: это фонды оккупационных организаций, учреждений и предприятий; фонды советских партийных органов и организаций, партизанских формирований, комиссий и научно-исследовательских учреждений, занимавшихся расследованием преступлений немецко-фашистских захватчиков, изучением истории Великой Отечественной войной; архивные коллекции; уголовные дела.

Высоким информационным потенциалом отличается комплекс материалов, хранящихся в НАРБ. Фонды оккупационных организаций содержат документальные материалы высших, местных органов управления и экономического освоения оккупированных территорий. Так, например, в фонде № 370 «Генеральный комиссариат Беларуси» представлены распоряжения, приказы, инструкции, памятки руководящих оккупационных

---

[166] Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts-und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1232 p.

[167] Козак, К.И. Германский оккупационный режим на территории Беларуси 1941–1944 : историография и источники / К.И. Козак. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2006. 268 с.

[168] Новікаў, С.Я. Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны / С.Я. Новікаў. – Мінск : Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т, 2004. – 222 с., Новікаў, С.Я. Савецкія ваеннапалонныя – першыя ахвяры масавых нацысцкіх злачынстваў на беларускай зямлі (па матэрыялах германскай гістарыяграфіі) / С.Я. Новікаў // 1941 год: трагедия, героизм, память : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-й годовщине начала Великой Отечеств. войны, Брест, 22–23 июня 2006 г. / Брест. гос. ун-т ; редкол.: В.В. Зданович [и др.]. Брест, 2007. С. 86–93.

структур, которые характеризуют функционирование лагеря, охрану и режим содержания, нормы питания, медико-санитарные нормы, трудовое использование военнопленных[169]. Важным источником информации по проблеме принудительного использования труда советских военнопленных Шталага №352 являются материалы фонда № 379 «Организация ТОДТ» и № 378 «Главная железнодорожная дирекция «Центр». В этих фондах находятся переписка с комендантами лагерей по предоставлению и использованию труда военнопленных на промышленных объектах, железнодорожных станциях, инструкции по охране и нормам питания советских военнопленных в составе рабочих команд, табели учета их труда, бланки отчетов. Документы дают представление о видах работ, выполняемых военнопленными, продовольственном и медицинском обеспечении, формах наказания и поощрения, способах борьбы. В фонде № 379 имеется письмо верховного командования сухопутных войск от 24.10.1942 г. о нормах питания советских военнопленных в лагерях и в составе рабочих команд[170]. А в фонде № 378 представлены материалы по использованию труда военнопленных, видах выполняемой ими работы, охраны в табличной форме по лагерям[171].

Интерес для исследователей представляет фонд № 1717 «Фильтрационные дела и трофейные документы на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан». Он содержит личные карточки военнослужащих Красной армии, заводившихся на них в немецких лагерях военнопленных. Всего в фонде в наличии 96 единиц хранения с карточками на 10 225 бывших военнопленных (15 285 карточек). Фонд 1717 поступил на хранение в ГАМО в 2009 г. Обзор представленных документов в данном фонде и перспективы исследования рассмотрел впервые В.М. Матох[172].

Командование лагеря на основании изучения документов, показаний военнопленных заносило в карточку фамилию, имя, дату

[169] Die AbtellungArbeitspolitik und Sozialverwaltung, ZigarettenalsLeistungszulage fur sowjetisceKriegsgefangenen // НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 930. Л. 1.

[170] VerplegungsowjetisceKriegsgefangenen// НАРБ. Фонд 379. Оп. 3. Д. 1. Л. 46–48.

[171] Kriegsgefangenen-Nebenlager 4 September 1942 // НАРБ. Ф. 378. Оп. 1. Д. 171. Л. 24–25.

[172] Матох В.М. Фильтрационные дела и трофейные документы на бывших военнопленных и репатриированных советских граждан как исторический источник: (по материалам фонда 1717 Государственного архива Минской области) / В.М. Матох // Беларускі археаграфічны штогоднік Вып. 13 / Мінск, 2012. С. 80–86.

и место рождения, вероисповедание, у женщин – девичью фамилию матери, национальность, воинское звание, часть, номер роты, гражданскую специальность, личный номер, дату и место пленения, состояние здоровья. На карточке отводилось также место для фотографии и отпечатка правого указательного пальца. Указывалось рост, цвет волос, записывались особые приметы. На оборотной стороне карточки описывались свойства характера военнопленного, особые способности, отмечалось знание иностранных языков, указывалась дата, причина, степень наказания, и когда оно приведено в исполнение. Важное практическое значение имели графы, в которых указывались все перемещения военнопленного из одного лагеря в другой, а также – между рабочими командами. При этом указывался тип лагеря, номер лагеря и часто его «географическое» название. Информация данных карточек была использована для создания базы данных «Советские военнопленные», которая находится в открытом доступе на интернет-сайте Объединения «Саксонские мемориалы»[173].

Вторую группу составляет значительный комплекс документов, который сформировался в результате деятельности советских партийных органов, партизанских формирований, фонды № 845 «Белорусская республиканская комиссия содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба», фонд № 1450 «Белорусский штаб партизанского движения», переведенные материалы фонда № 1440 Института истории партии при ЦК КПБ, опись № 3 и фонд № 510 «Переведенные документы Великой Отечественной войны». Архивные материалы данных фондов содержат обширную информацию о преступных деяниях по отношению к советским военнопленным шталага-352, статистические сведения о боевом и численном составе партизанских формирований, листовки с обращением к военнопленным, документы о формировании из числа военнопленных воинских частей, акты об ущербе, нанесенном оккупационными властями советским гражданам, протоколы допросов, доклады, свидетельские показания очевидцев расправ немецко-фашистских войск и ок-

[173] Сайт Объединения «Саксонские мемориалы». – Режим доступа: https://ru.stsg.de/cms/– Дата доступа: 02.02.2020.

купационных властей над военнопленными. В документах ЧГК зафиксированы случаи сопротивления советских военнопленных как во время их нахождения в лагере, так и во время массовых расстрелов. В переведенных документах немецких военных и гражданских оккупационных учреждений представлены: отчеты об инспекционных поездках по лагерям для советских военнопленных коменданта округа «J» полковника Маршалла в июле 1941 г. – марте 1942 гг., приказы по комендатуре шталага-352, немецкие сводки боевых действий о количестве захваченных в плен военнослужащих Красной Армии.

Третью группу составляют архивные коллекции. По своей значимости и количеству введенных в научный оборот документов ведущее место занимают документы ГАМО (ф. № 1408 «Коллекция цифровых копий на правах подлинных документов ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников»). Материалы позволяют реконструировать весь процесс осуществления управленческих решений комендатуры Шталага №352. Эти документы дают представление о внешнем и внутреннем устройстве лагеря, функционировании аппарата системы управления лагерем, нормативной базы, режиме и охране. Так, в фонде имеются приказы, распоряжения рейхскомиссариата «Остланд» и комендатуры «Лесного лагеря», списки врачей медперсонала, больных военнопленных, переписка лазарета с лагерями о поступлении больных, переписка о снабжении медперсонала обмундированием, о заболеваемости военнопленных, их перемещении в другие лазареты, списки личного состава медперсонала Шталага №352, сведения о движении военнопленных в Минском лагере, записи, документы, акты на умерших в Шталаге №352. Особый интерес представляет дело № 3 данного фонда. Здесь находятся фотодокументы (общий вид шталага, вышка, карцер, план захоронения), а также материалы, описывающие внешнее устройство и расположения лагеря[174].

Для исследователей интерес представляют документы фонда № 1363. Так, в декабре 2001 г. Комитет государственной безопасности Республики Беларусь передал в Национальный архив 2 897 уголовных дел военнопленных и интернированных, осужденных за преступления, совершенные

[174] Документы о массовом уничтожении советских военнопленных в шталаге № 352 // ГАМО. Ф. 1408. Оп. 1. Д. 3.

в годы Второй мировой войны и во время пребывания в лагерях. С них был снят гриф секретности. Эти материалы содержат стандартный набор документов. Он включает постановления о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения на арест, предъявлении обвинения, об окончании следствия; анкета арестованного, протоколы личного обыска, допросы обвиняемых и свидетелей, судебного заседания, обвинительное заключение, приговор, кассационные документы и др. Интерес представляют материалы начальника Минского округа лагерей военнопленных О. Карковского, которому подчинялось 5 лагерей в гг. Минск, Молодечно, Барановичи, Слуцк, Глубокое, К. Гофмана, служившего в охране Шталага №352, военнослужащих 332-го и 529-го охранных батальонов[175][176]. Вместе с тем существенный недостаток их в том, что вся информация базируется в основном на показаниях осужденных, которые, чувствуя вину в совершенных преступлениях, старались говорить не всю правду, преуменьшить масштабы причиненного зла. Поэтому при использовании уголовных дел немецких военнопленных необходимо привлекать дополнительные сведения для проверки информации.

Интересный и яркий материал по истории военного плена, не нашедший отражения в официальных документах, составляют мемуары, автобиографические романы. Среди них необходимо отметить работы бывших советских военнопленных Шталага №352: «Пропавшие без вести» московского ополченца С.П. Злобина[177], «Еще о войне» Попова Б.А.[178] и «Братья Краевы» Краева Н.А.[179]. Помимо опубликованных источников, особо следует выделить неопубликованные воспоминания бывших советских военнопленных. Эти воспоминания

[175] Селеменев, В.Д. Трагедия советских военнопленных в годы Второй мировой войны глазами немецких военнопленных / В.Д. Селеменев // Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 = Osterreicher und Sudetendeutsche vor sowjetishen Milifar-und Strafgerichten in Wessrussland 1945–1950 / О-во по исслед. конфликтов и войн ; под ред. С. Карнера, В.Д. Селеменева. – Минск, 2007. С. 600–665. – (Veröffentlichungen des Ludwig Boltsmann-Instituts für Kriegsfolgen-Forschung; Bd. 10).

[176] Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси. 1944 – 1951 гг. (Опись уголовных дел № 1363) / сост.: В.Д. Селеменев [и др.]; редкол.: А. Дюков [и др.]. – Минск – Москва – Грац, 2016. – 552 с

[177] Злобин, С.П. Пропавшие без вести / С.П. Злобин. Ч.1-2. – Москва: Советский писатель, 1962.

[178] Попов, Б.А. Еще о войне: автобиогрфический очерк одного из пяти миллионов / Б.А. Попов. – Минск: Энциклопедикс, 2015. –182 с.

[179] Воспоминания бывшего военнопленного Н.А. Краева // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Инв. № 67585.

хранятся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. В данных работах уделяется внимание описанию лагерной жизни военнопленных в борьбе за выживание: организация побегов, дележка хлеба, поведение охраны, психологическое состояние военнопленных. Такой вид источников отражает самые разные социальные, общественные и духовные стороны жизни человека, позволяет осветить малоизвестные грани изучаемой проблемы: жизнь и быт в лагерях, взаимоотношения военнопленных с администрацией, друг с другом, с местным населением. Данные источники передают эмоциональное состояние бывших советских военнопленных, внутренний мир, мысли военнопленных, открывают новые перспективные направления исследования темы войны. Личные наблюдения, детали и факты, сообщенные бывшими военнопленными в своих мемуарах, письмах, являются ценнейшим источником. Данные источники требуют критического осмысления описанных фактов и объективного соотношения их с другими архивными источниками.

Особую ценность представляет сайт «Обобщенный банк данных «Мемориал» (ОБД «Мемориал»)». На сайте представлены цифровые копии документов о безвозвратных потерях и именные записи о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Основной массив обрабатываемых документов в ОБД – это донесения о потерях личного состава РККА, справки о погибших и пропавших без вести, а также описания и списки захоронений советских солдат и офицеров[180].

Таким образом, необходимо отметить, что отечественными историками была проведена значительная работа по систематизации и осмыслению различных аспектов функционирования Шталага №352, создана основа для дальнейшего углубленного изучения данной проблемы. Однако многие вопросы истории Шталага №352 не стали предметом научного исследования: организация, устройство, медицинская документация и деятельность лазаретов в «Лесном лагере» и «Пушкинских казармах», положение в лагерях таких категорий пленных, как женщины, евреи, врачи и инвалиды.

Изучение проблемы содержа-

[180] Сайт: «Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: obd-memorial.ru. Дата доступа: 02.02.2020.

ния советских военнопленных в лагерях в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Беларуси принадлежит к перспективным направлениям современной исторической науки. Исследования по данной теме позволяют глубже проводить сравнение режима содержания советских и немецких пленных, а также анализировать положение советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси и в Германии.

ФАШИСТСКИЕ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ 1941 - 1944 ГГ.

2024© Л.Н. Бруева (Республика Беларусь, г. Витебск)

Для порабощения и уничтожения людей в Беларуси гитлеровцы создали систему лагерей военнопленных и тюрем, где без суда и определения сроков заключения находились десятки тысяч людей.

Всего на территории Беларуси было **свыше 260 лагерей смерти**, их филиалов и отделений для военнопленных, для гражданского населения, женских лагерей, пересыльных лагерей, гетто и других. Ряды колючей проволоки, сторожевые вышки, специально выдрессированные собаки олицетворяли фашистский «новый порядок». По далеко не полным данным в лагерях смерти на территории Белоруссии **нацисты уничтожили свыше 1 400 000 человек.**

Для понимания структуры и развития лагерной системы нацистской Германии в её совокупности необходимо принять во внимание все лагеря, причём под тем названием и в той системе управления, как они существовали в фашистской Германии. В послевоенной советской историографии нередко происходила подмена термина «лагерь для советских военнопленных» термином «концентрационный лагерь», что имеет, скорее всего, ту же подоплеку, что и в случае с выражением «фашистская Германия», т.е. сугубо идеологическую. О военном плене, как «обычной» составляющей всех войн, в СССР фактически ранее нечего не писали. «Узник концлагеря» стал в СССР собирательным образом – это относилось и к гражданскому населению, и, нередко, к военнопленным.

Но сегодня проблемам военного плена посвящены не только десятки книг, но сотни, даже тысячи публикаций в интернете. Ведутся дискуссии на форумах интернета и других платформах. Судьба попавших в плен родственников интересует не только их уже пожилых детей, но внуков и правнуков. Многие краеведы, школьные коллективы, общественные организации также занимаются проблематикой военного плена и установлением судеб сограждан.

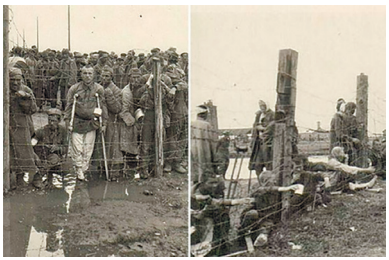
Шталаг-313 в г. Витебске

Пятый полк (шталаг-313) – лагерь, созданный немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны в Витебске в сентябре 1941 года. Располагался на северо-западной окраине города на территории бывшего 5-го железнодорожного полка в конце современной улицы Титова. Действовал с сентября 1941 по май 1944 года. Первоначально являлся лагерем для военнопленных. Одновременно в лагере содержалось примерно 35 тыс. заключенных.

Военнопленные в лагере с трудом могли передвигаться. Питание было более чем скудным: две мёрзлые картофелины и пол-литра баланды из «костяной муки», изготовлявшейся из перемолотых останков лошадей, 100 –150 г хлеба из отходов зерна, смешанного с опилками. Летние бараки зимой не отапливались.

Военнопленные использовались для различных работ в городе. Администрация лагеря ежедневно высылала группы военнопленных на работы в город; немцы-конвоиры по дороге избивали прикладами советских военнопленных за то, что они отставали, а обессилевших фашисты пристреливали на месте.

Фото 1 и 2. Военнопленные шталага-313 в г. Витебске. Из фондов Витебского областного краеведческого музея.



В 1942 году в лагерь стали попадать и гражданские лица. Для них использовалась западная часть лагеря. После уничтожения военнопленных, до июля 1943 года, лагерь использовался

в качестве пересыльного, позднее – как лагерь для гражданского населения.

Фото 3. Гражданское население с детьми – узники шталага-313 в г. Витебске. Из фондов Витебского областного краеведческого музея.

Лагерь подчинялся 201-й и 403-й охранным дивизиям. Известно, что орденом Железного креста были награждены начальник лагеря «5-й полк» Ганс Дильманн, а также полковник Ганс Шмидт, по приказу которого все нетрудоспособное население Витебска в мае – июне 1944 года было согнано в лагерь. В марте – апреле 1943 года в лагерь были помещены около 20 тысяч жителей Витебска и окружающих деревень. 12 мая 1944 года оккупанты отправили узников лагеря на передний край своей обороны в районе между станциями Крынки и Выдрея.

Через лагерь прошло около 150 тысяч человек, из которых приблизительно 80 тысяч погибло. В числе погибших – порядка 12 тысяч мирных жителей. На территории расположения 5-го железнодорожного полка Чрезвычайная государственная комиссия СССР по расследованию злодеяний немецких оккупантов в 1944 году выявила приблизительно 400 могил, из которых 70 были длиной от 8 до 15 метров, шириной 5 – 7 метров и глубиной до 5 метров. При вскрытии одной из могил в верхнем слое находились останки 300 военнослужащих, и таких слоёв было семь.

На месте лагеря в память о жертвах фашизма в 1964 году установлен памятник (архитектор А. Бельский). В 2012 году рядом открыта часовня с набатным колоколом.

В августе 1991 года военно-патриотический клуб «Поиск», работавший на базе ПТУ №19 г. Витебска (руководитель Бурдо А.А.), и поисковый отряд «Рубеж» из г. Запорожья провели поисковую экспедицию в районе бывшего лагеря «5 полк». Ими подняты останки 55 военнопленных, из них установлены 2 фамилии: Новик Моисей Аронович (Черниговская обл.) и Михайлов.

Дулаг-125 в г. Полоцке

В августе 1941 года фашистские захватчики создали на территории Полоцка пересыль-

ный лагерь для советских военнопленных дулаг-125, который располагался на территории бывшего военного городка «Красный городок им. М. В. Фрунзе» (сейчас – Спасский городок).

Узников в полоцком лагере содержали в трёх казармах, которые были сформированы по национальному признаку: «Русская», «Украинская» и «Общая». Среди заключенных активно культивировалась национальная вражда. В помещениях бывшего военного городка, рассчитанных не более чем на 4,5 тысячи человек, содержали от 15 до 20 тысяч военнопленных. За двойным забором из колючей проволоки, закреплённой на столбах высотой 4 метра, находились основные здания лагеря.

Много лет подряд из Москвы на празднование дня освобождения Полоцка приезжал Михаил Яковлевич Скрябин, бывший узник дулага-125. Его воспоминания вместе с воспоминаниями других узников помогли восстановить картину жизни в лагере для военнопленных. От нечеловеческих условий содержания, издевательств, голода, инфекционных болезней на территории лагеря ежедневно умирало от 80 до 200 человек. Все они находили свой последний приют в месте под названием урочище Пески. Туда же привозили для расстрела подпольщиков и партизан.

Фото 4. Михаил Яковлевич Скрябин - узник дулага-125 – на Мемориальном комплексе памяти жертв фашизма «Урочище Пески» на месте дулага-125.

Михаил Яковлевич Скрябин умер в 2021 году в возрасте 103 лет, до последнего вздоха сохраняя ясность ума.

Всего, по данным из различных источников, за время оккупации Полоцка в урочище Пески, где до войны находился стрелковый полигон 15-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии, было уничтожено и захоронено от 40 до 100 тысяч советских военнопленных и мирных жителей.

В марте 1946 г. был произведен осмотр места массового захоронения в урочище Пески. В заключении комиссии записано:

«На площади 200 метров в длину и 75 метров в ширину име-

ется множество ям различных размеров с останками жертв. Из этого множества были вскрыты две ямы. В одной – размером 10х5 метров обнаружено большое количество человеческих костей и остатки воинской одежды. Во второй – размером 7х4 м в массовом количестве обнаружены сожжённые человеческие кости».

Летом 1992 года руководитель военно-патриотического клуба «Гвардия» – учитель Оршанской средней школы № 4 Николай Владимирович Абрамович, собираясь в Полоцк, в международный скаутский лагерь (руководителем лагеря была Тамара Петровна Марчик), вспомнил о том, как его полоцкая родственница рассказывала о расстреле военнопленных в первый год войны. Она говорила, что останки погибших находятся под небольшим слоем песка, который легко размывается дождями. Место так и называется — Урочище Пески. Пустырь зарос травой, но покоя жертвам нет. Белые щепки человеческих костей, а местами и части черепов там повсюду. Местные мальчишки играют в футбол, бегая прямо по костям своих предков.

Николай Владимирович поделился информацией с ребятами. Скауты, среди которых были и поисковики, немедленно откликнулись на предложение заняться поисковой работой.

Территория, где в годы войны было место расстрела военнопленных и мирных граждан, в послевоенные годы использовалось как тир для отработки стрельбы из танков. На небольшом пространстве, среди возвышающихся по обе стороны капониров, ребята подняли останки 482 советских воинов, расстрелянных фашистами в 1941-1942 годах. Были найдены медальоны, личные вещи, офицерские билеты, записки. Из найденных медальонов удалось прочесть лишь пять бланков:

– **Тухфатулин Ибелиямин Абдулович**, 1914 года рождения, БАССР, Фёдоровский р-н, Балихлинский с/с, д. Балихна. Призван Федоровским РВК Башкирской АССР. Красноармеец. Семья: Тухфатулина Мукари Хайртдиновна – жена, Балихлинский с/с, д. Балихна;

– **Мулгашев**, 1906 года рождения, уроженец Свердловской области, Семья: Мулгашева Екатерина Козьмовна – жена – Свердловская обл., Тул… р-н, Ново-Строицкий с/с, д.10;

– **Тетёркин Алексей Васильевич**, 1909 года рождения, ветфельдшер, уроженец Орджоникидзевского края, г. Ворошиловск, хутор Садовый. Семья: Тетёркина З.А.;

– **Никитин Григорий Николаевич**, 1913 года рождения, капитан, уроженец Новосибирской обл., Анжеро-Судженского р-на, Назарихинского с/с, д. Хабары;

–**Точилкин (Толчилкин)** Семья: Точилкина (Толчилкина) Ефросинья Нестеровна – Москва, 43, ул…, д.2».

7 августа 1992 года, на окраине древнего города Полоцка, недалеко от золотых крестов Свято-Евфросиньевского монастыря, произошло событие печальное и торжественное, организованное военнослужащими Спасского городка, скаутами и монахинями. После проведения православной панихиды, в присутствии скаутов и жителей города, земле были преданы останки более 400 павших защитников Отечества.

Позже, на совещании поисковиков, председатель военно-патриотического клуба «Разведчики воинской славы» (РВС) средней школы №2 г. Новополоцка Трапезникова Евгения Анатольевна, рассказала:

«Старожилы г. Полоцка хорошо помнят грохот пулемётных очередей в песчаном карьере, недалеко от монастыря. Фашисты уничтожили здесь около 20-ти тысяч военнопленных и мирных жителей. На это место массовых расстрелов в г. Полоцке меня впервые привела руководитель Витебского отряда скаутов, руководитель отряда «Поиск» Марчик Тамара Петровна. Мне было стыдно за себя: почти 30 лет прожила в Новополоцке, 20 из них занималась с ребятами поиском, а в этом жутком месте была впервые. Я слышала о том, что памятник погибшим стоит в стороне от места расстрела. Что после дождя здесь часто вымывает из земли человеческие останки. Сердобольные старушки собирают их и снова прикапывают песком. И молчат...

Но вот у монастырских стен разбили свой лагерь скауты, и свидетели той страшной трагедии привели их на это место…

После скаутского лагеря я побывала у местных властей в Полоцком горисполкоме. Пообещали установить на месте расстрела охранную зону, но для этого нужно будет весной определить границы залегания останков погибших. А потом посадить там парк».

В дни весенних каникул 1993 года, по просьбе Витебского областного историко-патриотического объединения «ПОШУК», Министерство обороны Республики Беларусь дало команду одной из воинских частей, расположенных в Полоцке рядом с монастырём, предоставить казарму

для размещения участников весеннего поискового лагеря.

Около сотни ребят собралось в Полоцке, чтобы определить границы залегания останков, расстрелянных фашистами людей. То, что мы увидели в первый же день, нас страшно потрясло. По обе стороны от места расстрела военнопленных высились капониры. Было видно, что от их дальних краёв не раз вывозили песок. Его грузили на машины вместе с останками людей и строили дороги в дачном посёлке прямо за Спасским городком. А на месте вывезенных участков капониров, на чистом песке валялись разбросанные рёбра, челюсти, черепа погибших... Мы сразу же обратились в Полоцкий горисполком и потребовали запретить вывоз песка из карьера... Нашу просьбу удовлетворили.

Евгения Анатольевна Трапезникова привела к нам одного из участников строительства послевоенного тира на месте расстрела военнопленных. К сожалению, этот пожилой человек отказался назвать свою фамилию. То, что было сделано когда-то военнослужащими части по приказу командования, невозможно понять. Вот что он рассказал:

«Мы получили приказ сдвинуть песок на обе стороны, чтобы оборудовать тир для отработки стрельбы из танков. Я тогда служил в армии – работал трактористом. Только мы начали сдвигать песок, как наткнулись на останки людей. Я пошёл к командиру и доложил, что там люди лежат, расстрелянные фашистами. Но он мне ответил, что это не люди, а предатели, – и приказал копать дальше… Приказ – есть приказ. И мы продолжали работу в карьере... Там трупов слоёв семь – восемь, наверное, было. Вместе с песком мы и сдвинули эти останки на обе стороны тира».

*В*ыходит, то, что обнаружили скауты между капонирами – лишь нижние слои огромного захоронения, до которых в послевоенные годы не добрались тракторы. Мы начали исследовать дальний участок бывшего тира и наткнулись на телефонный кабель, проложенный прямо по черепам. Видимо, его прокладывали при строительстве тира к дальним мишеням. Последние годы этот тир военными не использовался. Но на его ровной, гладкой площадке местные мальчишки играют в футбол. И не ведают они, что под тонким слоем песка (местами всего лишь 2 – 3 см), лежат забытыми те, кто все эти годы, с далекого 1941-го, считаются пропавшими без вести...

Во время весеннего поискового лагеря, в апреле 1993 года на территории Спасского городка, мы не стремились поднимать останки погибших, понимая, что такое огромное захоронение перенести невозможно, да и не имеет смысла. А предложили руководству города сдвинуть капониры с останками людей в центр захоронения. Тогда получился бы курган, охраняемый государством. Но нас не поддержали.

Всеми работами по определению границ залегания останков расстрелянных фашистами людей руководили представители Полоцкого горисполкома. Вместе с ребятами рано утром они выходили на место проведения работ, делали замеры территории и описывали всё, что находили поисковики. Подходили и местные жители. А одна из женщин, Терехова Мария Яковлевна, 1927 года рождения, оказалась очевидцем расстрела. Она жила неподалёку, в д. Спасс-Слобода, ул. Куйбышева, д. 84. Ребята даже работы прекратили, когда она подробно, вытирая платком слёзы, поведала о пережитом. Мария Яковлевна рассказала, что на территории Зелёного городка в Боровухе-3 фашисты устроили гетто. Местных жителей гоняли туда копать широкие круглые ямы. Подходили немецкие машины. Евреям приказывали раздеться догола, ставили их возле ямы и расстреливали. А потом зарывали бульдозером. А земля ещё на месте расстрела долго колыхалась.

При определении границ залегания останков нами были найдены и прочитаны ещё 4 солдатских медальона:

– **Карасёв Иван Николаевич** – красноармеец, 1917 года рождения, уроженец Горьковской обл., Бутурлинский р-н, Борнуковский с/с, д. Борнуково. Призван Бутурлинским РВК Горьковской обл. Семья: Карасёва Мария Дмитриевна проживала по месту рождения;

– **Соболенко Кирилл Иванович** – уроженец Украинской ССР, Сумской обл., Середино-Будского р-на, д. Грудцы. Семья: Соболенко Прасковья Гавриловна;

– **Шушаков Фёдор Алексеевич** – красноармеец, 1912 года рождения, уроженец Татарская АССР, Пургинский р-н, Пытсамский с/с, д. Петрово, призван Агрызским РВК. Семья: Шушакова Екатерина – Татарская АССР, г. Агрыз, ул. Кривой пер., д.12-а

– **Маликов Александр Митрофанович** – интендант, 1920 года рождения, уроженец Орловской обл., Елецкий р-н, Дамской с/с, д. Слобода. Отец, Митрофан Гаврилович, проживал в Орловской обл., г. Елец

Найден также мундштук от горна с нацарапанной фамилией «**Митин**» и авторучка с надписью «2.3.1940 ВС - **В. Снимщиков».**

Ко Дню Победы, в мае 1993 года, Евгения Анатольевна Трапезникова, выступая в местной газете, обратилась к людям с просьбой: помочь в сборе средств на закладку парка на места расстрела военнопленных. И люди откликнулись. По крохам, в основном бывшими выпускниками средней школы № 2 г. Новополоцка, где многие годы работала учителем Евгения Анатольевна, с детских лет прививая своим воспитанникам любовь и уважение к памяти защитников Отечества, были собраны необходимые средства на закупку саженцев для будущего парка.

Осенью 1993 года мемориальный парк был заложен. В его закладке принимали участие многие поисковые отряды Витебщины. Мы очень волновались: приживутся ли деревца, ведь когда их сажали, шёл первый снег. Но опасения наши оказались напрасными: все саженцы весной прижились.

Каково же было наше разочарование и негодование осенью 1994 года, когда наш парк оказался полностью уничтоженным. Кто-то украл и вывез все деревца. И даже крест, установленный скаутами на могиле 482 солдат, освящённый служителями монастыря, тоже украли.

Нас просто поразило, как монахини, живущие по соседству в монастыре, постоянно поклоняясь святым мощам Ефросинии Полоцкой, не уделили внимания останкам многих тысяч погибших людей, лежащим всего лишь в 300 метрах от территории монастыря, за небольшим мосточком через реку. Чем же они виноваты, эти жертвы войны, перед нами, сегодняшними?! За что им такая судьба?! Разве не имеют они права на память?!

Но время идёт. И уже к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне руководство города всё же обратило внимание на это святое место. Капониры разровняли, сделали планировку местности. И теперь это место под охраной государства.

По установленным фамилиям ребята разыскали 3 семьи погибших. Мы предполагали, что по нескольким фамилиям из найденных медальонов, через Центральный архив Министерства обороны РФ узнаем и другие имена погибших военнопленных, но, к сожалению, так ничего и не нашли.

В мае 2010 года Полоцкое районное отделение общественного объединения «Белорусский фонд мира» обратилось в Полоцкий городской исполнительный комитет и Совет депутатов с инициативой о строительстве Мемориального комплекса памяти жертв фашизма «Урочище Пески».

Фото 5. Кадры передачи телеканала «Беларусь 1» об открытии Мемориального комплекса памяти жертв фашизма «Урочище Пески».

В День памяти и скорби 22 июня 2020 года был открыт Мемориальный комплекс памяти жертв фашизма «Урочище Пески».

Шталаг-354 в Боровухе-1 у г. Полоцка

Территория военного городка Боровуха-1, расположенного в 19 км от Полоцка, в котором до войны дислоцировалась одна из частей Красной армии, после оккупации Белорусской ССР в 1941 году использовалась нацистами под стационарный лагерь для военнопленных шталаг-354. Лучше инфраструктуры и не придумать – казарменные здания, охраняемая зона. Первых узников сюда привезли уже в августе 1941 года. Первоначально это были те военнопленные, кто попал в плен в ожесточенных боях в Белоруссии. Затем по мере продвижения вермахта на восток, сюда большими партиями начали привозить военнопленных, оказавшихся в окружении на дальних подступах к Москве: узников дулагов в Вязьме и Ржеве. Многие из которых здесь, в шталаге-354, к сожалению, и закончили свой жизненный путь.

Военнопленных везли тысячами. Уже через некоторое время мест в казармах не хватало. Многие ночевали на улице. Проливные дожди, мороз, антисанитария. Тёплой одежды у узников не было. Самый тяжёлый период – суровая зима 1941–1942 годов. Солдаты в летней одежде, у многих нет даже гимнастерок.

До сегодняшнего дня сохранилось одно здание – довоенная школа. Во время существования шталага-354 там находился тифозный госпиталь. Военнопленные медики в силу своих небольших возможностей старались помогать узникам. Иногда, в госпиталь под видом больных устраивали здоровых людей, а

затем помогали им бежать. Также некоторое время не подавали списки умерших, чтобы получать на них дополнительный паёк, и тем самым спасти жизнь остальным узникам.

Фото 6. Сюжет о шталаге-354 в Боровухе-1 недалеко от современного г. Новополоцка показан 11.04.2022 г в передаче телеканала «Беларусь 1».

Политика Третьего рейха для советских военнопленных предписывала немыслимые условия содержания. Минимум еды и никакой медицинской помощи. Меньше чем за год – с лета 1941 по весну 1942 здесь уже погибли 15 тысяч человек. Узников хоронили сами военнопленные на территории лагеря.

Лагерь был в подчинении 201-й и 403-й охранных дивизий. Он просуществовал до 8 апреля 1943 года. За это время через него прошли от 25 до 28 тысяч узников. Фамилии большинства из них до сих пор неизвестны и числятся пропавшими без вести.

Мемориальный комплекс «Звезда», посвящённый жертвам нацизма, принявшим смерть в шталаге-354, занимает территорию около 3 гектаров. В комплекс входит мемориальный знак, ДОТ и часовня. Над входом в мемориал стилизованная бетонная лента с надписью. Мемориальный знак изготовлен в виде 4-х стел, которые символизируют 4 стороны света, 4 года войны, 4 фронта, освобождавших Белоруссию. В центре расколотая чаша – символ земли и жизни, расколотой войной. На стелах – списки погибших при освобождении Боровухи в 1944 году. Вместе все сооружения символизируют: ДОТ – помним, часовня – верим, мемориальный знак – чтим. Дорожки комплекса выложены красной плиткой в виде одной огромной звезды.

Рядом с мемориальным знаком на отдельных плитах увековечены имена погибших узников шталага-354.

Мемориальный комплекс «Звезда» – это большая братская могила.

Фото 6. Мемориальный комплекс «Звезда» в память жертв немецко-фашистского лагеря военнопленных шталаг-354 в Боровухе-1 около современного г. Новополоцка.

Приложение. Из отчёта командующего тыловыми районами группы войск «Центр», 8.12.1941[181]

Отчет о деятельности за период с 1 по 30.11.1941

1. Организация

а) Командующему тыловыми районами группы армий «Центр» подчинены:

– комендант военнопленных округа «J» полковник Маршалл;

– комендант военнопленных округа «K» старший лейтенант фон Павел- Рамайнген;

– комендант военнопленных округа «P» полковник Майер.

б) Подчиненные дулаги, шталаги и пункты сбора военнопленных на начало ноября 1941 года:

дулаг-130, Рославль;
дулаг-203, Кричев;
дулаг-220, Гомель;
дулаг-185, Могилев;
дулаг-131, Бобруйск;
дулаг-126, Смоленск;
дулаг-240, Смоленск;
дулаг-120, Орша;
дулаг-125, Полоцк;
дулаг-112, Витебск;
пункт сбора военнопленных 10, Невель;
пункт сбора военнопленных 9, Борисов;
пункт сбора военнопленных 19, Унеча;
пункт сбора военнопленных 22, Бобруйск.

В течение месяца были ЗАНОВО созданы:

шталаг-VI H, Борисов;
шталаг-313, Витебск;
шталаг-341, Могилев;
шталаг-353, Орша;
шталаг-354, Боровуха-1 у Полоцка;
офлаг-XXI A, Бобруйск.

Следующие дулаги переданы в распоряжение командующего тыловыми районами:

дулаг-121, Смоленск;
дулаг-124, Рудня;
дулаг-184, Рудня;
дулаг-161, Смоленск;
дулаг-230, Смоленск.

[181] Иванова Е.А., Смольянинова О.И., Яркова И.А.: АД-184. Советские военнопленные, бывшие узники Вяземских «дулагов» вспоминают – М.: Родина. 2021 стр.72-73.

Следующие лагеря были в течение месяца перемещены:

дулаг-230 в Вязьму;

дулаг-231 в Смоленск;

пункт сбора военнопленных 10 в Сычевку;

дулаг-155 в Можайск и подчинен 4-й армии;

дулаг-240 в Ржев и подчинен 9-й армии;

дулаг-127 в Калугу и подчинен 4-й армии;

дулаг-124 в Гжатск и подчинен 4-й танковой группе;

дулаг-184 в Волоколамск и подчинен 9-й армии;

дулаг-161 в Орел и подчинен 2-й танковой группе;

дулаг-112 в д. Добрая у Малоярославца и подчинен 4-й армии;

пункт сбора военнопленных 9 в Можайск и подчинен 4-й танковой группе;

пункт сбора военнопленных 19 в Михайловский и подчинен 4-й танковой группе;

дулаг-185 в Орел и подчинен 2-й танковой группе.

2. Состав и применение:

на начало ноября в лагерях группы армий «Центр» находилось: 2 521 офицер и 177 604 солдата;

на конец ноября –4 484 офицера и 183 909 солдат;

из них применялись в работах на начало ноября 32 996 человек; на конец ноября –50 029 человек.

Из района в течение ноября было отправлено в стационарные лагеря 5 353 офицера и 108 305 солдат».

БОЙЦЫ СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В ШТАЛАГЕ-337: СВИДЕТЕЛЬСТВА, ИСТОРИИ, СУДЬБЫ

2024© И.Н. Гордейчик (Российская Федерация, г. Москва)

Буренину Анатолию Ивановичу,
сыну ополченца,
малолетнему узнику
на славный день 85-летия

Тяжелым местом испытаний, горечи и мужества стал для сотен московских ополченцев шталаг-337 на ст. Лесная Барановичского района Брестской области с его отделениями в гг. Барановичи и Слуцке. Он к августу 1941 года вобрал в себя стихийно возникшие места сбора военнопленных, временные и фронтовой (г. Барановичи) лагеря в полосе наступления на Москву соединений вермахта через бывшую Барановичскую область Белорусской ССР.

Город Барановичи стал одним из мест, где наряду с другими населенными пунктами Белоруссии и России с июня-июля 1941 года размещались 3-й, 4-й и 9-й армейские сборно-пересыльные пункты (АСПП). Известно, что в разное время 9-й пункт подчинялся 87-й пехотной дивизии 9-й армии вермахта, 221-й и 286-й охранным дивизиям; а 4-й АСПП охранялся 974-м ландверным (призывники старшего возраста), 551-м и 581-м караульными батальонами.

Оккупация территории Белорусской ССР и Смоленской области. 1941 г. Лагеря военнопленных

К сентябрю 1941 года Белоруссия была оккупирована войсками группы армий «Центр» германского вермахта под командованием генерал-фельдмаршала Федора фон Бока, (1880-1945). Часть ее территории была под управлением аппарата гражданской администрации с системой комиссариатов, другая – под управлением военной администрации с системой комендатур (полевых и местных), наделенных всей полнотой власти в зоне своего действия. Соответственно,

в разной компетенции были вопросы по содержанию советских военнопленных: либо в полномочиях Верховного командования сухопутными войсками (ОКХ), либо – Верховного командования вермахта (ОКВ).

Остановлюсь на максимально кратком изложении функционирования этих структур в контексте темы фашистских лагерей. Исходя из материалов Обзорных справок Архивов Беларуси[182], изысканий историка Романько О.В.[183] и других, разделенная к середине осени 1941 года территория Белоруссии выглядела следующим образом. Территорию по реке Зельвянка и восточной кромке Беловежской пущи на западе, по линии Полоцк – Борисов на востоке, по линии г. Старые Дороги (ныне административный центр Стародорожского района Минской области) – озеро Червоное (ныне Житковичский район Гомельской области) на юге выделили в образованный 01.09.1941 г. Генеральный округ «Белоруссия» (ГОБ) в составе рейхскомиссариата «Остланд», который, в свою очередь, входил в специально созданное имперское министерство оккупированных восточных территорий рейхсляйтера Альфреда Розенберга. Генеральному комиссариату, возглавляемому генеральным комиссаром группенфюрером СС Вильгельмом Кубе, (1887-1943), подчинялись два главных комиссариата (гауптгебиты Минск и Барановичи), которые руководили работой окружных комиссариатов. В марте 1943 г. гауптгебиты были упразднены, а вся территория ГОБ была разделена на 10 округов, в каждом из которых был создан окружной комиссариат (центры комиссариатов – Барановичи, Борисов, Вилейка, Ганцевичи, Глубокое, Лида, Минск, Новогрудок, Слоним и Слуцк). Отдельно функционировал городской комиссариат в Минске. При этом, большая часть округа «Борисов» находилась под управлением военной администрации, за исключением района Плещеницы (ныне городской поселок Логойского района Минской области). Таким образом, к тыловому району группы армий «Центр» были отнесены Витебская, Могилевская, большая часть Гомельской, восточные районы Минской и некоторые районы Полесской областей.

У ОКХ была ответственность за лагеря военнопленных на территориях, включающих опера-

[182] https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki; https://studfile.net/preview/5242442/page:10/

[183] Романько О.В. Оккупация Белоруссии и коллаборационизм. 1941-1944 – М.: Вече, 2022; https://www.labirint.ru/books/871079/

тивные районы и зону боевых действий вместе с прилегающей к ней тыловой зоной. В этой прифронтовой полосе и оперативной зоне военнопленными занимались войска, находящиеся в подчинении ОКХ, в частности служба генерал-квартирмейстера под командованием генерала артиллерии Эдуарда Вагнера, (1894-1944). Ей подчинялись комендатуры, а тем, в свою очередь, коменданты сборных и пересыльных лагерей.

Ценную информацию дают источники, открытые поисковиком-волонтером Алексеем Владимировичем Кислицыным[184], публикации немецких историков Дитера Поля, Пауля Коля, Кристиана Хартмана. Так, последний указывает на майоров фон Штитенкрона и Йоханна Гутшмидта, сменявших друг друга на посту комендантов дулагов 231-го и 203-го. Штитенкрон был ответственен за массовую гибель в октябре-ноябре 1941 года 4 тысяч военнопленных в дулаге-231 города Вязьмы Смоленской обл. и привлекался к ответственности немецким командованием. Но инспектировавший 20.11.1941 г. дулаг-231 генерал Шенкендорф, который инициировал дело «о преступной халатности в отношении военнопленных», мог бы так поступить и по отношению к комендантам других лагерей. Зверства были повсеместно и неудивительно, что начальник дулага-231 военным трибуналом был оправдан. Историк П. Коль прямо утверждает: «В Вязьме было три лагеря: дулаги №№ 184, 230 и 231». Здесь нужна оговорка, что они находились в городе в разное время. Важно его указание о высокой смертности (от 50 до 60 военнопленных в день) в подчиненном 3-й танковой армии дулаге-184, о солидарной ответственности за смертность организации Тодта. Он же указывает, что дулаг-230 был подчинен 4-й танковой армии, а дулаг-231, в котором в годы войны «умерли и замерзли 14 тысяч человек», был подчинен 255-й пехотной дивизии. Этой же 255-й дивизии, по ее документам, с середины ноября 1941 года были подчинены (приняты и созданы заново) лагеря в Ярцево, в д. Дурово Сафоновского района, в пос. Кардымово; сборные пункты в Холме, Сычевке, Белом; лазареты для военнопленных в д. Курбатово Новодугинского района и в д. Волково Вяземского района. А о самом лазарете в д. Волково имеется публикация исследователя истории Московского народного ополчения, внучки ополченца 2-й

[184] http://peopleandwar.ru/forum/viewtopic.php?t=12722&start=

дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы Л.Е. Муждабаевой[185].

На указанном выше форуме «Авиации СГВ» приводятся примечательные сведения о вяземских лагерях по материалам немецких архивов. По данным Д. Поля, в конце октября 1941 года в зловещем дулаге-231 содержалось 27 тысяч военнопленных, а к началу ноября – 34 тысячи красноармейцев; ежедневно умирало от 60 до 100 военнопленных. Они вполне ясно отражают общее положение дел с советскими военнопленными и отношение к ним оккупационных властей.

Опорой военной администрации были охранные дивизии. Уже к декабрю 1941 года в Белоруссии действовали четыре такие дивизии: 201-я (штаб в Лепеле), 203-я (штаб в Бобруйске), 221-я (в Гомеле), 286-я (в Витебске). Так, у 221-й охранной дивизии в оперативном подчинении была полевая комендатура FK-549, в состав которой входили три гарнизонные комендатуры, в т.ч. ОК-264 с дислокацией с июля 1941 г. в г. Барановичи. Сами же полевые комендатуры создавались в пределах области.

Известно о том, что в тылу группы армий «Центр» с августа 1941 года активно действовали части 87-й, 102-й, 252-й, 339-й и 707-й пехотных дивизий (пд); в зоне ответственности военной администрации использовалась и была ей в подчинении 403-я охранная дивизия. Так, после 25 ноября 1941 года в ведении 84-го пехотного полка 102-й пд был злополучный дулаг-231, значившийся на 10.07.1941 г. в Волковыске, на 12.09.1941 г. – в Борисове, на 18.11.1941 г. – в Вязьме.

По режиму завоеванная территория, как оперативная зона ОКХ, делилась на 3 зоны. Наиболее строгий административный режим был в первой зоне, глубиной 30-50 километров, непосредственно примыкающей к району боевых действий. Из нее все население принудительно выселялось в тыл. Во второй зоне для местного населения было жесткое ограничение в свободном передвижении. В третьей зоне действовал общий режим.

По юрисдикции оккупированная территория была разделена на зоны «А» и «В». Глубина первой составляла около 250-500 километров от линии фронта и управление на ней осуществлялось военными властями. Эта зона делилась на три сектора. За центральный сектор был от-

[185] https://infoce-klin.ru/2023/09/o-lazarete-v-derevne-volk

ветственен Армейский тыловой район, действовавший на дивизионном уровне. Западный сектор находился в зоне ответственности Тылового района группы армий, действовавшего на корпусном уровне. Восточный сектор контролировался действующей армией.

Во главе аппарата военной администрации на территории восточной Белоруссии и Западной России с июня 1941 по июль 1943 г., стоял командующий тыловым районом (КТР) и охранными войсками группы армий «Центр» генерал пехоты Максимилиан фон Шенкендорф (1875-1943) в двойном подчинении командующему группы армий «Центр» и начальнику тыла ОКХ.

Его отчетам за критический для Московского народного ополчения период начала Битвы за Москву (октябрь – ноябрь 1941 года) в отношении мест пребывания военнопленных вполне можно доверять. Эта информация размещена на форуме «Авиация СГВ»[186]. Так, в подчинении КТР в октябре 1941 г. находилось 13 дулагов, а именно: 126-й и 240-й в Смоленске; в Рославле 130-й и перемещенный в том же месяце из Боровухи 155-й; 127-й в Орше; 125-й в Полоцке; 112-й в Витебске; в Борисове 231-й, перемещенный в октябре в Вязьму; в Бобруйске 131-й и 314-й, перемещенный в октябре в Почеп; в Кричеве 203-й; в Могилеве 185-й; в Гомеле 220-й. Перемещенные дулаги 155-й и 231-й попали в подчинение 9-й и 4-й армий вермахта соответственно.

Важное свидетельство: «на начало октября в дулагах группы армий «Центр» находилось 892 офицера и 89 258 солдат, на конец месяца – 1 321 офицер и 110 092 солдата. В течение месяца из района было вывезено в стационарные лагеря 200 000 человек».

В ноябре 1941 года ситуация сильно изменилась. В распоряжение КТР к имеющимся десяти дулагам было передано пять дулагов, а именно: 121-й в Смоленске; 161-й, перемещенный в том же месяце в Орел; 230-й в Смоленске, перемещенный в том же месяце в Вязьму; 124-й в Рудне, перемещенный тогда же в ноябре в Гжатск (ныне Гагарин); 184-й в Рудне, перемещенный тогда же в ноябре в Волоколамск. В том же ноябре состоялось еще шесть других перемещений дулагов: 231-го из Вязьмы в Смоленск, 155-го из Рославля в Можайск, 240-го из Смоленска в Ржев, 127-го из Орши в Калугу, 112-го из Витебска в д. Доброе Калужской области, 185-го из Могилева в

[186] https://www.sgvavia.ru/forum/149-7408-9

Орел. Таким образом, в ноябре 1941 года было 11 перемещений дулагов!

При этом, в ноябре 1941 года на территории Белоруссии, подконтрольной КТР, было заново открыто 6 лагерей. Это один офлаг в Бобруйске (XXI A), и пять шталагов – VI H (Борисов), 313-й (Витебск), 341-й (Могилев), 353-й (Орша), 354-й (Боровуха). Таким образом, в течение всего периода (октябрь – ноябрь 1941 года) в ведении военной администрации неизменно действовали дулаги в Рославле (130-й), Кричеве (203-й), Полоцке (125-й), Гомеле (220-й).

Не менее сложной и драматичной была ситуация со сборными пунктами, подконтрольными КТР. В октябре 1941 года таких было четыре: 9-й в Борисове, 10-й в Невеле, 22-й в Бобруйске; в Слуцке – 19-й, перемещенный в том же октябре в Унечу Брянской области. За исключением неизменного 22-го пункта, остальные в ноябре были перемещены в Можайск (9-й из Борисова), в Сычевку (10-й из Невеля), в неустановленный населенный пункт под названием Михайловский (19-й из Унечи). Таким образом, в ноябре было три перемещения сборных пунктов!

По немецким данным в отношении подчиненности перемещенных лагерей в ноябре 1941 года, указано, что в подчинении 9-й армии были дулаги 240-й (Ржев), 184-й (Волоколамск); 4-й армии – дулаги 155-й (Можайск), 127-й (Калуга), 112-й (д. Доброе у Малоярославца); 2-й танковой группе – дулаги в Орле – 161-й и 185-й; в подчинении 4-й танковой группе – дулаг 124-й (Гжатск), а также 9-й пункт сбора в Можайске и 19-й пункт сбора в пункте Михайловский (предположительно, д. Михайловское Можайского района).

А это немецкая статистика ноября 1941 года по численности военнопленных: «на начало ноября в лагерях группы армий «Центр» находилось 2 521 офицер и 177 604 солдата; на конец ноября – 4 484 офицера и 183 909 солдат; из них применялись в работах на начало ноября 32996 человек, на конец ноября – 50 029 человек. Из района, подконтрольного этой группе, в течение ноября было отправлено в стационарные лагеря 5 353 офицера и 108 305 солдат». Если суммировать данные по отправленным в шталаги и офлаги, то за эти два месяца было перемещено не менее 313 658 советских военнопленных.

Отчет командования тыловыми районами группы армий

«Центр» содержит информацию о структуре управления. Командующему были подчинены три коменданта военнопленных: округа «J» полковник Отто Маршалл, округа «K» старший лейтенант фон Павел-Рамайнген, некоего необозначенного округа полковник Майер.

По мере продвижения линии фронта, военным следовало передавать захваченные районы под юрисдикцию гражданских властей (в зону оккупации «В»). Но не всегда в переходный период согласованно проходило упразднение органов военного управления. Обстановка на фронтах вносила свои корректировки. Практиковалось оставление при рейхскомиссариатах в качестве представителей ОКВ командующих войсками, чьи формирования еще находились в гражданской зоне оккупации.

Возьмем в качестве примера г. Смоленск. От него по шоссе до белорусской границы 73 км, до Могилева – 212 км, до Бобруйска – 327 км, до Минска – 344 км, до Барановичей – 478 км, до ст. Лесная – 500 км. Таким образом, вся эта территория могла относится к зоне оккупации «А». Но в немецком списке пунктов сбора пленных, дулагов, шталагов и офлагов в тылу группы армий «Центр» на 27.01.1942 г. шталага-337 (и сопряженных с ним в административном отношении шталагов в Минске, Молодечно и др.) нет. Зато имеются сведения об охранных дивизиях и их подконтрольных лагерях военнопленных. Так, 203-я дивизия отвечала за лагеря в Бобруйске (офлаг III A), Гомеле (дулаги 220 и 121), Кричеве (дулаг-203); 201-я – за лагеря в Полоцке (дулаг-125), Витебске (шталаг-313), Боровухе (шталаг-354); 286-я – за лагеря в Борисове (шталаг VI H, дулаг-240)) и Могилеве (шталаг-341). При этом, в том же документе указана и оперативная зона ответственности командования 4-й полевой армии (АОК-4, Armeeoberkommando) – на территории России: дулаги 130 и 127 (Рославль); танковой 4-й Армии – дулаг-230 (Вязьма), дулаг-155 (Дорогобуж). Заметим, что с 03 по 28 июля 1941 г. название 4-я танковая армия носила 4-я армия, объединившая под своим командованием подвижные соединения группы армий «Центр». Дулаги 231 и 126 в Смоленске находились в подчинении городской комендатуры. Дулаг-185 в Могилеве находился в оперативной зоне 2-й танковой армии.

Имеются другие сведения об оперативном подчинении дулага-131 и шталага-373, оба располагались в Бобруйске, упомяну-

той 203-й охранной дивизии.

Лагеря военнопленных на территории, подконтрольной ГОБ, находились в компетенции Общего управления ОКВ, его структур – отдела, затем Управления и, наконец, Службы по делам военнопленных (Wehrmacht Kriegsgefangenenwesen) во главе с генералом пехоты Германом Рейнеке, (1888-1973). С 01.01.1942 г. под его ответственностью находились лагеря военнопленных на территории самого немецкого рейха, Польши и в областях общего управления немецкой гражданской администрации в оккупированных странах Европы, кроме Украины и Норвегии. Этой Службе подчинялись начальники отделов военнопленных 17 оборонных военных округов. С 25.09.1944 г. дела по военнопленным перешли в ведение руководителя СС и германской полиции рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера (1900-1945).

Поддержание порядка на территории ГОБ осуществлялось, в том числе, с неизменным привлечением местных и пришлых коллаборационистских формирований. По свидетельству Ирины Нестеровны Лешик из д. Миловиды Барановичского района в охране шталага-37 летом 1943 года состояли литовские националисты. Известно также, что зимой 1942 года военнослужащие 2-го литовского полицейского батальона (шуцманшафта) под командованием майора Антанаса Импулявичюса, имевшего прозвище «минского мясника», расстреляли в столице БССР около 9 тысяч военнопленных. Отметился военными преступлениями в районе города Барановичи 15-й литовский батальон вспомогательной полиции («шума»). На территории Белоруссии участвовали в карательных акциях 57-й, 61-й и 62-й украинские полицейские батальоны, немало латвийских формирований. О преступных деяниях прибывшего из Риги 18-го полицейского батальона в районах Ганцевичи, Слонима поведал каратель Петр Станкевичс, 1923 г.р., на допросе 02.08.1949 г.[187]

Военные историки указывают, что до середины сентября 1941 года в немецком плену находилось 918 тысяч человек. К середине октября после «котлов» под Киевом, Вязьмой и Брянском добавилось еще 1 447 000 человек. Остро стоял вопрос с размещением, питанием, перемещением этой огромной массы обессиленных, изможденных людей. С момента пленения повсеместно отношение к советским военнопленным было явным

[187] ЦА ФСБ РФ Ф.100 Оп.11 Д.13 Л.44-54, https://dzen.ru/a/ZHbH0HEpHhRF3rG4

проявлением политики геноцида. Это было во время маршевой эвакуации с многочисленными преступлениями конвоя, на временных стоянках и продолжилось по прибытии в стационарные лагеря. Имеются данные, что из всего количества военнопленных 1941 года к февралю 1942 года осталось порядка 40%.

Одна Вяземская катастрофа и зачистка немцами этого одноименного котла дала, по немецким источникам, не менее 460 тысяч человек пленными. Подсчеты полковника, кандидат военных наук, доцента, профессора Академии военных наук РФ Льва Николаевича Лопуховского по потерям Западного и Резервного фронтов с 28 сентября по 18 октября 1941 года дают цифру порядка 527 тысяч пленных[188]. Так или иначе, но военнопленных было очень много.

Шталаг-337. Лагерь военнопленных

В октябре 1941 года большинство военнопленных эвакуировали пешим порядком. Так было и в имевшем порядковый номер 102 тыловом районе группы армий «Центр». Ежедневный проход составлял 25-40 километров. Пленные под Вязьмой и Брянском должны были пешком одолеть участки Брянск – Гомель и Вязьма – Смоленск (около 250 и 150 километров соответственно) и только тогда их далее отправляли поездом. Основной маршрут пролегал по Московско-Брестской железной дороге через Оршу, Минск, Барановичи, ст. Лесная, Брест и далее на запад: в Польшу, в Германию и другие европейские страны.

Город Барановичи был и остается крупным железнодорожным узлом с двумя железнодорожными станциями. К началу Великой Отечественной войны через него проходило 5 направлений железных дорог: на Брест в Польшу, на Лиду в Литву, на Лунинец в Украину, на Волковыск и далее в Гродно и Польшу, на Минск в Россию. К 1936 году была протянута железнодорожная ветка от Слуцка до станции Тимковичи. До Барановичей оставалось 69 километров. Этот перегон в 1942 году достроили оккупанты. Он соединил в единое железнодорожное целое Барановичи – Слуцк – Осиповичи – Могилев. Возможность доставки военнопленных из Рославля по железной дороге через Кричев, Могилев, Осиповичи до Слуцка существовала (сегодня это Могилевское отделение Белорусской железной дороги).

[188] Л.Н. Лопуховский, «Вяземская катастрофа 41-го года». Издательство: Эксмо, 2007; http://militera.lib.ru/h/0/pdf/lopuhovsky_ln01.pdf.

Фото 1. Схема железнодорожного сообщения на территории Республики Беларусь

Попутно замечу, что из Смоленска в направлении Белоруссии имелось два железнодорожных сообщения. Первое в Оршу и далее в пяти направлениях: на Минск, Лепель, Витебск, Кричев, Могилев. Второе в Витебск и далее через Полоцк в Латвию в Даугавпилс. Из Минска отмечу железнодорожную ветку: на запад в Молодечно и далее в Литву в Вильнюс; на восток в Осиповичи и далее через Бобруйск на Гомель и оттуда в Украину: в Бахмач и в Чернигов.

Надо отметить, что на территории Белоруссии имелась достаточно разветвленная сеть узкоколейных торфовозных и лесовозных железных дорог – бывших военно-полевых дорог периода Первой мировой войны, которую активно использовали оккупанты. На этих перегонах работали военнопленные, в т.ч. из шталага-337 на маршрутах Барановичи – Мышанка – Миловиды – Лесная – Старобелевский; Мышанка – Кривошин, Залуж, Залепенье; Миловиды – Грудополье и др.

Шталаг-337 создавался в пяти километрах от ст. Лесная (до революции станция именовалась «Скобелевский лагерь») около д. Березовка (прежнее название Писаревщина), рядом с шоссе Барановичи – Слоним, что называется «с колес», на очищенном от деревьев лесном участке (lager «W»). В городе Барановичи под него была отдана бывшая польская каторжная тюрьма (lager «Z»), в Слуцке приспособили для содержания узников бывший советский 1-й военный городок в конце ул. Карла Либкнехта (Nebenlager Sluzk, ныне ул. Виленская). В эти места немцы сгоняли, свозили летом 1941 года бойцов Красной Армии, захваченных в плен в ходе боев местного значения, из окружений (котлов) под Слонимом, Новогрудком, Минском, задержанных на дорогах, в лесах и в населенных пунктах, включая тех, кто уже был без оружия и в гражданской одежде, но выправкой и стрижкой походил на военнослужащих.

Несмотря на упорное сопротивление соединений РККА, Слонимский район был оккупирован уже с 24 июня 1941 г., город Барановичи был захвачен 27 июня, на следующий день немецкие войска вошли в Минск. Масштаб разгрома вызвал не менее масштабную трагедию плена, в который попали десятки тысяч разных людей, и ошеломленных, обескураженных, деморализованных, и не потерявших самообладание и готовность, при первой возможности, продолжить борьбу.

Фото 2. Железнодорожная станция «Лесная». Барановичский район, Брестская область. Современный вид

Фото 3. Железнодорожная станция «Барановичи-центральные». 1943 г.

Структурно (по одному типовому образцу) шталаг-337 оформился к августу – сентябрю 1941 года. В этот период до постройки бараков (дощанников) начали прибывать эшелоны с советскими военнопленными. Но и в следующем году еще продолжались работы по расширению лагеря в связи с увеличивающимся потоком военнопленных; с потребностью сосредоточения здесь, на специальном участке, коллаборационистского контингента из национальных меньшинств. Для проведения санобработки узников перед отправкой их вглубь оккупированной территории был дополнительно организован карантинный лагерь в 3-х километрах от основного (частично на месте бывшего Скобелевского военного лагеря, lager «Q»). Большой («Зюд») и малый («Норд») лагеря шталага были разделены речкой Деревянка, из которой для нужд лагеря доставляли воду. Даже эта очевидная потребность удовлетворялась изуверским способом. Воду в бочке и кадках возили на телеге изможденные скелетообразные военнопленные, по четверо впрягавшиеся в каждую оглоблю вместо лошади. Их кнутом погонял изменник Родине. В шталаге-337 использовался любой повод, чтобы унизить узника, лишить его человеческого достоинства, довести его до скотского состояния.

Осенью 1941 года и в первые зимние месяцы войны в шталаг-337 стали поступать оказавшиеся в окружении и плененные бойцы дивизий народного ополчения Москвы из-под Вязьмы, Смоленска, г. Белый, Спас-Деменска и других мест стойкой обороны столицы ополченцами. Их участь была незавидной. В зиму 1941 – 1942г. немало узников находилось под открытым небом, ютилось в земляных норах. Холод и голод были запредельными. Отмечались факты людоедства.

Фото 4. Колонна военнопленных в Барановичах. 1941 г.

По свидетельству местных жителей Александра Иосифовича Гордейчика, Ивана Михайловича Щепко[189], зимой 1941 – 1942 гг. на ст. Лесная прибыл эшелон мертвецов. На открытых платформах немцы везли пленных, значительная часть которых при выгрузке оказалась замерзшей, погибшей от истощения и ран. Этих безымянных, не прошедших регистрацию узников, немцы сбросили во рвы рядом с ж/д станцией. Сопоставление сведений из уцелевших персональных карт военнопленных с данными о перемещении военнопленных из прифронтовых зон вглубь оккупированной территории и событиями на фронтах дает право утверждать, что именно здесь были преданы земле наряду с другими сотни воинов московских дивизий народного ополчения. Для них плен стал синонимом смерти.

Фото 5, 6 и 7. Военнопленные на железнодорожной станции «Лесная». 1941 г.[190]

[189] Сборник документов. «Без срока давности. Беларусь. Брестская область», ГУ «Нацархив РБ», Издательский центр фонда «Историческая память», 2022, документ № 121, с.163-164; https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/knigi_bsd/bsd_brest.pdf

[190] Фотографии из фондов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны

Надо заметить, что на ст. Лесная вагоны с военнопленными начали прибывать уже с лета 1941 года. Подтверждение этому находим в личных листках учета партизанских кадров (ЛЛУПК) на интернет-портале «Партизаны Беларуси». Так, рядовые Колышев Николай Павлович[191], 1917 г.р., уроженец ныне Нижегородской области, и Волгин Михаил Петрович[192] (1922 – 1976), уроженец Костромской области, находились в лагере на ст. Лесная, первый с 12.07.1941 по 10.06.1943 г., второй с 16 по 27 июля 1941 г.

[191] https://partizany.by/partisans/212322/

[192] https://partizany.by/partisans/47248/

Шталаг-337.
Злодеяния фашистов

В шталаге-337 был рукотворный ужас. В лагере узников умышленно доводили до смерти скудной и малопригодной кормежкой, невыносимыми условиями содержания, отсутствием приемлемой медицинской помощи, тяжелой работой, кощунственными медицинскими опытами. Здесь проводилась систематическая и целеустремленная политика истребления, был, по сути, геноцид славянских и других народов. За все это в 1949 году Министерством государственной безопасности Латвийской ССР был привлечен к ответственности Зихфрид Владимирович Эйхгорн, 1891 г.р., и приговорен к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). Этот бывший офицер Российской императорской армии, корнет Северной армии З.В. Эйхгорн в 1919 году за боевые отличия был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В 1920 году уволился с военной службы в звании поручика, проживал в Нарве. Когда и почему он пошел на службу к нацистам, можно только догадываться. Факт остается фактом – прибалтийский

немец ст. лейтенант Зигфрид Эйхгорн (риттмейстер, как его называли военнопленные-офицеры) был первым комендантом шталага-337 до весны 1942 года, и при нем массово прибывали в лагерь военнопленные, в т.ч. из московских ополченческих дивизий, и также массово умирали. В его подчинении были типичные для шталагов структурные подразделения. Он был строг к подчиненным и примечательно равнодушен к военнопленным; относился к ним, как к вещам. И

Фото 8. Эйхгорн Зигфрид (1891 – не ранее 1949), первый комендант шталага-337

был организатором и участником процесса расчеловечивания и системного уничтожения военнопленных в шталаге-337.

Другой прибалтийский немец, также хорошо владевший русским языком и отличавшийся жестокостью и безжалостным отношением к узникам – Вальдемар Амелунг (1914-1945), унтерштурмфюрер СС, сотрудник Барановичской службы безопасности (СД). Он с октября 1941 года был ответственным по еврейским делам, исполнял обязанности начальника гестапо в г. Барановичи по октябрь 1943 г. Неоднократно бывал в шталаге-337 с зондеркомандой, был организатором расстрелов. После войны сотрудничал с американской разведкой и сумел избежать наказания[193].

Но возмездие настигло других высокопоставленных офицеров, группенфюреров СА, причастных к шталагу-337: гауптткомиссара Барановичской области Фридриха Йозефа Фенца, 1893 г.р., и гебитскомиссара Барановичского округа Фридриха Штюра, собравшихся в числе других оккупантов на кабанью охоту. Они попали 17 февраля 1943 года в засаду в лесу у д. Машуки Клецкого района Минской области, организованную чекистом и командиром

[193] https://en.wikipedia.org/wiki/Waldemar_Amelung

партизанского отряда «Соколы» Кириллом Прокофьевичем Орловским[194] (1895-1968). Цель нападения – ликвидация генерального комиссара ГО «Белоруссия» Вильгельма Кубе. Но тот в последний момент отказался от охоты. Легендарный партизанский командир заплатил большую цену за этот диверсионный акт. Будущий Герой Советского Союза и Социалистического труда лишился правой руки по плечо, 4 пальцев на левой руке, у него был сильно поврежден слуховой нерв.

Четырнадцать 4-х ярусных бараков основного лагеря вбирали в себя до поры до времени очередную партию военнопленных и, забрав мертвую дань, выталкивали узников на этап в другие лагеря. Под номером 13 значился офицерский барак. Его обитателей на работы за пределы лагеря не брали. В мае 1942 года офицеров отправили в офлаг Калвария в Литве. Барак представлял собой сооружение наподобие овощехранилища. При этом, от дверей барака до поверхности земли было порядка 15 ступеней. В каждом бараке находилось от 800 до 1 тысячи человек, страдавших от тесноты, куриной слепоты, чесотки, недержания мочи, дизентерии. Контингент бараков формировался по национальному признаку.

Под основной лагерь был отведен прямоугольный участок леса длиной, по разным данным, порядка до 1 000-1 500 метров и шириной до 400-500 метров. Обустройством территории, установкой ограждений занимались немецкие саперы. К работам активно привлекались местные жители. Современный вид этого места никак не указывает на существование здесь лагеря. Разве что огромные ямы, оставшиеся от разрушенных бараков. Из своего детства я хорошо помню обломки сторожевых вышек, обрывки колючей проволоки, какие-то подошвы, остатки предметов лагерного обихода. Сейчас здесь все заросло, строения ушли в землю. Кругом обильный черничник. Летом ягоды здесь сочные и крупные. Они зреют фактически на костях несчастных людей

[194] https://xn--c1anggbdpdf.xn--p1ai/history/233563/

Фото 9. Одно из мест, где располагался основной лагерь шталага-337. 2023 г. Фото автора.

За специальным ограждением размещался женский барак, в котором зверствовала старшая по прозвищу «Людоедка». Здесь были девушки и женщины от 16 до 65 лет, разных национальностей, воинских специальностей и профессий (Flintenweibe, женщины-солдаты). Находились и беременные. С появлением малышей на тот немилосердный свет маму с ребенком переводили в другой лагерь. Нередко новорожденных сбрасывали в яму с нечистотами. Летом 1942 года все женщины оказались в отдельном секторе лагеря, в новом построенном бараке. Медики из них к работе по специальности не допускались. В основном женщины работали уборщицами и прачками. Летняя прачечная была устроена на речке Деревянка в 2-х километрах от лагеря. Туда водили под конвоем большую партию невольниц. Жившая в доме у реки, Вера Ивановна Михайловская (1914-1995) с болью вспоминала о девушках-военнопленных, стиравших белье и обмундирование. Ей запомнились их изможденные лица; врезались в память красные, распухшие от воды руки молоденьких русских девчат, разговоры с которыми грубо пресекались конвоирами. Вскоре она сама, будучи беременной, была насильно отправлена на принудительные работы и оказалась с партией белорусов в Австрии, где родила дочь. После Победы они обе с большими трудностями вернулись на Родину. Ныне бывшая малолетняя узница фашизма Михайловская Людмила Николаевна, 1944 г.р., проживает в деревне Березовке рядом со всеми трагическими местами шталага-337. Во дворе ее дома немецким летчиком из самолета была застрелена ее бабушка, урожденная Екатерина Иосифовна Гордейчик, откуда она в утробе мамы отправилась в неволю.

Выживший узник Михаил Анатольевич Жилин указывает на два женских побега. В одном из них вырвались на волю две женщины. Одну из них, врача-москвичку, через несколько месяцев поймали под Минском и вернули в лагерь. В другом случае, летом 1942

года при попытке перелезть через проволочное ограждение одну девушку застрелили в упор, вторая была ранена. Обитательницы барака в течение 3-х дней носили ее на высоко поднятых руках в санчасть на перевязку. Свободные от работ узники, приникнув к изгороди, горячо и громко приветствовали эту своеобразную демонстрацию. Даже лагерные комбаты не посмели препятствовать этому выражению чувств. При всем том, что невольницы были постоянным объектом посягательств на их честь, они как могли давали отпор «покровителям» из числа украинцев-охранников и, в целом, по словам М.А. Жилина, «вели себя героически, никакого нытья, никаких жалоб на свою горькую судьбину».

Укажу на непоколебимую стойкость, которую проявила в шталаге-337 московский доброволец, разведчица-парашютистка Зинаида Ивановна Бухаленкова (1922-1944), которую в лагере отделили от всех, жестоко мучили и избивали[195].

Удачный побег совершили из Леснянского лагеря две подруги-разведчицы Вера Григорьевна Богданова (1920-1990) и Мария Юрьевна Ермак, 1919 г.р. Об их предприимчивости, выходе на подпольщиков и на партизан рассказывается в материале 19-го выпуска Библиопанорамы о Калько (фамилия мужа) Вере Григорьевне.[196] Отважные девушки продолжили борьбу с захватчиками в составе партизанского отряда «Советская Белоруссия» бригады им. Пономаренко.[197] Удалось развить эту историю буквально на месте тех событий и установить связника партизан из д. Тартаки, к которому за помощью, на удачу, обратились беглянки. Им оказался Скурчик Стефан Миколаевич (1897-1976), имевший, скорее всего, связь с подпольной группой в 337-м шталаге.

В барановичском отделении шталага-337 женщин-военнопленных сосредотачивали в отдельном домике слева перед центральным входом в тюрьму. Военинженер Петр Николаевич Палий-Дроздов[198], 1908 г.р., уточняет: этот 2-х этажный дом был возле здания управления, там было порядка 250 узниц от рядовых до майора. В тюрьме офицеры находились в камерах,

[195] Гордейчик И.Н. «Радистка из Порецкого», https://porezk.cap.ru/news/2019/10/23/radistka-zina-iz-poreckogo

[196] Информационно-аналитическое издание «Библиопанорама». Выпуск №19. Брест, Брестская областная библиотека имени М. Горького, 2015.

[197] https://partizany.by/partisans/178854/; https://partizany.by/partisans/80000/

[198] Палий-Дроздов П.Н. «Записки пленного офицера» http://militera.lib.ru/memo/russian/paliy_pn/index.html

солдаты – во внутреннем дворе. По свидетельству лейтенанта Алексея Андреевича Мартемьянова[199], 1919 г.р., в отделении была невероятная скученность и большие проблемы с оказанием медпомощи раненным. Он указывает на несгибаемого капитана Иванова из штаба 85-й стрелковой дивизии, на подвиг некоего майора Самойлова. Последний разместил на доске объявлений призыв к стойкости, мужеству и сопротивлению, за что поплатился жизнью. Его выдал на расправу немцам лейтенант Юрий Иванидзе, ставший впоследствии обер-полицаем.

Таких изменников Родине выискивали вербовщики, двое подпоручиков Русской освободительной армии (РОА). Около полугода они малоуспешно агитировали в Леснянском лагере. За отказ вступить в эту пресловутую армию были уничтожены 720 командиров РККА. Они приняли мученическую смерть в душегубке в августе 1942 года. На этот факт указывал в ходе Нюрнбергского процесса Главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко.[200]

Среди военнопленных распространялись антисоветские газеты «Заря», «Клич», «Доброволец», которые узники использовали для самокруток. И это было очередным поводом для избиений.

Фото 10. Вход в городскую тюрьму г. Барановичи (отделение шталага-337). 1941 г.

Капитан медицинской службы Владимир Павлович Юдин, 1906 г.р., в своих показаниях Барановичской городской комиссии рассказал о том, что за три месяца 1942 года в специальной камере было умерщвлено водой 160 воен-

[199] Мартемьянов А.А. «Дорогой без вести пропавших», 2009, портал «Бессмертный полк. Москва»; https://www.moypolk.ru/searh?s=Мартемьянов+алексей; https://rubon-belarus.com/military-history/period1900-1945/59sp85sd

[200] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8 т.- М.: Юридическая литература, 1987-1999; https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163251-nyurnbergskiy-protsess-sb-materialov-v-8-t-t-1

нопленных командного состава.[201]

О пребывании в РОА бывших узников шталага-337 свидетельствуют данные о Бойко Александре Ананьевиче[202], 1914 г.р., из Ростовской области и бывшем капитане Красной Армии Хитрово (Хитрове) Сергее Николаевиче[203] (1904-1945, по другим данным 1903-1946), уроженце г. Орел, ставшим в 1944 году комендантом личной охраны изменника Родины генерала А.А. Власова (1901-1946). В то время как счет добровольцам, записавшимся в коллаборационистские национальные легионы, шел на десятки. В истории шталага-337 известно о трех составах украинской сотни – вспомогательного охранного подразделения на службе у немцев. Помимо 13 разоблаченных белорусскими чекистами военнослужащих этой сотни и преданных суду, удалось найти по открытым источникам еще трех человек. Скорее всего они входят в список нескольких десятков изменников Родины, выявленных Комитетом государственной безопасности Белорусской ССР в ходе масштабных следственных действий. По данным генерал-майора Ивана Алексеевича Коржа, таковых следователями было установлено порядка 40 человек.[204]

Надо отметить, что часть охранников из украинской сотни, по данным выживших узников, покинула место гнусной службы и бежала, в т.ч. с оружием, к партизанам. Ведь среди них были не только добровольцы, но и мобилизованные, которые были готовы продолжить борьбу с захватчиками. Так, известны два подобных случая. Из карантинного лагеря бежала группа из 30 военнопленных, которых охраняли четыре немца и четверо украинцев. Последние, очевидно, были в сговоре с узниками и совместными усилиями разоружили гитлеровцев и отпустили их. Один из бывших охранников огнем из винтовки прикрывал беглецов от погони и геройски погиб, убив двух преследователей. В том же 1942 году ушли в лес с оружием еще 18 человек из украинской сотни.

То, что немцы в шталаге-337 выделяли украинцев как более благонадежную категорию военнопленных, доказывает практика

[201] Акт Барановичской горкомиссии о расследовании фактов злодеяний от 01.01.1945г., https://victims.rusarchives.ru/garf-01-01-1945-akt-baranovichskoy-gorodskoy-komissii

[202] https://partizany.by/partisans/173121/

[203] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero45412625), https://biography.wikireading.ru/109972

[204] Мякиш А. «Пепел стучит в сердца», газета «Перспектива», г. Гродно, ч. 4, 27.05.2015г., https://proregion24.by.

расконвоирования. По немецким трофейным документам выявлено 5 человек, которые работали вне лагеря без конвоя. Двое – в имении Красногорка в Несвижском районе. Остальные – у хуторян, под их личную ответственность и на их обеспечении. Так, рядовой Сидоренко Алексей Степанович[205], 1920 г.р., уроженец Житомирской области, получил разрешение под номером 70 на работу у Петровского Антона. В документе указаны деревни Подлесье и Заполье бывшей Барановичской области. Причем, это разрешение четыре раза продлевалось с 24 января по 23 мая 1943 года. Его земляк и однофамилец Сидоренко Сергей Никитович[206], 1920 г.р., имел подобное разрешение под номером 96 (!). Значит, лагерная администрация вполне допускала использование труда военнопленных в хозяйствах белорусов, рассчитывая на их лояльность.

Относительно привилегированное положение украинцев в шталаге-337 до конца 1941 года разделяли белорусы. Примечателен один эпизод. Уроженец г. Феодосия Алексей Лаврентьевич Головченко[207], 1910 г.р., сумел выдать себя за белоруса, и немцы его выпустили 08.10.1941 г. из барановичской тюрьмы.

По другим основаниям были освобождены ряд военнопленных-женщин. Осенью 1942 года из барановичского отделения шталага-337 по болезни была отпущена на волю медсестра Солодова Антонина Арсентьевна[208], 1920 г.р., уроженка ныне Тверской области, а из брестского лагеря 20.08.1942 г. – прошедшая лагерь на ст. Лесная военфельдшер Жиркова Александра Тимофеевна[209], 1918 г.р., уроженка Пензенской области. Группа медработников была освобождена из шталага-337 для работы в местных медучреждениях под присмотром полиции. Так, в Барановичской горбольнице работала медсестра Касперова Елена Ивановна[210] (1922 г.р.), упомянутая Солодова А.А. – в гражданском госпитале г. Клецка. Военврач 3-го ранга, уроженец Ставропольского края Александр Андреевич Карпушин[211] (1916-1985) был отправлен немцами 24.12.1942 г. на работу в барановичскую горбольницу. Впоследствии он трудился

[205] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen290067891

[206] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen300274539

[207] https://partizany.by/partisans/59222/

[208] https://partizany.by/partisans/64099/

[209] https://partizany.by/partisans/211635/

[210] https://partizany.by/partisans/103888/

[211] https://partizany.by/partisans/25756/

врачом-лаборантом в городской бактериологической лаборатории. Все они со временем стали партизанами.

Совсем иное было с теми узниками, у которых в учетных карточках военнопленного появлялась запись «лишен(а) статуса военнопленного». Такая запись с датой «25.02.1944 г.» обнаружена в трофейных документах военфельдшеров Лекаревой Екатерины Васильевны[212], 1923 г.р., уроженки Кировоградской области, Грушиной Екатерины Алексеевны[213], 1920 г.р., уроженки Московской области, военврача Клеминой Антонины Васильевны[214], 1915 г.р., из г. Иваново. Аналогичная запись и дата были в карточке военнопленного мл. лейтенанта кавалерийского корпуса Орловой Светланы Павловны[215], 1923 г.р., уроженки Краснодара. Ее дальнейшая судьба оказалась трагической. Она была отправлена в подлагерь №10 крупнейшего женского лагеря смерти Равенсбрюк, находившийся в Фюрстенберге земли Бранденбург, где 06.05.1944 г. в числе 10 неблагонадежных, по мнению администрации, узниц была расстреляна. Оказывается, за таким лукавым канцеляризмом, как лишение статуса, стояла отправка в лагерь смерти, стояла расправа. К слову, в концентрационные лагеря, которые находись в ведении СС, отправлялись и мужчины-военнопленные. Так, в Бухенвальде (земля Свободное государство Тюрингия) оказался рядовой Левченков Алексей Савельевич[216], 1922 г.р., уроженец Калининской области; а в Берген-Бельзен (ныне земля Нижняя Саксония) – Савков Анатолий Матвеевич[217], 1914 г.р., уроженец Винницкой области; в лагерях Заксенхаузен и Дора – военфельдшер Тюхтин Дмитрий Варфоломеевич[218], 1906 г.р., уроженец Воронежской области. Основаниями для перевода в концлагеря были политическая неблагонадежность, склонность к побегам, участие в саботаже и в подпольной организации. Впрочем, при всей склонности немцев к формальной стороне дела факты говорили сами за себя: шталаг-337 быстро превратился в место геноцида.

---

212 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero46216656

213 https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978049230; https://www.moypolk.ru/soldier/grushina-ekaterina-alekseevna

214 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93111375/

215 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92374121/

216 https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen915502328

217 https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1979234112

218 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero107364949

Именно об этом говорил и писал первый, пожалуй, исследователь злодеяний оккупантов на территории Барановичского района участник войны, местный адвокат Борис (Беня) Петрович (Пиневич) Шерман (1919 - после 1985). Он опрашивал очевидцев, записывал свидетельские показания, собирал всю доступную информацию. Его материалы аргументированы и убедительны[219].

Фото 11. Шерман Борис Петрович, первый исследователь геноцида на территории Барановичского района. Фото 1980-х гг.

[219] в его сборнике «…И ужаснулась земля» (о зверствах немецких фашистов на территории г.Барановичи и его окрестностях, 27.06.1941-08.07.1944г.): Факты, доказательства, свидетельства», Барановичи, 1990; https://coollib.com/b/514908-boris-petrovich-cherman

Фото 12. Обложка книги Б.П. Шермана

В этом же контексте были изыскания и публикации бывшего научного сотрудника Барановичского краеведческого музея, ветерана войны Алексея Давыдовича Пустовитовского, 1925 г.р. Мало-помалу проясняется ситуация по местам пребывания военнопленных в Слуцке, благодаря пытливым местным краеведам, в числе которых историк Сергей Иванович Богдашич.[220]

Все эти наработки, новые открытия и исследования наглядно показывают, что назрела необхо-

[220] Богдашич С.И. «Слуцкий концлагерь: память без срока давности», Инфо-курьер, 2011; https://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/historical_dates/6259/

димость в том, чтобы поставить вопрос об изменении статуса лагеря со шталага на концентрационный лагерь, лагерь уничтожения (Фернихтунгслагер). Без всякого преувеличения: в основном Леснянском лагере и в его отделениях был реальный конвейер геноцида. Автором направлены соответствующие обращения в Барановичский горисполком, в исполнительный комитет Барановичского района, Генеральному прокурору Республики Беларусь, в Администрацию Президента РБ. А ведь прецедент есть! На основании собранных документов и свидетельств специальная комиссия, созданная по решению Администрации президента РБ, единогласно присвоила 05.07.1995 г. шталагу-342 в Молодечно статус концентрационного лагеря. В том же году был открыт мемориальный комплекс. Во всем этом основная заслуга Александра Ильича Мазаника (1921-2006), фронтовика, педагога-историка, Почетного гражданина Молодечно.

Шталаг-337. Свидетели фашистских преступлений

О тяжелом пребывании в барановичской тюрьме упомянули в своих воспоминаниях майор Евгений Александрович Эминов[221] (1906-1986), рядовой-минометчик Дмитрий Трофимович Чиров[222] (1921-2007). Москвич со средним медицинским образованием Петр Афанасьевич Смирнов[223] (1899 г.р.) в показаниях Барановичской государственной комиссии категоричен: за два года в барановичской тюрьме умерло не менее 17 тысяч узников.[224] Этот призывник Советского РВК Москвы, весьма вероятно – ополченец, судя по всему, как медик, был отпущен из барановичской тюрьмы. И, работая в городе по специальности, был связан с разведкой Столбцовского партизанского межрайцентра. Под агентурным именем «Феликс» передавал партизанам сведения о передвижении немецких частей, лекарства и перевязочные материалы; распространял советские газеты, листовки. Он же составил план (!) размещения в г. Барановичи немецко-фашистских частей, который оператив-

[221] Эминов Е.А. «Смерть – не самое страшное». Издательство: Проспект, 2021; https://vgulage.name/books/jeminov-e-a-smert-ne-sam

[222] Чиров Д.Т. «Средь без вести пропавших». Российская политическая энциклопедия, 2010; www.index.org.ru/nevol/2011-26/13-chirov.html

[223] https://partizany.by/partisans/238079/

[224] ГАРФ, Ф.Р-7021. Оп.81. Д.102; https://victims.rusarchives.ru/garf-01-01-1945-akt-baranovichskoy-gorodskoy-komissii; https://victims.rusarchives.ru/lager-no-shtalag-337

но был доставлен в Белорусский штаб партизанского движения. П.А. Смирнов с марта 1943 года партизаном бригады им. Жукова Столбцовской зоны. Этот незаслуженно забытый герой, о подпольной работе которого был высокого мнения один из руководителей партизанского движения Герой Советского Союза В.З. Царюк (1899-1957), был обделен госнаградами.[225]

Административно территория шталага-337 входила в Барановичский округ (гебит) Генерального округа Белоруссия (Белорутения, 01.09.1941-03.07.1944), административно-территориальной единицы нацистской Германии в составе рейхскомиссариата «Остланд». Округ «Барановичи» имел по состоянию на 07.03.1943 г. площадь в 5 694 кв.км с населением 341 522 человек. Шталаг-337 подчинялся начальнику управления лагерей военнопленных этого рейхскомиссариата и был в непосредственном ведении с 20.09.1941 г. окружного коменданта лагерей военнопленных подполковника Вольтке с резиденцией в Минске, которому непосредственно подчинялись и другие шталаги под номерами 341 (Слуцк, Могилев), 351 (Докшицы), 352 (Минск), 353 (Гродно). С декабря 1941 по июнь 1943г. окружным комендантом этих лагерей был Оскар Карковский.

Охранял шталаг-337 861-й охранный батальон. Попали в плен его военнослужащие Л. Бишоф, А. Кремер, Ф. Блюмковский, которые были допрошены соответственно в 1943, 1945 и 1947 годах.

В 2023 году исполнилось 80 лет со дня первого упоминания о шталаге-337 в общественном медийном пространстве. Показания Леопольда Бишофа были включены в сводку Совинформбюро от 02.03.1943 г. (вечернее сообщение). Он поведал о расстреле весной 1942 года транспорта польских заложников и рассказал об экзекуциях в барановичской тюрьме, на которых присутствовали ст. лейтенант Малер, унтер-офицеры Келлер и Вебер. По данным Л. Бишофа, в начале мая 1942 года за один день было расстреляно 70 ксендзов, 18 женщин и 11 бывших офицеров польской армии. Охранника и его сослуживцев поразил побег четырех советских офицеров, которые воспользовались тем, что отхожее место было встроено в стену и очищалось снаружи. Военнопленные в 35-ти градусный мороз погрузились в нечистоты и, нырнув на метр в глубину уборной, сумели вырваться на

[225] https://partizany.by/partisans/238079/

волю. Эти свидетельства (не ранее марта 1942 года) ефрейтора 1-й роты 28-го егерского полка 8-й немецкой дивизии (на момент пленения) Л. Бишофа были размещены в сборнике «Зверства немецко-фашистских захватчиков»[226].

Альфред Кремер, 1918 г.р., маляр из г. Энгер (земля Северный Рейн-Вестфалия), свидетельствовал о шталаге-337 на допросе в Риге 25.12.1945 г. в ходе следствия по военным преступлениям высокопоставленных немецких офицеров и генералов, которые понесли заслуженное наказание по завершении уголовного процесса в Риге (26 января - 02 февраля 1946 г.). Он упоминает о существовании большого и малого лагерей, в которых находилось 20 тысяч и 6 тысяч военнопленных, соответственно. Его показания четки и недвусмысленны: 16.01.1942 г. на ст. Лесная прибыл эшелон с 2 500 военнопленными. При разгрузке обнаружилось несколько сот трупов, около 400 человек были в тяжелом состоянии. А. Кремер нес охрану малого лагеря с сентября 1941 по весну 1943 г. Его данным вполне можно доверять: с конца 1941 по весну 1943 года умерло от инфекционных болезней более 10 тысяч узников. А. Кремер указывал на приезд в Леснянский лагерь команд СС и СД, которые производили отбор узников для последующего расстрела. За попытки побега применялась казнь через повешение[227]. Этому процессу было посвящено несколько статей в центральных советских газетах, о нем была оперативно выпущена в 1946 году отдельная брошюра. Поэтому можно считать, что это было **первое послевоенное публичное упоминание о зверствах оккупантов в шталаге-337.**

По данным портала prokuratura gov.by (список осужденных из числа немецких военнослужащих, участвовавших в карательных операциях и в иных преступных действиях[228] к судебной ответственности были привлечены трое других военнослужащих упомянутого 861-го батальона: Иозеф Иозеф А., 1905 г.р.; Франц Алекс Б., 1918 г.р.; Людвиг Иоган Ш., 1900 г.р. Они ответили в 1949, 1948 и 1949-1951 годах соответственно за свои злодеяния в

[226] Сборник «Зверства немецко-фашистских захватчиков» (Документы. Выпуск 8. Воениздат, 1943, с.41-43; https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/242165-iz-pism).

[227] https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Рижский_судебный_процесс

[228] https://prokuratura.gov.by/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA%20%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B8

годы войны. Такой уж формат подачи информации, что фамилии скрыты.

Из этого Списка узнаем о том, что военнослужащие из 102-го охранного батальона были задействованы в охране лагеря на ст. Лесная, а из 183-го охранного полка – в охране лагеря в г. Барановичи. Из этих соединений к уголовной ответственности были привлечены в 1949-1950 гг. соответственно два человека – Иозеф Карл Ц., 1903 г.р., и Матиас Кристиан М., 1905 г.р.

Попутно замечу, что за бесчеловечное отношение к военнопленным лагерей в Минске, Барановичах, Слуцке, Молодечно, Глубокое понес наказание комендант Минского округа лагерей советских военнопленных Оскар Пауль К. (1884 г.р.), который проходил по уголовным делам в 1948, 1949, 1951, 1968, 1974, 1976 гг.

Благодаря российскому историку Ивану Ивановичу Ковтуну, удалось прояснить военную историю 861-го, как выяснилось, земельного стрелкового батальона (Landesschutzen-Btl. 861). Он до нападения на СССР дислоцировался на территории XVII, потом XII военного округа. Батальон входил в состав 412-й дивизии особого назначения. В 1941 году личный состав батальона действовал на Восточном фронте в районе Барановичей и привлекался к охране военнопленных. В 1943 году батальон был переведен в Вильно, затем в Ригу, в 1944 году переброшен в Витебск, затем вновь возвращен в Ригу.

По данным Ф. Блюмковского, 861-й батальон прибыл в район г. Барановичи уже в июне 1941 года (!), его 2-я рота была задействована в охране Леснянского лагеря.[229]

По воспоминаниям жительницы д. Миловиды Ирины Нестеровны Лешик, в охране Леснянского лагеря были задействованы литовцы. Именно они отпустили белорусскую семью Лешик из лагеря за кожаный ремень, который отдал коллаборационистам ее глава Нестер Игнатьевич.

Какие превратности войны! Получается, что мой русский дедушка доброволец столицы Буренин Иван Матвеевич (1912-1990) в 1944 году в составе 158-й стрелковой дивизии 2-го формирования (бывшей 5-й Московской стрелковой дивизии) штурмовал Витебск, где в тот момент среди оборонявшихся немецких соединений находился 861-й батальон. Тот самый батальон, военнослужащие которого охраняли Леснянский лагерь, в который

[229] НАРБ Ф.1363 Оп.1 Д.238. Л.8-9; https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203586-iz-proto

весной 1943 года была насильно доставлена из Калужской области семья Ивана Матвеевича – жена Пелагея Филипповна (1913-1985) и двое малолетних детей Люся (1936-2021) и Толя, 1938 г.р. И наш семейный герой войны, мой русский дед, шел августовским днем 1944 года от ж/д ст. Лесная по той самой дороге скорби, по которой гнали его семью в шталаг-337, к дому белорусского праведника, спасшего его жену и детей.

Фото 13. Дорога скорби от железнодорожной станции «Лесная» до дер. Березовка Барановичского района. 2018 г. Фото автора

Узников в шталаге-337 изматывали долгие стояния на плацу на перекличках и поверках. Их травили овчарками. Политработников и евреев беспощадно уничтожали. Последних выявляли, заставляя подозрительных спускать брюки и галифе, произносить фразу «На горе Арарат растет красный виноград». Прошедших проверку на обрезание и картавость в отместку, что подозрения не подтвердились, избивали, нередко до смерти. О жестоких избиениях узников в Леснянском лагере рассказывал танкист-рядовой Борис Антонович Попов[230] (1922-2022) в своей книге «Еще о войне. Автобиографический очерк одного из пяти миллионов». Били фашисты, били комбаты-предатели, били зажатым в кулаке кастетом, плетками с железным наконечником, палками; походя и целенаправленно, ради развлечения и без всякого повода. Во всем этом особенно усердствовали немец фельдфебель Венцель и полицай Гришка Довгунок.

Если гитлеровцы узнавали, что военнопленный был добровольцем, то к нему относились более жестоко. В дело вступали такие полицейские - «западенцы», как Нестор Чернобай (приговорен Военным трибуналом Белорусского военного округа к 15 годам лишения свободы), которые зверски избивали узников заполненными песком шлангами от противогазов и которые прикрывали свое заурядное предательство рассуждениями об украинском национализме.

---

[230] Попов Б.А. «Еще о войне. Автобиографический очерк одного из пяти миллионов». Литагент Супер-издательство, 2017; https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/356994-boris-popov-eshhe-o-vojne-avtobiograficheskij-ocherk-odnogo-iz-pyati-millionov.html

Фото 14. Обвиняемый Чернобай Нестор Дмитриевич на минском процессе 1967 г. Кадр из киноленты «У последней черты». Фонды Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов

В душегубки загонял военнопленных офицеров Красной армии командир украинской сотни Андрей Ярош, бывший школьный учитель химии и командир отделения 700-го стрелкового полка 121-й стрелковой дивизии (приговорен Военным трибуналом Белорусского военного округа к расстрелу). Замечу, что он был из того кадрового соединения РККА, которое несколько недель находилось за линией фронта и при этом сохранило себя, как боевую единицу, попало в окружение, разделилось на части, но не было расформировано. Его сослуживцы находились в шталаге-337 в качестве военнопленных.

Изощренно издевался над узниками переводчик-фольксдойче Егор Штумпф (приговорен Военным трибуналом Белорусского военного округа к расстрелу). Поражают цифры об ежедневной смертности в лагере, которая в иные дни доходила до несколько сотен человек. Здесь время от времени свирепствовал сыпной тиф, заболевший которым был обречен. Дикие сцены происходили при раздаче пищи. Обезумевших от голода людей полицейские дубинками загоняли в очередь и отсекали ее. От тесного плаца до котлов было 30 метров и проход этого расстояния сопровождался массовыми избиениями военнопленных. Причинение физической боли узникам, по словам М.А. Жилина, было системным.

Фото 15. Обвиняемый Ярош Андрей Михайлович, бывший командир украинской сотни, на минском процессе 1967 г. Кадр из киноленты «У последней черты». Фонды Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов

Фото 16. Обвиняемый Штумпф Егор Иванович, бывший переводчик украинской сотни, на минском процессе 1967 г. Кадр из киноленты «У последней черты». Фонды Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов

При всем том ужасе, в Леснянском лагере проводились православные богослужения. Состоялся в январе 1942 года Рождественский молебен, в котором принял участие регент из военнопленных. Зондерфюрер Мюллер, виртуозно матерившийся по-русски, на Пасху раздавал у комендатуры хлеб. Для мусульман среди военнопленных нашелся и мулла.

Шталаг-337. Масштаб преступления

По моему оценочному мнению, с учетом рабочих команд и этапов насильно угнанных гражданских лиц из прифронтовых зон, в основном Леснянском лагере, в его карантинном лагере и в его барановичском отделении суммарно **погибло не менее 110 тысяч человек**. Нехитрый подсчет официальных данных по захороненным в братских могилах с госномерами: 426 (у д. Тартаки к северо-западу от д. Березовка, 12 785 чел.); 428 (мемориал 1983 г. между деревнями Березовка и Тартаки, 57 371 чел.), 430 (памятник 1958 г. на ст. Лесная, 2 350 чел.); 5 538 – (памятник 1964 г. на Слонимском шоссе в черте города Барановичи, 31 000 чел.) уже дает итоговую цифру в 103 506 человек. И при этом, не берется в подсчет захороненные военнопленные на юго-западной части д. Березовка (памятник 1959г.), а также в десятках населенных пунктов Барановичского района и в местах дислокации рабочих команд от шталага-337. Отдельный вопрос по слуцкому отделению.

Фото 17. Погибшие военнопленные шталага-337. Фото из фондов Барановичского краеведческого музея

Общепринятая растиражированная цифра – 88 407 человек. Она не выдерживает серьезного анализа. По этому важному вопросу направлено обстоятельное обращение в Следственный комитет Республики Беларусь.

Укажу на еще на одну цифру. В акте Новомышской районной комиссии содействия Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) от 08 апреля 1945 года утверждается, что в районе оккупантами было уничтожено 60 199 военнопленных. Все эти жертвы, безусловно, имеют отношение к шталагу-337. Ответственность за злодеяния была возложена, помимо других, на капитана Миллера, «коменданта лагеря для военнопленных в д. Лесная». В документе упоминается и некий Рееленко (Кееленко) «немец, офицер, комендант д. Лесная». В бывшем Новомышском районе комиссией выявлено 219 захоронений, в т.ч. 142 индивидуальные могилы и 77 братских. В исследовательский оборот включены документы[231], в которых фигурируют свидетели военных преступлений, наряду с другими, жители и Леснянского сельсовета: Шкапр Феликс Моисеевич (д. Лесная), Хиневич Бронислав Антонович (д. Тартаки), Шишковский Степан Владимирович (д. Гута).

Следует принимать во внимание еще одно важное обстоятельство. Шталаг-337 не был исключением, когда немцами весной 1944 года проводилась секретная операция под кодовым названием «**Акция 1005**». Специальной зондеркомандой по разработанной технологии проводились продуманные работы по уничтожению следов преступлений. Из братских могил доставались трупы, складировались вперемежку с дровами и хворостом, обливались соляркой и сжигались. Пепел закапывали, кости перемалывали. При этом, не забывали отделить золотые зубы и коронки. Всю черновую работу делала рабочая команда из числа военнопленных, которых по завершении работ самих уничтожили. Свидетелей не осталось, велся минимальный документооборот. При этом, место злодеяний облагораживалось, высаживали кусты. Сколько таким образом ушло в небытие останков узников, можно только догадываться. А в окрестностях Леснянского лагеря в радиусе до 5 километров, по свидетельствам местных

[231] ГАРФ, Ф. Р-7021. Оп.87 Д.177. Л.33-33об, Д.102. Л.115-115об; Д.103. Л.174-174 об.; подлинник: ЗГАБар. Ф 616. Оп.1. Д.70. Л.65-65об; Сборник документов «Без срока давности. Беларусь. Брестская область», документ № 122, с.168-169;
https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/knigi_bsd/bsd_brest.pdf

жителей, имеется большое количество одиночных и групповых захоронений. Недавние эксгумации останков расстрелянных людей военнослужащими 52-го отдельного поискового батальона Минобороны Республики Беларусь при участии Барановичской межрайонной прокуратуры это только подтверждают. В мае 2022 года в лесу рядом со Слонимским шоссе недалеко от д. Тартаки обнаружено групповое еврейское захоронение размером 6 на 8 метров.[232] Здесь с местным топонимом «жидовыя ямы», недалеко от шталага-337, немцами было расстреляно, по воспоминаниям местных жителей, около 60 человек. Уроженец д. Тартаки Анатолий Владимирович Севрук, опираясь на воспоминания отца, по собственному почину установил здесь звезду Давида из нержавейки.

В акте Слуцкой городской комиссии Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) имеются данные[233] о двух ямах-могилах. Численность захороненных – 12 780 человек – комиссия установила исходя из расчета на 1 куб. м – 5 трупов. При этом был установлен вопиющий факт, когда в 1942 году внутри лагеря немцы сожгли целый барак с больными сыпным тифом 600 военнопленными. Как велся подсчет Барановичской горкомиссией ЧГК на месте массовых захоронений [234], неизвестно. Эти данные 1944-1945гг. желательно было бы сравнить с результатами эксгумаций останков узников шталага-337 в 1967 году. Проживающий ныне в д. Березовка рядом с территорией бывшего лагеря Гордейчик Владимир Федорович, 1948 г.р., наблюдал с другими местными жителями процесс второй эксгумации 1967 года, проводимой в рамках уголовного процесса над изменниками Родины. И он лично видел в черепах жертв характерные пулевые отверстия, что наглядно опровергало доводы привлеченных к суду в том же 1967 году полицаев, что большинство смертей было ненасильственными, естественными. Хотя трудно назвать естественной смерть от спровоцированных голода и болезней. Факт расправ был убедительно доказан.

[232] ИД «Беларусь сегодня», 21.05.2022, https://brestcity.com/blog/tartaki-rasstrel; https://www.sb.by/articles/tragediya-v-tartakakh.html

[233] НАРБ Ф.1363 Оп.1 Д.222 Л.18; https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203570-akt-slutskoy-gorodskoy-komissii-chgk-ob-obsledovanii-mest-zahoroneniya-voennoplennyh-lagerya-v-g-slutske-slutsk-19-sentyabrya-1944-g

[234] НАРБ. Ф.845. Оп.1 Д.56 Л.18-26, 28; https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203539-iz-akta-baranovichskoy-gorodskoy-komissii-chgk-o-prestupleniyah-sovershennyh-gitlerovtsami-v-g-baranovichi-i-ego-okrestnostyah-baranovichi-1-yanvarya-1945-g

Сколько в шталаге-337 единовременно содержалось узников, также вопрос открытый. Официальная цифра – до 75 тысяч человек. Она явно различна в разные периоды истории лагеря. К тому же с весны-лета 1943 года военнопленных начали активно замещать мирными людьми, семьями с детьми. Шел процесс передислокации, перемещения, перераспределения узников до официального расформирования шталага-337 в январе 1944 года. При этом, некие лагерные структуры продолжали функционировать на месте Леснянского лагеря до 01.07.1944 года. Об этом есть данные из учетных партизанских документов трех бывших узников – военфельдшера Морозова Василия Степановича[235], 1920 г.р., Горбунова Николая Яковлевича[236], 1922 г.р., Свириденко Ивана Федоровича[237], 1924 г.р. Отдельная тема о размещении попеременно с конца января по июнь 1944 года в бараках Леснянского лагеря групп казаков Стана Походного атамана С.В. Павлова.

Большой проблемой является и вопрос о том, сколько всего узников прошло через шталаг-337. Возьмем в расчет 2-х недельную продолжительность карантина, количество ежемесячных прибытий и отправок узников, количество задействованных на работах вне лагеря, наполняемость эшелонов, показатели смертности по всем местам сосредоточения. Все эти факторы имеют в серьезном анализе бесспорное конкретное временное значение. Но не все они в должной степени изучены.

До сих пор нет внятного ответа, все ли категории военнопленных были учтены при регистрации, упоминались ли в немецких отчетах те, которые были расстреляны на месте, не доехали до лагеря, умерли в дороге и были выброшены из эшелонов. Отсутствует и серьезный анализ регистрационных данных. Если принять, что числовое значение опознавательного номера военнопленного равно общему количеству военнопленных, зарегистрированных лагерем, то, по данным белорусского исследователя Е.В. Казаковой, можно, например, предположить, что через шталаг-352 с момента его создания вплоть до июня 1944 года прошло не менее 56 464 человек.[238] Очевидно, что это промежуточный результат и проблема сложнее.

[235] https://partizany.by/partisans/158279/

[236] https://partizany.by/partisans/158195/

[237] https://partizany.by/partisans/158434/

[238] Статья «Электронная база данных. Советские военнопленные: новые возможности исследования»; https://ru.stsg.de/cms/sites/default/files/dateien/texte/%20Inhalt_ru.pdf

По всем шталагам можно утверждать, что число военнопленных, прошедших через лагерь, значительно больше числа прошедших регистрацию.

Точно известно, что в вагон загоняли по 80-100 человек, т.е. в два раза больше установленной вместимости. И уже было не до нар, печек, бочек с водой, отхожих мест. Если брать в расчет грузоподъемность двухосного стандартного вагона «паровой» эпохи в 20 тонн и состав поезда в 20 вагонов, то за один перегон можно было переместить не менее 2-х тысяч узников. А количество этапов в месяц было от двух до четырех. И получается, что **через шталаг-337 прошло не менее 300 тысяч военнопленных.** Эта оценочная цифра основана на допущении, что продолжительность активной преступной деятельности шталага-337 была 28 месяцев при самом минимальном ежемесячном количестве перемещений узников. Следует учитывать и логистику этапов непосредственно из отделений шталага-337, когда перемещение военнопленных производилось в других направлениях, минуя ст. Лесная. Из того же города Барановичи шли этапы в Прибалтику. В Леснянском же лагере формировались этапы строго на Запад (Польша, Германия, Австрия и т.д.). Для этого военнопленных активно перебрасывали из отделения в отделение. Укажу на отдельные большие этапы военнопленных: 22.05.1942 г. в шталаг-318 в Ламсдорфе на территории современной Польши, 11.08.1942 г. в шталаг- 304 в Цайтхайне на территории земли Саксония в Германии.

Упоминавшийся ранее выживший военнопленный Д.Т. Чиров указывал, что из г. Барановичи в Ламсдорф с ним было отправлено порядка трех тысяч человек. Они прибыли к месту назначения 14.10.1941 г. Через неделю в шталаге-318 оставалось в живых около половины из этого этапа.

Сошлюсь на показания[239] заместителя коменданта Бобруйского лагеря для военнопленных № 2 на минском процессе 1946 года над военными преступниками Карла Лангута, 1898 г.р., осужденного к смертной казни через повешение. Он указывал на транспортировку в декабре 1941 года на 50 открытых платформах 3 200 военнопленных. К чему привел такой варварский способ перемещения? Большая часть военнопленных погибла. Кстати, таким же составом смерти в том же декабре 1941 года было

[239] https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/242299-iz-dopr

перемещено более 1 тысячи военнопленных из Барановичского лагеря в Бобруйский дулаг-131. Этот дулаг располагался в трех белорусских городах – Бобруйске, Барановичах, Слониме. Еще одно свидетельство того же капитана К. Лангута: в Слуцк пешком было отправлено 2 000 военнопленных, до места назначения дошло мало. Он же указывал, что слуцкий лагерь охраняли военнослужащие 221-й охранной дивизии, что профессор Борман из 9-й армии в лагерях военнопленных занимался апробированием лекарств для борьбы с сыпным тифом.[240]

Перемещение узников шталага-337 в лагеря военнопленных в Европе

По записям в учетных трофейных документах военнопленных можно представить географию перемещений невольников из шталага-337 по странам. Большинство узников находим в лагерях Польши и Германии. Это шталаги на польской земле: 308 (VIII A, Нойхаммер, ныне поселение Свентошув Нижнесилезского воеводства), 312 (XX C, Торн, ныне г. Торунь Куявско-Поморского воеводства); 316 (д. Воля Сухожебрская Мазовецкого воеводства); 318 (Ламсдорф, ныне сельская гмина Ламбиновице Опольского воеводства), 344 (VIII B, VIII F, Ламсдорф, ныне г. Цешин Силезского воеводства на границе с Чехией); 366 (г. Седльце Мазовецкого воеводства). На территории Германии шталаги: 304 (IV H, Цайтхайн, ныне община, земля Саксония); 310 (X D, ныне коммуна Витцендорф, земля Нижняя Саксония); 321 (XI D, Фаллингбостель, ныне г. Бад-Фаллингбостель, земля Нижняя Саксония); 326 (VI K, Штукенброк-Зенне, земля Северный Рейн-Вестфалия); X B (коммуна Зандбостель, земля Нижняя Саксония).

Куда более скромные в количественном отношении этапы направлялись в лагеря на территории Польши: № 333 (д. Коморово Мазовецкого воеводства, рядом с г. Острув Мазовецки), VIII A (недалеко от г. Горлиц, ныне г. Эгожелец Нижнесилезского воеводства) и в шталаги на территории Германии: № 365 (около г. Флосенбюрг, земля Бавария у границы с Чехией), V C (г. Оффенбург, земля Баден-Вюртемберг), лагерь Luft 5 (г. Вольфен, земля Саксония-Анхальт). Скорбный список ими не исчерпывается, имеются

[240] «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15-29 января 1946 года)», Госиздат БССР, Минск, 1947, с.341-347, https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/267925

сведения по лагерям II D, III A, V B, V G, V K, VI A, VI C, XI B, XI D, XI IF и другим.

Нашлись узники из шталага-337 в Австрии. Это шталаги XVIII A (около г. Вольфсберг, земля Каринтия); XVIII C (Марк Понгау, земля Зальцбург); XVII A (пос. Кайзерштайнбрух, земля Бургенланд); лагерь в г. Фрайштадт (земля Верхняя Австрия).

В Чехии отметился шталаг IV C (г. Вистриц, ныне город-курорт Дуби). Даже в Норвегии в шталагах № 330 (м. Алта, ныне коммуна и город Алта в провинции Тромс-ог-Финнмарк) и № 303 (Лиллехаммер, ныне город и коммуна в губернии Оппланн) побывали узники из Белоруссии.

Ситуация на территории бывшего СССР в этом отношении не менее трагична и не менее проблематична в плане исследования. По любому лагерю советских военнопленных есть много вопросов и неясностей. По прибалтийским странам: это шталаги №№ 336 (Каунас), 350 (Рига), 361 (Шауляй), 340 (Даугавпилс) и офлаг Калвария (Литва). В последний лагерь направлялись из шталага-337 офицеры, часть из которых оказалась в офлаге 62 (XIII D, на территории полигона Хаммельбург в Нижней Франконии). По России: это немалый список шталагов и дулагов (Гатчина, Бежецк, Луга, Новгород, Можайск, Сурож и т.д.). Имея в виду тему истории Московского народного ополчения, ставлю на первое место лагеря военнопленных в Вязьме, Смоленске, Дорогобуже, Ржеве, Рославле, Спас-Деменске, Оленино. Ряд военнопленных оказались в шталаге-337 из лагерей на территории Украины (Конотоп, Чернигов, Харьков, Кировоград и т.д.).

Яркое представление о перемещениях военнопленных дает лагерная эпопея московского ополченца с 03.07.1941 г. **Бешлияна (Бешлияж) Христофора Никитовича**[241], 1899 г.р., уроженца Новочеркасска, военинженера 3-го ранга 3-го стрелкового полка 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы. Пленен 03.09.1941 г. По март 1943 года находился в лагерях Рославля, Брянска, Орла, Бобруйска, на станции Лесная. С 13.04.1943 по 15.04.1944 был в штрафных лагерях Деблин и Седльце на территории Польши. С 17.04.1944 г. по 11.04.1945 г. трудился в составе рабочих команд по постройке бараков в лагерях Германии. После освобождения и проверки направлен 22.09.1945 г. из спецлагеря № 269

[241] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93749386

в 43-й запасной стрелковый полк 5-й запасной стрелковой дивизии в г. Козельск. Убыл 11.11.1945 г. к месту жительства по демобилизации. Имел гражданскую специальность инженера по гидротехническому строительству. До войны проживал в пос. Икша ныне Дмитровского г.о. Московской области.

Имеются факты реверсивного передвижения потоков узников. Отдельные военнопленные из г. Барановичи и со ст. Лесная попадали в лагеря ныне Калининградской области. Это шталаги I A (с. Штаблак у г. Прейсиш-Эйлау, ныне г. Багратионовск) и I B (Хохенштейн, ныне г. Ольштынек Варьминско-Мазурского воеводства). Возможен другой вариант пребывания этого лагеря – Хоенштайн, ныне пос.Краснополье).

Показательна судьба военнопленного Абдикеева Измаила Ахмеджановича[242], 1923 г.р., уроженца Саратова. Он прошел лагеря в Орше и в Барановичах. И оказался в эсесовском концлагере Штуттгоф на косе Фриш Нерунг (ныне российская Балтийская и польская Висленская косы). Этот лагерь имел 210 рабочих команд (филиалов)! О нем оставил воспоминания бывший узник профессор Балис Сруога[243] (1896-1947). Это были одни из первых мемуаров в Европе о концлагерях. Они были написаны в 1945 году. Литовец четко указывает, что «в наказание за совершенные преступления военнопленных отправляли в концентрационный лагерь», и они появились в Штуттгофе осенью 1944 года, в т.ч. из шталага-337.

Согласившихся стать легионерами немецких национальных формирований отправляли на сборы и подготовку в шталаг-361/B в г. Седльце Польши. Инвалидов (калек, нетрудоспособных) перемещали в шталаг-342/Z в г. Глубокое – вспомогательный лагерь Молодечненского шталага. Так, туда из Леснянского лагеря отправили 17.11.1942 г. рядового Бийзикина Ертиспая[244] с лагерным номером 40199 (!) и фельдшера Федорову Клавдию Макаровну[245], 1919 г.р. Этот спецлагерь для инвалидов существовал с 15.04.1942 до осени 1943 г., когда в д. Березвечье (ныне северная часть райцентра Глубокое) стали прибывать интернированные итальянцы. К

[242] https://historyrussia.org/otdeleniya/saratov/zavershilsya-onlajn-proekt-ryadovye-pobedy-posvyashchjonnyj-75-letiyu-okonchaniya-vov.html

[243] Сруога Б. «Лес Богов», Вильнюс, 1958, http://www.lib.ru/MEMUARY/KONCLAGER/les.txt

[244] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero29152978

[245] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen915402812

слову, Глубокский лагерь отметился массовым побегом военнопленных, когда 20.10.1941 г. из-за невыносимых условий содержания, по свидетельству, данному Г.Г. Мальковым 19.04.1948 г., из лагеря бежало 3 000 человек[246].

В Белоруссии в плане перемещений военнопленных со шталагом-337 были тесно связаны лагеря Минска, Бобруйска, Слуцка, Молодечно, Могилева, Орши, Витебска, Клецка, Гомеля, Гродно, Глубокое, Кричева, Ивацевичей, Лиды, Столбцов и др.

Во всех этих местах обнаруживаются московские ополченцы. Так, научный работник, вузовский преподаватель, уроженец Киева **Алексей Николаевич Дубовиков**[247] (1905-1984), воевавший командиром отделения 1292-го стрелкового полка 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы, попал в плен под Вязьмой 10.10.1941 г. и далее в лагерь на ст. Лесная. Работал переводчиком в г. Барановичи в лазарете для военнопленных, в г. Молодечно при рабочей команде с мая 1943 по июнь 1944 г. Прошел тюрьму в Лейпциге, концлагеря Флоссенбург и Дахау. Из последнего был освобожден 29.04.1945 г. и направлен в 180-ю спецкомендатуру в румынский г. Сигет. После прохождения проверки в 55-йом запасном полку 5-й запасной стрелковой дивизии был отправлен 21.09.1945 г. к месту жительства. Награжден юбилейным Орденом Отечественной войны 2-й степени. После войны – литературовед, автор учебника «Родная литература. Хрестоматия для 5 класса» (1941) стал кандидатом филологических наук, одним из редакторов (1959-1984) непериодического научного издания «Литературное наследство», органа Института мировой литературы им. Горького.[248]

Алексей Николаевич Дубовиков, как историк русской литературы XIX-XX вв., литературный критик, сотрудник издательства ИМЛИ АН СССР, подготовил материал для серии плакатов из шести листов, разработанных Государственным Литературным музеем к 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. Автор ряда научных работ, был участником переговоров о творческом наследии И.А. Бунина с наследником

имущества и архива писателя

[246] НАРБ Ф.1363 Оп.1 Д.1168 Л.42-43, https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203549-iz-proto

[247] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero32400295

[248] https://archivogram.top/34837855fotokopiya_dubovikov_aleksey_nikolaevich_kandidat_filologicheskih_nauk_odin_iz_redaktorov_literaturnogo_nasledstva; https://www.litnasledstvo.ru/site/authors).

Л.Ф. Зуровым.[249]

Другой выживший в плену ополченец-преподаватель, командир взвода химзащиты 1282 стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы, военинженер (интендант) 3-го ранга Алексей Алексеевич Давыдов[250], 1901 г.р., был пленен в октябре 1941 года под Вязьмой, прошел через лагеря Молодечно, Глубокое, и далее в лагерях Литвы и Германии. А Максим Иванович Демидов[251], 1911 г.р., командир взвода боепитания 1286 стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы, плененный 13.10.1941 г. под Вязьмой, находился в плену в г. Гродно до 18.05.1942 г.

До конца лета 1943 года Леснянский лагерь был местом значительного сосредоточения лиц, изъявивших желание встать под нацистские знамена. Об этом красноречиво свидетельствуют трофейные документы, размещенные на портале «Память народа». Так, в персональной карточке военнопленного на сержанта артиллериста Сафина Абдул Азима Сафиновича[252], 1905 г.р., плененный 6.10.1941 г. под Вязьмой, находим запись, что он из шталага-342 в Молодечно, где имел личный номер 15260, был 05.01.1943 г. перемещен в шталаг-337. При этом, указывается лагерь под буквой «W2», т.е. **дополнительный Леснянский лагерь для коллаборационистов.** Бывшего сержанта здесь регистрируют общим порядком под номером 30230, и он 10.06.1943 г. вступает в Волжско-татарский легион (ВТЛ) с номером легионера 5523.

Среди легионеров удалось установить одного московского ополченца Албеткова Мухтара Остановича (Остаповича)[253], 1912 г.р. Этот уроженец Москвы прибыл 06.07.1941 г. года в 62-й полк 21-й дивизии народного ополчения Киевского района г. Москвы. До войны он работал кинооператором. Согласно списку советских художественных фильмов, выпущенных в 1940 году[254], значился ассистентом оператора киноповести в семи частях «На дальней заставе» Сталинобадской студии (ныне г. Душанбе).

---

[249] ИМЛИ, Ф. 575 ОР

[250] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero105249872

[251] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93377437

[252] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978052560

[253] https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat11966669

[254] Журнал «Искусство кино», № 3, 1941г., http://magzdb.org/j/5430

Он был пленен 06.10.1941 г. под Смоленском. В шталаге-337 зарегистрирован под номером 19691. Вступил в ВТЛ, имел номер легионера 4655.

Белорусский историк Е.Н. Мох (Докунова) указывает, что **с 16.09.1943 г. шталаг-337 в Барановичах стал одним из филиалов шталага-352[255] в Масюковщине.** Дополню, что это произошло в силу того, что с весны 1943 года в шталаг-337 (есть данные по отделениям, что раньше) нарастающим потоком стали прибывать пешие и железнодорожные этапы насильно угоняемых из прифронтовых зон областей России и Белоруссии мирных граждан, в т.ч. семей с детьми. Леснянский лагерь, как место пребывания военнопленных, стал постепенно терять свое значение. Военнопленных узников шталага-337 с лета и до конца августа 1943 года поэтапно перераспределяли по другим лагерям округа (в т.ч. перемещали в г. Барановичи), спешно вывозили на запад.

Во всех этих местах сосредоточения военнопленных могут найтись и обнаруживаются бойцы Московского народного ополчения. Отдельный вопрос по Италии. Инициированная автором в 2021 году международная конференция «22 июня 1941 года – роковая дата Европы»[256] при поддержке Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Посольств РБ и РФ в Италии, хотя и ввела в онлайн-формате тему о пребывании шталага-337 в Ломбардии на международный уровень, но и показала, насколько она не изучена и, что она до сих пор находится в забвении у историков и в Италии, и на постсоветском пространстве.

До настоящего времени известна одна публикация о пребывании шталага-337 за пределами Белоруссии[257]. В ней, помимо всего прочего, имеются любопытные сведения о боевых действиях белорусских партизан

[255] Е.Н. Докунова «За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги», Беларуская думка, 94-99, https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_424212.pdf

[256] https://www.fashionluxury.info/ru/%d1%81%d0%be%d0%b1%d1%8b%d1%82%d0%b8%d1%8f/2021/06/21/%d0%bc%d0%b5%d0%b6%d0%b4%d1%83%d0%bd%d0%b0%d1%80%d0%be%d0%b4%d0%bd%d0%b0%d1%8f-%d0%ba%d0%be%d0%bd%d1%84%d0%b5%d1%80%d0%b5%d0%bd%d1%86%d0%b8%d1%8f-22-%d0%b8%d1%8e%d0%bd%d1%8f-1941-%d0%b3%d0%be/

[257] Статья «Итальянский период шталага № 337», https://www.rubon-belarus.com/repressii/it-period-shtal337.html

против итальянских частей. Эти данные уже имеют серьезное дополнение.

Сравнительно недавно на портале «Бессмертный полк. Набережные Челны» удалось обнаружить однозначные сведения о пребывании советских военнопленных в шталаге-337, находившемся в г. Мантуе в Италии. Речь идет об уроженце Татарстана Гиниятове Кутдусе Гиниятовиче[258] (1905-1977), рядовом 4-й танковой бригады, попавшем в фашистский плен 7.10.1941 г. под Вязьмой.

Попутно отмечу, что арабские номера получали лагеря в основном на оккупированной территории. **Нумерация лагерей шла не по территориальному признаку, а по лагерным командам.** В случае перемещения лагерной команды из одного места в другое, принявшему ее лагерю давался номер прибывшей команды. Именно так случилось и в нашем случае, когда в итальянскую Мантую была переведена лагерная команда из Белоруссии, и на месте лагеря Градаро (на южной окраине города) образовался шталаг-337. По английским источникам из Национального архива Великобритании[259], в соответствии со ссылкой «WO 224/53», можно утверждать, что лагерная команда-337 прибыла в Ломбардию в ноябре 1943 года. Эти английские материалы до сих пор исследователями не востребованы.

Встают и другие вопросы. А как была организована регистрация узников, как учитывались рабочие команды и узники во временных лагерях при опорных пунктах и на местах подневольных работ? В них, несомненно, были московские ополченцы. Так, по свидетельству Михаила Вениаминовича Темкина[260], 1917 г.р., вновь прибывшим в концлагерь Дахау присваивались очередные порядковые номера независимо от того, сколько заключенных из этого лагеря погибло или вывезено в другие места. А в концлагере Маутхаузен вновь прибывшим заключенным давали номера только погибших. Не так быстро, как хотелось бы, но изучение архивных документов постепенно проясняет ситуацию по всем этим сложным и неоднозначным направлениям поиска и исследования.

---

[258] https://www.moypolk.ru/soldier/giniyatov-kutdus-giniyatovich

[259] https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C11604300

[260] Темкин М.В. «Воспоминания узника нацистских концлагерей». Военная литература, 2013, http://militera.lib.ru/memo/russian/tyomkin_mv01/index.html

Частично ответ находим в записках упоминавшегося М.А. Жилина. Он участвовал в переписи военнопленных, заполнял анкеты. После регистрации узнику на руки выдавалась **картонка (ее военнопленные называли «номер») размером с ж/д билет, где стоял штемпель лагеря, были указана фамилия с инициалами и присвоенный номер.** Этот документ, удостоверяющий личность военнопленного, надлежало хранить и его наличие гитлеровцы проверяли.

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется несколько десятков персональных карт (Personalkarte I) военнопленных, на которых четко обозначен номер шталага-337. По 1941 году это карты с фотографиями красноармейцев, плененными, начиная с конца июля по конец октября; по 1942 году – преимущественно, пленение в июне-августе, но уже включая офицерский состав. Причем, фотографировали военнопленных и в основном лагере «W», и в карантинном «Q», и в барановичском отделении «Z». Так, рядовой Курамшин Леонид Степанович[261], 1908 г.р., оказавшийся 26.07.1941 г. в плену, в лагере «Z» имел лагерный номер (л.н.) 889. А плененный ранее 21.07.1941 г. рядовой Болосев Петр Дорофеевич[262], 1916 г.р., получил в шталаге-337 личный номер 9104, поскольку был доставлен в лагерь позднее Курамшина Л.Н. Не менее стремительный рост зарегистрированных наблюдался и в основном Леснянском лагере. Находившийся в плену с 23.07.1941 г., рядовой Зуев Евгений Сергеевич[263],1918 г.р., имел там л.н. 35365 (!). Для полноты картины могли бы быть полезными развернутые автобиографии военнопленных с точной датировкой этапов их лагерного пути. А такие имеются и ждут своего вдумчивого исследователя.

Важное свидетельство предоставил один из основателей и руководителей до войны Союза воинствующих безбожников Михаил Менделеевич (Маркович) Шейнман (1902-1977), уроженец Слуцка, батальонный комиссар 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы, редактор дивизионной газеты «За Родину». Он попал в плен раненным 27.10.1941 г. под Вязьмой. С февраля 1942 г. находился в шталаге-342 в г. Молодечно. По

[261] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen300416694

[262] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen300552120

[263] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero31445187

его воспоминаниям[264] в г. Барановичи в специальный штрафной лагерь «Ост» на уничтожение отправляли из Молодечно и других лагерей Белоруссии неугодных лиц из числа военнопленных, в т.ч. женщин. Оттуда возврата уже не было. Сам Михаил Менделеевич[265] сумел в плену выжить. После войны стал доктором исторических наук (1959), автором трудов по истории католицизма).

Его дополняет Ф. Блюмковский, захваченный в плен советскими войсками бывший охранник шталага-337, который дал показания 09.09.1947 г. на допросе в белорусском г. Речица. Он признался в конвоировании в ноябре 1941 года 20 военнопленных-евреев, которых было немало в Московском народном ополчении, из Леснянского лагеря в г. Барановичи на расправу.[266] И подобных этапов было много, как и расстрелов на месте в ямах неподалеку от Леснянских лагерей, преимущественно на юго-западной окраине д. Березовка. Родной брат моей белорусской бабушки Семен Иванович Лукьянчик (1896-1982) знал об одном конкретном месте погребения расстрелянных и умерщвленных в душегубке военнопленных. Он случайно стал очевидцем, как недалеко от д. Павлиново похоронная команда сбрасывала трупы в ямы и поспешил незаметно уйти прочь от того страшного места. Попутно замечу, что его сын Анатолий Семенович Лукьянчик (1927-2007) и племянник Анатолий Адамович Каминский (1925-1944), уроженцы д. Березовка, стали партизанами. Последний был легендарным разведчиком дальнего действия в отряде им. Матросова 20-й бригады им. Гризодубовой. Его наградной лист[267] к медали «Партизану Отечественной войны» 2-й степени изобилует фактами боевых действий и диверсий, в т.ч. на ст. Лесная. С ним бок о бок воевало немало бывших военнопленных шталага-337.

Известны факты отправки больших групп военнопленных и мирных граждан из барановичской и столбцовской тюрем на уничтожение в действовавший с

[264] Эренбург И.Г., Алигер (Зейлигер) М.И., Гроссман В.С. «Черная книга». Издательство: Corpus, 2019, https://vtorayaliteratura.com/pdf/chernaya_kniga_1980_text.pdf

[265] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D0%BC%D0%B0%D0%BD,D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

[266] НАРБ. Ф.1363. Оп.1. Д.238. Л.8-9; https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203586-iz-protokola-doprosa-byvshego-voennosluzhaschego-861-go-ohrannogo-batalona-f-blyumkovskogo-o-sluzhbe-v-shtalage-locale-nil-337-na-stantsii-lesnaya-rechitsa-9-sentyabrya-1947-g

[267] https://partizany.by/partisans/75951/

марта 1942 года лагерь Колдычево Барановичского района, который находился в 18 километрах от г. Барановичи по дороге на Новогрудок. Здесь своими злодеяниями отметились местные коллаборационисты из 13-го белорусского полицейского батальона. Трое изменников Родины были преданы суду в 1957 году во Вроцлаве, четверых судили в 1962 году в Барановичах. Указом Президента Республики Беларуси № 364 от 21.12.2005 г. бывший лагерь Колдычево, находившийся в ведении полиции безопасности, получил статус мемориала. В этом немалая заслуга минчанина Юзефа Личуты, семеро родственников которого погибли в лагере в числе 22 тысяч жертв геноцида.

Московский ополченец М.А. Жилин – узник шталага-337

В истории шталага-337 знаковой фигурой является военинженер 3-го ранга **Михаил Анатольевич Жилин**[268] (1903-1958), уроженец с. Мухино Зуевского района Кировской области, из семьи православного священника. Михаил Анатольевич до войны был главным конструктором московского Тормозного завода им. Кагановича. Ушел на фронт в составе 3-го стрелкового полка 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы. Попал 10.10.1941 г. в плен под Ельней. Находился в шталаге-337 с ноября 1941 по февраль 1944 г. Именно он оставил обстоятельные воспоминания о шталаге-337 под названием «В фашистской неволе» (8 частей, 281 страница), которые частично хранятся в Барановичском краеведческом музее.[269] Незадолго до своей смерти его дочь Елена Михайловна Поликарпова (1933-2014) в журнале «Знамя»[270] опубликовала две последние части воспоминаний отца. Благодаря наблюдательному Михаилу Анатольевичу представление о шталаге-337 стало объемным, живым и наглядным.

Михаил Анатольевич в составе колонны военнопленных без еды четверо суток шел пешком из лагеря в Рославле до Смоленска. Здесь их погрузили на открытые платформы по 200 человек на каждую и с остановками на ночь в Орше и Минске доставили на ст. Лесная. С его слов, прибывший этап был направлен на 2-х недельный карантин в пустой одно-

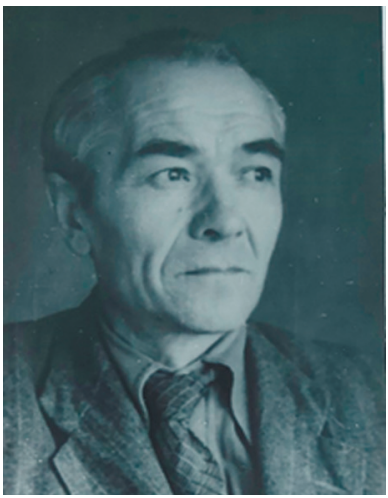
[268] https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat11821407, https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93823129

[269] УК «Барановичский краеведческий музей», КП 15967

[270] Жилин М. «Последние месяцы плена», журнал «Знамя» № 5, 2014; https://magazines.gorky.media/znamia/2014/5

именный лагерь, где было порядка полутора десятков больших казарм. Примечательно указание Михаила Анатольевича о том, что немцами из военнопленных был назначен русский комендант (в звании полковника), который сформировал 4 батальона по 800 человек в каждом. Значит, в железнодорожном этапе было не менее 3 200 человек. И эти люди 10 дней с Рославля оставались без еды! Не удивительно, что при переводе узников в основной лагерь четверть прибывшего этапа осталась в госпитале.

Фото 18. Жилин Михаил Анатольевич (1903-1958), ополченец 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы, военинженер 3-го ранга. Фото из фондов Барановичского краеведческого музея



Важно указание М.А. Жилина о том, что в составе вспомогательной охраны шталага-337 было подразделение прибалтийских националистов, которых сменили украинцы. Попутно замечу, что рабочий лагерь на окраине Минска, где находились мирные люди и военнопленные, охраняли с марта до сентября 1943 года латыши из отряда службы безопасности СД. Об этом свидетельствовал обвиняемый Индрикс Круминьш на допросе 09.08.1945 г.[271] Кстати, этот каратель дал детальное описание душегубки, которая использовалась немцами и в шталаге-337.

Ценно уточнение М.А. Жилина, что в лагере «Норд» имелась штрафная часть, где находились провинившиеся узники и охранники. Здесь 5 суток на голодном пайке были и закончили свой земной путь отказавшиеся воевать за рейх порядка 2 000 итальянских военнослужащих. По воспоминаниям М.А. Жилина, с итальянцами делились своими пайками советские военнопленные. Отказники с Апеннин, среди которых были славяне, пробыли в лагере взаперти 10 дней, и были

[271] ЦА ФСБ РФ, Ф.100 Оп.11 Д.13 Л.15-24, https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354266-protokol-doprosa-obvinyaemogo-kruminsha-indriksa-martynovicha-1921-g-r-urozhentsa-g-rigi-9-avgusta-1945-g

немцами расстреляны осенью 1943 года. Первым об этом писал краевед, историк, директор Барановичского краеведческого музея Станислав Александрович Щербаков (1940-2022). Белорусский режиссер и сценарист Анатолий Иванович Алай в ходе подготовки к съемкам своего фильма «Солдаты Италии» знакомился в Центральном архиве КГБ РБ с документами об уничтожении итальянских военнослужащих в Белоруссии.

Наблюдения и замечания М.А. Жилина по деталям лагерного быта, психологическим аспектам выверены и точны. Именно он поведал о распаляющих воображение фантастических слухах, о потребности выговориться, о массовом «кулинарном» психозе, сменившем апатию. Он четко выделяет первоначальное состояние безразличности ко всему, потом период, когда «барак заговорил», преимущественно о еде. Эта тема была доминирующей, настолько, что составлялись «кулинарные сборники», и бумага резко поднялась в цене. От него узнаем о толкучем рынке в Леснянском лагере, где менялось все и вся: кожаный ремень на закрутку табака, плащ-палатка на спичечный коробок махорки, порция баланды в зависимости от густоты расценивалась от ¼ до пол-пайки хлеба и т.п.; о так называемых «гастрономах» - людях, потерявших человеческое достоинство и облик, рывшихся в помойке на углу плаца (в других лагерях их называли: шмукштуки – люди последней черты отчаяния), искавших что-либо похожее на еду. А пайка хлеба в 200 гр на том же рынке стоила 200-300 руб. Более ценной была махорка, за ее 50 гр просили 700-800 руб. По данным ополченца, госпиталь в лагере «Норд» вмещал порядка 5 тысяч человек, только хирургическое отделение находилось в основном лагере. Михаил Анатольевич дал развернутую характеристику лагерным рабочим командам, немецким лагерным офицерам, комбатам и переводчикам, упомянул о том, что во избежание нападения партизан немецкими саперами и специальной лагерной командой (500 человек) подступы к основному лагерю были особым образом дополнительно защищены рвами, проволокой, минами.

О высокой смертности в шталаге-337 с ноября 1941 по февраль 1942 г. говорят данные Михаила Анатольевича: в 13-м бараке за 4 месяца из 760 человек погибло около 400. Той зимой свирепствовали эпидемии сыпного тифа и дизентерии. С марта 1942 года в лагере появилась чесотка.

М.А. Жилин в разделе «Казнь» описывает трагическую историю гибели московского ополченца, почтенного отца семейства, лет около 40. Этот человек превратился в чудаковатого «комбинатора-спекулянта», изыскивая любую возможность раздобыть еды и курева. Он всем надоедал, приставал к товарищам и охранникам. И волею случая стал подозреваемым в краже, за что комбат посадил его в карцер. Немецкий комендант лагеря дал военнопленным три дня на то, чтобы объявился вор, который умыкнул у комбата голенища. Этого не случилось, и ополченец-заложник, почти потерявший рассудок, в присутствии около 15 тысяч узников был повешен. Как выяснилось позднее, комбат голенища пропил в деревне.

Михаил Анатольевич указывал, что в течение весны 1943 года через Леснянский лагерь прошло много военнопленных из закрывающихся лагерей Смоленской и других областей. И уже к лету того года пустовали возведенные весной и летом 1942 года бараки на присоединенной к лагерю территории.

Одно время М.А. Жилин был в шталаге-337 писарем, обслуживал «азиатский» барак, в котором находились военнопленные 20 национальностей. К осени 1942 года на дополнительном специальном участке лагеря было сосредоточено порядка 6 тысяч представителей нацменьшинств (в т.ч. из других лагерей), изъявивших желание служить фашистам. Он был свидетелем, как накануне расформирования шталага-337 и перевода его в ломбардийский город Мантуя, гитлеровцы уничтожали персональные карточки погибших непосредственно в шталаге-337 военнопленных. Поэтому так мало достоверных персональных данных о тех, кто погиб за колючей проволокой в отделениях шталага-337 и в многочисленных временных лагерях в округе, где располагались лагерные рабочие команды, обслуживающие оккупационную производственную и транспортную инфраструктуру.

М.А. Жилин в своих воспоминаниях четко указывает, что среди десятков тысяч погибших в Леснянском лагере военнопленных большинство было из московского ополчения. А уж он, лагерный писарь, знал, о чем говорит! Таким образом, шталаг-337 в истории судеб военнопленных из Московского народного ополчения на белорусской земле был и остается ключевым звеном. И можно говорить о двух волнах поступления военнопленных-ополчен-

цев в шталаг-337, а именно: в октябре-декабре 1941 и весной 1943 года, когда на Запад перемещались все, кто по какой-либо причине еще оставался в лагерях, которым угрожало наступление Красной Армии.

Сам Михаил Анатольевич оставил свои воспоминания о пребывании после шталага-337 в лагерях Гогенштейна (Хохенштайн/Ольштынек в Восточной Пруссии с февраля по апрель 1944 г.), Ламсдорфа (с апреля по июль 1944 г.), Бисмаркхютте (с июля по август 1944 г.), Герлица (земля Саксония, с августа 1944 по февраль 1945 г.). Из лагеря Лангензальце (Бад-Лангензальца, земля Тюрингия) в составе колонны военнопленных в конце февраля 1945 года отправился пешком в тяжелый этап на запад. Прошел через города Баутцен, Мейсен, Альтенбург, Йена, Веймар, Эрфурт. Последним его лагерем для военнопленных был сборный рабочий лагерь у г. Плауэн (земля Саксония), который 14.04.1945 г. покинули немецкие войска. В город вошли американские соединения, и с ними пришла свобода. В начале мая он был отправлен в советскую зону оккупации. Вернулся в Москву в сентябре 1945 года. Работал главным конструктором специального конструкторского бюро, связанного с метрополитеном. Интересный момент. В своих мемуарах он с теплотой вспоминает москвича Алексея Васильевича Б., которого знал по барановичскому отделению, встретил в лагере Хохенштайна, и с которым прошел часть того самого трагического пути.

Московский ополченец М.Б. Кун – узник шталага-337

Не менее важным свидетелем о шталаге-337 стал еще один московский ополченец Михаил Борисович Кун[272], 1912 г.р., уроженец Курска, красноармеец, командир разведвзвода 1-го батальона 3-го стрелкового полка 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы. Михаил Борисович был участником финской кампании с декабря 1939 по март 1940 г., служил в лыжной разведке в составе 140-го стрелкового полка. До Великой Отечественной войны работал мастером на строительстве дворца Советов при СНК СССР. В июле 1941 г. записался в Народное ополчение, участвовал в Битве за Москву. Был пленен 07.10.1941 г. под Спас-Деменском. В начале лета 1942 г. из шталага-337 его отправил в

[272] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978169315

Германию. В Барановичском краеведческом музее имеются его «Воспоминания бывшего узника «Шталага 337»[273] и текст неоконченной повести «Живые среди мертвых»[274]. В Фрунзенском РВК Москвы 21.02.1979 г. получил удостоверение участника войны. После Великой Отечественной войны работал контролером в отделе охраны Сокольнического района столицы.

Фото 19. Кун Михаил Борисович (1912 – не ранее 1987), ополченец 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы, свидетель на минском процессе 1967 г. Фото из фондов Барановичского краеведческого музея

Михаил Борисович упоминает одного примечательного человека в истории шталага-337, но по другую сторону колючей проволоки – Гордейчика Федора Иосифовича (1896-1977), родного дядю моего отца. Он в повести ополченца проходит как Гордеев Осип Федорович. Но все подробности и описанные вокруг него люди говорят именно о Ф.И. Гордейчике. Этот местный житель по принудительной мобилизации фашистами работал плотником в шталаге-337 и помог, имея связь с партизанами, сбежать в разное время из разных лагерных рабочих команд не менее 50 военнопленным, в т.ч. бывшим ополченцам. Федор Иосифович и Михаил Борисович стали свидетелями на минском процессе 1967 года, по итогам которого предали суду 13 украинских полицаев из украинской сотни шталага-337, организованной гитлеровцами в марте 1942 года. Предатели с усердием, с дьявольским огоньком выполняли свою гнусную работу охранников и палачей. А потом шли за самогонкой из лагеря в д. Тартаки, горланя «Ой, ты Галю, Галю молодая». От их наглости и пьяного куража доставалось и местным жителям.

[273] Кун М.Б., «Воспоминания бывшего узника «Шталага 337», УК «Барановичский краеведческий музей», НВФ 1976, машинопись, 10 л.

[274] Кун М.Б., «Живые среди мертвых», УК «Барановичский краеведческий музей», КП 13010, книга первая и вторая, Москва, 1975.

Фото 20. Гордейчик Федор Иосифович (1896-1977), свидетель на минском процессе 1967 г. Кадр из киноленты «У последней черты». Фонды Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов

М.Б. Кун, рассказывая о Федоре Иосифовиче, указывает, что он направлял надежных, проверенных людей к партизанам. Считаю его связь с партизанским отрядом им. Матросова 20-й бригады им. Гризодубовой установленным фактом. Именно в этом отряде воевал его сын Фадей (Тадеуш, Тадик, как звали его в деревне). На портале «Партизаны Беларуси» имеются сведения о Фадее Федоровиче Гордейчике[275]. Но Михаил Борисович указывает, что партизаном был и второй сын – Эдуард Федорович. Вот это стало для меня неожиданным открытием, которое пока документально не подтверждено. Но совсем очевидным является то, что **шталаг-337 был настоящим полем битвы с оккупантами!**

Должен коснуться личности Федора Иосифовича Гордейчика, который волею судеб стал знаковым человеком в истории шталага-337. Я его хорошо помню. Он был добросердечным, мастеровитым человеком. В годы войны на его попечении были две дочери Лилия и Леокадия, а также три сына Тадеуш, Иосиф, Эдуард. В 1944 году, помогая узникам, умерла от лагерного сыпного тифа его жена Надежда Алексеевна, 1904 г.р. Федор Иосифович был умелым пчеловодом, имел крепкое хозяйство с большим набором сельхозинвентаря, разных механизмов и приспособлений своего изготовления. Для партизан он был незаменимым агентом, поскольку имел пропуск в шталаг-337. И, являясь отличным специалистом по мельничному производству, часто был на вызовах из тех мест, где были мельницы. Общаясь с большим кругом людей, он был ценным источником информации. Немцы подозревали, что он имел связь с партизанами. Из рассказов родственников известен факт об его аресте. В немецкой комендатуре на ст. Лесная Федор Иосифович претерпел допросы с пристрастием. Но, сильно избитым, все же вернулся домой.

[275] https://partizany.by/partisans/146639/

М.Б. Кун рассказывает о событиях в Леснянском лагере периода с начала октября 1941 года по начало мая 1942 года. Примечателен его рассказ о пасхальной заутрене 1942 года на лагерном плацу, в ходе которой была устроена бойня. Отказавшихся подпевать священнику из г. Барановичи, избивали и пристреливали. Под возгласы «Христос Воскресе!» расстрелянных сбрасывали в заранее вырытые рвы. Другая история – о показательных трехдневных порках и избиениях с особой жестокостью на «Октябрьскую». В тот советский праздник 7 ноября, День Великой Октябрьской социалистической революции, всех военнопленных выгнали на плац, где перед ними демонстративно повесили несколько десятков узников.

Попутно укажу, что значительную помощь оказывал военнопленным настоятель собора Анны Праведной в г. Столбцы протоиерей Виталий. В миру Виталий Константинович Богаткевич[276] (1906-1978) организовывал прихожан на адресную поддержку узников. Собирали продукты, вещи; деньги на приобретение медикаментов для больных военнопленных в госпиталях. Проводя в столбцовском лагере совместные с местными жителями богослужения, способствовал побегам военнопленных. Священник был заслуженно удостоен медали «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени.

Продолжу. Из свидетельств М.Б. Куна, участника событий и очевидца. Хлебная пайка узника шталага-337 в 125 гр содержала опилки с лесозавода в Лесной. Общие расходы воды на каждого были не более 2 литров в сутки. Ежедневно из бункера для смертников увозились люди для умерщвления. В ноябре 1941 года на ст. Лесная прибыло два эшелона с военнопленными без верхней одежды, которых вывели из открытых платформ и тут же уничтожили, наскоро забросав землей в логе рядом с железной дорогой. Попутчиками самого М.Б. Куна был пожилой ополченец-политрук по фамилии Гришин; врач Карташев; тяжело раненный полковник, который по прибытии на ст. Лесная скончался, и его труп был сброшен в ров. На всех платформах злополучного состава лежали мертвецы. По пути в лагерь были убиты несколько человек из евреев и политруков. Такой же состав прибыл «почти от самой Вязьмы» и в декабре 1941 года. Дошедших до лагеря военнопленных оставили ночевать на плацу, и утром там

[276] https://partizany.by/partisans/87101/

были уже закоченевшие трупы.

Михаилу Борисовичу довелось поработать в похоронной команде лагеря. Он приводит слова санитара о гибели около 5 тысяч узников с Нового 1942 года. Его шокировала такая смертность всего за месяц. Он прошел через карцер, был на пороге смерти в санчасти и тогда, когда, борясь с куриной слепотой, свалился в клоаку с нечистотами, но был спасен товарищами. Местом оправления был глубокий ров-яма 3 метра шириной и 12 метров длиной, через который были наброшены доски. Здесь погибло немало обессиленных узников, которые были не в состоянии сохранить равновесие и тонули в зловонной жиже. При этом, здесь же проходили встречи узников, происходил обмен вещами.

Помимо расстрелов, системно изуверскими способами гитлеровцы уничтожали в 1942 году командный состав Красной армии, затапливая командиров водой в специальном помещении с применением душегубок. Выявленных на плацу военнопленных-евреев и политработников отводили в сторону, заставляли раздеваться догола и вели к расстрельным ямам. Так поступили и с двумя женщинами в военной форме в первый же день пребывания М.Б. Куна в лагере.

Михаил Борисович называет второго коменданта лагеря – Гофмана, лично участвовавшего в расстрелах. От М.Б. Куна мы узнаем о том, что в женском бараке делами заправляли рецидивистки Тоська Лиховец, Ефросинья Незаметная, некая с блатной кличкой «Мэри счастливая»; а в офицерском бараке группу Сопротивления возглавляли полковник Бугримов, летчик Алексей Мартынов, офицер Евдоким Молебный. В бараках для военнопленных-солдат по заданию администрации орудовали мародеры и провокаторы, так называемые «капо» из уголовников, распространявшие недостоверные слухи, выявляя неблагонадежных.

Показательны свидетельства о принуждении обитательниц женского барака к сожительству с охранниками из украинской сотни. В этом отношении трагична судьба девушки Нади, бойца РККА, которая забеременела от Семена-полицая, и покончила с собой, умышленно отравившись карболовой кислотой. Сам женский барак находился в 200 метрах от офицерского на отдельной дополнительно огороженной площадке. Там находились помимо военнопленных, «девушки и женщины, захваченные еще летом вместе с

детьми на копке противотанковых рвов и траншей».

Данные М.Б. Куна о том, что в шталаге-337 было немало девушек и женщин из числа мирных граждан, подтвердились рассказом работника Управления Пенсионного фонда России в г. Калтан Кемеровской области Шустовой Веры Владимировны о своей маме Мосоловой (в замужестве Медведевой) Лидии Степановне[277] (1923-2008), уроженке Тамбовской области. Та училась в Москве в медучилище, и вместе с другими медиками и работниками московских заводов была мобилизована на трудовой фронт в Смоленскую область рыть окопы. Около Вязьмы они попали под бомбежку, и были захвачены немцами. Невольниц отправили в г. Барановичи. Потом был лагерь на ст. Лесная, где свирепствовал тиф, и многие там умерли. И уже 15.08.1941 г. (!) их вывезли в Германию. Лидия Степановна оказалась в лагере № 5 в г. Тауха (земля Саксония). С 22.03.1942 по 05.06.1944 г. работала на авиазаводе. По 05.02.1945 г. находилась в г. Нордхаузен (земля Тюрингия). Освобождена из плена 10.04.1945 г. американскими войсками. Фильтрацию проходила до 25.07.1945 г. в лагере г. Руланд (земля Браденбург). После Великой Отечественной войны работала в больнице, проживала в пос. Кузедеево Новокузнецкого района Кемеровской области, в г. Калтан.

Испытал ополченец М.Б. Кун и унизительный труд водовоза. Воду в шталаг-337 доставляли в большой бочке на санях, которые тянули за оглобли 10-12 человек. Когда сходил снег, вместо саней использовали повозку, на которой восседал полицай, погонявший и хлеставший кнутом военнопленных. От одного такого удара Михаил Борисович едва не лишился глаза.

М.Б. Кун подтверждает два групповых побега – Ивана-сапожника с его бригадой и бригады военнопленных, работавшей на лесозаводе, а также виртуозно задуманный и состоявшийся побег военнопленного Коли Шараева.

Основательный и скрупулёзный Михаил Борисович для Барановичского музея собрал и систематизировал конкретные факты, которые дополнил своими воспоминаниями и размышлениями. Он четко указывает на охрану лагеря из мобилизованных прибалтийских националистов, на умерщвлении в душегубке мирных граждан с малолетними детьми, которых сбрасывали в ямы у д. Павлиново Барано-

[277] https://sfr.gov.ru/branches/kuzbass/news~2015/04/03

вичского района, на конкретные эпизоды расправ. Так, оскорбленный поваром-садистом и схлестнувшийся с полицаем, ополченец Гришин был жестоко избит. Ему кастетом нанесли тяжелые раны по голове, и вскоре изувеченного человека забрали из барака, после чего он бесследно исчез. Убийство на Пасхальном богослужении Андрея-матроса, который выбил из рук немецкого ефрейтора пистолет. Он пытался защитить ополченца, обозвавшего священника провокатором. Оба были застрелены в упор.

Немало строк посвящено невероятному противостоянию того же награжденного до плена медалью «За отвагу», матроса, который ранее был отдан эсэсовцем Тифенбахом на растерзание специально дрессированному догу Кайзеру, но сумел укротить пса, оставшись с ним наедине в течение трех ночей. Кстати, эта же собака была натравлена на молодого военнопленного-разведчика Максимку и перекусила ему шейные сухожилия за то, что тот плюнул в лицо полицаю Нестору Чернобаю.

Михаил Борисович указывает на жестокую порку танкиста Петра Чугунова, который выдержал 30 ударов плетью, замоченной в бочке с соляным раствором. Его свидетельства об убийствах через повешение его друга Константина Белова (сына комиссара) только за намерение бежать, и двух несчастных азиатов-людоедов. Оказался на виселице и полицай Семен, который на пару с санитаром, снимали клещами золотые коронки у мертвецов, забирали золотые кольца и цепочки. Негодяи не поделили гнусную добычу, и один сдал другого лагерной администрации.

Московский ополченец указывает на военврача Николая Ивановича из Ярославля, которого не взяли работать ни в лазарет, ни в немецкий госпиталь несмотря на его просьбы; на подлые провокационные действия в бараке ст. лейтенанта Казанова, который со временем стал полицаем; на военнопленного по фамилии Метечко, который, попав рабочую команду, был в числе немногих офицеров, не убывших в офлаг Калвария с большинством обитателей барака № 13; на отправленного в г. Барановичи капитана Миронова, с которым находился и подружился в лазарете.

Редкая фамилия Метечко позволила выйти на предполагаемого узника шталага-337. Им оказался лейтенант, командир взвода 24-го стрелкового полка 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы Никифор Семенович

Митечко[278], 1910 г.р., уроженец д. Алферово Издешковского района Смоленской области. Он значится выбывшим 07.10.1941 г. и освобожденным из плена. Однако, в немецкой учетной карточке данных о его пребывании в Леснянском лагере нет. Имеются только сведения о его пребывании в офлаге Калвария под номером 3272 и отправке в шталаг V С, куда он прибыл 31.10.1943 г.

М.Б. Кун четко отмечал, что Андрей Ярош возглавил полицейскую охранную сотню (украинскую сотню) в мае 1942 году. Не менее однозначно М.А. Жилин указывал, что на службе у гитлеровцев на должности комбата был капитан РККА Клеенкин. Он был привлечен лагерным зондерфюрером Вернером к захвату партизан, явочное место которых Вернеру сообщил некий старик. Но собранная зондерфюрером группа сама попала в партизанскую засаду на хуторе. Зондерфюрер партизанами был пленен, и через три недели его труп немцы обнаружили на шоссе в 30 километрах от Леснянского лагеря. Клеенкин же был ранен и после излечения в немецком госпитале стал русским комендантом в шталаге-337. По данным портала «Память народа», Клеенкин Антон Григорьевич[279], 1910 г.р., уроженец Москвы, капитан, помощник начальника штаба 496-го стрелкового полка 148-й стрелковой дивизии значился пропавшим без вести с июля 1941 г. Он служил в РККА с 1928 года. Имеется пометка, что попал в плен, но был освобожден. В отношении него на портале «Бессмертный барак» имеется запись, что Клеенкин А.Г. был осужден[280]. Он же проходит как Клинкин, жена которого проживала в г. Энгельс Саратовской области. Клеенкин А.Г. был исключен из офицерского состава РККА приказом № 91363/пр. от 21.05.1945 г. по Саратовскому областному военкомату.[281]

А вот вопросы, кто разработал операцию по захвату зондерфюрера, каким партизанским отрядом она была проведена, кто в операции участвовал, на каком хуторе это произошло, пока остаются без ответа. Выскажу версию. Лагерный чиновник мог попасть в ловушку отряда Разведуправления Генерального штаба Красной Армии под командованием майора Ивана Николаеви-

[278] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92291522

[279] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92019946

[280] Следственное дело Клеенкина А.Г., ГАРФ. Ф. 10035 УКГБ по Москве и Московской области

[281] https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer12291175

ча Банова (1916-1982). Так, боец этого отряда, замполитрука, москвич Алексей Архипович Самсонов[282] (1915-1997) помимо того, что взорвал теплоэлектростанцию в г. Барановичи, пленил некоего коменданта. Партизанское соединение И.Н. Банова успешно действовало в бывшей Барановичской области.

Замечу, что вклад литературно одаренных М.А. Жилина и М.Б. Куна в сохранении памяти о шталаге-337 сравним с тем, что сделал другой московский ополченец для шталага-352. Это член Союза писателей СССР, ополченец «писательской роты» 22-го стрелкового полка 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы Степан Павлович Злобин (1903-1965), который написал роман «Пропавшие без вести»[283]. Он военкором в составе 24-й армии попал в плен. Затем работал в лазарете санитарного барака для сыпнотифозных шталага-352 Масюковщины. Его свидетельства бесценны.

Контингент лагеря «Норд» шталага-337 составляли «очередники, обреченные на казнь, штрафники из полицаев и безнадежно больные, истощенные голодом и болезнями люди». Лагерь находился справа от шоссе Барановичи – Слоним, за речкой Деревянка. Сведения М.А. Жилина об этом малом (?) Леснянском лагере дополняет бывшая его узница Мария Трофимовна Селиховкина, в замужестве Кулешова[284] (ум. 1998). Центральные ворота лагеря выходили на юго-восток в направлении ст. Лесная, «посреди лагеря высоко стояла комендатура, а в северо-западном углу была камера для особого заключения». Указывает, что баланда была из сечки, к которой добавлялся «кусочек хлеба из каких-то опилок, смешанных с мукой»; что огромные бараки, которые узники именовали «ловушками», были отделены один от другого «рядами колючей проволоки стеной в 4 метра». Комендантом лагеря был немец по фамилии Дречге. Он, в частности, замучил инженера Ивана Васильева, который пытался организовать побег группы мужчин. Есть некоторые основания считать, что Мария Трофимовна все же описывает основной лагерь, что послужило поводом обратиться в КГБ РБ за уточнением имеющихся данных.

После войны Мария Трофи-

[282] https://partizany.by/partisans/87281/

[283] Злобин С.П. Роман «Пропавшие без вести», Москва: Советский писатель, 1962

[284] http://lesnaja.baranovichi.edu.by/ru/main.aspx?guid=32681

мовна начала писать стихи, была руководителем литобъединения «Донские родники» при газете «Маяк Придонья» г. Павловска Воронежской области. В 1982 году она прислала в Леснянскую среднюю школу свои краткие воспоминания и пронзительное стихотворение «Тартаки» с припиской – «О прошлом, о времени, о себе»[285].

Попутно укажу, что в Леснянском лагере с 03 августа по 24 сентября 1942 года находился лейтенант (по гражданскому образованию педагог) Николай Дмитриевич Дудин[286] (1911-2002), получивший после войны звание «Заслуженный учитель РСФСР». Этот награжденный знаком «Отличник народного просвещения», житель г. Зарайска Московской области стал и поэтом. Он в течение 10 лет руководил местным творческим кружком (ныне – литературное объединение «Зарайская лира»). Николай Дмитриевич в своем творчестве глубоко и ярко раскрывает военную тему[287].

Продолжу. В своей книге ополченец М.Б. Кун указывает на своего однополчанина, командира батальона Петра Владимировича Хлебникова[288]. Капитан Хлебников П.В., по данным портала «Память народа», 1898 г.р., уроженца г. Энгельса (современное название) Самарской области, который также служил в 3-м стрелковом полку 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы 43-й армии. Михаил Борисович упоминает и другого сослуживца - комиссара Ермолина, обоих он встретил в шталаге-337 и переживал за их судьбу.

Уходя в составе колонны из шталага-337, Михаил Борисович у лагерных ворот встретил плотника Федора Иосифовича Гордейчика, который его напутствовал. И удивительно, но они встретились в Минске спустя 25 лет! А тогда после шталага-337 М.Б. Кун окажется в шталаге-326 (Зенне, лагерный номер 21298), из которого 29.06.1942 г. будет отправлен в лагерь VI F (Бохольт), куда поступит 15.07.1942 г. Ему доведется в составе колонны военнопленных в деревянных башмаках пройти из Дуйсбурга по территории земли Северный Рейн-Вестфалия, бежать с товарищем Александром Зайцевым,

---

285 http://lesnaja.baranovichi.edu.by/ru/main.aspx?guid=32711

286 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero94697190

287 https://zpk.ucoz.org/index/chtoby_pomnili_chast_ii/0-37

288 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero84696945

встретить в Германии насильно угнанную из Украины девушку Катю, с которой он свяжет свою жизнь.

В воспоминаниях М.А. Жилина находим важные геолокационнные подробности, которые согласуются с планом шталага-337, составленным 08.09.1968 г. бывшим военнопленным В.И. Чугуновым. Оба свидетеля оставили схожие описания инфраструктуры основного Леснянского лагеря. Первый указывает 40 структурных наименований, второй – 46. При этом, В.И. Чугунов отмечает четыре места конкретных злодеяний, о которых пишет в воспоминаниях. Он же показывает место мастерских (портновской, сапожной, столярной), казармы солдат «украинской армии «Вызволения» (по черному лагерному юмору).

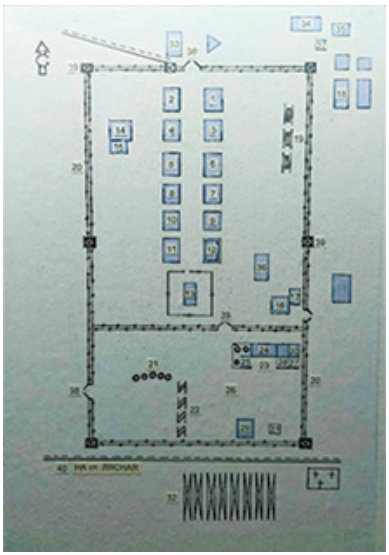
Фото 21 и 22. План-схема шталага-337.

основного лагеря шталага-337. 2023 г. Фото автора

Михаил Борисович Кун от-

Фонды Барановичского краеведческого музея

Фото 23. Восточная граница бывшего



1 -13 • БАРАКІ ДЛЯ ВАЕННАПАЛОННЫХ:
САЛДАТ (1 - 11)
АФІЦЭРАЎ (12)
ЖАНЧЫН (13)
14 • ДОМ ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ ВЕНЦЭЛЯ
15 • КАРЦАР
16 • ШПІТАЛЬ
17 • ЛАЗНЯ, ПРАЛЬНЯ
18 • ДЭЗІНФЕКЦЫЙНАЯ КАМЕРА
19 • ПРЫБІРАЛЬНЯ
20 • ЛАГЕРНАЯ АГАРОДЖА
21 - 31 • ХАРЧАБЛОК ДЛЯ ВАЕННАПАЛОННЫХ
21 - 26 • КУХНЯ:
КАТЛЫ ПАД АТКРЫТЫМ НЕБАМ (21)
КАТЛЫ ПАД ПАВЕЦЦЮ (22)
ПАДСОБНАЕ ПАМЯШКАННЕ (23)
ПАМЯШКАННЕ ДЛЯ ПАВАРОЎ КУХНІ (24)
ПАМЯШКАННЕ СТАРШАГА ПОВАРА І ЯГО ПАМОЧНІКАЎ(25)
ПАМЫЙНІЦА (26)
27 • ПУСТУЮЧАЕ ПОМЯШКАННЕ
28 • ПАМЯШКАННЕ НЯМЕЦКАГА УНЦЕР-АФІЦЭРА – ЗАГАДЧЫКА ХАРЧАБЛОКА ДЛЯ ВАЕННАПАЛОННЫХ
29 • ХАРЧОВЫ СКЛАД
30 • ПАМЯШКАННЕ ДЛЯ РАБОЧЫХ СКЛАДА
31 • СКЛЕП
32 • БУЛЬБАСХОВІШЧА
33 • КАМЕНДАТУРА
34 • КАЗАРМА АХАРОННІКАЎ
35 • ДОМ КАМЕНДАНТА ЛАГЕРА
36 • КАРАНТЫННЫ БАРАК
37 • РОЧАВЫ СКЛАД
38 • ВАРОТЫ (ЦЭНТРАЛЬНЫЯ – 38')
39 • АХОЎНЫЯ ВЫШКІ
40 • ДАРОГА в. БЯРОЗАЎКА – ст. ЛЯСНАЯ

мечает, что около Леснянского лагеря находился военный городок, где были эсэсовские части, немецкие казармы, дома для офицеров, абвер-бюро, казино. Тем не менее, гитлеровцы боялись нападения партизан и даже вкопали танки рядом с лагерем. Московский ополченец указывает, что народным мстителям удалось освободить группу женщин, в числе которых была жена комиссара партизанского отряда Зинаида Смирнова. Проведенным расследованием удалось установить, что речь идет о Долгиной Зинаиде Егоровне[289], 1920 г.р., уроженке г. Шклова Могилевской области, фельдшере партизанской бригады «25 лет БССР» с 22.06.1943 г. Именно она была женой Смирнова Петра Ивановича[290], 1915 г.р., из Вологодской области, комиссара этой бригады. Важно, что Михаил Борисович в качестве реальной угрозы шталагу-337 упоминает партизанский отряд «Советская Белоруссия» бригады им. Пономаренко, ссылаясь на командира партизанского отделения Антона Васильевича Мороза[291], 1892 г.р., уроженца д. Ежона Барановичского района.

Белорусская семья Гордейчиков

Под лагерные бараки, мастерские и т.п. были приспособлены полуразвалившиеся постройки и инфраструктура ранее бывшего здесь Скобелевского, затем польского военного городка. Все эти постройки ремонтировала и обустраивала под нужды шталага-337 бригада плотников из числа местных жителей во главе с Ф.И. Гордейчиком Ныне к бывшему лагерю «Норд» примыкает Обуз-Лесновский 230-й общевойсковой полигон Западного оперативного командования Сухопутных войск Вооруженных сил РБ.

Хозяйственные же постройки с кухонными котлами, врытыми в землю, домик поваров и кладовые лагеря «Зюд» примыкали к хутору Березовка. Именно здесь, в непосредственной близости от шталага-337, был дом моего белорусского дедушки Гордейчика Александра Иосифовича (1900-1977), который работал в команде родного брата Федора, свидетельствовал на том беспрецедентном в процессуальной практике СССР уголовном процессе военного трибунала 1967 года в Минске по делу полицейских из так называемой украинской сотни Андрея

[289] https://partizany.by/partisans/73840/

[290] https://partizany.by/partisans/72295/

[291] https://partizany.by/partisans/56274/

Яроша в шталаге-377[292], и подворье которого стало своеобразным Ковчегом спасения для десятков узников шталага-337, невзирая на их национальность, возраст, состояние здоровья[293].

Фото 24. Гордейчики Александр Иосифович и Мария Ивановна (оба – в центре) с сыном Николаем у своего дома в дер. Березовка Барановичского района. Сер. 1940-х гг. Фото из архива автора

Была протянута рука помощи в прямом смысле ближнему. Никто не вдавался в обстоятельства их попадания в лагерь, не записывал их имен, откуда они были родом. Тем не менее, по опросам родственников удалось установить некоторых. Это, конечно, Буренины из Москвы (мама Пелагея Филипповна с дочерью Люсей и сыном Толей); Сочинские из Воронежской области (мама Александра Филипповна с дочерью Лилией); супруги Василий и Анастасия Евсейченко с сыном из Смоленска; Рыбченко (мама с сыном Захаром); Булины (мама с дочерью и сыном Иваном); семьи из Ленинграда, Борисова и другие, оставшиеся неизвестными. По данным Гордейчик (урожденной Бурениной) Людмилы Ивановны (1936-2021) и Марченко Ирины Александровны, таковых было не менее 20 человек (семейных с детьми и одиноких), часть из которых спустя какое-то время покинула гостеприимное подворье, другая – дождалась прихода Красной Армии. В д. Березовка в доме моего прадеда так и остались жить Евсейченко, Булины осели в д. Лесная. Сочинские до переезда в Израиль проживали в Слониме.

Дом Александра Иосифовича (ныне под № 21 по ул. Солнечной) завершал вереницу домов пятерых родных братьев Гордейчик на западной окраине д. Березовка вдоль проселочной дороги от Слонимского шоссе (ныне шоссе Р99 Барановичи-Гродно) к ст. Лесная. Все братья так или иначе имели отношение к шталагу-337, и их судьба сложилась

[292] https://www.tvr.by/news/obshchestvo/bez_sroka_davnosti_ukrainskaya_sotnya/

[293] В. Канюта «Как обычный белорусский крестьянин спасал семьи из концлагеря», газета «Звязда», № 20, 30.01.2018; https://zviazda.by/ru/news/20180130/1517295381-kak-obychnyy-belorusskiy-krestyanin-spasal-semi-iz-konclagerya

по-разному в то грозное время. Это остросюжетные линии отдельного повествования. Николай (пропал без вести на фронте) вместе с Викентием (погиб в Колдычевском концлагере) работали в лагерных овощехранилищах на внешней территории. Константин был назначен немцами солтысом (старостой) и отвечал за поставку жителями д. Березовка сельхозпродукции, в т.ч. для шталага-337. Ведь питание узников обеспечивалось исключительно за счет местного населения. И Константину Иосифовичу удалось не потерять лицо. После войны бывший кавалерист, участник советско-польской войны с семьей переехал жить в Польшу, опасаясь преследования со стороны органов НКВД. То, что этот мужественный человек вообще остался в живых, говорит о том, что о нем замолвил слово перед партизанами брат Федор. А народные мстители жестоко расправлялись со старостами-холуями. Я помню неоднократные приезды Константина Иосифовича на Родину, его теплое общение с односельчанами, интересы и жизни которых он отстаивал перед оккупантами. Он же в Польше неожиданно столкнулся с неким человеком, который выдавал себя за Викентия Иосифовича Гордейчика. Ему не составило труда понять, что этот псевдо-Викентий воспользовался документами погибшего брата. Константин Иосифович заявил о подозрительном человеке в польскую полицию. И не дожидаясь расследования, негодяй, очевидно, из числа лагерных полицаев, повесился. Кстати, опасения переселенца были обоснованными. Накануне проезда И.В. Сталина через ж/д ст. Лесная на Потсдамскую конференцию (проходила с 17 июля по 02 августа 1945 г.) чекистами была проведена специальная операция по устранению нежелательных элементов по обе стороны железной дороги. Проверяли на благонадежность всех в округе. Чекисты предъявили обвинение Гордейчику Александру Иосифовичу в сотрудничестве с оккупантами. И за него заступились спасенные узники

Фото 25. Гордейчики Александр Иосифович (крайний слева) и Константин Иосифович (крайний справа). Конец 1950-х. Фото из архива автора

шталага-337, оставшиеся жить в деревнях Березовка и Лесная. Праведник избежал и уголовного преследования, и высылки. Все дело ограничилось сдачей колхозу «лишнего» инвентаря.

Продолжу. Мне довелось услышать много разных историй от отца, других родных мне людей и местных старожилов. Часть сведений удивительным образом подтвердилась, часть – принял на веру из уважения к этим достойным людям, делая скидку на пристрастность очевидцев. Уже нет этих людей, остались в памяти их воспоминания о запредельных зверствах украинских охранников, о таком, что иные из нынешнего поколения отмахиваются, дескать такого быть не могло. А оно, увы, было! Как были отважные сердобольные женщины, которые укрывали беглецов, погребали застреленных военнопленных по обе стороны той же дороги скорби, так был и выкуп военнопленных за куриные яйца, самогон и сало; и гнусные многосторонние товарообменные операции с участием несчастных узников, сытых охранников, алчных гитлеровцев и отдельных неразборчивых белорусов. Такие местные «рачительные» хозяева на подводах ехали к разгромленному барановичскому гетто в надежде поживиться имуществом уничтоженных евреев (что добру пропадать), гнали самогон на продажу лагерным немецким и украинским охранникам, толпились у лагерной комендатуры, получая справки о сданной заведомо некачественной сельхозпродукции в зачет обязательных поставок с личных хозяйств (такой маленький гешефт с гнилью и отбросами). Было всякое и многое другое, героическое и непотребное. Этому безмолвные свидетели – стоящие с военного времени незначительно перестроенные три дома семейства Гордейчик.

Фото 26. Современный вид подворья Александра Иосифовича и Марии Ивановны Гордейчик. 2018. Фото автора

В ходе предварительного следствия давала свидетельские показания и моя белорусская бабушка – Гордейчик Мария Ивановна (1907-1974). По моему запросу КГБ Республики Беларусь передал копии этих документов нашей семье. Кстати, бабушка была более разговорчивой нежели дедушка и их свидетельства,

зафиксированные следователями, еще предстоит литературно обработать и прокомментировать.

Фото 27. Гордейчик Мария Ивановна (1907-1974) с мужем Александром Иосифовичем накануне войны. Фото из архива автора

Руки Марии Ивановны предали земле десятки воинов РККА, передавали через мужа за колючую проволоку еду голодным узникам, показывали беглецам направление безопасного пути. Она, будучи беременной пятым ребенком, не оставляла своих благородных попечений и в отношении «советок», «восточниц» с детьми, и в отношении военнопленных. Ее христианский подход ко всем событиям и людям просто изумлял. При этом, она могла быть твердой и решительной. Бабушка однозначно свидетельствовала на предварительном следствии, что именно Егор Штумпф застрелил в упор пытавшегося бежать военнопленного. В материалах дела фигурировала только фамилия. Проведенным расследованием удалось установить, что это был политрук 338-й стрелковой дивизии Иван Михайлович Куприянов[294], 1915 г.р., на момент пленения дважды орденоносец, герой боев у о. Хасан (29 июля-11 августа 1938). Расправа над раненым военнопленным произошла на поле местного жителя Ивана Вашкевича. Перед властями Барановичского района ставится **вопрос об установке здесь памятного знака.**

Жаль, что не сохранился колодец (слева от входа в дом), из которого брали воду для нужд лагеря, около которого разыгрывались драматические события с участием невольников, охранников и моих родственников. Здесь во дворе немецкий лагерный офицер избил плеткой дедушку, после чего у Александра Иосифовича остался шрам на лице. В другой раз бабушка едва не была застрелена немцем за то, что бросала в проходящую мимо дома колонну военнопленных сырые картофелины. Ее спасла овчарка, которую на подворье оставил пограничник еще до организации лагеря. Он лесами шел от границы, заглянул к Гордейчикам,

[294] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero105263197

получил в дорогу припасы, отдохнул и двинулся на восток. Трогательно расстался с боевым четырехлапым товарищем. Именно эта служебная собака, защищая хозяйку, бросилась на немецкого офицера, и тот пристрелил пса, а Мария Ивановна сумела убежать в дом. Житель д. Тартаки Вячеслав Николаевич Жданович (Зданович)\[295], (1898-1974) был избит конвоиром за то, что подал кусок хлеба военнопленному, которого тут же расстреляли. Мне дорога память об этих мужественных людях. Хотелось бы побольше узнать имен совестливых милосердных белорусов из близлежащих к шталагу-337 деревень: Тартаки, Ежона, Лесная, Миловиды, Утес, Павлиново и др. И мало-помалу находятся люди, которые рассказывают свои семейные истории, вспоминают своих героев. **Установлены конкретные факты по деревням Грабовец, Новосады, Лебежаны.**

Соседство с лагерем опасным образом сказывалось на детях уважаемого в деревне семейства. Не по возрасту маленькая с жгучими черными кудряшками дочь Нина, в замужестве Ковш (1933-2022), была похожа на еврейскую девочку. К ней пристально присматривались ретивые украинские охранники. Родителей донимали с расспросами и их чуть ли не подозревали в укрывательстве чужого еврейского ребенка. Дело дошло до того, что мать стала прятать Нину в огромном сарае, в углу среди сельхозинвентаря. И строго-настрого запретила ей без ведома старших покидать укромное местечко и выходить во двор. Нине Александровне запомнился смертельный холод от слов «жидовка», «чернявка», «еврейский ублюдок»; запомнились длительные томительные ожидания, скрашиваемые посещениями схрона бабули Ганны. Страх сделал ее молчаливой, погруженной в себя. Он как бы затормозил естественное развитие ребенка.

Совсем другое дело было с дочерью Ириной. Подросток, по виду девушка, рослая, красивая, общительная. Молодые полицаи ей оказывали внимание, пытались флиртовать. Ирина Александровна, в замужестве Марченко (1931-2010), запомнила обходительного, вежливого охранника по фамилии Чернобай. И для нее стало шоком, когда отец сказал, что этого Гришу надо опасаться и сторониться, поскольку тот усердствовал в лагерных экзекуциях. Мама Мария Ивановна разрывалась между дочерями, пытаясь уберечь одну от наси-

---

[295] http://lesnaja.baranovichi.edu.by/ru/main.aspx?guid=32701

лия, другую от смерти. Еще был страх за вездесущего сына-подростка Николая. Мой папа Николай Александрович (1929-2005) был очевидцем того, как немцы натравливали на военнопленных овчарок, как убивали обессиленных, как лагерные полицаи унижали узников и издевались над ними. От него история, как немец изнасиловал мальчика и убил его. Эти страшные сцены не давали ночью уснуть, угнетали. И он со сверстниками, двоюродными братьями Эдиком, Володей, Иосифом и Чеславом всячески мстили оккупантам и их приспешникам, сливая бензин из топливных баков автомобилей, бросая в баки песок, воруя военное имущество и даже оружие. Отвлекая охранника на вышке, они перебрасывали через колючую проволоку съестное узникам. Братьями Николаем и Эдуардом был придуман неожиданный способ поиздеваться над алчными немцами, регулярно искавшими спрятанное сельчанами добро. Они глубоко зарыли ящик с нечистотами. Немцы из лагеря щупом обнаружили предполагаемый «клад». Немало потрудились над его извлечением… Эта операция могла дорого обойтись ребятам, которые издали наблюдали за происходящим. Но Бог миловал.

По состоянию на 01 января 2024 года автором по первоисточникам выявлено 49 рабочих команд шталага-337 (в т.ч. 38 номерных и 11 без номера), установлено 25 временных лагерей, где находились и работали военнопленные (города, поселки, деревни, местечки, ж/д станции Брестской, Гродненский и Минской областей). Имеются списки военнопленных по всем установленным рабочим командам и временным лагерям, которые постоянно пополняются. Эти места в административном и производственном порядке имели отношение к шталагу-337.

Обнаружены сведения, что при барановичском аэродроме был организован отдельный лагерь военнопленных, которые трудились в составе батальона аэродромного обслуживания № 105/XVII (Kgf) в течение всего периода оккупации города. Так, из этого военно-строительного батальона (Luftwaffe Bau-Batt.) был отправлен 02.05.1944 г. в лазарет при дулаге-121 рядовой Вирукин Петр Федорович[296] (1907 г.р.), зарегистрированный в батальоне под номером 537. Важна информация о количестве

[296] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen290071933

зарегистрированных узников, так и о самом факте отдельной регистрации. О барановичском аэродроме имеются краткие сведения в публикации Т.П. Ивановой «Немецкие аэродромы периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси»[297]. Кстати, 14 августа 1941 года на нем приземлился самолет рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера (1900-1945). Он в сопровождении начальника своего личного штаба Карла Вольфа (1915-1984) прибыл с инспекторской проверкой, в ходе которой осматривал лагерь военнопленных в Минске. Любопытны сведения и о некоем аэродроме у д. Тартаки, на котором проходил службу рядовой Забирускин Сергей Федорович[298], 1916 г.р. В первый день войны там в воздух смог подняться лишь один самолет из-за бомбардировки, и никто не мог представить, что вскоре неподалеку будет лагерь для военнопленных. Эти краеведческие находки формируют панораму событий того драматического времени.

В самом шталаге-337 была организована починка одежды и ремонт обуви, которая большими партиями доставлялась и отправлялась по назначению. Здесь же изготавливали ящики для посылок немецких военнослужащих домой, производилась запайка банок с подсолнечным маслом. В отдельных мастерских работали столяры, кузнецы, токари, слесари. Так что шталаг-337 по своему фактическому состоянию помимо того, что был стационарным и пересыльным лагерем, лагерем уничтожения, являлся и трудовым. Это было целое хозяйство, использующее рабский труд, неплохо обслуживающее военно-гражданскую оккупационную инфраструктуру. Достаточно вспомнить «рельсовую войну». Партизаны совершали диверсии на ж/д дорогах. Немцы достаточно четко и продуманно организовали систему восстановительных работ, создавая складскую сеть (шпал, инвентаря), используя мобильные рабочие группы из тех же военнопленных, что нередко эффект от подрыва рельс имел краткосрочное значение, не приносил ожидаемого результата. Куда значительнее был ущерб от уничтожения самих паровозов. На всех видах коммуникаций шла тяжелая изнурительная война…

---

[297] Т.П. Ивановой «Немецкие аэродромы периода Великой Отечественной войны на территории Беларуси» (ВГУ имени П.М. Машерова. Витебск, 2020; https://rep.vsu.by/handle/123456789/23098, https://welcome-belarus.ru/brestskoe-napravlenie-1941-aerodrom-dlya-palacha.html/

[298] https://www.moypolk.ru/soldier/zabiruskin-sergey- fedorovich-2

В справочнике В.И. Адамушко и др. «Лагеря советских военнопленных в Беларуси 1941-1944 гг.»[299] указано, что в 86 населенных пунктах имелось 86 рот военнопленных, которые представляли собой лагеря главной железнодорожной дирекции (ГЖД) «Центр» Из этого перечня лагерей к шталагу-337 имели и могли иметь отношение семь лагерных структур под номерами: 226 (г. Столбцы, участок № 1, 500 чел.), 226a (ст. Городея Несвижского района Минской области, участок № 1, 200 чел.), 226b (ст. Погорельцы Несвижского района, участок № 1, 150 чел.), 227 (г. Барановичи, участок № 23, 400 чел.), 227a (ст. Лесная, участок № 20, 150 чел.), 228 (г. Ивацевичи, 100 чел.), 228a (ст. Доманово Ивацевичского района Брестской области, 100 чел.). Что касается упоминавшегося лагеря на территории авиабазы г. Барановичи, то в справочнике он отнесен к лагерям с неустановленными классификационными признаками, как и лагеря в городах Лида, Столбцы, Слоним. Эти структуры (и список можно продолжить), как мне представляется, находились как в административной, так и в производственной связи с шталагом-337. По данным, обнаруженным уважаемыми авторами-составителями, места нахождения отделений шталага-337 были в разное время оккупации по-разному насыщены другими лагерными структурами. Так, в г. Барановичи размещались 3, 4 и 9-й армейские сборно-пересыльные пункты (АСПП), дулаг-131, отделение шталага-352. А в Слуцке – 3-й и 19-й АСПП, 341-й и 362-й шталаги, офлаг X A. Отмечу, что дулаг-131 был в Слониме, а дулаг-185 – в Столбцах. При этом, развернутых сведений о всех этих пунктах и лагерях, и погибших там военнопленных крайне мало. Приведены данные о самом шталаге-337: содержалось постоянно до 75 000 военнопленных, погибло 89 000. Вынужден повторить: вся эта информация явно неполная и заниженная. Необходимы серьезные дополнительные исследования.

Чугунов Василий Иванович – узник шталага-337

Лагерную инфраструктуру шталага-337 обслуживали уборщики, истопники, прачки. Работали команда писарей, кухонная команда в 100 человек, в попечении которой были продовольственные склады и команда водовозов из 100 человек. Востребован был

[299] В.И. Адамушко и др. «Лагеря советских военнопленных в Беларуси 1941-1944 гг.». НАРБ, 2004; http://militera.lib.ru/docs/da/belorus-lagerya/index.html

и часовой мастер. Много работы было у похоронной команды, которую именовали «капут-команда». Строительный батальон насчитывал порядка 1 000 человек. На работы вне лагеря, во избежание побегов, записывали военнопленных-инородцев. Использовались такие приемы, как специальная маркировка на одежде, а также отъем сапог и ботинок по свидетельству бывшего военнопленного Василия Ивановича Чугунова, лагерный номер 15207.

Фото 28. Чугунов Василий Иванович. Фонды Барановичского краеведческого музея

Его «Воспоминания о нахождении в фашистском лагере № 337 под Барановичами»[300] охватывают период с 12 октября 1941 по август 1943 года и изобилуют ценными для исследователя деталями. Он указывает на значительное количество среди военнопленных людей с хорошим уровнем образования, что в целом диссонировало с теми, кто пошел на сотрудничество с оккупантами. С его слов, у З. Эйхгорна было воинское звание ст. лейтенанта. В.И. Чугунов пишет о том, что каждый военнопленный при раздачи горячей пищи получал удар палкой или плетью; о заведующем кухней ефрейторе Максе-рыжем, который до начала декабря 1941 года зверствовал на своем участке службы, избивал и убивал военнопленных; о немилосердном отношении к несчастным повара-раздатчика татарина «дяди Феди» (Зарипова Федора Захаровича), «орудовавшем черпаком по головам и плечам»; об унижающей человеческое достоинство практике оправления и о многом другом.

В суровую зиму 1941-1942 гг. бараки отапливались температурой человеческого тела, кишели

[300] В.И. Чугунов «Воспоминания о нахождении в фашистском лагере № 337 под Барановичами», УК «Барановичский краеведческий музей», н/в, 2011

паразитами. К концу 1941 года военнопленных стали гонять на «вошебойку» с ее унизительной процедурой. Прибывшие в середине октября 1941 года застали в основном Леснянском лагере, занимавшем участок размером не более 150 на 200 метров, 13 бараков без нар; столкнулись с отсутствием питьевой воды и отхожих мест. В течение 2-3 недель в перенаселенных бараках спали на полу, буквально друг на друге. Только на 4-5 день пребывания В.И. Чугунова в шталаге-337 начали обустраивать кухню. Вкопали большие в человеческий рост котлы под открытым небом, из которых узники начали получать горячую суп-баланду в консервные банки по норме 600-700 гр на день.

Несмотря на возможные репрессии, узники шли на разные ухищрения. Утоляли жажду сбором дождевой воды из луж. Чтобы освещать часть барака, жгли полевой телефонный кабель. Для отопления использовали доски от нар. Русский комендант Пешков жестоко карал нарушителей порядка.

Автор воспоминаний пишет, что после его этапа прибыла партия в том же количестве уже 14.10.1941 г. А затем «почти ежедневно прибывали партии пленных и к концу октября месяца 1941 года в лагере находилось не менее 20 тысяч». Припомним, что эта цифра согласуется с данными А. Кремера.

Весной 1942 года в Леснянском лагере был оборудован подземный карантинный барак, где 40 дней выдерживали взаперти, без выхода тех, кого якобы намеревались отправить в Германию. На самом деле часть из них оказывалась в других лагерях в 150-250 км от ст. Лесная. При этом прибывали «карантинные» в Лесную из других лагерей и помещались в тот же барак. О том, что царило в лагерной санчасти, Василий Иванович категоричен – дикость, мародерство, бесчеловечность.

Ему мы обязаны свидетельствами о страшной судьбе двух железнодорожных этапов лета 1942 года. Один эшелон прибыл с военнопленными, которые «почти все задохнулись». В другом эшелоне узники были настолько обезвожены, что когда их вели в карантинный лагерь и они увидели речушку, то от отчаяния и протеста бросились к воде и были в упор расстреляны конвоирами. От этого этапа осталось только несколько десятков человек.

В.И. Чугунов указывает на конкретную дату перевода военнопленных из Леснянского лагеря в г. Барановичи – 30

августа 1943 года. Он, будучи с осени 1942 года грузчиком продовольственного склада, участвовал в работах по перемещению оставшихся неиспользованных (!) продуктов в город.

Василий Иванович в Леснянском лагере был не единожды жестоко избит, у него был травмирован глаз. Он напрямую, четко и обоснованно **пишет о системном и преднамеренном уничтожении военнопленных.** Его в марте 1967 года опрашивали в Минске чекисты. В качестве ценного свидетеля он указывал на московского ополченца Георгия Макаровича Володина, которого хорошо знал по лагерю, и о котором речь пойдет ниже.

За пределами шталага-337 узники в основном трудились на лесозаготовках, на железной дороге, на заготовке торфа, на различных ремонтно-восстановительных работах, на лесопилках. Это были объекты военно-строительной фирмы «Штерн Тодт», организованные оккупантами производства в имениях, местечках, деревнях и городах региона. По данным В.И. Чугунова, до весны 1942 года военнопленные после работ были настолько изнурены, что с трудом возвращались в лагерь, и от 4 до 8 человек из каждой команды ежедневно оставались бездыханно лежать на обочинах дороги.

Белорусские партизаны – бывшие узники шталага-337

Но побеги все-таки случались. Из разных первоисточников собраны сведения о десятках одиночных и групповых, в т.ч. с разоружением конвоя, побегов. Вырваться на волю из шталага-337 было очень трудно, за пределами лагеря – вполне возможно. Зафиксированы побеги через подкопы, резку проволочного ограждения, с обманом охранников и переодеванием в гражданскую одежду, даже через выгребную яму с нечистотами. В ход шли любые ухищрения и использовались все возможности. Так, в нашей семье бережно хранится память о том, что Александр Иосифович Гордейчик в бочке вывез из Леснянского лагеря трех военнопленных, которым грозил расстрел. После войны в деревню от одного из этих людей приходили письма из Ленинграда.

Не обошел эту тему М.А. Жилин. Он поведал о семи удачных побегах. Отмечу побег весной 1943 года 15-ти человек из «капут-команды», в составе которой были почти все москвичи (!). При этом был убит конвоир. В мае 1942 года из офицерского барака бежал санинструктор Кудрявцев, активно занимавшийся упражнениями на турнике с одобрения зондерфюрера. Как оказалось, он таким образом готовился к побегу, место

и способ которого для солагерников и немцев так остались тайной. Он буквально исчез. Удалось выяснить, что Евгений Викторович Кудрявцев[301], 1912 г.р., уроженец Казани, мл. лейтенант 53-го батальона охраны штаба 21-й армии, ушел на фронт добровольцем из Московского института физкультуры. Он совершил побег 22.05.1942 г. и присоединился к партизанам Пинского соединения. Именно он разоблачил 5 шпионов, поскольку хорошо знал лагерь и его узников.

О побегах из шталага-337 рассказывали в своих воспоминаниях партизан Иван Дементьевич Серый[302], 1916 г.р., сами участники побегов в своих автобиографиях. Так, об одном из них свидетельствовал ефрейтор Трофим Данилович Беляев[303], 1919 г.р. Его рассказ записала дочь Коржунова Галина Трофимовна и предоставила для портала «Партизаны Беларуси». Кропотливым исследовательским трудом для Книги Памяти о шталаге-337 собран уникальный материал по побегам.

По состоянию на 01.01.2024 г. автором установлены данные по 166 военнопленным, совершившим одиночные побеги и присоединившимся к партизанским отрядам. Кроме того, имеются сведения о 8 беглецах с неустановленным партизанским прошлым и о 18 узниках, судьба которых после побега вообще остается до сих пор неизвестной. Обнаружены сведения о групповых побегах из Барановичской тюрьмы (4 человека), из обслуги немецкого лазарета в г. Барановичи (12 человек). При содействии медсестры Шаповаловой Е.А. из барановичского отделения шталага бежали две группы военнопленных по 12 человек в каждой[304]. Группе из 21 военнопленного помогли бежать жители г. Барановичи Кунцевич И.Н. и Евшель М.В.[305] Военнопленными в ряде случаев разоружался немецкий конвой, и узники шли на убийство охранников. Так было при побеге из Леснянского лагеря 23-х человек, когда был заколот кинжалом немец. Из рабочих команд скрылись узники, убив в октябре 1942 года топором часового; уничтожив 09.03.1943 г. двух гитлеровцев; расправившись 26.06.1943 г. с четырьмя конвоира-

[301] https://partizany.by/partisans/40813/

[302] https://partizany.by/partisans/23964/
И.Д. Серый, «Не забудьте!» из сборника «Буг в огне», Минск: Беларусь, 1965, http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_bug_v_ogne/index.html

[303] https://partizany.by/partisans/28464/, https://partizany.by/battles/belyaev-trofim-danilovich/

[304] https://partizany.by/partisans/163846/

[305] https://partizany.by/partisans/90529/, https://partizany.by/partisans/90521/

ми. Из г. Лида, убив унтер-офицера, сбежала группа из 52 человек; покинули место работы на дороге Барановичи-Клецк 5 военнопленных, убив охранника. Ситуативно и по сговору из г. Столбцы бежали одновременно 7 военнопленных, из г. Ивацевичи – 45, из окрестностей м. Нехачево – 40. По всем этим и другим групповым случаям была предпринята первая попытка детально ознакомиться с архивными первоисточниками, по которым удалось установить конкретные фамилии, проследить судьбы беглецов, к сожалению, далеко не всех. Остаются вопросы по побегам из Слонима и Слуцка, из д. Миловиды и д. Б. Колпеница, со ст. Лесная и ст. Русино и т.д.; по организаторам самих побегов, по участию в них подпольщиков г. Барановичи и местных партизан.

Замечу, что нередко военнопленные шталага-337 работали в местах принудительного труда с евреями, которых немцы использовали за пределами Барановичского гетто как специалистов и мастеров. В городе работали мастерские по ремонту автомобилей, оружия, его чистке и полировке и ряд других. Большая потребность в рабочих руках была на аэродроме, в железнодорожном депо. Так, известно о пребывании в г. Барановичи с января 1943 по май 1944 г. 888-й автотранспортной колонны. Только для ее нужд привлекались ежедневно по 40-50 человек узников одновременно из лагеря военнопленных и гетто. Об этом на допросах рассказал 6 мая и 2 июля 1948 года ст. ефрейтор, помощник шофера этой колонны К. Маст[306]. Именно военнослужащие этого немецкого подразделения осуществляли с января по ноябрь 1943 года вывоз евреев из барановичского гетто на расстрел. В истории шталага-337 были групповые побеги с участием этих двух категорий узников из разных мест совместного подневольного труда. Учетные листки партизанских кадров наглядно свидетельствуют об этом.

Значительная часть беглецов пополнила партизанские отряды. Счет им идет на сотни. Бывшие военнопленные шталага-337 воевали в отрядах народных мстителей, в составе специальных разведгрупп Генштаба Красной армии. Это территории Брестской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской областей, даже земля Смоленщины. Имеются факты того, что вырвавшиеся на волю узники присоединились к группам Сопротивления

[306] НАРБ. Ф.1363. Оп.1. Д.1648. Л.9-14, 20-21; Сборник документов «Без срока давности. Беларусь. Брестская область»; документы № 126-127, с.176-177; https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/knigi_bsd/bsd_brest.pdf

в Польше, например, рядовой Михайленко Павел Макарович[307] ; Словакии – военинженер 3-го ранга Гуренков Александр Васильевич[308]; Италии – ополченец Шверубович Вадим Васильевич[309] из 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы.

По данным участника партизанского движения, сотрудника КГБ СССР генерал-майора Эдуарда Болеславовича Нордмана[310] (1922-2006) Барановичское партизанское соединение на последнем этапе войны насчитывало 11 185 бойцов, из них 2 727 – это люди, вырвавшиеся из плена. В целом, в рядах белорусских партизан бывшие окруженцы и военнопленные составляли 11%. Но они своей самоотверженностью, своим боевым опытом, военными знаниями и умениями внесли неоценимый вклад в общую Победу. В этой связи упомяну ст. сержанта 160-й (Горьковской) стрелковой дивизии Никиту Петровича Сапрыкина, 1908 г.р., уроженца ныне Волгоградской области. Он один из первых начал в одиночку диверсионные действия против оккупантов в Барановичском крае. А здесь, как и в других западных регионах Белоруссии, партизанское движение не так просто зарождалось и развивалось. Прошедший плен в г. Барановичи Никита Петрович с сентября 1941 года скрывался в лесах. Уже 21.09.1941 г. ему удалось сжечь в городе автомашину и убить трех немцев. На ст. Лесная он 20.12.1941 г. сжег караульное помещение. Организовал партизанский отряд и стал его командиром. Продолжил борьбу с захватчиками в составе диверсионного отряда Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии под командованием капитана С.П. Каплуна[311] (1905-1966).

Бывшие военнопленные шталага-337 продолжили воевать с захватчиками в десятках партизанских отрядов. Выделю партизанские бригады Столбцовской зоны (Первомайская, им. Суворова, «25 лет БССР», им. Жукова), Южной зоны (20-я им. Гризодубовой), Лидской зоны (им. Кирова); Слонимской зоны (им. Рокоссовского); Ивенецкой зоны (им. Щорса, им. Сталина); Щучинской зоны (им. Ворошилова). Это и

[307] https://partizany.by/partisans/70350/

[308] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93221119

[309] https://www.kino-teatr.ru/teatr/activist/365590/bio/

[310] Нордман Э.Б. мемуары «Не стреляйте в партизан…», Минск: Беларусь, 2007; https://royallib.com/book/nordman_eduard/ne_strelyayte_v_partizan.html),

[311] https://partizany.by/partisans/27062/

действовавшие в Минской области бригады – 300-я им. Ворошилова, 64-я им. Чкалова; в Брестской области – им. Пономаренко; в Пинской области – им. Ленина, им. Буденного, им. Молотова и другие соединения, в которых сражались с врагом убежавшие из шталага-337 бойцы и командиры РККА. Семеро бывших узников шталага-337 стали командирами отрядов. Это Коннов Александр Андреевич[312], Исаков Степан Федорович[313] – оба из Челябинской области, Лопатин Викторин Васильевич[314] из Кировской области, Островский Сергей Захарович[315] из Одесской области, Скобликов Василий Петрович[316] из Мордовии, Кирин Иван Семенович[317] из Ивановской области. Последний стал и командиром бригады им. Суворова Столбцовской зоны.

Среди партизанских командиров выделю бывшего узника барановичского отделения шталага-337 Ивана Леонтьевича Шумилова[318] (1919-1981), педагога, журналиста, писателя с богатым творческим наследием. Он стал командиром отряда «Сибиряк» бригады «Вперед» Лидской зоны и правдиво описал партизанские будни в записках «В тылу врага»[319] и в повести «Стефка»[320]. Писатель похоронен в с. Павловск Алтайского края, где с 2002 года проходят литературные Шумиловские чтения.

Установлены данные о бывших узниках шталага-337, погибших в составе партизанских соединений (17 человек) и в составе Красной армии после освобождения Белоруссии (41 человек).

Уточняются данные по обнаруженной на портале «Память народа» группе аварцев, уроженцев Дагестана, бывших военнопленных шталага-337. Они стали бойцами Народно-освободительной армии Югославии и были репатриированы из Словении.

Медики – узники шталага-337

До середины 1942 года узники шталага-337 натерпелись от так называемых санитаров, в которые попадали предатели и перебежчики. Это были случайные люди, без какого-либо понятия о медицине. Они жестоко обращались с больными и ранеными, занимались мародерством, торговали

[312] https://partizany.by/partisans/24708/

[313] https://partizany.by/partisans/66684/

[314] https://partizany.by/partisans/27717/

[315] https://partizany.by/partisans/29006/

[316] https://partizany.by/partisans/32079/

[317] https://partizany.by/partisans/29513/

[318] https://partizany.by/partisans/52133/

[319] Шумилов И.Л. «В тылу врага», журнал «Сибирские Огни», 1949

[320] Шумилов И.Л. «Стефка», Алтайское книжное издательство, 1973

вещами умерших. Эта категория военнопленных организовала через лагерные рабочие команды активную меновую торговлю и получала за свои предложения от корыстных местных жителей и конвоиров хлеб, табак, мясо, сало, масло и даже самогон. Ситуация изменилась после смены немецкой администрации госпиталя, чего добивался офицерский актив военнопленных. В меновой торговле появились другие участники. А украинские охранники по-прежнему не гнушались легкой добычей.

В госпитале со временем подобрались из числа военнопленных совестливые и квалифицированные медработники, которые, несмотря на чудовищные обстоятельства, делали невозможное. А работы было много. По данным М.А. Жилина, в госпитале за речкой Деревянка в апреле-мае 1942 года находилось порядка 5 тысяч военнопленных. Хорошую память о себе оставили военврачи:

• Скрипчук Софроний Степанович[321], 1896 г.р., работал врачом в Леснянском лагере с конца 1942 по апрель 1944 г.;

• Карпушин Александр Андреевич[322], работал в лазарете барановичского отделения с сыпнотифозными больными;

• Голышев (Голешов) Степан Петрович[323], 1912 г.р., с 01.11.1941 по 24.04.1943 г. был врачом инфекционного отделения в тюрьме г. Барановичи;

• Гамулин Павел Васильевич[324] (1910-1944);

• Горбылева Вера Алексеевна[325], 1916 г.р.;

Военфельдшеры:

• Постникова Елизавета Владимировна[326], 1898 г.р.;

• Кондрашова Екатерина Иосифовна[327], 1920 г.р.;

О последней упоминает в своих воспоминаниях Селищева Т.М. В свою очередь, другая бывшая узница Селиховкина М.Т. с теплотой вспоминает умершего в лагере «замечательного доктора» Анну Савенову. Этого не скажешь о немецких врачах – обер-лейтенанте Курте Гельмеке (Гомельке) и др. Этот Гомельке был брезглив, равнодушен и совсем не хотел предпринимать никаких усилий, чтобы облегчить страдания раненым или помочь

[321] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123606086

[322] https://partizany.by/partisans/25756/

[323] https://partizany.by/partisans/210741/

[324] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero106080806

[325] https://partizany.by/partisans/39118/, https://partizany.by/partisans/70076/

[326] https://partizany.by/partisans/76921/

[327] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial chelovek_kartoteka_memorial78814775

больным. Отсутствие лекарств, псевдолечение, показная профилактика, высокая смертность. Обо всем этом свидетельствовал 24.03.1948 г. С.С. Скрипчук[328].

Старший военфельдшер Андрей Кузьмич Белобородов[329], 1912 г.р., прошел лагеря в Брянске и в Бобруйске, работал с 15.11.1941 по август 1943 г. в эпидемиологическом лазарете военнопленных при малом Леснянском лагере, в сыпнотифозном отделении. В своих показаниях в отделе контрразведки «Смерш» от 18.02.1946 г. указывает, что лазарет был расформирован в конце июля 1943 года. Часть медработников с больными увезли в неизвестном направлении, а его самого в составе группы из 10-12 человек отправили в Вильнюс.

В шталаге-337 проводились кощунственные медицинские опыты над узниками, испытывались разные лекарства против сыпного тифа. В офицерском бараке заставляли по утрам вместо «завтрака» употреблять по две столовых ложки нафталина якобы в профилактических целях. И одновременно тем, кому меняли статус военнопленного на подневольного рабочего и кого готовили на отправку в Германию для работы в шахтах, на оборонных заводах и т.п., тем делали прививки. Применялся карантин от 2 недель до месяца. В ход шла и грубая дезинфекция. Вонючей холодной жидкостью с запахом керосина при помощи малярной кисти обрабатывали голову, места с волосяным покровом и внутренности ботинок. В других случаях все волосы сбривались и человека ставили под контрастный душ. Это свидетельства М.А. Жилина и Владимира Эдуардовича Соколовского (1930-2004). Последний в совместных воспоминаниях с братом Клементием Эдуардовичем, 1931 г.р., «Детский дом в тылу врага»[330] указывал на мерзкую практику в шталаге-337 – забор крови у детей. Братья в мае 1944 года прошли через шталаг-337 в составе **детского этапа**, в числе детдомовских воспитанников-узников, которых угоняли в Германию.

О существовании в Леснянском лагере к осени 1943 года **отдельного детского барака** свидетельствует семейная история Букринских из Витебской области, которая со слов Фаины Васи-

[328] НАРБ Ф.1363 Оп.1 Д.1168 Л.25-25об; https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203587-iz-protokola-doprosa-byvshego-vracha-shtalaga-locale-nil-337-s-s-skripchuka-baranovichi-24-marta-1948-g

[329] https://www.permgaspi.ru/vplen/index.php?id=218

[330] Соколовские В.Э. и К.Э., «Детский дом в тылу врага», Минск, изд. «Беларусь». 2008; http://militera.lib.ru/research/1/rus/s/n52657/index.html

льевны Букринской[331] изложена в материале «В чем наша вина?». Ее сестра Вера Васильевна Букринская, которой в ту пору было 16 лет, сумела при отборе трудоспособных узников, перебежать в шеренгу малышей, чтобы остаться в шталаге-337 со своими тремя маленькими сестренками и двумя братьями. И стала настоящим Ангелом Хранителем для детей этого барака, как могла опекала и поддерживала всех малолетних узников.

Творческая интеллигенция – узники шталага-337

В ходе аналитической работы с воспоминаниями выживших узников удалось получить скупые сведения о погибшем в Леснянском лагере студенте Московской консерватории, певце-теноре по фамилии Кравченко. Он исполнял в лагерном хоре русские народные песни и классику, аккомпанируя себе на гитаре.

Этот хор был организован в конце 1941 года в офицерском бараке с целью получения дополнительного пайка и распределения последнего среди обессиленных узников. К тому же, офицерскому активу было важно поднять дух военнопленных, ободрить их. Имеются другие данные о создании первоначально кружка пения с конца октября 1941 г., а впоследствии – полноценного хора с солистами и регулярными выступлениями по воскресным дням.

В какой-то мере эта затея оправдалась. М.Б. Кун вспоминает о распоряжении зондерфюрера Мюллера накормить хористов кашей и выдать по буханке хлеба на пятерых. Такое было вознаграждение за выступление по требованию лагерного начальства на немецкой попойке. При этом, участники хора отвергли предложение зондерфюрера выступить по радио в г. Барановичи. Этот пропагандистский ход немцев был для них неприемлем.

Весной 2023 года я получил ценный подарок – копию воспоминаний бывшего военнопленного сержанта в шталаге-337 Татьяны Михайловны Селищевой[332] (1907-1980) от ее племянницы Кузнецовой Светланы Ахатовны. Там раскрывается имя виртуозного певца. Это был работник лагерной санчасти Леонид Кравченко, который трогательно дружил с Зоей Первушиной. Они дуэтом скрашивали тяжелые будни узников. Молодым людям не суждено было развить свои чувства. Зоя долго не могла оправиться после того, как умер от отравления ми-

[331] Букринская Ф.В., «В чем наша вина?», газета «Обзор», вып. № 799 от 03.05.2012 г., https://obzor.lt/

[332] https://www.moypolk.ru/soldier/selishcheva-tatyana-mihaylovna

лый ее сердцу друг. Такое было не редким явлением в лагере. Узники отчаянно голодали. И оккупанты додумались скармливать военнопленным мясо мертвых животных, от чего появлялись сильные эпидемии. Болезни вывели из строя больше половины хористов и хор в конце концов распался.

Заслуживает нашего внимания Зоя Сергеевна Первушина[333], в замужестве Александровская, (1919-1981), уроженка г. Буй Ярославской области. Она студенткой Московского института физкультуры им. Сталина добровольно санинструктором вступила в июле 1941 года в отряд особого назначения НКВД. Тяжело раненной в марте 1942 года попала в плен. Вырвавшись на волю, стала с 01.11.1943 г. бойцом партизанского агитотряда им. Горького. Участвовала солисткой в 150 концертах перед народными мстителями. После войны длительное время работала учителем физкультуры в Горловской школе-интернате.

Судя по всему, Леонид Кравченко был московским ополченцем 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района, как были, определенно, ополченцами и еще трое творческих людей. Мимоходом упоминается театральный режиссер Алексей Федорович Вебер из Москвы, примерно 45 лет. Он умер от разрыва сердца, когда ему лагерные санитары-изуверы пилили ножовкой отмороженные ноги. Еще предстоит установить личность скульптора, которого отыскал среди военнопленных немецкий комендант и привлек к изготовлению своего бюста. От такой возможности запечатлеть себя для потомков не отказались и другие лагерные офицеры. Остается безымянным и художник, который писал с натуры карандашом портреты военнопленных с дегенеративными чертами недочеловеков в специальный альбом для второго коменданта лагеря Гофмана, специалиста по расовым вопросам. Кстати, подобная практика имела место в других немецких лагерях. Так, в лагере Боровуха (ныне Новополоцк), благодаря своим художественным дарованиям, выжили Николай Тимофеевич Гутиев[334] (1912-2007) из Ростова и московские ополченцы 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района столицы – Николай

[333] https://dzen.ru/a/Y7Qiqn_FfF1dYKVg; https://www.moypolk.ru/soldier/aleksandrovskaya-pervushina-zoya-sergeevna), https://partizany.by/partisans/69295/

[334] https://partizany.by/partisans/104442/

Ипполитович Обрыньба[335] (1913-1993) и Алексей Иванович Августович[336] (1914-1995). Правда, они выполняли заказы другого рода. Первые двое стали партизанами, последний прошел и сталинский лагерь. Но это уже совсем другая история.

Буквально в ходе подготовки материала для публикации была обнаружена информация о Николае Михайловиче Беляевском[337], 1909 г.р., уроженце Москвы, ополченце 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы. Этот человек был профессиональным художником и, судя по всему, являлся сыном художника Михаила Николаевича Беляевского (1870-первая треть XX века). В 1935 году Николай Михайлович был награжден грамотой Всесоюзного профессионального союза работников искусств (Всерабиса) за культурное шефство над РККА. Бывший ополченец вполне мог иметь отношение к шталагу-337, поскольку он прибыл 01.12.1943 г. в партизанский отряд им. Дзержинского бригады им. Рокоссовского Слонимской зоны именно из Слонима, где жил в доме № 6 по улице Луговой. Этот город и зона действий отряда указывают на то, что здесь дело не обошлось без Леснянского лагеря и его рабочей команды в Слониме. Не исключено, что художник использовался в шталаге-337 по специальности, как и в рядах партизан. Николай Михайлович участвовал в выпуске подпольных газет «Вольная праца», «За Родину»; брошюр и листовок, отрядных стенных газет. Лично вырезал клише. В ноябре 1944 года находился в распоряжении Белорусского штаба партизанского движения.

Московские ополченцы – узники шталага-337

Благодаря кропотливой работе с личными карточками учета партизанских кадров, удалось обнаружить московских ополченцев, которым посчастливилось вырваться из шталага-337 и присоединиться к партизанам. Одному из них оказывал содействие в его подпольной работе упомянутый выше мой родственник Ф.И. Гордейчик.

• Этим военнопленным был

[335] https://partizany.by/partisans/36914/, Обрыньба Н.И. «Судьба ополченца», издательство: Эксмо, 2006;
https://4italka.su/dokumentalnaya_literatura_main/biografii_i_memuaryi/395067.htm

[336] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87,_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

[337] https://partizany.by/partisans/75664/

Володин Георгий Макарович[338], 1903 г.р., уроженец Смоленской области, проживавший накануне войны в Москве. Служил в Красной Армии с 1925 по 1929 г. Затем окончил Московский строительный институт. Занимал ответственные должности в разных организациях. Работая начальником стройотдела «Совмонголтувторга» в пос. Култук Иркутской области, был арестован 18.11.1938 г. Обвинен по четырем политическим статьям. Георгию Макаровичу повезло. Его дело было прекращено. И он был реабилитирован 15.06.1939 г. постановлением УНКВД Иркутской области. Перед Великой Отечественной войной работал в Москве в Госстройконтроле. Мобилизован 06.07.1941 г. в Московское народное ополчение. Был помощником командира саперного взвода 1-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы. (с 26.09.1941 г. – 1281-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Пленен 17.10.1941 г. под Ельней. Находился в лагерях на ст. Лесная, в Клецке и в Барановичах с 17.10.1941г. по 30.12.1943 г. Будучи инженером-строителем, в шталаге-337, по данным бывшего военнопленного Чугунова В.И., был бригадиром строительной команды. Бежал из лагеря военнопленных в г. Барановичи 30.12.1943 г. при сдаче рабочего инструмента с двумя военнопленными-москвичами. Прибыл 03.01.1944 г. в отряд им. Чкалова 20-й бригады им. Гризодубовой Южной зоны. В отряде работал в оружейной мастерской, имел благодарности от командования. В июле 1944 г. из Белорусского штаба партизанского движения был направлен в распоряжение Наркомстроя БССР.

Сопоставляя данные учетных партизанских документов, удалось установить второго узника, бежавшего с Г.М. Володиным и ставшего с ним в тот же день партизаном того же отряда им. Чкалова. Им оказался Колесников Иван Тимофеевич[339], 1902 г.р., уроженец с. Савинка Щучинского (ныне Бурабайского) района Акмолинской области Казахстана, призывник Тимирязевского РВК столицы, числившийся пропавшим без вести в октябре 1941 г. Этот человек с высшим образованием вполне может являться московским ополченцем.

[338] https://partizany.by/partisans/159643/, https://rosgenea.ru/familiya/volodin/page_3

[339] https://partizany.by/partisans/159888/

М.А. Жилин встретил в барановичской тюрьме Г.М. Володина. Он характеризует этого ополченца как мужественного человека, который **сформулировал правила:** *«Ни при каких обстоятельствах не ронять достоинство советского гражданина. Не унижать себя просьбами личного характера. Всеми возможными способами разоблачать вражескую пропаганду. Добывать и распространять правду о действительном положении на фронтах и тылу нашей родины. Оказывать моральную и, если предоставляется возможность, материальную поддержку товарищам.* -. Этим правилам он сам следовал в шталаге-337, показывая товарищам пример стойкости. По сути, это была целая **программа поведения узника** в плену, которая, как видно, обсуждалась, находила отклик, приводила к конкретным действиям и результатам. А **Георгия Макаровича Володина вполне можно считать, как одного из руководителей групп Сопротивления в шталаге-337, наладившего связь с местными жителями.**

Так, по данным М.Б. Куна, белорус Гордейчик Федор Иосифович помог бежать из лагеря целой бригаде сапожников, которым передал ножницы для резки проволоки. И в конце 1941 года, накануне Нового года, 20 военнопленным, работавших на лесопильне за пределами лагеря, разоружив охрану, ушли в лес с песней «Катюша». С этой группой смельчаков покинул лагерь и бывший лагерный комбат Валик, личность неоднозначная среди тех, кто пошел на службу к немцам. Этот человек был разжалован немцами за мягкотелость и пошел на контакт с плотником, раскрыв ему свой замысел о побеге.

Многодетные братья Гордейчики по принудительной мобилизации немцами, в числе других местных жителей, участвовали в строительстве лагерных построек, работали в шталаге-337 плотниками и всячески помогали узникам – проносили за колючую проволоку еду, медикаменты, гражданскую одежду, содействовали побегам. Местным жителям на первых порах удалось спасти часть несчастных. Так, один военнопленный «стоил» три десятка яиц и четверть самогона. Вскоре наладилась регистрация, порядки ужесточились. Некоторое послабление оставалось к гражданским лицам, чем активно пользовались жители Барановичского района. В славном ряду праведников-белорусов, спасших от верной гибели немало военнопленных и семей с детьми из

центральной России и восточной Белоруссии, были и мои семейные герои.

Укажу еще ряд лиц, имевших отношение к Московскому народному ополчению:

• **Горохов Александр Ильич** [340](1907-1990), уроженец Калужской области. Закончил заочное отделение Текстильного института в Москве. Накануне Великой Отечественной войны работал инженером отделочного производства московской отделочной фабрики им. Маркова. Ополченец, командир взвода 5-й роты 3-го батальона 19-го стрелкового полка 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1294-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии (1-го формирования). Участник Битвы за Москву. В октябре 1941 г. пленен под Вязьмой. Находился в плену на ст. Лесная с 28.10.1941 по 07.04.1942 г., когда совершил побег с поезда. Прибыл 06.05.1942 г. в партизанский отряд им. Чапаева бригады им. Ленина. С 20.08.1942 г. воевал командиром отделения. Являлся комендантом партизанской деревни. Награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, Орденом Отечественной войны 2-й степени в 1948 г., юбилейным орденом Отечественной войны 2-й степени. Имеется его автобиография от 29.06.1943 г. Похоронен на Введенском кладбище г. Москвы.

Фото 29. Захоронение Горохова Александра Ильича (1907-1990), младшего лейтенанта 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы, на Введенском кладбище в Москве

• **Гуревич Лев Соломонович** (Семенович)[341], 1918 г.р., уроженец д. Татарск Смоленской области, ополченец 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 113-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Попал в плен в октябре 1941 года. Прошел путь военнопленного через Рослав-

[340] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial- chelovek_dopolnitelnoe_donesenie1157709133chelovek_dopolnitelnoe_donesenie1157709133, https://partizany.by/partisans/60524/

[341] https://partizany.by/partisans/60531/

ль в Смоленск. Железнодорожным этапом был доставлен на ст. Лесная. Сбежал 10 мая 1942 г. из шталага-337. Стал участником партизанского движения в составе отряда им. Чапаева бригады им. Ленина Пинского соединения. Был командиром конной разведки. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. После войны работал в системе народного образования, был заслуженным учителем БССР.

О нем публикация литературоведа, доктора филологических наук, добровольца и участника войны Э.С. Гуревич «Мой старший брат – Иов»[342]. Лев Соломонович накануне войны учился на физмате в Московском пединституте им. В.И. Ленина. Среди ополченцев Фрунзенского района упоминал профессоров института Попова, Перепелкина, Шапиро, Малова, Головенченко. Лев Соломонович скрывался в Леснянском лагере под вымышленным именем Петра Ивановича Гусева, рассказывал о суточном рационе военнопленного: миска баланды из гнилой картошки и 150 граммов хлеба, о том, что в эпидемию сыпного тифа из бараков каждое утро выносили по 20-25 умерших.

Фото 30. Гуревич Лев Соломонович (1918 – не ранее 1985), ополченец 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы, с сестрой Эсфирь. 1940 г.

Гуревича Л.С. в шталаге-337 не выдал на расправу зондерфюреру Мюллеру, который активно выискивал среди военнопленных политработников и евреев, заведующий вещевым складом Эрих Хагер, портной из Мюнхена. Антисемит и лицемерный русофоб зондерфюрер Мюллер заподозрил, что работавший на складе военнопленный имеет еврейские черты, но сердобольный завскладом сумел отстоять своего подневольного работника. А товарищ М.Б. Куна был убит на постро-

[342] Гуревич Э.С. «Мой старший брат – Иов», Мишпоха, № 17, http://mishpoha.org/n17/17a25.php

ении только за то, что имел нос с горбинкой, а евреем точно не был.

К слову, о **гнусной акции Холокоста рассказал М.А. Жилин.** В конце октября 1941 года в карантинном лагере при шталаге-337 из военнопленных только что прибывшего этапа, в составе которого он сам был доставлен, отобрали группу евреев. Немцы заставили их раздеться догола и незамедлительно расстреляли с находившимися здесь гражданскими лицами той же национальности. Тела были сброшены в яму рядом с входными воротами.

О применении подобной практики в шталаге-337 исследователь Сергей Вячеславович Вершинин – внук добровольца 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии – нашел информацию в Бундесархиве.[343]

О некоем жалостливом многодетном поваре-немце упоминала моя русская бабушка Буренина Пелагея Филипповна. Когда после тяжелых работ на лесозаготовках ей удалось попасть в кухонную команду, повар, наблюдая ее мытарства с детьми, стал украдкой делать прибавку в порцию баланды для ее «киндеров». На смеси немецкого и русского языков пояснял, что скучает по своим детям и, что простым немцам война не нужна. Об этом, в частности, и о нашей семье в годы войны рассказывается в моем материале «Лагерь № 337 на ст. Лесная в истории семьи Гордейчик».[344]

Продолжу список.

• **Бунаков Максим Михайлович**[345], 1903 г.р., уроженец д. Вышне-Столбецкое Покровского района Орловской области. Член ВКП(б) с октября 1927 г. До войны семья героя проживала в Москве на Цветном бульваре. Ополченец, красноармеец 3-го стрелкового полка 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1297-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии 2-го формирования)

Был участником боев под Ельней. Участник Битвы за Москву. Находился в плену на ст. Лесная с 15.10.1941 г. Стал активным участником группового побега 20 военнопленных, когда они, будучи в апреле 1944 г. на работах не-

[343] Бундесархив. Фонд В 162, «Расследование против Ф. Шнивинда по подозрению в «фильтрации» советских военнопленных еврейского происхождения и других так называемых «неприемлемых» военнопленных в шталаге-337 в Барановичах/ под Минском и в лагерном отделении в Слуцке».

[344] https://rubon-belarus.com/repressii/stalag337.html

[345] https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat10264690, https://partizany.by/partisans/163789/

подалеку от станции, разоружили конвой и у 5 немецких солдат отобрали 4 винтовки и автомат. Максим Михайлович присоединился 16.04.1944 г. к партизанскому отряду им. Котовского бригады «25 лет БССР». Награжден юбилейным орденом Отечественной войны 2-й степени.

• **Москалев Николай Владимирович**[346], 1905 г.р., уроженец Тамбовской области. Окончил финансово-экономический институт, работал начальником финансового отдела и главным бухгалтером треста № 34 Наркомстроя СССР.

Интендант 3-го ранга, помощник командира пулеметной роты 2-го стрелкового полка 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1290-го стрелкового полка 113-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Находился в плену в г. Барановичи с 25.12.1941 по 10.05.1942 г. По 06.08.1942 г. скрывался в лесах. Прибыл 06.08.1942 г. в партизанский отряд им. Щорса 27-й бригады им. Чапаева. С 06.08.1943 г. назначен помощником начальника штаба, а с 01.04.1944 г. – начальником штаба отряда. Аттестован в 1944 году на присвоение очередного воинского звания майора интендантской службы. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

• **Купряков Алексей Григорьевич**[347], 1923 (1922) г.р., уроженец д. Авдотьино Шацкого района Рязанской области. С 1940 г. работал слесарем на Московском военном авиазаводе. В составе группы комсомольцев, работников этого завода, ушел в ополчение Сталинского района столицы. По данным его внука Алексея Викторовича Купрякова, дедушка Алексей ушел в Московское народное ополчение со своим отцом Григорием Ивановичем Купряковым, 1893 г.р., уроженцем с. Большой Пролом Шацкого района Рязанской области, краснодеревщиком, участником отделки первого Мавзолея В.И. Ленина. Прадед пропал без вести в Смоленской области не позднее марта 1942 года.

Алексей Григорьевич, красноармеец-подрывник 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы (с 26.09.1941г. – 2-я стрелковая дивизия (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Был

[346] https://partizany.by/partisans/49340/

[347] https://partizany.by/partisans/77015/, https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero82090812, https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero106496338

пленен 13.10.1941 г. под Вязьмой. Находился в лагерях Вязьмы и Можайска. Дважды пытался бежать, но был пойман. Перемещен из Можайска на ст. Лесная в лагерь, где получил номер узника 15817. С 12.09.1942 г. находился в лагере в г. Ивацевичи. Совершил 29.05.1943 г. побег из этого лагеря в составе группы из 45 человек рабочей команды № 117. Вступил 14.06.1943 г. в партизанский отряд им. Димитрова бригады им. Пономаренко, где был командиром отделения. Имел 4 благодарности от командования. Помимо боевых действий был активным участником политмассовой работы. Награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Продолжил службу в РККА. Служил мл. сержантом, курсантом – командиром танка учебного батальона 17-го отдельного учебно-танкового полка бронетанковых и механизированных войск 1-го Белорусского Фронта. Награжден медалью «За боевые заслуги» (1945), медалью «За взятие Берлина» (1945), юбилейным орденом Отечественной войны 1-й степени. Имеется автобиография Купрякова А.Г. от 18.07.1944 г. После войны Купряков А.Г. был заведующим «Чайной» в пос. Шерешево Пружанского района Брестской области. Похоронен в Бресте, где Алексей Григорьевич жил в последние годы своей жизни.

Немало московских ополченцев прошло через шталаг-337 и продолжили свой скорбный путь по другим лагерям Прибалтики, Польши, Германии. Часть их них погибла на чужбине. Другие были освобождены Красной армией и союзниками, а после проверки благополучно репатриированы.

Погибли за колючей проволокой в других лагерях:

• **Мехов Леонид Семенович**[348] , 1890 г.р., уроженец с. Заозерье Угличского района Ярославской области, воентехник 1-го ранга 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 60-я стрелковая дивизия (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Пленен 22.10.1941 г. под Спас-Деменском, был узником шталага-337, умер 01.04.1943 г. в лагере Калвария;

• **Осенник Николай Павлович**[349], 1896 г.р., уроженец Гродно, капитан 973-го артполка 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 160-я стрелковая дивизия (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Пле-

[348] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero102894155

[349] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93218042

нен 12.10.1941 г. у д. Семлево, был узником шталага-337, умер 17.03.1944 г. в лазарете г. Мутциг в Эльзасе;

• **Зиновьев Николай Иванович**[350], 1903 г.р., уроженец д. Гололобово Коломенского района Московской области. мл. лейтенант 3-го стрелкового полка 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1316-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Попал в плен 03.10.1941г. под Спас-Деменском, был узником шталага-337, умер 22.06.1943 г. в лагере VI форт в Каунасе.

• **Кобзев Николай Васильевич**[351], 1896 г.р., Призван Краснопресненским РВК 21.09.1941 г., военинженер 3-го ранга, начальник мастерской боепитания 972-го артполка 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 113-й стрелковая дивизия (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Пленен 08.10.1941 г. под Вязьмой. Находился в шталаге-337 и в шталаге-367 в Риге. Умер в плену 14.06.1944 г.

• **Котов Владимир Петрович**[352], 1905 г.р. Записался в Московское народное ополчение 07.07.1941 г. Военинженер 3-го ранга, служил в 980-м артполку 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 17-я стрелковая дивизия (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Пленен 10.10.1941 г. под Спас-Деменском, был узником шталага-337. Умер в плену 30.12.1942 г., находясь в шталаге-336 в Каунасе.

Фото 31. Кобзев Николай Васильевич (1896-1944), ополченец 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы, военинженер 3-го ранга. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

[350] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero103070638

[351] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92352154

[352] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero101189525

Любопытно, что инженер-механик Кобзев Н.В. регистрировался в шталаге-337 сначала под номером 1793, затем – 4035, имел в немецкой персональной карточке хорошую характеристику (буквально – «спокойный») и отметку «хорошо», был отправлен в Ригу по распоряжению «начальника лагерей военнопленных». А инженер-строитель Котов В.П. по учетным данным РККА значился красноармейцем, в барановичском отделении имел номер 1224 и был доставлен 09.10.1942 г. на работу в шталаг-336 в Каунас. Бухгалтер Мехов Л.С. имел в барановичском отделении номер 944, а продавец Зиновьев Н.И. – номер 1320 и был доставлен 09.10.1942 г. в шталаг-336 на работу. Инженер-техник Осенник Н.П. имел первоначальный номер 1240, затем в Леснянском лагере – 19191. Позднее был отправлен 31.10.1943 г. на работу в лагерь с неразборчивым обозначением (возможно, V C) и находился в разных рабочих командах до поступления 03.02.1944 г. в эльзасский лазарет.

Фото 32. Мехов Леонид Семенович (1890-1943), ополченец 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы, воентехник 1-го ранга. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

• Трагически сложилось пребывание в плену для начальника инженерной службы 1298-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии (1-го формирования) (бывшего 3-го стрелкового полка 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы), ст.лейтенанта **Мирошникова Прокофия Романовича**[353], 1890 г.р., уроженца с. (пос.) Новопсков одноименного (ныне Старобельского) района Ворошиловградской (ныне Луганской) области, по гражданской профессии продавца. Он служил в РККА с октября 1938 г. Участник Битвы за Москву. Попал в плен под Вязьмой 11.10.1941 г. В барановичском отделении шталага-337

[353] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero91873096

имел первоначальный лагерный номер 1245, затем – 1524. Умер 30.01.1943 г. в офлаге Калвария.

Фото 33. Мирошников Прокофий Романович (1890 -1943), ополченец 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района г. Москвы, ст.лейтенант. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

• Скончался в плену 26.04.1943 г. и мл. лейтенант, бывший командир стрелковой роты 1-го стрелкового полка 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1312-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии (2-го формирования) – **Малолетов Александр Иванович**[354], 1918 г.р., уроженец д. Трушнево Череповецкого района Вологодской области, по гражданской специальности тракторист. Он был призван в РККА в декабре 1939 г. Участник Битвы за Москву. Попал в плен под Спас-Деменском 06.10.1941 г. В шталаге-337 был зарегистрирован под номерами 812 и 33855 («Q»), позже доставлен 09.10.1942 г. в шталаг-336 на работу. С 30.03.1943 г. находился в лазарете для военнопленных Скробов (Скробув, Люблинское воеводство Польши), куда доставляли больных туберкулезом.

Поделюсь материалами из личного фотоархива бывших узников шталага-337.

• **Кузичев Федор Сергеевич**[355], 1910 г.р., уроженец с. Архангельское Крапивенского района Тульской области, по гражданской специальности пивовар, лейтенант, командир взвода 1283 стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшего 2-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы). Участник Битвы за Москву. Попал в плен 10.10.1941 г.

[354] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero105989156

[355] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero49735882

под Вязьмой. В шталаге-337 имел первоначальный номер 1489. Находился в отделении «Q» под номером 33612. Прибыл 09.10.1942 г. в рабочую команду шталага-336 в Каунас. В его персональной карточке – большой список лагерных перемещений и рабочих команд. Прошел шталаг XI B в Фаллингбостеле (земля Нижняя Саксония), лагерь Берген-Бельзен (ныне земля Нижняя Саксония). По состоянию на 15.09.1944 г. был жив, находился в рабочей команде № 111 в Усларе, район Нортхайма.

Фото 34. Кузичев Федор Сергеевич (р.1910), ополченец 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы, лейтенант. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

В плену выжили:

• старшина 1297-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшего 3-го стрелкового полка 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы) **Осипов Александр Алексеевич,** 1915 г.р., уроженец Москвы. Участник Битвы за Москву. Пленен 12.04.1942 г. под г. Вязьмой[356];

• мл. лейтенант 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 139-й стрелковой дивизии (2-го формирования) **Кобяков Валентин Николаевич**, 1912 г.р., москвич со ст. Бирюлево. Участник Битвы за Москву, плененный 05.10.1941 г. под Ельней[357]. Примечательно, что он, как офицер, имел в шталаге лагерный номер 1502, а плененный в тот же день и в том же месте рядовой Богоявленский А.В. имел лагерный номер 13945. Это указывает на то, что в шталаге-337 велся раздельный учет офицеров и солдат.

А о динамике поступлений военнопленных в шталаг говорит лагерный номер Котова В.П. – 33604 и Кобзева Н.В. – 4035.

[356] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978169192);

[357] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen272148298

Фото 35. Романенко Яков Константинович (р.1894), 5-я дивизия народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы, мл. лейтенант. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

• Шофер по гражданской специальности **Романенко Яков Константинович**, 1894 г.р., ополченец 2-го стрелкового полка 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1290-го стрелкового полка 113-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Участник Битвы за Москву, взят в плен 18.10.1941 г. Имел в шталаге-337 номер 15135, был доставлен 20.11.1943 г. в шталаг-367 (Рига) на работу. Потом прибыл 10.06.1944 г. в лагерь VI G. С 23.02.1945 г. находился в лагере VI K (326, Форелькруг, земля Северный Рейн-Вестфалия).

Слесарь Осипов А.А. в шталаге-337 имел номер 23444. Он в 1944 году прошел лагеря 352, III A, V C. Механик Кобяков В.Н. был доставлен 31.10.1943 г. из лагеря Калвария в лагерь V C[358].

• Вернулись на Родину двое других бывших ополченцев. **Крутченко Григорий Леонтьевич** (Леонович), 1921 г.р., уроженец Киевской области, лейтенант 1-го стрелкового полка 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1312-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Пленен 10.10.1941 г. под Спас-Деменском. Находился в шталаге-337 на ст. Лесная, в офлаге Калвария. Прошел лагеря на территории Польши, в т.ч. шталаг III C (лагерный номер 29801); с 15.07.1943 г. лагерь XX A (Торунь). Проходил проверку. Прибыл 13.07.1945 г. из лагеря № 229 (г. Ораниенбург) в 102-й запасной стрелковый полк 21-й запасной стрелковой дивизии. Убыл 12.11.1945 г. в Лацаканский (?) РВК Киевской области. Награжден юбилейным орденом Отечественной войны

[358] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero45691008

2-й степени. На портале «Память народа» имеется его фотография[359].

Фото 36. Крутченко Григорий Леонтьевич (1921- не ранее 1985), ополченец 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы, лейтенант. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

• И другой репатриант. **Катриченко Иван Зиновьевич**, 1920 г.р., уроженец Киевской области, лейтенант, командир роты 8-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (ранее 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы). Участник Битвы за Москву. Пленен 04.10.1941 г. под Вязьмой. В лагере на ст. Лесная находился с октября 1941 г. Прошел офлаг Калвария, шталаг-326 (Штукенброк-Зеннe). После освобождения проходил проверку. Прибыл 13.07.1945 г. из лагеря № 229 г. Ораниенбурга. Направлен в 102-й запасной стрелковый полк 21-й запасной стрелковой дивизии. Убыл 22.11.1945 г. в райвоенкомат по месту жительства. На портале «Память народа» имеется фотография[360].

Фото 37. Катриченко Иван Зиновьевич (1920 - ?), лейтенант 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района г. Москвы. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

[359] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93302931

[360] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero91347879

• Похожая судьба была у москвича, по гражданской специальности табельщика, воентехника 2-го ранга, зав.делопроизводством АХО штаба, 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 60-й стрелковой дивизии (2-го формирования), **Яковлева Александра Алексеевича**, 1903 г.р., участника Битвы за Москву. Он попал в плен под Вязьмой 09.10.1941 г. Прошел отделение шталага-337 в г. Барановичи. Был зарегистрирован под лагерным номером 737 и 39636 (Q). Доставлен 09.10.1942 г. в шталаг-336 (г. Каунас) и далее находился в рабочей команде в лагере Ленгеде, госпиталях Вольфенбюттель и Хамельн (всё земля Нижняя Саксония), в лагере Берген-Бельзен (Ганновер). В плену выжил. Прибыл 22.11.1945 г. из 252-го лагеря (г. Франфурт-на-Майне) в 359-й запасной стрелковый полк. Убыл 06.12.1945 г. в распоряжение Свердловского РВК[361].

• По данным РГВА, из плена был освобожден москвич **Глазов Сергей Иванович**, 1907 г.р., плененный 05.10.1941 г. под Спас-Деменском, служивший в составе 980-го артполка 17-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшей 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы)[362]. Участник Битвы за Москву. Он в шталаге-337 имел регистрационный номер 24656. Прошел шталаги 352, V C. Место работы – Московский подшипниковый завод, место жительства – Москва, Извилистая улица, д.31.

Фото 38. Яковлев Александр Алексеевич (1903-1978), ополченец 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы, воентехник 2-го ранга. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

В моем домашнем архиве имеются данные о трех ополченцах, плененных под Вязьмой в октябре 1941 г.

[361] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero83911653

[362] https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat11820594

• Это воентехник 1-го ранга **Асмолов Георгий Леонидович**, 1905 г.р., уроженец Харькова. Служил в 3-м стрелковом полку 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1292-м стрелковом полку 113-й стрелковой дивизии (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Попал в плен 13.10.1941 г. больным. Согласно перемещениям из его немецкой учетной карточки военнопленного, он был жив по состоянию на 02.02.1945 г.[363]

• Второй, тоже воентехник 1-го ранга, но из 977-го артполка 140-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшей 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы), ленинградец **Медведев Николай Степанович**, 1903 г.р. Участник Битвы за Москву и попавший в плен 10.10.1941 г. под Вязьмой. По данным учетно-послужной картотеки, из плена был освобожден[364]

Фото 39. Медведев Николай Степанович, (1903 – ?), ополченец 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы, воентехник 1-го ранга. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

• Третий, красноармеец **Трубников Леонид Алексеевич**[365], 1909 г.р., уроженец г. Мещовска Калужской области, попавший в плен 09.10.1941 г. под Вязьмой, воевавший во 1292-ом стрелковом полку 113-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшем 3-ем стрелковым полку 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы). Этот слесарь-ополченец был доставлен

[363] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978080149

[364] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978118603

[365] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978143951

22.05.1942 г. из шталага-337 в шталаг-318, где его зарегистрировали под номером 23777. Потом он прибыл 29.09.1942 г. в шталаг VIII B. Награжден юбилейным орденом Отечественной войны 2-й степени.

Инженер-биохимик Медведев Н.С. в шталаге-337 имел номер 19639, был доставлен 31.10.1943 г. из лагеря Калвария в шталаг V C. Инженер-электрик Асмолов Г.Л. в барановичском отделении имел номера 151 и 2632, в офлаге Калвария – 2632, куда был доставлен 03.05.1943 г. Он трудился в разных рабочих командах, прошел лагерь XVIII A, с 28.08.1944 г. лагерь XVIII C, с 12.03.1945 г. лагерь СС Зальцбург[366].

После освобождения из плена проходили спецпроверку в офицерском лагере НКВД № 269 (г. Баутцен, земля Саксония) бывшие ополченцы 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы Михаил Егорович Березин и Дмитрий Георгиевич Сергеев.

• **Сергеев Дмитрий Георгиевич**, 1893 г.р., уроженец д. Белоусово Наро-Фоминского района Московской области (ныне относится к сельскому поселению Новофедоровское). Член ВКП(б) с 1925г. Призван парткомом Радиозавода № 203 им. Г.К. Орджоникидзе. политрук роты 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы. Участник Битвы за Москву. Попал в плен 06.10.1941 г. в Смоленской области. Находился в плену в лагере г. Барановичи с 18.10.1941 по 11.06.1942 г. Прошел лагеря Калвария с 11.06.1942г. по 20.11.1943 г., Ченстохова с 23.11.1943 по 10.08.1944г. и Нюрнберга с 14.08.1944 по 17.04.1945г. В плену выжил. Направлен в 7-й запасной стрелковый полк 1-й запасной стрелковой дивизии.[367]

• **Березин Михаил Егорович**, 1911 г.р., уроженец г. Наро-Фоминска. Член ВКП(б) с 1931 г. Призван Наро-Фоминским РВК. Мл. лейтенант, командир взвода 1300-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшего 7-го стрелкового полка 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы). Участник Битвы за Москву. Попал в плен под Ельней 01.10.1941 г. Находился в плену с 01.10.1941 по 04.06.1942г. в лагере г. Барановичи. С 01.08.1942 по 22.04.1945 был в лагере 304 (Цайтхайн, Германия). Направлен в 7-й запасной стрелковый полк 1-я запасная стрелковая дивизия. Имеется фотография героя на портале «Память народа».

366 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93060544
https://pamyat-naroda.ru/heroes/mtmorial-chelovek_pl

367 https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero42722485

По гражданской специальности мастер ткацкого производства[368].

Фото 40. Березин Михаил Егорович, 1911 г.р., 9-я дивизия народного ополчения Кировского района г. Москвы, мл. лейтенант. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

Надо отметить, что в РФ в середине 1990-х г. фильтрационно-проверочные дела бывших военнопленных (по месту их послевоенного проживания) из региональных Управлений ФСБ были переданы на ответственное хранение в республиканские и областные госархивы. Эта передача рассекреченных документов происходила в соответствии с Указом Президента РСФСР от 24.08.1991г. (№ 82) «Об архивах КГБ СССР». Сами же фильтрационно-проверочные материалы могут включать: протоколы допросов, опросные листы, анкеты репатриантов, учетные карточки о прохождении фильтрации, немецкие учетные карточки военнопленных и, в силу этого, представляют ценный источник информации для исследователей.

• На портале «Память народа» выложена анкета красноармейца **Гусева Евгения Ивановича**, 1903 г.р., призванного 06.07.1941г. Ленинским РВК столицы[369]. По этому документу он служил в составе транспортного взвода медсанбата соединения с ппс 933. Он числился пропавшим без вести в январе 1942 г. По данным немецкой карточки военнопленного, был уроженцем Симферополя, попал в плен 17.10.1941 г. под Смоленском, воевал в 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы (с 26.09.1941 – 60-я стрелковая дивизия (2-го формирования). Участник Битвы за Москву. Евгений Иванович в шталаге-337 получил лагерный номер 31206.

[368] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92933117

[369] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978087845

Он был доставлен 08.09.1943 г. из шталага VI K в шталаг VI A. Дальнейшая его судьба неизвестна. До войны герой жил в Москве на ул. Б. Якиманка, был кондитером.

• Из попавших в плен под Спас-Деменском на портале «Память народа» обнаружены сведения о военинженере 3-го ранга **Анурове Василии Антоновиче**, 1910 г.р., уроженце д. Мясоедово Алексинского района Тульской области. По немецким данным, он служил в 876-м батальоне, попал в плен 06.10.1941г. В шталаге-337 имел личный номер 1880. Был доставлен 31.10.1943 г. из офлагеря Калвария в шталаг V C. По учетно-послужной картотеке, имел звание ст. лейтенанта, воевал в отдельном батальоне связи при штабе 17-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (ранее 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы). Участник Битвы за Москву, призывник Дзержинского РВК, из плена освобожден.[370] Об этом человеке есть информация в Единой базе данных жертв репрессий в СССР. Он был арестован в 1949 году[371].

• В РККА был призван 07.07.1941 г. **Николай Федорович Десятсков**[372], 1918 г.р., уроженец Коломны. Он воевал красноармейцем в составе 22-го стрелкового полка 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района г.Москвы. Попал 05.10.1941 г. в плен под Ельней. Из шталага-337 перемещен в шталаг-318, куда был доставлен 22.05.1942 г. На портале «Память народа» имеется список призванных в РККА вместе с Николаем Федоровичем.

Изменники Родины – узники шталага-337

В комендатуре шталага-337 была организована подготовка **групп пропагандистов из числа военнопленных**. Этим занимался зондерфюрер Форбах с тремя помощниками, офицерами РОА. Свидетельства М.А. Жилина дополняются показаниями фольксдойче Ивана Отта[373]. В феврале 1942 года была сформирована первая такая группа из военнопленных с высшим образованием. Формировались и осо-

[370] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978150716

[371] Следственное дело, ГА РФ. Ф. 10035, Д П-70733; https://bessmertnybarak.ru/books/person/1760184/).

[372] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978052094).

[373] НАРБ Ф.1350. Оп.1 Д.35; https://www.litres.ru/book/svyatoslav-kulinok/prisluzhniki-gitlera-nemeckie-razvedyvatelno-diversionn-67259738/chitat-onlayn/

бые группы изменников Родины для шпионской и террористической работы в партизанских отрядах. Отбором кандидатов в школу пропагандистов г. Барановичи и ее руководством ведал лейтенант (капитан) Айхерн.

В связи с этим, любопытны скудные данные об одном, скажем так, персонаже. Через шталаг-337 прошел рядовой Шыбалов Николай Иванович[374], 1902 г.р., уроженец Москвы. По другим данным, уроженец с. Григорьево Тейковского района Ивановской области, проживал в Москве по ул. Неглинная, служил в воинской части с ппс 933. Он имел высшее образование, был служащим. По данным алфавитной карты, значится в московском народном ополчении с 22.07.1941 г. под фамилией Шибалов. Призван 07.07.1941 г. Коминтерновским РВК. По данным печатной Книги памяти, пропал без вести в ноябре 1941 г. По данным личной карточки учета партизанских кадров, он прибыл 03.01.1944г. в отряд им. Чкалова 20-й бригады им. Гризодубовой из плена (г. Барановичи). В отряде он был расстрелян как шпион[375]. В списках 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы значится санитаром, пропавшим без вести в октябре 1941 года.

О масштабе диверсионно-разведывательной работы немецких спецслужб с использованием агентов из числа военнопленных шталага-337 убедительно говорят два обнаруженных источника.

С барановичским лагерем военнопленных была тесно связана история немецкого шпиона и провокатора Гончарова Владимира Егоровича, майора интендантской службы по кличке «ВЕГ», 1915 г.р., уроженца Курской области[376]. Сдавшийся в плен техник-интендант 2-го ранга, заведующий делопроизводством штаба 24-го кавалерийского полка 36-й кавалерийской дивизии, был грамотным, умным, хитрым и жестоким человеком. Он проник в барановичскую подпольную организацию «Союз беспартийных большевиков», деятельность которой стала контролироваться немецкой службой безопасности (СД).

Этот Союз (другое название – Комитет союза большевиков) действовал в г. Барановичи с конца 1941 года. В декабре 1941 г. в тюрьме г. Барановичи покончил с собой его организатор мл.

[374] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero10451236

[375] https://partizany.by/partisans/160227/

[376] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero103453985

лейтенант Федор Митрофанович Пожарский, 1904 г.р., уроженец Тульской области, бывший начальник хим.службы 416-го гаубичного артиллерийского полка 113-й стрелковой дивизии (1-го формирования), награжденный в апреле 1940 г. орденом Красной Звезды[377]. Были арестованы и другие члены Союза, а его «руководителем» стал немецкий провокатор. Последний не гнушался заниматься спекуляцией мылом, костюмами, часами, награбленными при погромах в гетто. Немецкая спецслужба ставила перед ним задачу сформировать агентурную сеть для проникновения в партизанский отряд Стрелкова (мл. политрука Степана Константиновича Камашева), который доставлял оккупантам большие проблемы в Барановичской области. «ВЕГу» удалось втереться в доверие к Барановичскому подпольному обкому КПБ(б), партизанским командирам. В мае 1943 года он попадал под подозрение в принадлежности к немецкой разведке, был даже арестован сотрудниками особого отдела Первомайской бригады. Но, заручившись положительной характеристикой своих агентов в рядах партизан, продолжил свое гнусное дело. Гончаров сумел дискредитировать группу (14 человек) мирных граждан и бежавших из шталага-337 военнопленных, представив их в Первомайской бригаде как диверсантов. Он же их и допрашивал. Все они были расстреляны. Ему удалось внедрить в ряды партизан не менее 10 немецких агентов – Вишневского (стал начальником штаба отряда «Грозный»), Михаила Федоровича Кизяева (стал начальником штаба Первомайской бригады), Федора Васильевича Челганова, Ивана Савельевича Ремезкова, Григория Дудича, Высоцкого, Китманова, Карпова, Петрищева и др. С 29 июля 1943 г. «ВЕГ» стал официальным сотрудником СД. До октября 1943 года работал следователем СД. С 1944 г. – консультантом начальника отдела контрразведки в г. Барановичи. Бежал с отступавшими немцами. Предатель был арестован чекистами в Польше, где находился под другой фамилией, и по приговору Военного трибунала войск МВД Барановичской области 06.06.1946 г. расстрелян.

Судебные заседания проходили в г. Барановичи 26-27 апреля 1946 г. под председательством майора юстиции Пронкина с участием членов трибунала – ст. лейтенанта Орлова и мл. лейтенанта Можайцева. На совести

[377] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero105186409

изменника Родины была гибель десятков патриотов, военнопленных, мирных граждан, партизан и подпольщиков. Следствие установило, что за период службы в СД с личным участием Гончарова было репрессировано не менее 150 человек, из которых 10 было повешено, 30 патриотов были расстреляны, остальные были отправлены в лагеря и на каторжные работы в Германию. Не ушли от ответственности и его подручные-агенты, которые были расстреляны в марте 1944 г. по приказу № 9 от 11.03.1944 г. партизанской бригады им. Суворова. За основу изложенной истории взята статья полковника запаса органов КГБ РБ, писателя, Игоря Викторовича Кеза «Дело «ВЕГА», или бесславный конец резидента»[378], которую удалось дополнить и расширить своими изысканиями. При этом, остро встал вопрос о массовом расстреле в сентябре 1942 года (в так называемый «день Ирода») порядка 800 детей с матерями из Барановичского лагеря. Было ли это связано со шталагом-337?

Отдельная история с Ярыгиным Михаилом Ивановичем, поволжским немцем, перебежчиком. Об этом персонаже, окончившем 3-х месячные шпионские курсы в г. Барановичи, рассказали бывший партизан Гавриил Корнеевич Лукашевич,[379] 1917 г.р., и его дочь Татьяна Гавриловна Циркунова в сборнике своих мемуаров «Пока мы живы»[380]. Ранее этот лазутчик работал по партизанским отрядам Минской области. Немцы направили его в конце октября 1942 года в Телеханский район Пинской области для осуществления разведывательной деятельности. Его так называемая «легенда» гласила, что он находился в лагере военнопленных на ст. Лесная и его отправили на автомашине в г. Барановичи за продуктами. По пути он якобы сумел сбежать и отправился на поиски партизан. О пребывании немецкого шпиона в нарочито разнородной одежде по кличке «Мишка» в партизанском отряде им. Черткова бригады им. Дзержинского, подозрениях в отношении него и его попытке скрыться в феврале 1943 года и доставить сведения о партизанах своим хозяевам, – все это изложено в главе 27 «Лазутчики» сборника «Пока мы живы». В поимке матерого агента, шедшего в направлении на ст. Лесная, принимали участие партизаны из местных жителей

[378] Газета «Брестский курьер», 21.12.2011г., https://bk-brest.by

[379] https://partizany.by/partisans/27724/

[380] Сборник мемуаров «Пока мы живы», Гродно: АсАР. -2010

Лукашевич Г.К., Макарский П.Я., которые сумели перекрыть беглецу у Выгоновского озера все возможные пути отхода, смогли догнать шпиона и его обезвредить. По приговору партизанского суда вражеский лазутчик был расстрелян.

Всего, по данным на 01 января 2024 г., удалось установить 63 коллаборациониста, имеющих отношение к шталагу-337. Это провокаторы и доносчики, лагерные полицаи, обученные агенты СД; добровольцы ост-батальонов, БКА (Белорусской краевой обороны), РОНА (Русской освободительной народной армии), РОА (Русской освободительной армии), национальных легионов, украинских рабочих и охранных батальонов.

Кроме этого, установлено одиннадцать бывших военнопленных, которые летом 1943 года вступили в русский добровольческий легион, дислоцируемый в Смоленске, и перешли впоследствии в Смоленский партизанский полк особого назначения под командованием полковника Ивана Федоровича Садчикова (1909-1978). Они завершили свое пребывание в барановичском отделении шталага-337 18 июня, 16 и 20 июля 1943 года. Трое из них, по партизанским данным, отметились службой в полиции.

Вопросы, пока не имеющие ответов

Что касается военнопленных, уроженцев Москвы, побывавших в шталаге-337, то я рассчитываю на отклики и комментарии по судьбам размещенных на портале «Память народа» рядового Цыганкова Петра Харитоновича, 1900 г.р.[381]; сержанта Артюшина Александра Михайловича, 1916 г.р.[382]; Бойкова Алексея Петровича, 1921 г.р.[383], записанного в немецком учетном листке гражданским лицом; красноармейца Шварцгофа Сергея Андреевича, 1909 г.р.[384]. То же самое относится к уроженцу Московской области, рядовому Кирьянову Василию Алексеевичу, 1917 г.р.,[385] из д. Назаровка Егорьевского района.

Интересна информация еще об одном упомянутом ранее человеке. Это **Молебный Евдоким Константинович**, 1903 г.р., уроженец Полтавской области, капитан, политработник – ст. инструктор по агитации и пропаган-

[381] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978055651

[382] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978063628

[383] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978068568),

[384] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978130854

[385] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1978164361).

де политотдела – 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района столицы. Член ВКПБ(б) с 1926 г. Пленен в октябре 1941 г. Прошел через лагеря на ст. Лесная, Калвария, Нойбурга (Эльзас). Прибыл 17.04.1945 г. из г. Таранто (Италия) в Одесский сборно-пересыльный пункт. Прошел проверку в 102-м запасном стрелковом полку 21-й запасной стрелковой дивизии. Убыл 16.10.1945 г. в ГУШСОДОР № 12 г. Днепропетровска. На него заполнена карточка бывшего советского военнопленного[386] от 07.05.1945 г. под № 9451. До войны он работал экономистом. В фонде 8 008 3 6926 Российского госархива экономики имеется его персональный архив.

Старшим по воинскому званию в офицерском бараке Леснянского лагеря был некий полковник Бугримов. Этот волевой офицер остался верным присяге, демонстративно отказался снимать свою форму, сплачивал вокруг себя командиров, был для них авторитетом. Полковник был близким другом и однополчанином Молебного Е.К. и мог иметь отношение к московскому народному ополчению.

Фото 41. Молебный Евдоким Константинович, 1903 г.р., 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района г. Москвы, капитан. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

Интригующий вопрос – кто скрывается под фамилией Бугримов? Сходу не ответишь. Поиски полковника по открытым источникам пока не увенчались успехом, хотя рассматривались разные варианты написания фамилии. Ополченец М.Б. Кун совершенно определенно рассказывает, что полковника Бугримова вместе с офицерами Молебным и Игумновым в Леснянском лагере расстреляли после новогоднего выступления лагерного хора пе-

[386] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero91890423

ред немецким офицерским составом и прибывшими высокопоставленными чиновниками из г. Барановичи. Возможно, полковник все же остался в живых, как тот же Молебный.

Повесть М.Б. Куна «Живые среди мертвых» дает спорную, вызывающую вопросы, информацию о другом уважаемом военнопленными человеке. Сначала Михаил Борисович интригующе называет его дядей Ваней, отмечает его терапевтическое воздействие на сердца и души узников. Он в шталаге-337 держался просто, но в нем угадывалось нечто значительное. А вскоре автор называет его по фамилии, имени, отчеству. Этим скромным, харизматичным человеком оказывается был Иван Панфилович Престняков (?), учившийся в духовной семинарии, участник Брусиловского прорыва. О его воинском звании М.Б. Куну намекал Петр Чугунов. Немцы вскоре раскрыли этого загадочного человека как генерала, перевели в офицерский барак, и за отказ вступить в РОА умертвили в бункере, затопив водой «с помощью специально подведенной системы». Автор мемуаров указывает и на некоего Николая Ивановича Сазонова из уважаемой «старшей группы» военнопленных.

По воспоминаниям М.А. Жилина, последних обитателей офицерского барака в середине мая 1943 года отправили в офлаг Калвария (Литва), в т.ч. участников хора, а к лету того же года не стало в Леснянском лагере и женщин-военнопленных.

Здесь следует обратить внимание на свидетельство бывшего военнопленного командира 1-го (1300-го) стрелкового полка 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы подполковника Сагита Абдуловича Тазетдинова (1901-1975). Он в своей документальной повести «От смерти к жизни»[387] четко указывает, что 06.05.1942 г. в Калварию прибыла офицерская группа в 1 600 человек во главе с генерал-майором Пресняковым Иваном Андреевичем (1893-1943). И добавляет, что одновременно (!) туда прибыли офицеры из Бобруйска, Минска, Барановичей. Характерно, что подполковник вместе с командиром 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы Пресняковым И.А., штабным работником этой же дивизии капитаном Николаем Ивановичем Митрофановым, 1891 г.р., и другими ополченцами до Калварии про-

[387] Тазетдинов С.А. «От смерти к жизни», 1965 г., http://9dno.ru

шел лагеря Рославля, Могилева, Молодечно.

Важны данные Тазетдинова С.А. по Могилевскому лагерю, которые согласуются с тем, что было в шталаге-337. Это, во-первых, масштаб геноцида. Сагит Абдулович указывает, что с осени 1941 года в Могилевском лагере из 33 тысяч к февралю 1942 года оставалось в живых не более 3 тысяч военнопленных. Во-вторых, там также имелась возможность, выдав себя за украинца и белоруса, выйти за колючую проволоку. Этому содействовал некий сотрудник немецкой администрации Запольский, член подпольной группы, который спас ряд военнопленных, в т.ч. начальника снабжения 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы по фамилии Чардин, добровольца из Тимирязевской сельхозакадемии, как указывает Тадзетдинов С.А. (Чардин в настоящее время не идентифицирован в списках 9-й дивизии).

• Удивительно, но эта история подтверждается лагерными мытарствами еще одного московского ополченца **Куненкова Серафима Ивановича**, 1904 г.р., сотрудника института общей и неорганической химии Академии наук СССР, лауреата Сталинской премии 1941 года, из хим.взвода 2-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения Ленинского района г. Москвы. Он находился в плену с 6 октября по 23 декабря 1941 г. До Могилева прошел лагеря Рославля и Кричева. Находясь на грани истощения и фактически смерти, обратился за помощью к тому же Запольскому А.Е. (лагерному коменданту из военнопленных), оказавшемуся к тому же земляком (жил на ул. Большая Лубянка). Тот оформил документы Куненкову С.И.[388], как белорусу, и бывший военнопленный устроился на техническую работу в сельской управе д. Новая Мильча Гомельского района. С мая 1943 года установил связь с партизанами, воевал в составе отдельного партизанского отряда им. Кирова Рогачевской военно-оперативной группы с 8 октября по 23 ноября 1943 года. Из партизан был направлен в Белорусский штаб партизанского движения. Отправлен 30.12.1943 г. на спецпроверку в Подольский лагерь. После войны Серафим Иванович продолжил работу в Институте общей неорганической химии АН СССР им. Н.С. Курнакова, стал кандидатом хи-

[388] https://partizany.by/partisans/166125/

мических наук[389]. Вот такая своеобразная перекличка событий, судеб, историй.

Возвращаясь к теме перемещений офицерского состава, укажу на отправку 09.10.1942 г. группы лейтенантов из шталага-337 в шталаг-336 (Каунас). Их трофейные персональные карты дают пищу для размышлений, поскольку имеют ссылку на дополнительную регистрацию: то ли как офицеров, то ли как тех, кто направлялся в карантинный лагерь. В пользу первой версии в персональных картах Мошкова А.В., Ескова С.В., Котова Ф.Е. имеются регистрационные номера (карандашом) 1049, 1213, 1256 при дате пленения соответственно 01 июля, 14 августа, 05 октября 1941г. Это небольшие величины при общем потоке военнопленных того периода. В картах Стрелкова В.А. и Владимирова Ю.Л. (инвалида) это соотношение номера и даты плена выглядит, соответственно, как 1567, 841 (инвалидов выделяли в особую группу?) и 14 сентября, 19 октября 1941 года; при этом, там же указаны и регистрационные номера общего порядка – 33772 и 39476, соответственно. В пользу второй версии говорит наличие в картах Мошкова, Ескова, Котова буквы «Q» в правом углу, что обозначает карантинный лагерь. Так ли иначе, все указанные лица были отправлены в Каунас, и судьба их сложилась по-разному.

• В лагере военнопленных в г. Лида Гродненской области, административно связанном со шталагом-337, находился **Мартиросов Гурген Амирханович**[390] (1912-1995), уроженец с. Чардахлы Шамхорского района Азербайджанской ССР, попавший в плен контуженным в октябре 1941 г. Оккупантами был привлечен к работе санитаром в немецком лазарете. В течении трех месяцев был связан с партизанами, которым переправлял медикаменты, перевязочные материалы, боеприпасы. Организовал уход к партизанам 52 военнопленных, при этом была уничтожена одна автомашина, убит немецкий унтер-офицер, захвачено оружие. Он прибыл 07.12.1943г. в партизанский отряд «Искра» бригады им. Кирова. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени (1958) и 2-й степени, орденом «Знак Почета». До войны проходил подготовку в Азербайджанском Государствен-

[389] https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2,_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D0%BC_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

[390] https://partizany.by/partisans/161402/

но научно-исследовательском институте (ГНИИ), в аспирантуре института философии АН СССР, работал преподавателем. После войны стал кандидатом философских наук (1954), доцентом (1956). Преподавал в Гродненском госуниверситете им. Я. Купалы с 1945 по 1995 г. Работал на кафедре марксистско-ленинской философии, был деканом историко-филологического факультета. Был членом гродненского ГК КПБ, членом Союза журналистов СССР[391]. Мартиросов Г.А. был московским ополченцем, воевал в 63-м стрелковом полку 21-й дивизии народного ополчения Киевского района г. Москвы.

Фото 42. Мартиросов Гурген Амирханович (1912-1995), 21-я дивизия народного ополчения Киевского района г. Москвы, капитан

• Неоднозначны сведения на портале «Память народа» о военврача 3-го ранга **Бабаджаняне Мовсесе Георгиевиче**[392], 1907 г.р., уроженце г. Ван (Турция). Он служил в 37-м стрелковом полку 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района г. Москвы. Оказался в плену 03.11.1941 г. В шталаге-337 был зарегистрирован под номером 22563. Далее был этапирован в офлаг Калвария, куда был доставлен 09.09.1943 г. Интересно то, что он значится погибшим и захороненным на кладбище в д. Березовка Барановичского района, что в непосредственной близости от Лесняского лагеря. На месте, где в период оккупации предавали земле умерших и расстрелянных в лагере людей, в настоящее время имеется воинское захоронение с госномером 428. К сожалению, многие указанные здесь данные некорректны не только в отношении М.Г. Бабаджаняна, но и других людей. Об этом автор материала в свое время готовил отдельную справку, которую на-

[391] http://unicat.nlb.by/scient/pls/dict.prn_ref?tu=e&tq=v0&name_view=va_all&a001=BY-NLB-ar720269&strq=l_siz=40

[392] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero83268025

правлял в Военный комиссариат г. Барановичи, Барановичского и Ляховичского районов и в местные органы власти. Но достойно проведенная в июле 2020 г. реконструкция захоронения ситуацию с искажениями данных все же не изменила. А Мовсес Георгиевич, судя по всему, в плену выжил и в 1957 году был награжден орденом Красной Звезды. В 1960-х гг. он, будучи кандидатом биологических наук, был автором ряда изданий по научной организации труда[393].

На этом же мемориальном захоронении в числе погибших значится упоминавшийся ранее Албетков М.О., записанный как Албеков Мухтар Османович.

Фото 43 и 44. Воинское захоронение (госномер 428) у дер. Березовка Барановичского района. 2021 г. Фото автора

Кстати, здесь же похоронены погибшие и умершие от ран в полевом подвижном хирургическом госпитале № 4319 воины-освободители из 15-й, 193-й стрелковых дивизий и других соединений 65-й армии под командованием генерал-полковника (с 29.06.1944 г.) Павла Ивановича Батова, которые освобождали территорию Белорусской ССР в 1944 году.

Деятельный и неравнодушный к военной истории председатель Леснянского сельсовета Сергей Иванович Лешик инициировал установку скромного памятного знака на месте предания земле умерших при транспортировке военнопленных. Он установлен прямо во рву-выемке у железной

[393] https://search.rsl.ru/ru/record/01005954387

дороги на ст. Лесная, где в конце 1944 года были обнаружены 23 братские могилы и массовые захоронения на площади 1 200 квадратных метров. Все это можно классифицировать как место массового уничтожения. **В целях государственного учета этого воинского захоронения необходимо составить его паспорт и установить на нем номерной охранный учетный знак. И достойный обелиск здесь будет совсем не лишним.**

Фото 45. Памятник погибшим военнопленным у железнодорожной станции «Лесная» Барановичского района (при выгрузке из эшелонов). 2023 г. Фото автора

• Среди выявленных на портале «Память народа» ополченцев столицы выделю военветврача 3-го ранга **Андрейченко (Андрийченко) Петра Терентьевича**[394], 1912 г.р., уроженца с. Яры Немировского района Винницкой области, как представителя московского ополчения, прошедший через шталаг-337 значительно позже других. Кадровый военный с сентября 1939 года, ст. ветврач 1297-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии (2-го формирования) был пленен 14.04.1942 г. в Вяземском районе. Ему довелось побывать в лагере XVIIA (Кайзерштайнбрук, Австрия[395])

Фото 46. Андрейченко Петр Терентьевич, 1912 г.р., 6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района г. Москвы, ст. ветврач. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

[394] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92828611

[395] https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen1979268086

и удалось, судя по юбилейной картотеке награждений, выжить. Во всяком случае, обнаружен полный тезка нашего героя, но с другим местом рождения (с. Ковалевка того же Немировского района). Дополнительный поиск дал предполагаемые результаты – село Яры было присоединено к с. Ковалевка, и наш ополченец полноправно зачислен в списки выживших в плену[396].

То, что история с поиском московских ополченцев на белорусской земле далека до своего завершения, показывают недавние открытия. На портале «Партизаны Беларуси» обнаружены любопытные сведения об ополченцах:

• лейтенанте, командире минометного взвода 1314-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшей 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы) **Федорове Александре Николаевиче**, 1910 г.р., уроженце д. Исаково Зубцовского района Калининской (ныне Тверской) области. Александр Николаевич был геодезистом, до войны работал ст. инспектором Моссовета, начальником изыскательной партии Народного комиссариата рыбной промышленности СССР. Он служил в РККА с 06.07.1941 г. Участник Битвы за Москву. Попал в плен 14.10.1941 г. Сумел вырваться на волю 06.03.1942 г. и присоединиться 15.09.1942 г. к партизанам отряда «Победа» бригады им. Ворошилова Щучинской зоны[397]. Сражался с захватчиками командиром взвода, уполномоченным особого отдела, начальником особого отдела бригады. Бывший ополченец был награжден орденом Красного Знамени (1948).

• красноармейце 1289-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшей 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы) **Екимове Василии Васильевиче**, 1915 г.р., уроженце с. Лукишки, Комаричского р-на Брянской обл.). Имел высшее экономическое образование, ополченце с 08.07.1941 г. Взят в плен 20.10.1941 г. Прибыл 23.09.1943 г. во 2-ю Ушачскую бригаду им. Пономаренко, где был командиром взвода[398].

Редко, но встречается в личном листке учета партизанских кадров четкая запись «ополченец». Именно такое относится к москвичу Т**юрину Василию Ивановичу**, 1914 г.р. Он прибыл

[396] https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1510415283

[397] https://partizany.by/partisans/75032/

[398] https://partizany.by/partisans/198599/

06.12.1943 г. из немецкого плена (д. Нехачево Ивацевичского района) в партизанский отряд им. Димитрова бригады им. Пономаренко[399]. Интересно, но ранее сюда поступил украинский охранник шталага-337 Иван Прикмета, которого привлекут за военные преступления к уголовной ответственности в 1967 году. Василий Иванович Тюрин был в плену на ст. Нехачево с 1942 года. Это дает очередной аргумент в пользу того, что с этим населенным пунктом был связан шталаг-337 и здесь трудились его военнопленные. В какой ополченческой дивизии воевал В.И. Тюрин, пока установить не удалось.

• Совершил настоящий подвиг на белорусской земле боец не 3-й, как указано в наградном листе, а скорее, 6-й ополченческой дивизии Дзержинского района г. Москвы **Суслов Николай Владимирович**, 1903 г.р. Он прибыл в сентябре 1943 г. из лагеря военнопленных, относящегося к шталагу-337, в партизанский отряд «Балтиец» бригады им. Кирова Лидской зоны. Был активным участником боевых операций. Командованием 08.04.1944 г. был назначен командиром отделения. В составе группы из 5 партизан принял 18.05.1944 г. бой против 52 военнослужащих 118-го украинского полицейского батальона. Из его наградного листа: «отходя последним, прикрывая товарищей, убил одного гитлеровца лично. Не имея возможности занять удобный огневой рубеж, отстреливался из-за двух мешков картошки до последнего патрона. Будучи ранен, и не имея возможности скрыться, не сдался врагу в плен и покончил сам с собою». Это произошло в д. Залейки Ивьевского района Гродненской области. Указом Президиума ВС СССР от 03.12.1948г. герой был награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени[400]. **На месте подвига должен стоять обелиск!**

• Одним из последних открытий 2023 года стал ополченец, техник-интендант 1-го ранга **Воронин Григорий Дмитриевич**, 1898 г.р., уроженец д. Романово Наро-Фоминского района Московской области. Воевал в 61-м стрелковом полку 21-й дивизии народного ополчения Киевского района г. Москвы (с 26.09.1941 г. – 1311-й стрелковый полк 173-й стрелковой дивизии (2-го формирования), в который он был направлен 06.07.1941г. Участник Ополченец, член ВКП(б) попал в плен 17.10.1941 г. Оказался в

[399] https://partizany.by/partisans/179981/

[400] https://partizany.by/partisans/111105/

лагере военнопленных г. Лида. Оттуда в декабре 1943 года прибыл в партизанский отряд «Искра» бригады им. Кирова. Воевал старшиной роты[401].

Фото 47. Воронин Григорий Дмитриевич, 1898 г.р., 21-я дивизия народного ополчения Киевского района г. Москвы, техник-интендант 1-го ранга. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

Несмотря на заявленную тему, не могу не упомянуть Зинаиду Васильевну Стрелец, 1919 г.р., уроженку Калининской области. Она, работник Кировского завода г. Ленинграда, была призвана 04.07.1941 г. через одноименный РВК. Эта медсестра 1-го стрелкового полка 1-й Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения Кировского района прошла через тот же жуткий шталаг-337. А с 10.03.1943 г. оказывала помощь раненным народным мстителям отряда им. Котовского партизанской бригады «25 лет БССР»[402].

Так, в белорусском сосновом лесу по превратностям жестокой войны пересеклись пути-дорожки ополченцев разных городов страны, чтобы тяжело работать по 12-14 часов в день, чтобы после карантина уехать в вагонах для скота на пугающий неизвестностью запад, чтобы навечно остаться в огромных безымянных ямах супесчаника, чтобы при удобном случае сбежать и стать участниками партизанского движения.

Упомянутые в материале добровольцы наглядно показывают, насколько разнородным был состав московского народного ополчения. Здесь были люди разного возраста, социального положения, жизненного опыта; разной профессиональной принадлежности, национальности; с начальным и высшим образованием; атеисты и воцерковленные; коммунисты, комсомольцы и пострадавшие от советской власти. Все они, тем не менее, плечом к

[401] https://partizany.by/partisans/160607/

[402] https://partizany.by/partisans/39210/

плечу встали на защиту Родины, в которой родились, жили, трудились; с которой были связаны все их надежды и упования.

Подытожим. **Через шталаг-337 точно прошли 43 бойца десяти дивизий Московского народного ополчения:**

1-й Ленинского района ДНО – 6 человек: Володин Георгий Макарович (1903 г.р.), Гусев Евгений Иванович (1903 г.р.), Кузичев Федор Сергеевич (1910 г.р.), Куненков Серафим Иванович (1904 г.р.), Мехов Леонид Семенович (1890 г.р.), Яковлев Александр Алексеевич (1903 г.р.)

2-й Сталинского района ДНО – 1 человек: Купряков Алексей Григорьевич (1922 или 1923 г.р.)

5-й Фрунзенского района ДНО – 9 человек: Асмолов Георгий Леонидович (1905 г.р.), Бешлиян Христофор Никитович (1899 г.р.), Гуревич Лев Соломонович (1918 г.р.), Дубовиков Алексей Николаевич (1905 г.р.), Кобзев Николай Васильевич (1896 г.р.), Кун Михаил Борисович (1912 г.р.), Москалев

Николай Владимирович (1905 г.р.), Романенко Яков Константинович (1894 г.р.), Трубников Леонид Алексеевич (1909 г.р.)

6-й Дзержинского района ДНО – 5 человек: Андрейченко Петр Терентьевич (1912 г.р.), Бунаков Максим Михайлович (1903 г.р.), Осенник Николай Павлович (1896 г.р.), Осипов Александр Алексеевич (1915 г.р.), Суслов Николай Владимирович (1903 г.р.)

7-й Бауманского района ДНО – 2 человека: Горохов Александр Ильич (1907 г.р.), Мирошников Прокофий Романович (1890 г.р.)

8-й Краснопресненского района ДНО – 2 человека: Десятсков Николай Федорович (1918 г.р.), Катриченко Иван Зиновьевич (1920 г.р.)

9-й Кировского района ДНО – 3 человека: Березин Михаил Егорович (1911 г.р.), Кобяков Валентин Николаевич (1912 г.р.), Сергеев Дмитрий Георгиевич (1893 г.р.)

13-й Ростокинского района ДНО – 3 человека: Бабаджанян Мовсес Георгиевич (1907 г.р.), Медведев Николай Степанович (1903 г.р.), Шибалов Николай Иванович (1902 г.р.).

17-й Москворецкого района ДНО – 8 человек: Ануров Василий Антонович (1910 г.р.), Глазов Сергей Иванович (1907 г.р.), Жилин Михаил Анатольевич (1903 г.р.), Зиновьев Николай Иванович (1903 г.р.), Котов Владимир Петрович (1905 г.р.), Крутченко Григорий Леонтьевич (1921 г.р.), Малолетов Александр Иванович (1918 г.р.), Молебный Евдоким Константинович (1903 г.р.)

21-й Киевского района ДНО – 3 человека: Албетков Мухтар Останович (1912 г.р.), Воронин Григорий Дмитриевич (1898 г.р.), Мартиросов Гурген Амирханович (1912 г.р.)

Из Московского народного ополчения, номера дивизий не определены, – 1 человек: Тюрин Василий Иванович,

Из этого общего количества установленных ополченцев выжили в плену и были репатриированы 19 человек, из них двое были репрессированы; судьба 6 человек остается неизвестной, в т.ч. одного коллаборациониста; погибли в плену 7 человек; 13 человек совершили побег и присоединились к партизанам, из них один погиб в бою и один был расстрелян за измену.

В прояснении судеб ополченцев до и после плена, в частности Албеткова М.О., Шибалова Н.И., Бунакова М.М., Володина Г.М., оказали существенную помощь советами и ссылками на конкретные источники исследователи Елена Георгиевна Брунова, Людмила Егоровна Муждабаева, Ольга Вячеславовна Ромашова, Ирина Яковлевна Воложанцева.

В истории шталага-337 московские ополченцы отметились активным участием в подпольном внутрилагерном сопротивлении, в побегах; пребыванием в составе лагерных рабочих команд; стали доказательством того, что военнопленные из шталага-337 на белорусской земле были перемещены в Италию. Они же оставили яркий след в истории партизанского движения на белорусской земле.

Отмечу, что подавляющая часть источников содержит информацию «промежуточного характера», т.е. фиксируют событие, происходившее с военнопленными в определенный момент. Поэтому трудно проследить всю военную историю человека в развитии.

Собственно, **историю шталага-337 на белорусской земле**, исходя из имеющихся данных, **можно условно разделить на шесть периодов:**

Первый – начальный период с июля по 20.09.1941 г.

Второй – период Эйхгорна по весну 1942 года.

Третий – период Гофмана по сентябрь 1943 года.

Четвертый – период расформирования по конец января 1944 года.

Пятый – период Павлова по март 1944г.

Шестой – завершающий период по июль 1944 года.

Содержательно эти периоды значительно разняться. Их развернутая характеристика – пред-

мет отдельного исследования.

Кратко остановлюсь на пятом условном периоде. По рассказам местных жителей установлено, что в последней декаде января 1944 года на ст. Лесная прибыли из Проскурова первые подразделения Казачьего Походного стана. Казаки с семьями и скарбом были размещены в бараках Леснянского лагеря на трехнедельный карантин. Об этом рассказывала Ольга Адамовна Каминская (1923-1999). Ей запомнился озлобленный, угрюмый казак, которой во дворе ее дома у колодца поил коня. Там собралась деревенская молодежь. Ольга Адамовна в дружеском кругу отпустила шутку. Казак принял ее на свой счет и выхватил из кобуры пистолет. Односельчане буквально повисли на его руке и не дали состояться расправе. В той же д. Березовка одному домовитому казаку приглянулся пятилетний мальчик. Он посадил его на верблюда и провез по двору. Тем наездником оказался Толя Буренин, ныне здравствующий, один из последних бывших малолетних узников шталага-337, в котором он претерпел неимоверные страдания с мамой и сестрой. В распоряжении автора имеются развернутые воспоминания Анатолия Ивановича Буренина, которыми он поделился 17 июня 2021 г. в видеоинтервью сотруднику Федерального агентства «Россотрудничество» Роману Мельнику в ходе подготовки к упоминавшейся ранее международной конференции в Риме. Они касаются семейной истории и пребывания Бурениных в шталаге-337 с весны по октябрь 1943 года. Незадолго до своей смерти моя мама Гордейчик Людмила Ивановна тоже была опрошена 08.06.2021 г. под видеозапись сотрудником Барановичской межрайонной прокуратуры. Очень жаль, что ее не удалось разговорить и опрос получился скомканным и далеким от того, каким он мог бы быть.

Казаки-коллаборационисты

Продолжу. Походным маршем на лошадях и верблюдах кубанцы, терцы, донцы отправились на выделенные оккупантами земли по линии Слоним, Барановичи, Новогрудок. От последнего населенного пункта в радиусе порядка 80 километров в белорусских деревнях и поселках образовывались традиционные казачьи поселенья и гарнизоны. Казаки немцами привлекались к борьбе с партизанами, участвовали в карательных акциях. И партизаны не оставались в долгу. Так, бойцами бригады им. Дзержинского Лидской зоны были 05.03.1944 г. разгромлены три казачьих гарни-

зона в фольварке Басин, деревнях Малые и Большие Воробьевичи Новогрудского района; 56 казаков было убито, 24 взято в плен, следует из наградного листа комиссара бригады Ляхова Е.П.[403] При этом, в ныне несуществующей деревне Лохозва (на современной территории Обуз-Лесновского полигона!) из немецко-казачьего гарнизона 20 казаков ушли к народным мстителям. А сам походный атаман Сергей (Ерофей) Васильевич Павлов (1896 г.р.) погиб 17.06.1944 г. у д. Омневичи Барановичского района, когда, по одной версии, ехал из Новогрудка встречать очередную партию казаков, прибывших поездом на ст. Лесная; по другой, когда командовал группой казаков в ходе антипартизанской акции. И уже спустя две недели под натиском Красной армии одна из трех казачьих колонн поспешно двигалась в направлении Слонима и Гродно. Во избежание подрыва на минах впереди гнали пленных партизан. В цинковом гробу везли тело почитаемого среди казаков-коллаборационистов атамана, которому оккупанты посмертно присвоили звание генерал-майора вермахта. Другая группа казаков прорывалась из района г. Барановичи, и у д. Лесная (Лесино) произошла настоящая трагедия, когда из-за двухдневной задержки с приказом об отступлении ее организованная эвакуация была сорвана. Возникла паника и беспорядочное бегство. По данным казака-эмигранта Сергея Владимировича Маракуева (ум.1945), от десанта Красной армии спаслись немногие[404]. В который раз наименование белорусской деревни и одноименной ж/д станции окрасилось трауром.

Отмечу, что для второго периода шталага-337, когда в него стали прибывать московские ополченцы, были характерны следующие признаки. Очень низкая ценность человеческой жизни, на положении военнопленных еще не сказывались потребности оккупационной экономики, неотмобилизованная лагерная инфраструктура; питание и медпомощь, мягко говоря, оставляли желать лучшего, запредельно высокая смертность, плотный график перемещений. Не без участия лагерной администрации имели место факты этнической солидарности на основе русофобии и антисоветизма. На другом полюсе лагерного бытия – интернациональная сплоченность и неприятие разоб-

[403] https://partizany.by/partisans/28403/

[404] П.Н. Крикунов. Казаки между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М., 2006; https://coollib.com/b/390187-petr-krikunov-kazaki-mezhdu-gitlerom-i-stalinyim/read

щенности в противостоянии нацизму.

Остается неизученным большой объем документов о шталаге-337 из архивных фондов НАРБ: «Управление лагерей военнопленных МВД СССР», «Генеральный комиссариат Белоруссии», «Главная железнодорожная дирекция Центр», «Окружное управление полиции и жандармерии», «Институт историко-политических исследований», «Минский окружной комиссариат», «КГБ Республики Беларусь» и др.

Минский уголовный процесс 2-28 декабря 1967 г.

Очень многое бы прояснили в истории шталага-337 материалы уголовного процесса, который проходил в Минске со 2 по 28 декабря 1967 года (председатель суда подполковник юстиции Николай Александрович Александров, главный обвинитель ст. помощник военного прокурора БВО полковник юстиции Михаил Евдокимович Антонов; заседатели: майор юстиции Игорь Васильевич Гузеев, майор технической службы Анатолий Федорович Горобец). Итогом кропотливой работы следственной группы белорусских чекистов под руководством ст. следователя следственного отдела КГБ СМ БССР капитана Алексея Ивановича Карнача стало архивное дело № 26540, состоящее из 46 томов (15 тысяч страниц!).

Фото 48. Подсудимые, бывшие охранники шталага-337 из состава украинской сотни, на минском процессе 1967 года. Кадр из киноленты «У последней черты». Фонды Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов

Заслуженное наказание понесли 13 охранников шталага-337 из состава украинской сотни. К расстрелу были приговорены семеро изменников Родины: Андрей Михайлович Ярош, Григорий Дмитриевич Синятинский, Григорий Михайлович Коваленко, Егор Иванович Штумпф, Иван Семенович Прикмета, Афанасий Емельянович Джус, Федор Николаевич Ковзалюк. Шестеро обвиняемых были приговорены к 15 годам исправительно-трудовой колонии (ИТЛ): Нестор Дмитриевич Чернобай, Григорий Григорьевич Чернобай, Тимофей Константинович Обмок, Александр

Филиппович Хохлов, Семен Константинович Харьковский, Сергей Тихонович Гаевой.

Фото 49. Приговор бывшим охранникам шталага-337 из состава украинской сотни на минском процессе 1967 года. Кадр из киноленты «У последней черты». Фонды Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов

Украинская сотня

Администрацией шталага-337 к апрелю 1942 года была сформирована так называемая украинская сотня в составе вспомогательной охраны в помощь 861-му немецкому охранному батальону.

В Леснянском лагере лично участвовали в расстрелах переводчик украинской сотни Е.И. Штумпф, которого местные жители именовали как Гришка-рябой, и ее командир А.М. Ярош, бывший командир отделения 700-го стрелкового полка 121-й стрелковой дивизии, сдавшийся добровольно в плен в г. Несвиж Минской области. Первый на заседаниях Военного трибунала был вынужден признаться в убийстве пытавшегося сбежать из лагеря политрука, помощника начальника политотдела по комсомолу 338-й стрелковой дивизии 33-й Армии Ивана Михайловича Куприянова[405] (1915 г.р.). Дважды орденоносец, герой боев 1938 года у озера Хасан, был в упор застрелен полицаем в ближайшей от лагеря деревне Березовка. Переводчик в лагере издевался над узниками и изощренно их мучил. Антисоветски был настроен А.М. Ярош, который лично избивал военнопленных, инициативно поддерживал жестокий лагерный режим, был активным участником антипартизанских акций, поощрял насилие своих подчиненных в отношении военнопленных-женщин; направлял охранников на расправы с так называемыми провинившимися, на погрузку обреченных в душегубки. На судебном процессе каратель, оставивший кровавый след в истории шталага-337 с августа 1941 года, полностью отрицал свою вину.

В ноябре 1943 года получивший звание компанифюрера в шталаге-337 А.М. Ярош в составе восточного батальона убыл во Францию, где участвовал в боях с французскими патриотами и

[405] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero105263197

войсками антигитлеровской коалиции. Продолжил проявлять усердие в изменнической службе, был награжден медалью. Медаль «За заслуги» 2-го класса в бронзе для восточных добровольцев была крайне престижной в среде коллаборационистов. Но для ее получения необходимо было участвовать в карательных операциях, в т.ч. против мирных граждан, с последующими расстрелами задержанных. В этом неблаговидном деле предатель весьма преуспел. По всей видимости, он все же попал в плен к союзникам и был насильно репатриирован.

В ходе поисковой работы возникла мысль, что Ярош мог быть в числе воевавших в составе вермахта русских и граждан СССР, плененных союзниками при высадке в Нормандии. Транспортными суднами, канадским «Императрица Австралии» и британским «Скифия», их отправили из порта Ливерпуля в Мурманск. Этот арктический конвой JW61A (31.10. – 06.11.1944 г.) был результатом секретного решения 04.09.1944 г. кабинета министров Великобритании об отправке (выдаче) бывших граждан СССР и негласной договоренности 11.10.1944 г. И.В. Сталина с У. Черчиллем. Репатрианты из английских лагерей Баттервик, Кемптон Парк, Стадиум (графства Йоркшир и Сассекс) были размещены в Таллинском проверочно-фильтрационном лагере (ПФЛ) № 0316 и в Зашескском ПФЛ (Карелия), где проходили спецпроверку более года. Затем их в большинстве направили на 6-летнее спецпоселение. По этому конвою имеются разные данные о количестве перемещенных лиц, среди которых было немало противников советской власти. По английским источникам – 10 213 человек, по советским – 9 905 чел.[406]

В ГАРФ[407] имеется список советских граждан, находившихся в лагере «Римини-5С», служивших в 1-й украинско-немецкой дивизии СС, ранее вывезенных в Англию. Там под порядковым номером 3031 и идентификационным номером J2870 значится некий schutze (стрелец, рядовой) Андрей Ярош, 12.02.1922 г.р. из Михова, проживавший на 03.09.1939 г. в Перемышле (ныне Подкарпатское воеводство Польши).

После освобождения Красной армией Барановичского райо-

---

[406] Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944-1952 гг./ Труды Института российской истории. Вып.11 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв.ред. Ю.А.Петров, ред.-коорд. Е.Н.Рудая. М., 2013; http://militera.lib.ru/research/zemskov_vn02/index.html

[407] ГАРФ Ф. Р9526, Оп. 1, Д. 593

на бывшие лагерные охранники Коваленко Г.М., Обмок Т.К.[408], Чернобай Н.Д.[409], Чернобай Г.Г.[410] оказались с бывшими партизанами Брестской области отрядов им. Чкалова и им. Жданова, бригады им. Свердлова, отряда им. Суворова, бригады им. Пономаренко и призывниками из местных жителей в рядах 197-го армейского запасного стрелкового полка 28-й армии. Им удалось пройти спецпроверку, и последние трое в конце августа 1944 года стали бойцами 96-й гвардейской стрелковой дивизии. Они активно участвовали в боях и двое из них даже стали кавалерами Ордена Славы 3-й степени. Мл. сержант стрелкового отделения Чернобай Нестор[411] получил уважаемую среди рядового состава РККА награду 28.10.1944 г.; артиллерист, гв.сержант Обмок Тимофей[412], уже в качестве воина 184-й стрелковой дивизии, – в апреле 1945 года.

Фото 50. Личный листок учета партизанских кадров подсудимого Обмока Т.К. Из фондов Национального архива Республики Беларусь

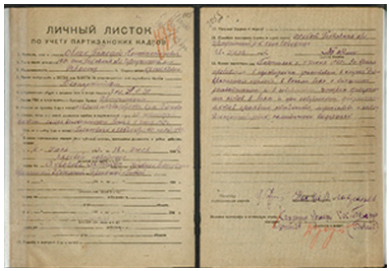


Фото 51. Личный листок учета партизанских кадров подсудимого Чернобая Г.Г. Из фондов Национального архива Республики Беларусь

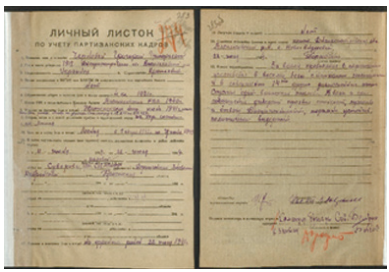
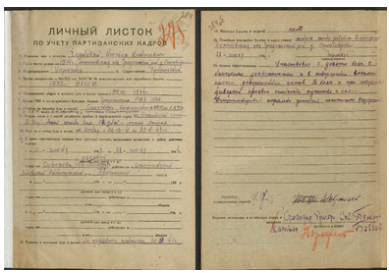


Фото 52. Личный листок учета партизанских кадров подсудимого Чернобая Н.Д. Из фондов Национального архива Республики Беларусь



[408] https://partizany.by/partisans/179592/

[409] https://partizany.by/partisans/179642/

[410] https://partizany.by/partisans/179641/

[411] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero75730792

[412] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero35785842

Дважды раненый на фронтах, награждавшийся в годы войны медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Японией», отбывший 15-летнее наказание в мордовских лагерях, Обмок Т.К. умудрился 18.04.1991 г. по месту жительства в Полтавской области получить юбилейный орден Отечественной войны 2-й степени.

Пытался искупить свою вину и Гаевой С.Т. Бывший лейтенант был призван из партизан в тот же 197-й армейский запасной стрелковый полк в составе призывников и народных мстителей Брестской области из отряда им. Чкалова бригады им. Свердлова и отряда А.И. Колупаева бригады «Советская Белоруссия»[413]. Он в марте 1945 года получил второе тяжелое ранение. Восстановленный в офицерском звании лейтенант встретил Победу в качестве комроты 66-го стрелкового полка 61-й стрелковой дивизии, был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени[414]. В учетно-послужной картотеке имеется довоенная фотография бывшего охранника, который начал службу в РККА в августе 1939 года и завершил ее в марте 1946 года. Кстати, это был единственный из полицаев шталага-337, кто на минском процессе полностью признал свою вину и активно помогал следствию. Он служил в малом Леснянском лагере и жил в отдельном домике.

Фото 53. Подсудимый Гаевой С.Т. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

Прошел через 202-й запасной стрелковый полк бывший лагерный охранник А.Е. Джус в качестве рядового автороты 3-го стрелкового батальона. Он 20.08.1944 г. был отправлен в распоряжение штаба 33-й армии. По личному листку учета парти-

[413] https://partizany.by/partisans/179691/

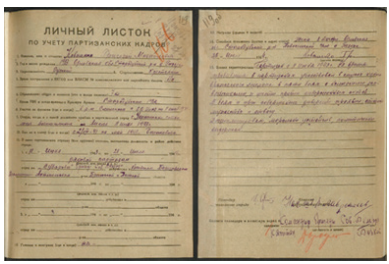
[414] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92797269

занских кадров, Джус Афанасий Емельянович (Омельянович)[415], 1921 г.р., уроженец с. Соше-Островское ныне Великомихайловского (Фрунзенского) района Одесской области, ж/д стрелочник был призван в РККА в октябре 1940 г. Он воевал с первого дня войны на Барановичском направлении. Находился в плену с 12.08.1941 г. в Слуцке, Барановичах, на ст. Лесная, Ляховичах. Прибыл в партизанский отряд им. Чапаева бригады им. Ворошилова 10.02.1944 г. из плена, с работы на фабрике в Вильно. Из партизанского учетного документа: на своем боевом счету тов. Джус имеет 5 немецких солдат и разных изменников Родине.

Сумел пройти проверку в октябре 1944 года перед зачислением в состав 244-й стрелковую дивизию бывший полицай Ф.Н. Ковзалюк, 1920 г.р., уроженец Великомихайловского района Одесской области, добровольно сдавшийся в плен в далеком 1941 году.

Коваленко Григорий Михайлович, 1913 г. р., уроженец Стародубского района ныне Брянской области, отец трех дочерей, был призван в РККА с освобожденной территории 07.08.1944 г. В личном листке учета партизанских кадров есть пометка, что он был направлен в 197-й стрелковый полк 27-й армии[416]. Есть данные о том, что ст. сержант Коваленко Г.М.[417] из 202-го запасного стрелкового полка 11 гв. армии 3-го Белорусского фронта убыл в 208-й фронтовой запасной стрелковый полк 31-й Армии 21.02.1945 г. Смена запасных полков могла быть попыткой затеряться среди воинов, отставших от своих частей, излечившихся от ран.

Фото 54. Личный листок учета партизанских кадров подсудимого Коваленко Г.М. Из фондов Национального архива Республики Беларусь


ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК
ПО УЧЕТУ ПАРТИЗАНСКИХ КАДРОВ

Через 222-й армейский запасной стрелковый полк 70-й армии 17.08.1944 г. стал бойцом 160-й стрелковой дивизии бывший шталаговский полицай Харьковский С.К., бежавший от немцев 25.03.1943 г. Какое-то время он

[415] https://partizany.by/partisans/200875

[416] https://partizany.by/partisans/179458/

[417] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero121339628

находился в партизанском отряде им. Суворова. С мая 1943 года по июль 1944ьг. на оккупированной территории воевал в составе отряда Разведуправления Генштаба Красной армии под командованием подполковника И.В. Грачева[418], числился и в рядах группы капитана Каткова. Был дважды ранен, представлен к медали «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. С 17.08.1944 г. проходил проверку в 222-м армейском запасном стрелковом полку 70-й армии. Значился отправленным 22.11.1944 г. из в/ч 17999 в распоряжение 160-й стрелковой дивизии. В составе Действующей армии сержант, командир отделения 1-го стрелкового батальона 1297-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии был награжден медалью «За отвагу» (07.01.1945 г.) и орденом Красной Звезды (30.03.1945 г.), получил еще одно ранение[419]. В царившую в шталаге-337 рукотворную атмосферу насилия и жути он внес, по мнению трибунала, незначительный вклад. Это, вместе с добровольным переходом бывшего кавалериста к партизанам и его боевые заслуги, смягчило наказание.

Помимо конвоирования лагерные полицаи в разной степени каждый участвовали в расстрелах, в порках узников резиновой плетью, в казнях через повешение, избиениях, издевательствах; в так называемой селекции военнопленных; антипартизанских акциях и облавах.

Тяготился службой в лагерной охране (или пытался уйти от ответственности за сотрудничество с врагом) Г.Г. Чернобай, который доверился местному жителю Гордейчику Федору Иосифовичу и просил его связать с партизанами. После длительной проверки последний отправил, назвавшегося Анатолием охранника, в лес. Этот факт был установлен в ходе заседаний Военного трибунала Белорусского военного округа. Любопытная подробность. В день ухода к партизанам Григорий Чернобай пришел в дом к Гордейчикам в д. Березовка, где переоделся в гражданскую одежду. Бывшего с ним немца он напоил самогонкой и хотел даже убить.

Но были и другие примеры. Бывший лагерный охранник Синятинский Г.Д.[420], которого беглецы из шталага-337 в феврале 1944 года насильно увели с собой к партизанам, проявил невероят-

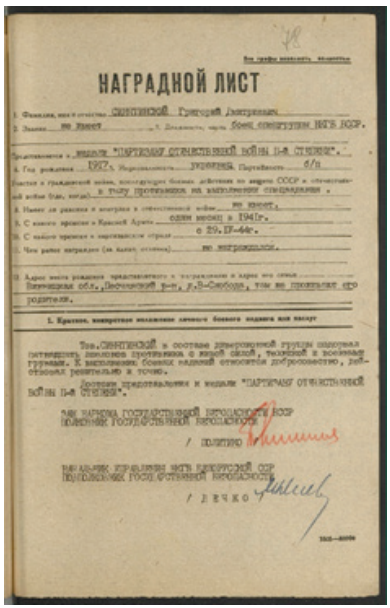
[418] https://partizany.by/partisans/87906/);

[419] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero45429382

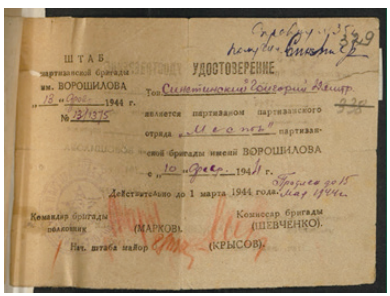
[420] https://partizany.by/partisans/105699/

ную изворотливость Ему удалось втереться в доверие командованию еврейского партизанского отряда «Месть» бригады им. Ворошилова (комбриг полковник Герой Советского Союза Ф.Г. Марков). Бывший полицай с 10.02.1944 г. проходит по спискам партизан. Он с 29.04.1944 г. уже являлся бойцом диверсионной спецгруппы НКГБ БССР, в составе которой отличился и был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени (19.08.1944 г.). В Действующей армии старшина Синятинский Г.Д. был удостоен медалей «За взятие Кенигсберга (09.06.1945 г.) и «За победу над Германией» (09.05.1945 г.), а спустя годы – и медалью «За боевые заслуги»[421] (21.08.1953 г. по указу Президиума ВС СССР). На следствии он упорно настаивал на своей невиновности, выпячивал свои заслуги. Ему не удалось дезориентировать трибунал, который приговорил зверски относившегося к узникам полицая, к высшей мере наказания.

Фото 55 и 56. Наградной лист и удостоверение подсудимого Синятинского Г.Д. Из фондов Национального архива Республики Беларусь



НАГРАДНОЙ ЛИСТ



ШТАБ партизанской бригады им. ВОРОШИЛОВА

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Тов. Синятинский Григорий Ефимович

является партизаном партизанского отряда „Месть" партизанской бригады имени ВОРОШИЛОВА

Командир бригады полковник (МАРКОВ)

Комиссар бригады (ШЕВЧЕНКО)

Нач. штаба майор (КРЫСОВ)

[421] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero83244601

Юлившего на следствии И.С. Прикмету все же приговорили к расстрелу. Бывший лейтенант, командир пулеметного взвода 14-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 64-го Замбрувского укрепленного района встретил войну в бывшей Белостокской области[422]. Есть архивная запись о том, что он числился пропавшим без вести в августе 1944 года.

Фото 57. Подсудимый Прикмета И.С. Фото из центрального архива Министерства обороны РФ

Фото 58. Личный листок учета партизанских кадров подсудимого Прикметы И.С. Из фондов Национального архива Республики Беларусь

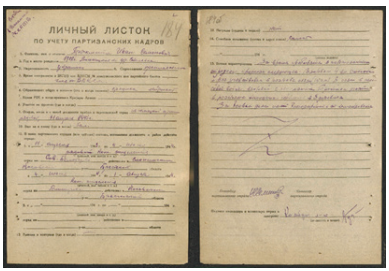
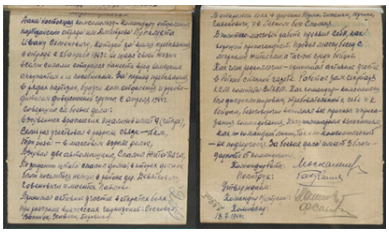


Фото 59. Характеристика подсудимого Прикметы И.С. Из фондов Национального архива Республики Беларусь



Установлено, что среди девяти охранников, по которым есть подтвержденные данные, в украинской сотне трое были уроженцы Винницкой области (Гаевой, Синятинский, Прикмета); по два были родом из Полтавской (Обмок, Чернобай Н.) и Одесской (Джус, Ковзалюк) областей; Чернобай Г. – из Днепропетровской области. Двое были из российских регионов – Харьковский (Ростовская область) и Коваленко

[422] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93227550

(Брянская область). Самые возрастные – Обмок и Харьковский (1913 года рождения), Чернобай Н. (1914); самый молодой – Джус (1921). Ровесниками были Гаевой и Чернобай Г. (1919 года рождения), к ним по возрасту примыкали Прикмета (1918) и Синятинский (1917).

По данным листка учета партизанских кадров, а он составлялся со слов опрашиваемого, бывшие охранники были на службе у немцев от 12 дней до месяца. Датам их пленения еще можно верить, а даты окончания пребывания в плену вызывают вопросы, как и сроки нахождения в составе украинской сотни.

Узники шталага-337 боялись больше украинцев из роты охраны, чем немцев. Оккупанты действовали по инструкциям, а эти работали со звериным энтузиазмом.

С 1943 года изменники Родине имели серьезное боевое партизанское прошлое: Гаевой (с 20 марта); с 11 апреля – Прикмета; с 11 июня – оба Чернобаи, Обмок, Коваленко. Первый указал, что находился в плену с 18.07.1941 г. по 20.03.1943г., окончил военное училище, принимал участие в боях под Слонимом, Барановичи, Минском. Был ранен и контужен под Минском. Примечательно, что фраза «плен, Лесная, писарь в лагере военнопленных» была зачеркнута и внесено добавление, что прибыл к партизанам из украинской сотни. Зачислен в отряд «Советская Белоруссия» Брестской области, с 26.07.1943 г. воевал в составе отряда им. Колупаева бригады «Советская Белоруссия». Имел впечатляющую боевую характеристику.

Второй, лейтенант Прикмета, как записано, прибыл из немецкой армии и стал партизаном отряда «Советская Белоруссия» бригады им. Пономаренко. С 04.06.1944 г. воевал командиром отделения в составе отряда им. Димитрова той же бригады[423]. Был членом редколлегии ротной стенной газеты, заместителем комсомольского секретаря. Из партизан был направлен в распоряжение Ружанского РК КПБ(б).

Оба Чернобаи, Обмок и Коваленко активно воевали в партизанском отряде им. Суворова бригады «Советская Белоруссия» по 28.07.1944 г. Чернобай Нестор, призывник 1936 года, попал в плен 26.12.1941 г. По его словам, прослужил в украинской сотне всего 12 дней. Чернобай Григорий, призывник 1940 года, на фронте был ранен под Житомиром в 1941 году, после лечения воевал под Сталинградом с

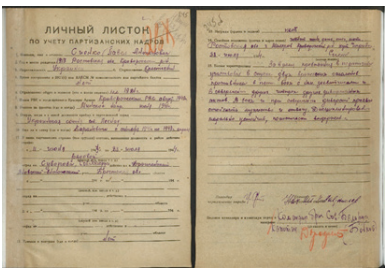
[423] https://partizany.by/partisans/179663)

12.08.1941 г. по 08.08.1942 г., когда попал в плен[424].

В г. Барановичи в 1941 году оказались в плену одногодки, отцы семейств, Обмок Тимофей - с 28 сентября, Коваленко Григорий – с 02 августа. Последний участвовал в боях под Смоленском по 11.07.1941 г.

Вместе с ними 11.06.1943 г. в тот же отряд им. Суворова прибыл из украинской сотни на ст. Лесная Сиенко Павел Антонович[425] , 1913 г.р., уроженец Ростовской области, оказавшийся в плену в сентябре 1941 года.

Фото 60. Личный листок учета партизанских кадров охранника шталага-337 Сиенко П.А. Из фондов Национального архива Республики Беларусь


ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК
ПО УЧЕТУ ПАРТИЗАНСКИХ КАДРОВ

В списках партизан отряда им. Чапаева 37-й бригады им. Пархоменко удалось обнаружить трех человек, которые имели непосредственное отношение к коллаборационистам из шталага-337. Это Иван Кузьмич Норцев[426], 1918 г.р., уроженец Саратовской области, лейтенант ветслужбы. Он прибыл 10.10.1943г. к партизанам «из украинской добровольческой сотни г. Барановичи». Он служил в РККА с сентября 1940 года. Воевал на Западном фронте с июля 1941 по июль 1942 г. Находился в плену с июля 1942 по февраль 1943 г. в г. Барановичи. В немецких формированиях служил с 27 февраля по 10 октября 1943 года. Из боевой характеристики его, как партизана, - «в боях проявлял трусость». С 30.03.1944 г. значился в составе отряда им. Дунаева 27-й бригады им. Чапаева. Из партизан выбыл в 202-й запасной стрелковый полк. Осужден 30.10.1944 г. Военным трибуналом 3-го Белорусского фронта по ст.58-1б. Приговорен к 10 годам лишения свободы и 3 годам лишения прав. По месту призыва отправлено отношение № 0865-д от 12.11.1944 г. Следственное дело изменника Родине хранится в ЦАМО[427].

[424] https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero119764151

[425] https://partizany.by/partisans/179612

[426] https://partizany.by/partisans/129122

[427] ЦАМО. Ф.58. Оп.18003, Д.1599 https://partizany.by/partisans/127490/

Двум другим, украинцам Давиденко Алексею Лукьяновичу[428], 1916 г.р., уроженцу Полтавской области и Гопколо Семену Федоровичу[429], 1921 г.р., уроженцу Киевской области удалось пройти сито СМЕРШа, несмотря на их службу в Минске в украинском корпусе охраны. Первый находился в плену в Бобруйске и на ст. Лесная; второй – в Минске, Столбцах, в г. Барановичи. Получается, набор в пресловутый корпус проходил в декабре 1942 года и в основном лагере шталага-337, и в барановичском отделении. Оба прошли тот же партизанский путь, что и И.К. Норцев. Из партизан были направлены в 202-й запасной сырелковый полк, откуда 25.07.1944 г. убыли в 5-ю гв. Танковую армию.

До поры до времени бывшие коллаборационисты из шталага-337 скрывали свое преступное прошлое. Часть из них (13 человек) понесла заслуженное наказание. К ним был применен указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.03.1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений». Помимо этого, в ходе следственных мероприятий по подготовке этого уголовного процесса над изменниками Родине (Минск, 2-28 декабря 1967 года) чекистами БССР были установлены более 40 полицаев из шталага-337. Заседания Военного трибунала Белорусского военного округа проходили в клубе им. Дзержинского ныне КГБ РБ (ул. Комсомольская, 30). Зал, вмещавший до 600 человек, был забит до отказа.

Именно на фасаде этого здания хотелось бы видеть мемориальную табличку о проходившем здесь знаменательном уголовном процессе, состоявшемся благодаря кропотливой работе белорусских чекистов. Об этом направлялось обращение в КГБ РБ, откуда уже получен благоприятный отзыв.

Фото 61. Здание клуба им. Дзержинского КГБ РБ в Минске. Современный вид

[428] https://partizany.by/partisans/127490/

[429] https://partizany.by/partisans/127485/

Фото 62. Парадный вход в клуб им. Дзержинского КГБ РБ в Минске. Современный вид

В центральном архиве КГБ хранится архивное дело за номером 26540, состоящее из 46 томов. Оно было начато 04.01.1967 г. одним следователем. Завершала следственные действия группа из 18 человек под руководством капитана Карнача Алексея Ивановича, 1928 г.р., бывшего партизана. Он с 1952 г. служил в органах безопасности, в 1977 году стал полковником.

Кропотливая работа сотрудников следственного отдела КГБ дала беспрецедентные результаты. Первым 09.01.1967 г. в г. Апатиты Мурманской области был арестован Ярош Андрей, 1915 г.р., уроженец, как оказалось, с. Николина Балка Петровского района Ставропольского края. Он до войны окончил учительские курсы, преподавал химию в школе. На момент ареста был женат, имел двоих детей 10 и 13 лет, работал механиком в управлении механизации № 19, проживал на ул. Московская. Он и начал сдавать своих подельников. В феврале были арестованы Чернобай Григорий и бухгалтер Борзянской районной газеты «Коммунистический труд» Гаевой Сергей, в марте – инвалид Чернобай Нестор; в апреле – отец восьмерых детей, в т.ч. сына-офицера Советской армии, – Коваленко Григорий; в июне – Джус Афанасий и Ковзалюк Федор. Последними были задержаны Синятинский Григорий и Прикмета Иван, 20 и 30 июля 1967 года соответственно. Удивительно, но Синятинский на момент ареста служил в Советской армии, был старшиной, сверхсрочником, заведующим армейским складом в Тирасполе. При аресте с него были сорваны погоны. Всем им были предъявлено обвинение по ч.1 ст.61 УК БССР.

Следствием было установлено, что украинская сотня, в качестве специального подразделения, была в шталаге-337 организована разведотделом абвера в марте 1942 года. Ярош принимал участие в подготовке трех составов украинской сотни по 100 человек в каждом. Обучение было серьезным и продуманным. Это и порядок конвоирования, и боевая подготовка немецких прислужников, которым предстояло охранять внутренний периметр лагеря. Их услуги щедро оплачи-

вались. Рядовой получал 10 марок, командир отделения – 12 марок, командир взвода – 15 марок. Плюс трехразовое калорийное горячее питание, включая мармелад, чай с ликером. Они обеспечивались сигаретами, добротным обмундированием и шлангами от противогазов с мокрым песком. Последний «инструмент» предназначался для избиения заключенных. Из документального проекта КГБ РБ и Белтелерадиокомпании «Без срока давности. Украинская сотня» (май 2022 г.) стали известны коменданты русской лагерной администрации. Это Полякин в г. Барановичи и Пешков в Лесной. Их заместители командовали лагерной полицией. Со второй половины 1943 года оккупанты начали заметать следы своих злодеяний в шталаге-337. Каждого из обвиняемых чекисты возили на место преступлений. Ярош отлично помнил расположение всех построек лагеря, дал следствию подробную схему шталага-337. Самой неожиданной для меня стала информация, что все приговоренные к расстрелу палачи, были помилованы по указу Президиума ВС СССР № 1-25/68. Определением военной коллегии Верховного суда СССР им 26.03.1968 г. смертная казнь им была заменена на 15 лет лишения свободы.

В ходе поисков дополнительной информации о фигурантах дела удалось обнаружить на портале мемориального центра «Пермь-36»[430] примечательные сведения о Джусе, Хохлове и Синятинском. Первые двое отбывали наказание в мордовских политлагерях и в лагере Пермь-35. Последний – в лагерях Пермь-35 и Пермь-37. В учетной карточке заключенного Афанасия Джуса имелась особая пометка – «каратель». Он на момент ареста (12.06.1967 г.) был помощником машиниста депо Одесса-Сортировочная. Освобожден 12.06.1982 г. по отбытию срока заключения. Хохлов Александр, 1916 г.р., уроженец д. Большое Лохово Юхновского уезда Смоленской губернии, на момент ареста 29.03.1967 г. работал лесорубом Чеховского гортопа Московской области. Ему было зачтено время нахождения на спецпроверке – 3 месяца и 5 дней. Подтвердились данные личный листок учета партизанских кадров о месте рождения Синятинского – с. Верхняя Слободка ныне Студенянской сельской общины Винницкой области.

О том, как неожиданно напоминает о себе война, рассказывал мой дядя Буренин Анатолий

[430] perm36.org/ru

Иванович. Он с мамой Пелагеей Филипповной в мирное советское время ехал на эскалаторе московского метро. И вдруг бывшая узница шталага-337 побледнела и пошатнулась. Она еще долго оставалась чрезвычайно взволнованной. И только дома пришла в себя и пояснила, что в ехавшем на встречном эскалаторе пожилом человеке узнала бывшего охранника лагеря.

В том важном в истории СССР 1967 году мне девятилетнему мальчику лично довелось увидеть, как летом на подворье дедушки Александра прибыли два черных автомобиля ГАЗ-21. К удивлению многочисленной родни, приехавшие представились сотрудниками КГБ и вывели из автомобилей двух испуганных людей, которых предъявили Гордейчикам-старшим. Как оказалось, это были следственные действия на месте военных преступлений. Дедушка и бабушка опознали бывших охранников и ответили на все вопросы следователей.

В том важном для истории шталага-337 1967 году, когда, насколько возможно это было, состоялось возмездие и восторжествовала справедливость, в числе свидетелей на минском процессе выступили родные братья Гордейчики из д. Березовка Барановичского района – Александр Иосифович и Федор Иосифович, мои ближайшие родственники по отцу, воевавшие с оккупантами мирными средствами, помогая обездоленным и спасая обреченных на смерть и ставшие для всей нашей родни местночтимыми праведниками Великой Отечественной войны.

Фото 63. Гордейчик Александр Иосифович (1900-1977), свидетель на минском процессе 1967 года. Кадр из киноленты «У последней черты». Фонды Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов

Об этом процессе был опубликован материал в газете «Советская Беларусь» от 03.12.1967 г., был снят документальный фильм «За чертой» (1968 г.). Режиссер фильма Юрий Николаевич Дубровин (1937-1983) погиб при невыясненных обстоятельствах. Официальная версия – выпал из поезда при подъезде к городу

Орша. Копия этого важного кинодокумента[431] находится в моем домашнем архиве, как и копия фонодокумента того же БГАКФФД[432]. Из этих источников была извлечена максимально возможная информация, которая изложена выше.

Информацию о процессе приходится собирать буквально по крупицам из открытых источников. Это материалы и сведения от упоминаемых ранее Шермана Б.П., Коржа И.А., Куна М.Б. и др. Важно, что Михаил Борисович Кун передал в Барановичский краеведческий музей материалы, в которых зафиксированы не только события, очевидцем которых он сам был, но и сведения, о которых он узнал на минском процессе. Удалось проследить военную и послевоенную биографию отдельных фигурантов этого уголовного дела вплоть до отбывания ими срока наказания в мордовских лагерях. Как омерзительно вел себя в лагере ЖХ-385/17 (пос. Озерный Зубово-Полянского района Республики Мордовия) тот же Иван Прикмета, «прохвост и редкостный подонок», удалось обнаружить в книге диссидента М.Р. Хейфеца[433]. Мое обращение к нему в Израиль застало Михаила Рувимовича тяжело больным. Его товарищ по лагерям армянский политик Паруйр Айрикян (1949 г.р.) все же ответил, но ничего нового не сказал (или не захотел говорить). Диссиденты пересекались в 1976 году с военным преступником, который в лагере был бригадиром цеха по пошиву рабочих рукавиц. К сожалению, дозированно делится информацией Центральный архив КГБ РБ. С этим уважаемым ведомством в течение длительного времени я веду переписку, в ходе которой были и открытия, и, если не опровержение моих тезисов, то некое молчаливое согласие с ними.

Определенный информационный прорыв произошел совсем недавно. Президент РБ подписал 05.01.2022г. Закон № 146-З «О геноциде белорусского народа», которым предусматривается юридическое признание геноцида белорусского народа, совершенного нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой

[431] К/ф «За чертой» реж. Ю. Дубровин, 1968 г., зв., ч/б, 2 ч., общая продолжительность кинофильма – 11 минут; Белгосархив кинофотодокументов, арх. № 1483

[432] «Репортаж о судебном процессе в г. Минске над изменниками Родине, виновными в уничтожении 80000 советских военнопленных в концлагере «Шталаг № 337» на станции Лесная около г.Барановичи. 2-28 декабря 1967г.», общая продолжительность звучания – 19 минут 24 секунды, арх. № 699

[433] М.Р. Хейфец; Избранное: в 3 т.; Харьков: Фолио, 2000.

Отечественной войны и послевоенный период (до 1951 года). И процесс пошел, не так широко и системно, как хотелось бы, но движение очевидно. Так, укажу, что в рамках проекта ИД «Беларусь сегодня» при поддержке Генеральной прокуратуры РБ «Это настоящий геноцид» уже 12.04.2022 г. был опубликован материал «Это настоящий геноцид: шталаги».

Состоялось и несколько публичных проектов о шталаге-337 с участием Агентства теленовостей медиахолдинга «Белтелерадиокампания», КГБ РБ (фильм «Без срока давности. Украинская сотня»; эфир 12.05.2022 г.) и региональных медийных структур (цикл «Несожженная память» и др.). Через почти 55 лет после минского процесса широкой общественности с экранов телевизоров о шталаге-337 рассказывали бывшая малолетняя узница Майя Васильевна Матюхина; замначальника Института национальной безопасности РБ Геннадий Геннадьевич Краско; историк спецслужб Александр Кислицкий; начальник Центрального архива КГБ РБ Дмитрий Воропаев; научные сотрудники Барановичского и Слуцкого краеведческих музеев Марина Бородина и Василий Тишкевич, корреспондент Агентства теленовостей Елена Бормотова.

Приветствуя внимание к шталагу-337, в обращении в ГУО «Институт национальной безопасности» высказал все же некоторые замечания по содержательной части проекта. Осторожный оптимизм вызывают формулировки «принято к сведению», «принято в работу» белорусских инстанций, которых хотелось бы привлечь к широкомасштабной мемориальной работе, в первую очередь, по карантинному лагерю шталага-337, в окрестностях которого бок о бок упокоились и военнослужащие Красной армии, в т.ч. московские ополченцы, и разоруженные итальянские солдаты.

Важно, что тема шталага-337 принята к осмыслению участниками молодежного республиканского творческого конкурса «Помнить. Чтить. Не допустить», инициированного Генеральной прокуратурой РБ. В Бресте 01.12.2023 г. было объявлено, что победителем его областного этапа среди видеороликов стала коллективная работа учащихся Брестского областного кадетского училища, посвященная памяти узников лагеря.

Отрадно, что к имеющимся местам, где рассказывается о шталаге-337 (Барановичский и Слуцкий краеведческие музеи,

Леснянская школа и др.) добавляются новые места. В 2023 году в Барановичской межрайонной прокуратуре была организована достойная экспозиция «Забвению не подлежит». Здесь, помимо всего прочего, представлен макет Леснянского лагеря, который вызывает живой интерес у экскурсантов. При этом, остается много вопросов по самому шталагу-337, по лагерной администрации, по узникам. Хотелось бы получить подтверждение своим догадкам и предположениям. Для меня лично вопрос о введении в научный и исследовательский оборот всех этих материалов из НАРБ и Центрального архива КГБ РБ стоит остро.

Фото 64. Макет Леснянского лагеря в экспозиции Барановичской межрайонной прокуратуры «Забвению не подлежит». Газета «Наш край» г. Барановичи

Как и вопрос о постройке храма (часовни) взамен утраченной дивизионной церкви Преображения Господня 30-й пехотной дивизии императорской армии. Первоначально на территории Скобелевского полигона ее возвели в 1900 году, повторно – в марте 1914 года. По православному упованию и Преданию Ангел места, где проводилась Божественная Литургия, скорбит об этой утрате. Здесь летом 1915 года бывал последний русский император, здесь в округе происходили драматические события польской кампании, двух мировых войн. Хотелось бы в полной мере использовать военно-исторический потенциал этих мест. В конце 2023 года направлены очередные обращения в Администрацию Президента РБ, в КГБ РБ, председателям Барановичского городского и районного исполкомов, епископу Пинскому и Лунинецкому Георгию, общественным деятелям РБ и РФ – Владимиру Алексеевичу Лиходедову (автору проекта «В поисках утраченного») и Карену Георгиевичу Шахназарову, в Федеральную национально-культурную автономию белорусов России. Есть надежда, что будет благожелательный отклик и мемориальные проекты, согласованные с Сообществом потомков московских ополченцев, будут успешно реализованы. **Учитывая наличие в одном месте памятных знаков и симво-**

лов первой половины XX века и национальный состав погибших, территория шталага-337 с воинскими захоронениями, мемориальным комплексом в том или ином сформированном виде должна стать общеевропейским местом памяти и скорби. И этот военно-исторический объект должен занять свое достойное место в списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

В научно-популярном издании В.А. Лиходедова, В.П. Пефтиева, свящ. Гордея Щеглова «Полигон. История Скобелевского военного лагеря»[434] к сожалению, очень мало информации о шталаге-337, а о нем невозможно не упомянуть, рассказывая о полигоне. Это совместная трагическая и героическая история! С краеведческой точки зрения, остается открытым вопрос о четкой привязке упоминаемых в книге объектов инфраструктуры полигона к местности.

Фото 65. Обложка книги «Полигон. История Скобелевского военного лагеря» В. Лиходедова, В. Пефтиева, Г. Щеглова

Массив архивных документов ставит разные вопросы. Для Книги Памяти главный из них, вопрос идентификации. Очень важно достоверно установить личность человека и, насколько это возможно, его военную биографию. Ряд военнопленных шталага-337, судя по немецким трофейным персональным карточкам, имеют косвенные признаки того, что они могли быть ополченцами столицы. Нечеткость и двусмысленность записей требуют дополнительных усилий, чтобы все окончательно

[434] В.А. Лиходедов, В.П. Пефтиев, свящ. Гордей Щеглов «Полигон. История Скобелевского военного лагеря», Минск: Издательский дом «Звязда», 2017

прояснить. Это касается и русскоязычных и немецкоязычных версий учетных документов. Есть проблема передачи буквами немецкого алфавита некоторых букв русского алфавита при транслитерации с одного языка на другой: ж - sh, ш - sch, ч - tsch, щ – schtsch. Переводчики знают и другие тонкости. Небрежность, утраты, исправления лагерных и других писарей осложняют дело. Но оно движется по всем направлениям исследований. Да и постепенно оцифровываются учетные карточки военнопленных и белорусских партизан, появляются новые первоисточники. Так что продолжение следует…

В ходе редактирования изложенного материала возникла неожиданная техническая проблема. В нем фигурируют сведения из портала «Бессмертный полк. Москва» (о воспоминаниях Мартемьянова А.А.) и из гродненской газеты «Перспектива» (о шталаге-337 рассказывал генерал-майор И.А. Корж журналисту А.Мякишу). Ссылки на эту принципиально важную для истории шталага-337 информацию не работают. Судя по всему, первоисточники были удалены. Но сведения из них уже были введены в исследовательский оборот и упоминания о них автор настоящего материала все же оставил в тексте.

История шталага-337 состоит, помимо всего прочего, из живых историй конкретных людей. Именно они создают общую панораму, которая воспитывает, назидает, эмоционально воздействует, прямым образом погружает в суть трагических и героических событий. В рамках такого подхода подготовлен материал «Персонифицированные символы шталага № 337». Это люди по обе стороны колючей проволоки, ставшие олицетворением личностных качеств, проявленных в лагере. С одной стороны, мужество, стойкость, любовь, милосердие, жертвенность, взаимовыручка. С другой стороны, измена, жестокость, подлость, ненависть, изворотливость. Это люди, имевшие до войны достойную уважения карьеру или сделавшие ее в послевоенное время в разных областях науки и культуры, военного дела и мирной, трудовой жизни, в спорте. И те, кто в силу разных обстоятельств и резонов пошел на службу к оккупантам, изменил Родине. Эта выделенная объединенная группа бывших узников разных ценностных категорий уже насчитывает несколько десятков реальных людей, среди которых нашлось место московским ополченцам.

Слава героям-ополченцам, сражавшимся за честь и независимость нашей Родины, достойно проявившим себя на фронте, за колючей проволокой, в рядах партизан!

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

«Я БЫЛ УБИТ ПОД ВЯЗЬМОЙ».

Неизданная повесть писателя-ополченца Фёдора Кандыбы, как исторический источник о судьбах бойцов и ополченцев Красной армии в Вяземском окружении и плену

2024© А.Б. Воронин (Российская Федерация, г. Москва)

Во время изучения списков писателей-ополченцев[435], которые хранятся в фонде Союза Советских Писателей (ССП) в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГАЛИ), я обнаружил также стенограмму заседания Военной комиссии ССП[436], на котором было заслушано сообщение писателя Федора Кандыбы о судьбе писателей ополченческой дивизии Краснопресненского района. Позже, при просмотре описей фонда журнала «Знамя» повезло найти неизданную повесть «Я был убит под Вязьмой» — также авторства Федора Кандыбы. Как выяснилось, идею написания этой повести ему подсказали коллеги писатели, после заслушанного доклада. Роман был написан, был заключен договор с журналом «Знамя»[437], но в итоге так и не был напечатан: писатель умер в ноябре 1948 года.

Сейчас Федора Кандыбу знают в основном лишь поклонники советской фантастики: роман «Горячая земля», об использовании внутреннего тепла земли, вышел в 1950 году уже после его смерти. Но в РГАЛИ есть его личное дело[438] , по которому можно частично восстановить творческий путь.

Фёдор Львович Кандыба — родился 14 июля 1903 года в Харькове, в семье врача, из дво-

[435] РГАЛИ. Ф 631. Оп. 15. Д.568, там же Оп.16. Д. 119.

[436] РГАЛИ. Ф 631. Оп. 16. Д. 97.

[437] РГАЛИ. Ф 631. Оп. 39 Д. 2564. Л.16. Решение №152 от 27 мая 1944 г.

[438] РГАЛИ. Ф 631. Оп. 39 Д. 2564.

рян. В 1912 году вместе с родителями поехал в Германию, где прожил около года. Во время революции был еще школьником, после работал слесарем, поступил в Харькове в институт народного хозяйства, который кончил в 1924 году. В свое время отдал довольно много времени изучению иностранных языков (французский, английский), начал делать обзоры иностранной печати в журнале «Вестник внешней торговли Украины», сотрудником которого он стал, а после перешел в газету «Украинский экономист». Был репортером, потом разъездным корреспондентом, и зав. отделом, проработав 4 года. Одновременно стал корреспондентом газеты «Экономическая жизнь», издававшей в Москве, и довольно много ездил по стране по заданиям обеих газет. В 1934 году по предложению газеты «Труд» переехал в Москву.

Его первая повесть «Секрет Пайрекса». Вышла в Харькове в 1933 году. С 1939 года его очерки печатаются в «Огоньке», в Москве выходят книги для детей «Бетонщик Марусин» и «Сестры Горские». Книга про юных изобретательниц Горских вышедшая тиражом 100 000 экземпляров, была хорошо принята и ее даже сравнивали с приключениями Тома Сойера, планировали снимать фильм. Война задержала выход повести «Великий мастеровой» о герое социалистического труда Токареве. К счастью, она чудом сохранилась и была выпущена в сокращенном виде Лениздатом в 1946 году под названием «Повесть об оружейнике».

В 1935 году Ф.Л. Кандыба стал кандидатом в члены Союза Советских Писателей и в «этом звании» оставался, видимо, до 1946 года. В ССП его считали «детским писателем»[439] и считали, что следует «до появления в печати нового романа Ф. Кандыбы, написанного им за время войны, от перевода из кандидатов в члены союза писателей воздержаться»[440].

«Через месяц после начала войны[441] я пошел добровольцем в народное ополчение от организации ССП. Был рядовым на фронте, на Смоленском направлении. В октябре 1941 года неподалеку от Вязьмы попал в окружение и в плен к немцам, наступавшим на Москву. Мне удалось убежать из колонны военнопленных, которых немцы гнали на запад, но к своим через фронт перебрать не удалось. Я был контужен и немало

[439] РГАЛИ. Ф 631. Оп. 39 Д. 2564. Л.10.

[440] Там же Л.15.

[441] Так в тексте, Кандыба не раз пишет, что пошел в ополчение через месяц после начала войны.

перенес. В конце 1941 года после долгих скитаний пришел на родину в Харьков, где и оставался до освобождения города Красной Армией в феврале 1943 года, в армию меня по состоянию здоровья больше не взяли» — писал Федор Кандыба в автобиографии.

«Через год с небольшим после возращения я закончил роман-дневник «Я убит под Вязьмой» объемом, около 20 печатных листов, в котором я описал то, что мне пришлось повидать и пережить. Роман-дневник получил много хороших отзывов и был принят к печати журналом «Знамя» и одобрен Совинформбюро для издания за границей. Но по указанию секретаря ЦК ВКП А.С. Щербакова[442], которому передал рукопись С.А. Лозовский[443], мне следовало переработать рукопись, что сделать в то время был не в состоянии. Поэтому роман-дневник еще света не увидел и дожидается переработки. Эту работу я считаю самой большой и важной из всего, что сделал и конечно постараюсь ее должным образом довести до конца»[444].

Причины, по которым повесть (автор назвал ее романом-дневником), была в итоге отвергнута, сформулировал в отзыве о ней литературный критик и военный корреспондент Анатолий Тарасенков[445]: *«Борис Горбатов написал книгу «Непокоренные». Кандыба озаглавил свою вещь «Я был убит под Вязьмой». Самое правильное было бы, однако, назвать ее «Покоренные». В двух томах книга с незаурядной силой, наблюдательностью и точностью автор день за днем, месяц за месяцем рассказывает о своей судьбе — человека, попавшего в плен, а затем, по существу, продавшегося немцам за котелок супа. Наша армия 1941 г. изображена беспомощной, отступающей панической толпой. Какая это ложь! Жители оккупированного Харькова, интеллигенты, рабочие, служащие, женщины, старики, — в сущности изображены такими же, покоренными людьми. Это производит тягостное и тяжкое впечатление»[446].*

В тех условиях, когда до По-

[442] Александр Сергеевич Щербаков (1901 – 1945). В начале войны стал начальником Совинформбюро, в июле 1942 года также назначен начальником Главного политуправления Красной армии. Умер от инфаркта 10 мая 1945 года.

[443] Соломон Абрамович Лозовский (1878 – 1951) в 1939 – 1946 годах заместитель наркома иностранных дел, с июля 1941 заместитель, в 1945-48 годах начальник Совинформбюро. Вел пресс-конференции для иностранных журналистов. Расстрелян в 1952 году под делу Еврейского антифашистского комитета. Реабилитирован в 1955.

[444] РГАЛИ. Ф 631. Оп. 39. Д. 2564. ЛЛ. 11об, 12

[445] Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909 — 1956)

[446] РГАЛИ. Ф. 618 Оп. 14. Д. 453. Л.1.

беды оставалось менее года, а Красная армия успешно громила вермахт на всех фронтах, выход книги, напоминающей о ее поражениях в 1941 году, возможно и правда был неуместен. Но теперь, мы можем рассматривать ее как исторический документ, как свидетельство очевидца, как мемуары, сохранившиеся в авторской редакции, без последующих переработок.

Вашему внимаю предлагаются первые 4 главы неопубликованной повести Ф.Л. Кандыбы, отзыв о ней А.Н. Тарасенкова, а также стенограмма сообщения Кандыбы, о судьбе писателей ополченческой дивизии Красно-Пресненского района, на заседании Военной Комиссии ССП.

Ф.Л. Кандыба. Повесть «Я был убит под Вязьмой»[447]

Часть первая. ПЛЕН

1.Солдатская смерть

После разрыва контузившей меня бомбы меня не стало. Появился человек в сером ополченческом ватнике с моим лицом и моей винтовкой ФЦ 23567. У него в кармане — мои документы, письма моей матери и моей жены. Даже голос у него мой и шрам на щеке — тот же что у меня. Но это не я, это другой — неизвестный.

Вот он передо мной. И вместе с ним я вспоминаю

…. Я не знаю сколько раз мы ходили на прорыв. Мы сбились со счета. Уже, наверное, неделю мы в окружении. Немцы сильным ударом прорвались на восток к Москве. Они взяли Вязьму, Калугу, Орел, идут к Туле. Наша армия отступила: мы остались в далеком немецком тылу.

Мы об этом еще не знаем. Не знаем, где немцы, знаем только, что они вокруг, слышим канонаду то справа, то слева, то сзади, то впереди. Ночью на нас летят потоки огненных трассирующих пуль, днем и ночью вокруг нас рвутся, летящие неведомо откуда, снаряды, и немецкие самолеты бомбят нас каждый час.

Была осень. Лес был желтый, золотой, лиловый. Для всех, но не для меня. После контузии мой мир стал серым и плоским, я слабо различаю цвета. И я плохо хожу: иду, иду и земля плывет подо мной: чувство равновесия нарушилось. Но это ничего, я иду.

Трава была буро-желтая, высохшая. На вершинах пригорков темнела зелень еловых перелесков, четкая, словно вырезанная из черной бумаги, лужи затягивались льдом. По утрам бархатистая от инея, седая земля чернела под частыми шагами солдатских

[447] РГАЛИ. Ф. 618 Оп. 14 Д. 453 ЛЛ. 1б - 45

сапог. Светило холодное осеннее солнце.

Люди, лошади, автомобили, пушки двигались, мчались по дорогам. С каждым часом все скорее и напряжённей: каждая минута уменьшала шансы вырваться из окружения. Горели деревни, горели стога соломы и сена и тонкий запах гари стелился над безлюдными полями.

Никто еще не видел немцев, но они здесь, они придвигаются все ближе. Падают товарищи, сраженные осколками и пулями, падают ослабевшие. Мы подбираем раненых, укладываем на подводы, перестраиваемся и снова и снова идем на прорыв.

Мы не знаем, где наши, но знаем: за нами Москва, и между нами и Москвой тоже немцы, и нам надо пробиться или умереть. И мы идем, пробиваться и умираем, и нас отбрасывают назад: мы воюем третий месяц, а немцы третий год, они прошли всю Европу, а мы ополченцы только дорогу от Москвы…

Вчера мы шли на юг к Калуге. Там перед нами прорвалась и с боем вышла большая кадровая часть, кажется, сибиряки. Сегодня мы двигаемся на восток к Семлеву и Вязьме, там тоже пробились наружу вчера, может быть, и нам посчастливится.

Последние дни я бы ездовым. У меня была подвода и пара серых лошадей, я двигался с ними в обозе нашего ополченческого полка. С беспрерывным движением потеряно чувство времени. День, ночь, утро смешиваются в бесконечную серую мелькающую полосу. Кажется уже долгие годы трясусь я на подводе и подгоняю лошадей прутом. И, кажется, только вчера расстался с редакцией ополченческой газеты, где сочинял с товарищами «Азбуку ополченца».

Где это сегодня? Сегодня уже никому не нужна ни наша азбука, ни редакция, сегодня надо пробиться или умереть. Один час подводы идут с артиллерией, другой следуют за пехотной частью, потом стараются нагнать автомобильный отряд и снова двигаются дальше с пехотой.

Беспрерывный калейдоскоп людей, пушек, обозов становится реже, мелькает меньше, но делается все напряженнее. Какие-то части прорываются, мы остаемся. Неужели мы самые последние? Нет, мы спешим, мы напрягаем все силы, чтобы двигаться как можно скорее, ведь надежда вырваться отсюда все уменьшается.

В рядах идущих вдруг появляются родные лица товарищей, с которыми были знакомы, и исчезают также внезапно. Пробегает с автоматом московский приятель,

с которым записывались в ополчение. Высовывается из телеги и опять скрывается голова знакомого художника: он ранен, он не может идти, ему еще хуже, чем мне. Комиссар артиллерийской батареи, о котором я писал, ведет на прорыв отряд незнакомых красноармейцев. Они спускаются в овраг, сворачивают куда-то в сторону. Молодые, здоровые, они пробьются. На грузовике с ящиками и гранатами двое друзей-ополченцев, работавших со мной в редакции. Счастливые они тоже прорвутся, а я со своими лошадьми останусь.

— Но, но, лошади! Скорее, да скорее же…

Я хочу спросить, где Гершензон, писатель, хороший человек, наш общий друг. После контузии он взял мою винтовку, ушел на очередной прорыв, и больше не вернулся. Но спросить не у кого. Моих друзей уже нет, где моим лошадям угнаться за автомобилем!

Опять артиллерийский обстрел. Вздымается земля, становится на дыбы, падают и бьются в постромках лошади. Рассыпаются люди. Колонна тает. Невидимое кольцо немцев приближается…

Последняя попытка прорваться была отчаянной.

Это было ночью в ложбине. С холмов вокруг били немецкие пулеметы. Над деревьями огненными лягушками прыгали немецкие скачущие ракеты.

Нам сказал: вражеские линии тянутся здесь всего на глубину пяти километров, это самое тонкое место в кольце. Всего пять километров» за ним опять наши, родина, жизнь… Но это пять километров покрыты лесом. Поляны перекопаны рвами, там стоят минометы. А на деревьях автоматчики и снайперы-кукушки.

— Роща смерти. «Не пройти…» — говорит полный бравый старшина из вещевого склада, ехавший на моей подводе.

Это говорил страх. Мы еще не знали немцев, не умели их бить, они виднелись за каждым деревом.

— Вот именно пройти. Под Ельней почище было. Дерьмо собачье… — бросает злобно старшине, сидевший рядом, раненый в голову маленький красноармеец и, схватив свой автомат, бежит к началу колонны, откуда слышаться звонкие команды.

Там майор собирает и строит людей на прорыв. Людей набирается не больше роты, но майор громко, чтобы было слышно в лесу, командует полку приказ идти в атаку. И полное надежды разноголосое наше «ура» катится в темноте по лесу, кричат ра-

неные, даже умирающие, кричат все. Это повторяет крик, действительно, похоже, что в атаку идет целый полк.

Все, кто мог идти и нести оружие, взяли его и ушли вперед с майором, остались только ездовые и то раненые или контуженные. И старшина тоже пошёл. Ему дали карабин.

Подводы остались стоять на опушке леса. На моей лежали ящики с патронами, она стояла четвертой. Нам сказали: когда увидите три красных ракеты, гоните во всю прыть по этой дороге. Убьют — хорошо, а нет так прорветесь, все равно выхода нет.

Этого можно было не добавлять. О смерти не думали. У каждого в сердце было: война — это я, защита Москвы — это я, мы защищаем Москву, или мы умерли, все равно часом позже или раньше.

И вот мы стоим на опушке в ожидании. Сейчас я гикну на лошадей страшным голосом, они помчатся, пролетят через огонь и вынесут меня на волю. Небо в белых и розовых полосах от прожекторов и ракет, но не наших, не трех красных. Их нет. Ползут минуты, тянутся часы.

В лесу стрельба, за лесом бухают орудия, гудит в темноте самолет. Где же наши, где три красных ракеты? Немцы нащупали опушку, пулеметы бьют по ней с трех сторон. Ездовые сошли с подвод, легли в канавы и ямы у дороги.

Частые огненные дорожки изгибаются над лесом и мчатся между деревьями. Пули посвистывают, цокаю, ломают ветки, обсыпают нас землей. Лошади стоят у опушки, падают на колени, валятся на бок, тихо стонут раненые. Их нельзя увести с открытого места — сигнал к выступлению может быть каждую минуту.

Но ракет все нет: надо ждать дальше. Приходит ночь, светлеет небо. В рассветной мгле ясно вырисовываются поникшие усталые головы моих серых лошадей. Я им скормил всем свой хлеб ночью, но они давно не пили…

Вот и утро, скоро покажется солнце. Вместе с ночью уходит надежда, стынут сердца. С первыми лучами солнца показываются немецкие самолеты. Они кружат каруселью и обрываясь пикируют над лесом.

Карусель завертелась над нами. Свистят и воют бомбы. Грохочут взрывы. Пламя, вырытая земля, дым, пыль. Все кончено, от нашего обоза не осталось ничего, мои серые лошади взлетели на воздух с подводой. Но я жив, я вылезаю из ямы и бреду неведомо куда безоружный, только с вещевым мешком и скаткой через

плечо. Вот теперь я погиб, меня можно взять голыми руками.

Откуда-то показывается мой московский товарищ и однополчанин, солидный немолодой человек в роговых очках[448]. Он в лучшем виде чем я, но тоже без оружия. Он, как и я, ничего не знает. Он комнатный интеллигент, я с ненавистью смотрю серые перчатки на его руках. Вот из-за этих перчаток и погибнем…

Появляется свежая, будто с парада, авторота. Мы бросаемся к командиру, объясняем кто мы, просим взять нас с собой. Ему не до нас: снова показались немецкие самолеты, снова завертелась карусель и завыли пикировщики.

Мы прижались к земле. Когда поднялись, просить нас взять было уже некого.

С остатком людей автороты мы идем в лес навстречу немецким автоматчикам. Мы их не видим, но люди, подстреленные ими, падают.

— Немец, немец! — вдруг закричали рядом, и я вижу высокого блондина в командирской форме, зигзагами убегавшего в сторону. Его догнали, через минуту раздался пистолетный выстрел, и я увидел этого человека мёртвым.

Он был в парадной форме старшего лейтенанты Красной армии, высокий, красивый мужчина с подведенными бровями. Наши увидели, как он спустился с дерева и бросился к шалашу, где стал надевать шинель рядового бойца, видимо, собираясь незаметно присоединиться к нам. А когда его задержали, он, давая честь, щелкнул каблуками на немецкий манер. Это была одна из «кукушек».

Новые и новые налеты бомбардировщиков разбросали нас. Мы с моим московским товарищем очутились в прикрытой сухими ветвями яме над ручьем на опушке. Там уже были люди: несколько раненых и двое пожилых мужчин в штатском из рабочих батальонов, копавших окопы.

— Танки, танки! — крикнул один из них. — Немецкие танки.

— Это наши танки, зеленые. Вы же видите. Они идут нам на выручку.

— Нет, немецкие. Они бьют по нашим.

— Наши, наши, они бьют по немцам — спорили мы, раздвинув ветви над ямой.

У моего товарища не выдержали нервы. Он вскочил и побежал, сам не зная куда.

— Куда вы? Это безумие. Подождите, выяснится, что это, тогда пойдем вместе — пытался я его удержать, но он не стал меня

[448] Дзюбинский Сергей Николаевич

слушать.

А танки подошли и стали обстреливать опушку. Мы вросли в землю. Танки замолкали, меняли позицию и снова долго и упорно простреливали лес.

В одну из пауз между обстрелами в яму боком ввалился сержант. Совсем мальчик, лет девятнадцати не больше. Он подполз ко мне:

— Товарищ, перевяжи меня — сказал он белыми губами.

— А что с тобой?

— Я ранен…

— Куда?

— В сердце.

Его шинель была цела. Я осмотрел ее со всех сторон: следов пули не было.

— Как же так? — сказал я. — Шинель цела…

— Ранен вот сюда — в сердце, — показал он на грудь. — Болит…

— Да нет же не ранен, ты ошибаешься. Тебе показалось.

Я дал сержанту воды из фляги, и он сказал, что его зовут Саша, он комсомолец, был студентом архитектурного института, пошел добровольцем, что него невеста Женя, что его считали талантливым…

В его белых губах и механических движения было тоска и смерть. Он видел, что надежды спастись остается все меньше, и видел себя мертвым. Это был уже не мужчина и не солдат. Но чем я был лучше? Я утешал его как мог.

—Ну, что же дальше, товарищ? Скажи, что-нибудь. Хоть слово…

— Дурак ты, Саша, молодой дурак. Ты испугался как щенок. Жизнь не кончена. У тебя есть компас: стемнеет, пойдем на восток, будем пробираться к своим. Я контужен, но мы будем помогать друг другу.

— … у меня была невеста Женя, он думала, что я хороший. У меня было призвание, я собирался строить города. Я был нужен, я защищал Москву. А сейчас ничего нет: жизнь кончена.

— Да, нет же, не кончена, глупый щенок. Честное слово, не кончена. Война тоже не кончена.

Я взял его за руку. Она была ледяная, безжизненная. Тогда я взял и другую. И стал дышать ему на руки. Они отогрелись, и он немного отошел.

— А я и вправду думал, что ранен в сердце — смущенно улыбнулся он. — Да, мы еще выберемся. Только говори мне что-нибудь, говори.

Я хорошо понимал Сашу. У него на сердце было то, что и у меня, только я не стал бы так говорить: я был старше. Утешая его, я утешался с ним, забывал о контузии, верил, что мы доберемся к своим…

Танки действительно оказа-

лись немецкие, хотя и были выкрашены в зеленый защитный цвет. Простреляв лес, они ушли. Вслед за этим мы услышали громкую команду на чужом языке и частые автоматные очереди: вслед за танками шли цепи немецких автоматчиков.

Они выходят на поле и широко шагают, осматриваясь по сторонам и простреливая каждую ложбину и каждый встречный куст. Это рослые краснолицые солдаты в серо-стальных коротких мундирах и мелких, как котелки, касках. Они живые, они идут и стреляют.

Мне кажется, что я вижу их во сне или в кино, больше всего удивляет их реальность: сапоги, возбужденные лица, пуговицы на мундирах, матовый блеск оружия. Я не верю своим глазам: всего пережитого оказалось недостаточно, я еще не могу поверить, что на русской земле эти чужие люди идут, как хозяева. Вероятно, многие так не верят смерти, когда уже видят ее в лицо.

Они прошли мимо, не увидев нас. Выглянуло скрывшееся было солнце. Я сказал Саше:

— Вот видишь, все может обойтись. Вечером пойдем на восток.

Но за первой цепью автоматчиков показались следующие более густые и менее торопливые. Они шарили всюду и шли прямо на нас. Бежать некуда — мы попались.

Окопник пожилой одесский еврей в очках и с бородой не выдержал напряжения последних минут.

— Что играть в кошки-мышки? — поднялся он и, махнув рукой, пошел навстречу немцам: наша участь была все равно ясна, пистолета чтобы застрелиться у него не было.

А остальные прижимались еще ниже к земле и ждали, сами не зная, на что надеяться. Ждали, пока автоматчики не обнаружили нас и не заставили выйти из ямы.

Мы поднялись и погнали под ударами прикладов, плохо понимая, что происходит. Мы одеревенели, нам уже было все безразлично, мы все равно погибли…

Нас гнали мимо ручья и мимо моста, где была авторота. Около разбитого грузовика лежал мертвый зенитчик. Его руки были стиснуты, будто он до сих пор держит ручки зенитного пулемета. Нас погнали дальше к деревне.

— Политрук? Комиссар? — заглядывали в лица пленных немецкие солдаты, обыскивали нас, шарили по карманам и забирая, что кому нравится.

Какой-то солдат снял с Саши пилотку: вероятно, хочет послать как трофей в Германию. Саша

идет дальше с обнаженной головой.

Нас всех согнали в кучу на разрытое картофельное поле. Картошка была выкопана, на земле лежала сухая ботва. Кругом поставили пулеметы на треногах. Пришел маленький толстый офицер и что-то сказал солдатам. Один из них вышел вперед и скомандовал по-русски:

— Становись на колени!

Мы стали. Значит всех сейчас расстреляют — тем лучше, больше не будем мучиться. Ведь мы все равно умерли.

Но мы ошиблись, немцы только пересчитали нас и ушли. А мы остались под дулами пулеметов на том же поле.

Высоко в небе показались самолеты. Это наши советские самолеты с красными звездами на крыльях. Теперь они бомбят немецкое расположение, бомбят и нас. Мы не двигаемся с места, пусть бомбят, уже все равно разбомбят нас или нет. Мы смотрим наверх с тоской и любовью, каждый готов закричать: товарищи, мы здесь, помогите, спасите, возьмите с собой!

Но самолеты улетают, а мы остаемся.

— Вот и все — склоняет голову, сидящий рядом со мной Саша.

День угасает. Какой огромный день — больше целой жизни.

Мы на том же картофельном поле: стоим, сидим опустив головы, лежим уткнувшись лицом в разрытую землю, стонами, в забытьи просим воды….

Солдаты, не сумевшие умереть за родину, мы уже не солдаты, даже не люди, мы пленные. Да, мы не люди. Недалеко колодец, он хорошо виден, но немцы не пускают за водой даже для раненых. Раненые истекают кровью, местами вся земля красная — что до этого часовым у пулеметов. Есть только индивидуальные пакеты, чтобы перевязать друг другу раны. Среди нас есть врачи. Они поднимаются и, не слушая окриков часовых, начинают помогать раненым. Часовые стреляют, но врачи продолжают свое дело. Пусть стреляют, нам терять уже нечего.

Кто-то собрал сухой ботвы и зажег небольшой костер. Люди тянут руки с желтому огню. Часовые стреляют, но на выстрелы не обращают внимания.

— Боже, как я иззяб — передвигается ближе к костру раненый.

Потом подходит солдат-переводчик и говорит, что раненых можно перенести в лазарет — большой крытый соломой сарай, стоящий неподалеку.

Там нет ни лекарств, ни пере-

вязочных материалов, ни соломы на полу. Только крыша над головой. Это лазарет для пленных. Но врачи уже там. Они снимают с себя рубашки, разрывают на жгуты и бинты, стараются спасти, кого можно. Санитары принесли воды, наконец можно напоить раненых. Сарай уже полон ими.

Остальные там, на поле. Они лежат и смотрят в бездонное звездное небо. Некоторые забылись во сне. Другие стонут и хрипят, умирая: сарай не вместил и половины раненых. Саша, лежащий около меня, прячет под шинель обнаженную голову. Холодно.

Какой длинный день, как целая жизнь…

Наутро умершие остались лежать на поле, а живых согнали на околицу и стали выстраивать в колонну.

Немецкие солдаты и офицеры ходили возле нас, я рассмотрел их близко. Фуражки набекрень, береты, залихватские прически, кольца на пальцах. Ухарство и развязная манерность не вязались с суровой простотой военных людей. Они держались как наглые молодые люди на пикнике или на охоте. На шапках вместо кокарды у них был череп с перекрещенными костями. Это были эсэсовцы из лучших отборных дивизий, брошенных Гитлером на Москву. Как жаль, что мы раньше не знали какие они: бить эту публику было бы и легче, и приятнее. Они только гримаса войны, игрушка военной удачи. Они совсем не такие страшные, жаль, что мы их переоценивали.

Скучающий высокий офицер в черном берете велит солдату переводчику вызвать командиров и тут же добавляет — «расстрелять их». Я не уверен, что правильно понял его слова, я плохо помню немецкий. Но переводчик идет вызывать командиров. Мы с Сашей говорим соседям: «не отзывайтесь — расстреляют». И предупреждение катится дальше. Некоторые все же выходят из рядов, немцы ведут их в лес, и оттуда слышатся выстрелы.

Мы стоим и ждем. Опять доносятся выстрелы. Ряды пленных словно под ударами электрического тока.

Потом нас гонят на запад.

2. Дорога на запад

Немцы гнали нас на юго-запад от Вязьмы — к Смоленску, к себе в тыл.

Осень дарила последней улыбкой залитую кровью, дымящуюся, истерзанную смоленскую землю, на которой мы воевали и погибли.

В минуты бедствий природа

вдруг расцветает для нас особой прелестью и предстает в необычной красоте, когда уходит жизнь. Был прекрасный осенний день. Солнце ласково золотилось в глубоком синем небе и отсвечивало в замерзших лужах. Лес — нарядный, разноцветный. В прозрачном воздухе казалась бархатистой покрытая изморозью земля.

Знакомый смоленский пейзаж был полон нежности. Мы прощались с ним. Мы не были уже хозяевами на этой земле. Нас гнали по ней, подталкивая прикладами, чужие люди, пришельцы, завоеватели. Гнали как скот. На запад, к себе, в тыл, в Германию…

Мы шли понурые, полумертвые. Около нас шагали краснолицые немецкие солдаты с автоматами в руках — наш конвой.

В уцелевших деревнях немцы, увидев нас, становились вдоль дороги, и пленные шли между двумя шеренгами солдат. Каждый рассматривал пленных, и каждый останавливал любого и забирал, что ему нравилось. У одного отобрали ремень, у другого полевую сумку, у третьего снимали шинель или сапоги, и он шел дальше босиком по промерзшей земле. Одеяла, белье, мыло, консервы — все годилось немецким солдатам. Мы были их военной добычей — они не стеснялись.

— Русская кожа! Очень хорошо — обрадовался солдат, увидев мое кожаное пальто и накинув его на плечи, вытряхнул из моего вещевого мешка все, что там было съедобного.

Другой взял мой котелок и перочинный нож. Я отдал все не прекословя, — мне было не до вещей и не до еды.

Кончался короткий осенний день. Серые сумерки легли над полями, а нас гнали дальше и дальне. Когда совсем стемнело, мы оказались на поле, обнесенном колючей проволокой. За проволокой горели костры, и около них грелись конвоиры. Внутри ограды было темно. Мы свалились вповалку и старались согреться, тесно прижимаясь друг к другу. Над нами мерцали звезды. Был мороз.

Наутро мы поднялись при розовом свете зари и оставили на поле трупы замерзших и умерших за ночь: раненых, больных гнали всех вместе. Снова звенела под ногами промерзшая земля, снова двигались на запад.

С большака вышли на шоссе. От времени до времени нас останавливали и присоединяли к нам новые партии захваченных по дороге мужчин. Колонна все длиннее растягивалась по дороге.

Молодые и старые, военные, гражданские мы шли все вместе, изможденные, с желтыми лицами

и потухшими взорами. Хромающий артиллерист, контуженных пехотинец, копавший окопы бухгалтер в городском пальто реглан, юный ученик ремесленного училища в своей черной форме, сгорбленный человек в очках в пиджаке и без шляпы, по-видимому учитель или доктор, вышедший на минутку из дому и схваченный немцами, танкист с забинтованными руками и в обгорелом кожаном шлеме с наушниками — все брели нестройными рядами неведомо куда: без цели, без надежды.

Люди были как зерно, груженое в вагон насыпью: все в куче, все вместе, и каждый порознь. Каждый из нас тонул, терялся, становился песчинкой, безликой, безголосой, безжизненной. Каждый был сам по себе среди братков, земляков, товарищей, от которых был отделен движением того человеческого потока.

Немцы подгоняли нас ударами прикладов, кричали, кололи штыками отстающих, пристреливали падающих. Колонна шла все быстрей, но силы у людей были разные, у каждого был свой шаг. Люди шатались из стороны в сторону, перемешивались как крупинки в жидкой каше. Это и нужно было немцам: они не хотели дать нам опомниться, поговорить друг с другом, снова почувствовать себя членами одной семьи, а не рыбой захваченной сетью.

Лица шедших рядом сменялись, мелькали в глазах и сливались в одно общее для всех — желтое, одутловатое, с тоской в напряженных глазах. Саша шел рядом со мной, по-прежнему, без шапки. Светлые волосы спутались, забились землей, уши побелели. И вот Саши больше нет. Только что мы шли, поддерживая друг друга, и вот его уже невозможно найти… Потом я шел с армянином — бывшим актером. У него где-то на нашем пути были знакомые. Он собирался забежать к ним и спрятаться. Он звал меня с собой… Но вот нет и армянина. Его оттерли, оттеснили, он ушел вперед или отстал на несколько шагов и исчез безвозвратно.

Чтобы не потерять друг друга, мы шли, взявшись за руки, но все же теряли, выпустив руку, чтобы поправить вещевой мешок, завязать шнурок на ботинке, или умереть. Человек падал на мерзлую землю, тяжело дышал, а конвоиры гнали и гнали остальных, заставляя переступать через лежащего. Но товарищи подхватывали упавшего, тащили за собой, хотя и сами шатались от слабости. Мы давно не ели и не пили, мы едва передвигали ноги.

А немцы спешили. Наши конвоиры выломали палки и били отставших по спинам, крича:

«лос, лос!». Больше всего били раненых, ковылявших на кровоточащих ногах, едва бредущих больных, контуженных, слабых.

— Лос, лос! — свистит в воздухе палка, опускаясь на мою спину.

Что значит «лос»? Я никогда не слыхал этого слова, и никто не мог мне объяснить, что оно обозначает «давай». Я думал об этом слове, и меня мучило, что я его не понимаю: ведь я когда-то говорил по-немецки.

Мы шли по той самой Смоленщине, на которой воевали. Знакомые места, но как странно изменились они. Там, где несколько дней назад были деревни, сегодня только обгорелые кирпичные трубы торчат над пеплом и угольями. Еще дымятся пожарища, и лежат около них трупы жителей.

Была осень, наступила ранняя зима. Звенела под ногами промерзшая земля, и канавы у дороги были стянуты льдом. Безлюдной пустыней была Смоленщина. На замерзшей грязи дороги торчали обгорелые остовы автомобилей, сломанные телеги и разбитые зарядные ящики. Солнце горело на желтой меди брошенных патронов и гильз от снарядов.

Голод и жажда мучили все сильнее. Немцы еще ни разу не кормили пленных и не давали возможности питаться. Кое-где у дороги вались желтые кирпичи сильного взрывчатого вещества — тола. Тол казался мучнистым и был похож на концентрат горохового супа. Мы нагибались к этим кирпичам, хватали их пытались есть. Я пробовал тоже: есть тол было нельзя — он был горький как английская соль…

Немцы-конвойные шагали бодрым, уверенным шагом. Они менялись каждые три часа и садились в свои грузовики. В дороге им подавали с машины котелки с горячей пищей и фляги с горячим кофе. Настроение у немцев было отличным, говорили, что Москва окружена, и скоро войне конец.

А мы шли и шли, как и раньше. Когда изнемогали окончательно, падали, хоть знали, что упасть, значит погибнуть. Мы видели, как пристреливают упавших, и все-таки падали: сил больше не было.

Мои ноги были растерты в кровь, я терял равновесие после контузии. Я брел, опираясь на палку, но упасть не боялся. Быть может, это было бы самое лучшее. В таком состоянии выбраться из колонны надежды почти не оставалось. Все равно жизнь кончена…

Мы шли мимо сгоревших смоленских деревень.

На Смоленщине картошку

хранят в избах под полом. Когда сгорали избы, картошка сгорала не вся. Часть ее оказывалась испеченной в огне. Пленные бросались на пепелища и разгребая руками горячие угля, хватали черные обгорелые клубни.

Колонна растекалась и сворачивала с дороги. Конвойные кричали, стреляли в людей, бежавших за картошкой, но не могли остановить их. Троих, четверых ранили или убивали, но тридцати-сорока удавалось схватить по несколько полу-обгорелых картофелин. Я был слишком слаб, чтобы достать себе картошки. Все происходило в несколько мгновений. Надо было действовать быстро и энергично, пока не успевали подойти конвойные.

— На, держи — сунул мне в руку несколько горелых, черных как уголь картошек высокий, запыхавшийся от быстрого бега парень и исчез в людском потоке прежде, чем я успел поблагодарить его.

Только теперь я понял, что сделал солдат, отобравший у меня нож и котелок. Кое-где на дороге лежали убитые и павшие лошади. И у кого оставались ножи, бросались к тушам, отрезали куски мяса и ели его сырым или брали с собой.

Опять нарушался порядок, опять стреляли конвоиры в скопившихся пленных, те падали, и снова не месте упавших тотчас появлялись новые. Так или иначе подходила смерть, на выстрелы уже не обращали внимания.

Я проходил мимо, не останавливаясь: все равно без ножа я не мог отрезать себе мяса. Есть очень хотелось. Гораздо сильнее чувствовал я жажду.

Рек и ручьев на нашем пути не попадалось, а лужи и канавы у дороги были замерзшие. Иногда кто-нибудь разбивал лед и те, у кого были котелки или кружки, черпали эту мутную воду. Пили, набирая горстями, шлемами, шапками, пока подоспевшие конвоиры не отгоняли от воды. Я зачерпнул несколько раз этой воды своей пилоткой, но напиться так и не смог.

Мои продовольственные запасы состояли из одной маленькой селедки, уцелевшей в мешке от противогаза, спичечной коробки с солью и щепотки чая. Время от времени я откусывал по кусочку селедки и жевал чай, чувствуя, что мне, как многим, идти остается уже недолго.

Мы шли по дороге боев. Трупы все чаще попадались на нашем пути и каждый час к ним добавлялись все новые из нашей колонны. Здесь прошло уже много войск и много пленных. Трупы

были маленькие и сухие, как из папье-маше, или как куклы из тряпок. Нас гнали прямо по ним, не давая сворачивать в сторону, и трупы протаскивались под ногами, как циновки или половики. Сначала истиралось мясо. Потом под тысячью ног ломались и рассыпались кости, и от человека оставался красно-желтый холмик втоптанного в землю черепа, кучки тряпья и несколько торчащих из него косточек.

Снова ночь на земле в открытом поле, под холодными звездами. Снова направленные на нас пулеметы, костры конвойных, и снова вперед на румяной заре. Так шли мы и день, и второй, и третий, и четвертый. Все больше пристреливали конвоиры упавших, все чаще пленные умирали сами. Нас становилось все меньше.

Еще несколько дней назад, каждый из нас был человеком нужным, умным, хорошим. Каждого кто-то любил, о каждом кто-то тосковал, у каждого был дом и место в жизни. И каждый что-то умел, чем-то был полезен людям, и за это имел право на жизнь и на уважение. Теперь у нас не осталось ничего. Интеллигентные больше не были интеллигентными, умные не были умными, сильные не были сильными. Все это они теперь потеряли. Писатель потерял свой язык, ученый — науку, инженер — технику, композитор — музыку. В глазах немцев они были тупыми, неграмотными дикарями, пригодными лишь для самой черной работы. Единственное, чего не отняли у нас немцы, это права умирать среди замерзших луж на дороге, и мы этим правом пользовались.

Выжившие москвичи, киевляне, одесситы, сибиряки, смоляне, сметенные в кучу вихрем войны, шли неведомо куда, окруженные немцами, шли, с каждым шагом удаляясь от родины, от семьи, жизни…

Вырваться, убежать, любой ценой выбраться из колонны, уйти из нее как можно скорей — в этой мысли сосредотачивалось все живое, что еще оставалось в нас. Но колонна крепко держала пленных. Автоматы конвойных не давали выйти из строя, пулеметы прижимали к земле на ночевках.

Одна из ночей была особенно холодной. Мы лежали на замерзшем болоте, плотно прижавшись друг к другу и покрывая его сплошным ковром из дрожащих человеческих тел. Мы не согревались, но под нами начало таять, и вот уже кто-то провалился в жидкую грязь, и ковер разорвался.

Кое-кто собирал днем по дороге щепки и сухие ветки, а теперь, выбрав место по суше, разводил

небольшой костер. Пробиться к такому костру, согреться около него было огромным счастьем. Когда костер догорал, его хозяин ложился на согретую землю, а другие старались занять место поближе.

Моими соседями оказались тяжело кашлявший земляк украинец из Харькова, и худой человек в очках — тот самый окопник, с которым мы сидели в яме — бывший часовщик из Одессы. Мы лежали на боку и обнимали руками один другого — так было теплее. На моих ногах лежал мальчик-ремесленник. Он согрел мне их, и я уснул. К утру я проснулся от свинцового холода, сковавшего и бок, и спину. Мой сосед-украинец умер и уже застыл. Мне пришлось перевернуть на спину его окаменевшее тело, чтобы подняться. Обнимавшая меня рука осталась поднятой к небу.

Это было страшно только в первые дни. После мы привыкли выбираться из-под трупов.

Судьба земляка харьковчанина все же была лучше судьбы часовщика-одессита. Его пристрелили конвойные румяным утром, когда колонна выступала в путь, снова начались крики «лос, лос» и свистели палки, которыми подгоняли пленных. Его пристрелили только за то, что он был евреем.

3. Над Днепром

Ночью выпал снег. Мы подходили к Дорогобужу сияющим солнечным утром. Мы шли по долине Днепра, извивающегося между высокими обрывистыми берегами. На холмах — яркая зелень хвойных лесов. Сосны и ели спят в прозрачной тишине. Ни ветерка, воздух чистый, смолистый. Мягкий пушистый снег покрывает все вокруг — и противотанковые рвы, и воронки от снарядов, и блиндажи вдоль дороги.

Снег искрится и переливается. На него трудно смотреть: из глаз текут слезы. Никогда я еще не видел такого ослепительно белого, сияющего снега. Быть может потому, что никогда не видал и такого мрака, как в те дни.

Мы поднимаемся по дороге вдоль опушки соснового леса. Красные стволы сосен ползут мимо. Мы идем молча. Конвоиры немцы начали выдыхаться, они не кричат больше.

Я иду у края дороги, беру пригоршнями снег с молодых сосновых ветвей и жадно глотаю. Я изнемогаю от жажды, снег ее утоляет плохо. Товарищи, бредущие посреди дороги, нагибаются, захватывая снег с земли и едят его.

На нежном фоне этого чистого первого снега они кажутся страшными. Я только сейчас вижу, во что мы все превратились. Согнутые фигуры, легкие, невесомые:

достаточно ветру подуть, чтобы свалить их. Но для ослабленных ног они все же слишком тяжелы. Ноги не гнутся, ступают тяжело, как поленья. На закопченных, обросших, землисто-серых лицах еле видны красные прорезы отекших глаз. Кровоточащие озябшие руки не могут удержать снега…

Когда ни палки, ни штыки, ни выстрелы уже не могли подогнать пленных, немцы конвоиры говорили:

— В Дорогобуже первый настоящий лагерь для военнопленных. Там тепло и будут кормить.

Теперь мы подходили к этому лагерю.

Лагерь размещался на горе над Днепром в парке культуры и отдыха. Раньше там гуляла молодежь, и играла музыка. Из-под снега, покрывающего клумбы, до сих пор торчали высохшие гвоздики и астры. Киоски и легкие летние здания кино и аттракционов стояли заколоченные. У входа еще висела афиша картины «Трактористы», и артист Крючков улыбался, показывая крепкие белые зубы.

Немцы отбили голову гипсовому пионеру, приветствовавшему входящих, огородили парк колючей проволокой, расставили у ограды часовых и пулеметы. Затем открыли ворота для пленных, которых сгоняли сюда со всего фронта.

Шествия пленных потекло в парк и захлестнуло его. Измученные голодом и непрерывным маршем люди некоторое время стояли в недоумении и бродили между аллеями в поисках пищи и тепла, о которых говорили немцы. Потом увидели, что их обманули, начали ломать скамьи, будки, эстраду, пол танцевальной площадки, деревянную раковину для оркестра — все что могло гореть. Они отдирали руками доски и разжигали костры. Надо было согреться: кровь останавливалась от холода.

Сотни костров запылали во всех концах парка. Люди ползали на коленях и собирали пригоршнями и ложками снег в свои котелки и кружки. Но людей было много, а снега мало. Скоро весь снег был собран или затоптан ногами, напрасно поздние шарили между сухой травой и остатками цветов, забирались на крыши, подходили к изгороди, откуда по ними начинали стрелять часовые. Воды не было, а каждый хотел набрать воды, сварить какой-нибудь еды, если она у него была.

Каменных зданий было только два: электрическая станция и клуб. В клубе расположился конвой, станцию оставили тяжело

раненым. Все прочие снова остались под открытым небом.

Я ходил и высматривал Сашу или актера-армянина. Их не было. Начинало темнеть, люди жались к кострам, рассмотреть их лица было трудно.

В пустом киоске газированных вод я нашел земляков-харьковчан. Их было четверо: плотник Алеша Зеленко, степенный рыбак Кравчук из хутора на Северном Донце, тихий пчеловод Зверев и раненый в плечо, бывший агроном Раевский.

Они пустили меня к себе, и я лег с ними на пол киоска.

Стекла были выбиты, но мы лежали ниже прилавка, и он защищал нас от ветра. На пол положили плащ-палатку, другой закрылись с головами и старались дыханием согреть друг друга. Еще мы согревались мечтами о том, как убежим отсюда и пойдем к своим. Время от времени раздавались глухие удары снаружи и голоса людей, пытавшихся отодрать доски от нашего киоска. Мы кричали на этих людей, доказывали, что киоск наш, и снова возвращались к своим мечтам.

Голоса вокруг гудели как пчелиный рой. Ветер становился все сильнее, остатки стекол в раме киоска дребезжали. Люди, согнанные в парк, искали и не могли найти себе убежища.

— А у нас к праздникам кабанов кормят. Большие кабаны, пудов по пять каждый. Сало в четверть, розовое, аж светится — вкусно сказал Кравчук.

— Будет — оборвал его Раевский, — Что сало? Завтра бы баланды какой поесть, отлежаться и на первом перегоне — в лес. Чем дальше в тыл — тем труднее уйти. Вот только бы сил немного набраться. Все-таки это лагерь, я думаю, чем-то покормят…

Наутро ничего не изменилось. Только несколько потеплело, и поднявшаяся было вьюга сменилась крупным мокрым снегом.

Дул сильный ветер. Снег слепил глаза, снег таял. Жидкая грязь хлюпала под ногами, мутная вода текла по нам с головы до ног. Также методично ходили за оградой часовые, также стреляли в подходивших к ограде.

Около ворот толпой стояли пленные и ждали… Ждали, что ворота откроются, и въедут походные кухни и бочки с водой, или, что придут конвоиры и поведут пленных в бараки, где можно будет лечь на сухой пол. Так, как было, продолжаться не могло. Утро должно было принести что-то новое. Но ничего нового не происходило. Ворота были заперты, около них стояли часовые и

пулеметы на треногах. На крыльце дома коменданта лагеря смеялись немцы и фотографировали пленных через ограду.

Мы оставили свой киоск и стояли с другими в толпе у ворот. Каждый надеялся, сам не зная на что. Сейчас надежде приходил конец. Никаких признаков того, что нас собираются кормить не было. Что было с собой, или удалось подобрать по дороге, было съедено. Убежать отсюда было нельзя. Рассчитывать, что подоспеют наши и отобьют нас, не приходилось. Оставалось одно — умирать от голода и холода.

Мы вернулись к своему киоску. Он был уже занят другими, и другие доказывали, что киоск их.

Люди рыскали по парку, метались из стороны в сторону в поисках лазейки, чтобы уйти отсюда, или места, где можно было бы укрыться от этого проклятого пронизывающего ветра и мокрого снега, хоть немного согреться, обсушиться.

Снег сечет глаза все сильнее, снеговая жижа облепляет голову. Шею, руки, ползет в сапоги. Ветер завывает, кажется уже между ребрами, люди не знают, куда деться.

Одни вырывают себе доской или куском железа норы в мокром песке и лежат там, согнувшись в грязной жиже и пряча лицо. Другие ходят с бодростью отчаяния, ходят пока не упадут в ту же грязную жижу, покрывающую землю толстым слоем. Третьи бросаются к ограде напролом и находят свою смерть под пулями часовых, повисая на колючей проволоке. Нет сил больше терпеть, быстрая смерть лучше медленной.

Лежавшие в ямах поднимаются, разыскивают листы железа с разбитых крыш, куски толя и камней, тащат к своим убежищам и пытаются прикрыть их сверху. Потом вычерпывают грязь котелком или пилоткой и опять ложатся. Но ледяная вода снова сочится вниз, напрасно лежащий в яме натягивает на себя лист железа, как одеяло.

Мы с Алешей Зеленко тоже копаем себе логовище. Остальных землекопов нет, они потерялись в бурлящей, перекатывающейся по парку толпе. Мы решили быть хитрее других. Мы нашли небольшой овражек и копаем пещеру на склоне. Крышей нам послужит земля, от воды мы спасемся.

Мокрый песок легко поддается железу, мы зарываемся в землю как кроты. Места нам уже хватит, но мы роем дальше, надо чтобы могли лечь и товарищи, они ведь найдутся.

Пещера почти готова, но земля оседает и засыпает нас. Мы освобождаемся из-под нее ослеплен-

ные, трем глаза жидким снегом, кашляем, выплевывая песок… Нет, мы не хитрее других…

Потом мы идем искать земляков и теряем друг друга. Мы не способны больше ни на одно усилие, даже на то, чтобы держаться вместе. Люди, бесцельно и безнадежно бродящие взад и вперед, оттирают нас друг от друга.

Я остался один в этой бурлящей толпе…

Становится совсем темно. Ветер утихает. Едкий дым мокрого дерева стелется над лагерем и стекает по ложбине к Днепру. Дым ест глаза, люди у костров щурятся и смотрят на огонь сквозь слезы. Такой дым бывал на каждом привале. Острый запах этого дыма пропитывал все и надолго сохранялся в одежде. Кто пережил плен, его не забудет. Когда ставят самовар с сырыми щепками, или жгут листья в саду, я всякий раз снова чувствую себя на краю смерти в лагере военнопленных в ту октябрьскую ночь.

Ночью лагерь также кипит и бурлит как днем. Люди так же бродят и ищут неведомо чего. Они надеются, что в темноте случай, который должен спасти их, придет скорее.

Я ушел в самый дальний, высокий угол лагеря — быть может там часовые стоят не так часто. Огни костров мерцают, затемняются проходящими фигурами, угасают, вспыхивают разгораются вновь.

Гул голосов катится над холмами. Товарищи, потерявшие один другого, кричат, зовут друг друга.

— Петя, Петя, Петька! — надрывается хриплый тенор.

— Козлов, Козлов… — безнадежно гудит далекий бас.

— Казанков, Николай! — взвизгивает звонкий мальчишеский альт.

Эти зовы сливаются в общий неугомонный трагический крик, всю ночь висящий над лагерем. Этот крик до сих пор стоит в моих ушах, как крик матери, потерявшей ребенка. Мало чем могли помочь друг другу товарищи в страшной беде, но товарищество было единственным, что оставалось у них от жизни, и они звали друг друга, чтобы не умирать в одиночку.

Я отхожу еще дальше, почти к самой ограде. Огни становятся меньше и мерцают все чаще. Что они напоминают? Что-то далекое, прозрачное, нежное… И вдруг мне вспоминается Крым, теплое море и крупные южные звезды, которые смотрят в его ласковую синь. Вот так мерцают огни зеленой Ялты, когда смотришь на нее с гор прозрачной крымской ночью.

Ведь есть же, есть на свете та-

кие вещи, и кто-то их еще увидит!

Я вижу себя в легкой белой рубашке с короткими рукавами. Я иду по набережной. Волны бьются о мол, соленый и йодистый запах моря смешивается со сладким ароматом мимоз. На рейде стоит пароход, он гудит и мерцает тысячами огней… Нет, этого не будет, я умру завтра в луже жидкого снега. А пароход пойдет дальше на юг…

Очередь из автомата возвращает меня в лагерь. Красные полосы бьют совсем близко. Кто-то стонет: часовые подстрелили человека, пробиравшегося к ограде.

— Товарищ, помоги, мы понесем его в землянку, — слышу я голос Саши. Он с двумя другими пленными тащит в темноте какого-то длинного безызвестного человека.

— Саша, — спешу я к ним. — Но разговаривать некогда, мы несем раненого. Темно, грязь хлюпает под ногами, мы можем его уронить.

— Ему совсем плохо, лучше отнести его к тяжело раненым на электростанцию, — предлагаю я.

— Нет, ему туда нельзя. Немцы увидят свежую рану. Мы положим его в землянке, — отвечает Саша.

Когда мы поднесли раненого к костру, я понял в чем дело. Это был тот самый военком артиллерийской батареи, которого я видел в последний раз, ведущим людей на прорыв.

Один из спутников Саши быстро разделся и, разорвав рубашку, забинтовал раненую голову военкома.

- Подожди меня здесь, товарищ, — оставляет меня Саша у костра, и скрывается в темноте со своими спутниками и с военкомом.

Я сижу на камне у огня, грею руки, мокрая шинель дымится уголь прожигает полу, но мне все равно, меня морит сон, все плывет перед глазами.

А Саши нет. Я обогрелся, надо уступить место другому. Я отодвигаюсь в холод и темноту и жду Сашу дальше. Его нет. Наверное, он не может найти этот костер и где-то в темноте выкрикивает мое имя. Но я его не слышу, не могу разобрать в многоголосном гуле, несущимся со всех сторон…

Наступает утро. У ворот снова толпа. Может быть, что-нибудь произойдет сегодня, ведь не может же так быть дальше. Но час плывет за часом, тянется бесконечной лентой и ничего не случается. Только все больше людей сидит и лежит, и не может подняться.

Я смотрю на серые лица то-

варищей и ясно вижу: вот этот, лежащий на спине, погибнет сегодня, вот тот, бредущий с полузакрытыми глазами, умрет завтра, вот этот, стоящий со мной рядом, протянет еще два дня. У каждого на лице смерть более близкая, или более далекая, но одинаково неотвратимая.

Жизнь кончилась: это было просто и наглядно, как то, что за днем наступает ночь, и за вдохом следует выдох. Из миллионов возможностей, когда-то бывших у каждого, у всех осталась только одна — умереть…

… Своих земляков украинцев я нашел в том же киоске газированных вод. Люди, занимавшие киоск, умерли, земляки вернулись на прежнее место. В киоске зияли дыры: его уже было нельзя уберечь от людей, отрывавших доски.

Земляки лежали молча, думая о своем смертном часе. Я лег рядом с ними.

— Хлопцы, ведь мы казаки! Так хоть споем перед смертью, — сказал вдруг самый молодой из нас — Алеша Зеленко, — и, не дожидаясь остальных, запел высоким слабым тенором «Стоит гора высокая…».

Петь никому не хотелось, но мы все подхватили эту песню, которую знает каждый украинец.

Ее пел Алеша Зеленко, обтесывая белые, пахнущие смолой стропила для новых колхозных хат и укрепляя леса на постройке заводов в Донбассе. Пел Кравчук, забрасывая сеть в серебристую рябь Северного Донца, пел Зверев, наблюдая тяжелый полет пчел, несущих в улей мед, пел Раевский, возвращаясь вечером с объезда тучных плодородных полей, пел и я, когда ехал на пароходе по Днепру в Канев на могилу Тараса Шевченко. А теперь мы все пели ее снова, потому она напоминала нам нашу жизнь и отгоняла ночь и смерть…

За ночь наш киоск разломали до основания, отстаивать его уже не было сил. Все, что могло гореть, догорело на кострах, топливо кончалось. Балаганы, буфеты, открытая сцена, столбы, деревья парка, — все было сожжено. Парк был уничтожен начисто, будто его съела саранча. От него осталась только ограда и капитальное каменное здание электрической станции. Дом, где помещался конвой, был тоже разрушен. Сначала содрали железо с крыши, чтобы прикрыть землянки. Потом стали разбирать стропила. Немцы конвойные поспешили убраться за ограду: стрельба уже не могла ни напугать, ни удержать людей, погибающих от холода. Теперь от дома остались одни кирпичные стены.

Внутри ограды немцы больше

не показывались, они знали, что каждого из них могли бы там разорвать заживо: отчаяние делало людей способными на все. Сидело и лежало уже больше половины пленных. Люди умирали на каждом шагу. С умерших снимали одежду и надевали на себя их иззябшие товарищи. Сморщенные сухие трупы оставались в жидкой грязи обнаженными.

Видя, что здесь с минуты на минуту может вспыхнуть бунт, и умирающие еще могут причинить неприятности, немцы решили, наконец, подкормить пленных. Опутанные колючей проволокой ворота лагеря открылись, и в них въехала фура с картошкой.

Люди бросились к ней, стали хватать картошку. Немцы начали стрелять, повалились вокруг раненые и убитые, но все равно фура вмиг опустела.

То же повторилось и со второй. Третью и последнюю фуру окружили густым конвоем с ручными гранатами и автоматами. Солдаты влезли на фуру и стали бросать картошку в толпу лопатами.

Из-за каждой картофелины поднималась склока, на каждую бросались по десятку человек, клубни растаптывались ногами и вминались в грязь.

Мне не удалось ничего достать, я был слишком слаб. Но некоторые были счастливей. Рыжий здоровый парень набрал целый шлем картошки и разводил костер, собираясь ее сварить.

Я остановился и смотрел на эту картошку. Рыжий спросил, нет ли у меня соли. Спичечная коробка соли у меня еще сохранилась. Парень пообещал мне за нее четыре картошки, когда они буду готовы.

— Вот эти будут твои — показал он и нацарапал на каждой крест ногтем.

Я отдал соль. Он высыпал ее в котелок, где закипала вода. Я стоял и ждал, пока картошка сварится. Когда она была готова, он взял котелок и начал есть. Я потребовал своей доли, но он посмотрел поверх меня, продолжая жевать.

— Давай мою картошку — сказал я хрипло.

— Ты еще здесь? Убирайся пока цел — ответил он, не отрываясь от еды.

— Я требую! Я возьму свою долю.

— Попробуй, возьми — приподнял он котелок и поставил между ног.

Я хотел его убить, но видел, что это мне не под силу. За всю свою жизнь я не знал большей обиды. Четыре картошки, помеченные крестиком, были моим последним шансом на жизнь, и вот я потерял его.

Я стоял около этого дюжего

широкоплечего человека и проклинал его, суля ему страшную гибель.

— Ты не придешь домой, ты не увидишь своих, твои глаза выклюют вороны. Ты умрешь, может быть раньше, чем я. Не думай, что спасешься этими четырьмя картошками. Ты волк, а не человек, и не будет тебе от людей помощи, раз ты предаешь товарища. Если тебя не убьют, ты сам издохнешь, чужой кровью не проживешь. Сам по себе все равно не выкарабкаешься…

Пророча ему, я страстно верил, что предвижу его судьбу. И думаю, что не ошибся. Мало кому из нас пришлось выжить и вернуться. Труднее всего было это сделать тому, кто не был способен прийти на помощь другому и потому не получал ее от других.

… Теперь у меня не оставалось ничего съедобного. Селедка была давно съедена, чай изжеван. Здесь дожидаться больше нечего. Я бреду искать земляков, чтобы умереть с ними вместе, вряд ли они счастливей меня. Когда расходились утром, Кравчук уже не мог подняться.

Я нашел их на том самом месте, где стоял киоск. Они жгли костер и что-то варили. Я сел в стороне и не стал спрашивать, что это. Рыжий убил во мне веру в человека: перенести еще один удар я был не в состоянии. Но Алеша Зеленко сам подошел ко мне и рассказал, что моим землякам повезло больше, чем мне. Немцы взяли нескольких пленных, чтобы принести воды для раненых. Алеша и Раевский ходили за водой, нашли возле колодца остатки лошади и принесли кусок шкуры и большую кость. Тихий Зверев накопал в грязи десять картошек. Кравчук, оставшийся умирать, сохранил доски пола, на которых лежал.

Кость раздробили камнями, шкуру порезали на мелкие кусочки, картошку накрошили, суп варился.

— У тебя, кажется, был соль? — спросил Алеша.

Я покачал головой и отвернулся. Мне было не под силу сказать, куда делась соль.

Я был желтый, отекшее лицо обросло бородой. Земляки называли меня стариком.

— Ну, старик, иди есть, дожидаться тебя, что ли? — позвал меня Кравчук, когда суп был готов.

Мы сели. Котелок пошел по кругу. Каждый съедал по две ложки и передавал котелок дальше. Я ел ложкой Раевского. Каждая капля супа вливалась горячей волной в остывшую кровь.

Суп был несоленый. Мне было

стыдно, что отдал соль рыжему, а не сохранил ее для товарищей. Несколько ложек супа из конской шкуры примирили меня с человеческим родом. Нет, человек добр, человек чудесное создание. Никакие немцы не убьют в нем товарища, друга и брата. Я счастлив тем, что я тоже человек…

Утром по лагерю распространился слух, что нас будут отпускать на волю. Немец офицер и солдат-переводчик говорили пленным, что Москва и Ленинград взяты, советское правительство капитулировало, война кончена и всех пленных начнут распускать по домам.

Нам было плевать на немецкие россказни: ложь была слишком очевидной. Мы переносили то, что выпало нам на долю, зная, что нас больше, мы сильнее и верх все равно в конце концов будет наш, потому что мы правы.

Но тому, что немцы будут отпускать пленных, мы поверили охотно. Это было то самое чудо, на которое надеялся каждый, когда надеяться было уже не на что. К тому же мы видели такие случаи сами. В то время пленных отпускали довольно часто. Немцы считали, что они уже победили. Они были самоуверенны и делали широкий жест, чтобы завоевать себе популярность. Они не знали, что такое Россия, не понимали, что война только начинается…

Пленные стали собираться в дорогу. Они садились, переобувались, затягивали пояса и шли искать земляков. Говорили, что будут отпускать по областям: сначала местных, смоленских, потом белорусов и украинцев, затем всех остальных.

И вот киевляне начали становиться с киевлянами, смоленские со смоленскими, белорусы с белорусами, москвичи с москвичами. В отряды собирались и чкаловские, и сибиряки, и саратовские, и уроженцы Средней Азии. Они, конечно, нимало не помышляли пробираться к себе домой. Важно было выбраться отсюда, из лагеря, а там уже будет видно, кто куда пойдет.

Земляки становились в ряды. Кто-то бегал вокруг и писал списки на грязных обрывках бумаги. Умевшие говорить по-немецки выталкивались вперед, чтобы передать эти списки немцам. Потом земляки шли колонной к воротам и тонули в толпе, собравшейся у выхода. Они крепко держали друг друга под руки, чтобы не рассыпаться, но это не помогало. Все хотели вырваться поскорей, все теснили друг друга. Смоленские перемешивались с одесскими, казанские с ленинградскими, тульские с ростовчанами…

Ворота были заперты. За огра-

дой так же мерно шагали часовые и отгоняли дорогобужских женщин, пытавшихся передать через проволоку узелки с едой. Ничто не говорило, что нас собираются выпускать. Но толпа весь день стояла у ворот ничуть не уменьшаясь. На ночь легли на землю там же у ворот. С первыми проблесками зари поднялись. Когда рассвело, все, кто еще мог держаться на ногах, были в этой толпе у ворот, в землянках и ямах остались только мертвые и умирающие.

Я с земляками харьковчанами был в гуще толпы. Одной рукой я, что было сил, уцепился за Кравчука, за другую крепко держался Алеша Зеленко. Мы молчали, все было переговорено, сейчас нужно было одно: вырваться на волю.

Шли часы, а мы стояли на месте. Солнце вышло из-за холмов и все выше поднималось в синем небе. Мы ждали.

Сзади напирали все сильнее, податься вперед толпе не давали ворота. Давка становилась все больше. Терпению пленных подходил конец.

— Обещали отпускать, так отпускайте — глухо кричала толпа. В ответ на это немцы притащили еще несколько пулеметов и поставили напротив ворот. Двери комендантского дома хлопали: немцы бегали туда и назад.

Напряжение растет. Толпа накатывает еще раз. Ворота, оплетенные колючей проволокой, раскачиваются. Офицер с блестящими на солнце серебряными погонами машет рукой.

Пулеметная очередь ударяет в толпу.

Пауза.

Вторая пулеметная очередь, за ней сразу третья.

Немцы бьют в ноги и над головами. Первые ряды сыплются на землю как горох, в следующих люди вываливаются вперед как сбитые кегли.

Толпа шарахается назад. Но сзади продолжают напирать: оттуда не видно, что происходит впереди. Никто не допускает мысли, что нас расстреливают, все думают, что немцы стреляют в воздух, чтобы навести порядок среди выходящих наружу.

Сила рвущихся назад, сталкивается с силой, давящих вперед. Мы между двумя столкнувшимися силами. Давят так, что трещат и ломаются кости. Потерявшие сознание и задавленные насмерть поникают головами на плечи стоящих рядом и продолжают двигаться вперед и назад вместе с зажавшей их толпой. Где-то впереди и сзади кричат, но мы топчемся безмолвно: подать голос, вздохнуть невозможно…

Наконец волна рванувших-

ся от ворот подхватывает и нас. Мы пятимся и шарахаемся назад, спотыкаясь и падая на изрытую землю. Люди срываются в ямы, в которых ютились от непогоды. Толпа катится через упавших, трещат под ногами кости. Свистят пули…

… Я потерял своих земляков. Я бежал подхваченный толпой, падал, что-то кричал, поднимался, и толпа снова подхватывала меня и несла дальше…

Пришел в себя, сидя на груде кирпичей разрушенного дома, и с удивлением понял, что я еще жив. Мои сапоги были в красной грязи. К одному из них прилип лоскут кожи с кровавой бахромкой слипшихся волос. Чьи они? Не Кравчука ли: он упал, его кажется, раздавили…

У ворот пусто. Пулеметы сказали правду о войне и о положении Москвы и Ленинграда.

4. Картофельные поля

На следующее утро нас погнали дальше на запад, к Ельне. Уже целую жизнь я прожил среди дымных костров под открытым небом и в унылом шествии по дорогам войны. Казалось, я никогда не знал и не видел ничего другого. Я забыл свое имя, забыл кем я был, чего хотел, к чему стремился…

Теперь я помнил и знал одно: надо как можно скорее вырваться из колонны пленных. Надо это сделать, пока нас не посадили на поезд и не повезли в Германию. Я брел, опираясь на палку, и напрасно искал случая, который помог бы мне освободиться.

Потом я забывал об этом и старался нагнать товарищей, чтобы не угодить снова под палку конвоира. Потом забывал и о конвоире и вдруг возвращался сердцем в свое детство. Остатки сил иссякали, сознание туманилось. Еще час-два и я упаду, чтобы больше не подняться.

В ушах звенели и пели звуковые галлюцинации. Я слышал наш старый граммофон в маленькой квартире матери в Харькове. Он играл знакомые с детства пластинки: седьмой шопеновский вальс, «Песню без слов» Чайковского, «Как полосыньку я жала, золоты снопы вязала…». Шумел самовар, мяукала кошка, которую я вертел до обморока на граммофонном диске, громко пел горластый петух, которого называли полковником…

Это было грустно и хорошо. В этом был уже покой и удовлетворение: вот сейчас упаду и конец, не надо больше мучиться, надеяться на неосуществимое.

Потом я снова страстно и отчаянно думал, как вырваться из колонны. Тогда я вкладывал все

остатки жизненных сил в свои израненные ноги. Все жизнь была в том, чтобы дойти, вот того столба, вон до этого лесочка, или оврага.

«Я умру и ладно, думал я, — но все-таки дойду до самого края своей жизни. Буду идти, сколько несут ноги. Умереть на ходу лучше…»

Я уже твердо знаю, что мне осталось идти полчаса — час не больше. Я был в самом хвосте колонны и, несмотря на палочные удары конвоиров, не мог ни на шаг нагнать идущих впереди товарищей, а до привала еще оставалось добрых двадцать километров. Шансов добраться до него не было уже никаких. Казалось, все кончено…

Я остановился у края дороги. Неподалеку стоял грузовик конвоя. Он застрял в грязи, задние колеса его буксовали. Сидевшие в кузове солдаты ругались, но сойти в грязь не хотели.

— Эй, человек, иди сюда. Подталкивай машину, живо! — махнул мне рукой немец, сидевший рядом с шофером.

— Я один ничего не сделаю — ответил я, взявшись за кузов.

К удивлению, немец понял меня. Оказалось, что я ответил ему по-немецки. Немецкий язык я забыл много лет назад, но вдруг вспомнил в эту минуту.

— А, ну, иди как сюда» — свистнул немец, посмотрев на меня с любопытством. — Так ты говоришь по-немецки?

— Я очень ослабел… — повторил я, ожидая, что он на меня набросится за нерасторопность.

— Это меня не интересует. Ты говоришь по-немецки, — ты нам нужен. Лезь в машину. Быстро.

Я попытался влезть в кузов. Подошедшие пленные подсадили меня, один из солдат втащил наверх за шиворот. Пленные подтолкнули машину, и она двинулась в путь.

Отдышавшись, я поднялся и увидел, что грузовик едет по той же дороге обгоняя нашу колонну. Мои товарищи согбенные, ведущие друг друга под руки, шатающиеся брели к Ельне. Только с автомобиля я увидал, какое это было печальное зрелище.

Мы обогнали колонну. Меня привезли в деревню, где в одной из изб расположился немецкий лейтенант, конвойный начальник. Меня ввели к нему. Это был низкий коренастый брюнет. Он сидел под образами и пил кофе, закусывая его шоколадом.

— Ваши люди умирают от голода. Мы не может их кормить, у нас самих с едой неважно — сказал он, продолжая жевать. — так вот, поезжайте с автомобилем вперед в деревню и расспроси-

те крестьян, где есть поле с не выкопанной картошкой. Кроме того спросите, есть ли там непригодные для работы лошади. Привал мы устроим на этом поле, а лошадей пусть пригонят туда же. Скажите, что я так приказал. Солдатам скажете, что вас послал лейтенант Крамер. Поняли меня? Езжайте.

Я вновь залез на грузовик и поехал с двумя солдатами в следующую деревню. Неубранное картофельное поле я нашел легко. Едва я сказал, что это для пленных, как женщины сразу указали, где оно. Война проходила здесь осенью: собирать урожай было некому и не для кого.

Солдаты отметили место для лагеря. Затем один уехал на автомобиле обратно, а другой пошел со мной в деревню искать лошадей. Мы зашли в одну их хат отдохнуть и обогреться. Солдат потребовал молока. Мне хозяйка налила полную миску щей, отрезала большой кусок хлеба и навалила целую тарелку картошки.

Впервые за много дней я сидел в теплом уютном человеческом жилье и передо мной дымилась горячая еда. Мне хотелось наброситься на нее и сразу проглотить все, что было на столе. Но я пересилил себя и сначала помылся, а затем достал из вещевого мешка сохранившуюся у меня бритву и побрился.

Появился шанс выжить. Чтобы не потерять его, нужно было выглядеть получше. Руки у меня тряслись, я порезался, но кровь не шла — вероятно ее оставалось немного.

Потом я сел за стол, взял в руки хлеб и ложку и начал есть. Я чувствовал себя принесенным из пещерного века в наше время и остро ощущал, какой удобной и приятной сумели сделать люди жизнь на протяжении тысячелетий. Как хорошо сидеть на скамье за столом, а не на земле, есть наваристые густые щи, а не холодные горькие корешки, которые я иной раз вырывал на ходу из земли. Какое замечательное изобретение деревянная ложка, насколько она удобнее пригоршни или шапки-пилотки, которой я зачерпывал воду.

Ложка прыгала в руках, но я заставлял себя есть медленно и спокойно. Тепло разливалось по телу после каждого глотка.

После еды я опьянел и, свалившись на солому у печки, сразу уснул. Проснулся я от тошноты и острой боли в животе. Я отвык есть и съел сразу слишком много. Десять дней голодовки не прошли даром. Мой пир окончился печально.

Вечером, когда я пришел в себя,

хозяйка дала мне кислого молока и я глотал его с чайной ложечки. Потом мною овладела жажда, я выпил стаканов десять воды и снова свалился на солому, благо солдаты, занятые ужином, забыли о моем существовании. Шумевший, дымившийся кострами лагерь был неподалеку, на склоне горы над рекой, мерцающие огни его костров были видны в окно избы и, когда открывали дверь, всякий раз доносились крики товарищей, зовущих друг друга.

Наутро мне пришлось раздирать глаза руками. Они отекли и не открывались. Счастье мое, что лег спать в сапогах, иначе бы мне их больше не надеть.

Это были голодные отеки, которые пришли, когда я напился вволю. Я посмотрел в зеркало и не узнал себя: лицо было как подушка, пальцы на руках раздулись как сосиски.

Но я снова влез на грузовик, снова поехал с солдатами за тридцать километров вперед, снова искал и снова нашел неубранное картофельное поле. И снова ел, страдал из-за того, что отвык от еды.

Солдат, ездивший со мной, рассказывал по дороге, что лейтенант Крамер — не кадровый офицер, а мобилизованный учитель из Вены.

— Это ваше счастье, что вы попали к нему. Кадровый офицер показал бы вам настоящий порядок. А этот жалеет пленных, с ним жить можно — сказал солдат.

— Какое же счастье? Люди умирают один за другим — возразил я.

— Ну, вы, русские, вообще легко умираете. Я думаю, что до Смоленска, откуда вас повезут в Германию, дойдет меньше половины — сказал солдат тоном превосходства.

Я смолчал, зная, что очередь легко умирать дойдет и до немцев. Война его убедит лучше, чем я.

В Ельне пленным выдали по две кружки сырой пшеницы на человека. Это была первая еда, которую они получили за две недели. От Ельни колонна направилась к Починку, и я снова поехал вперед искать картошку.

Шли дожди, дорогу развезло, автомобили буксовали в грязи. Колонна двигалась все медленнее. Конвойные злились и нервничали: им все больше надоедало возиться с пленными.

Солдаты проклинали Россию и пленных всякий раз, когда приходилось вылезать и вытаскивать машину из грязи. Мне приходилось бросать ветки и солому под колеса. После розысков картошки это стало моей второй специальностью. Солдаты уже не обраща-

ли на меня внимания. Я ничем не показывал, что все мои помыслы сосредоточены на том, как бы поскорей убежать.

В одной из деревень я, по обыкновению, нашел картошку, но оказалось, что она не понадобится. Комендант сказал солдатам, что из-за грязи колонна пошла другой дорогой и нам нужно не следующий день догонять ее по шоссе Рославль — Смоленск, проходящему неподалеку.

Солдаты обрадовались отдыху и пошли устраиваться на ночлег. Один встретил земляка, у которого был шнапс, и они направились к земляку, забыв обо мне.

Я пошел по деревне. За мной не следили. Я потихоньку вышел на окраину, перешел через ручей, пробрался на соседний хутор и, наконец, быстро юркнул в первую попавшуюся избу.

— Бабушка, спрячь меня! Я ушел от немцев — сказал я встретившей меня удивленной старушке.

Старуха сразу поняла меня и указала на печь. Я залез туда. Хозяйка завалила меня мешками с каким-то тряпьем. Через минуту она снова сидела и шила. Никто бы не подумал, что она только что рискнула жизнью, спрятав бежавшего пленного.

На печи было жарко. Лежал тихо, удивленный происшедшим. Как просто мне удалось освободиться. Я свернул с дороги смерти, но она еще крепко держала меня. Жить мне не хотелось. Оставалось одно желание — пробраться к своим, но как это сделать: ведь я в глубоком немецком тылу! Неважно как, — лишь бы перейти через фронт. А там можно и умереть… Я уснул, вдыхая горячий запах сухих трав и не думая о том, что немцы могут меня найти: не было сил думать.

Утром хозяйка сказала, что солдаты уехали, ничем не обнаружив интереса к моему исчезновению

— Где фронт? — спросил я.

— Не знаю, немцы говорят за Москвой. Ты иди в Починок, он здесь в десяти километрах. Там много разного народа: узнаешь все, что тебе надо. Только не выходи на Смоленское шоссе: там вашего брата ловят и стреляют. Иди полем, а как придешь, пробирайся задворками.

Она вывела меня за околицу, и я пошел по указанной тропинке.

В Починке я увидел переводчика-военнопленного, разговаривавшего на улице с немцами. Он был в русской военной форме с белой повязкой на руке. Лицо у него было желтое, и вид голодный. Он не был похож на самодовольного и угодливого немецкого

приспешника. Что-то в его облике говорило мне, что это человек наш. Я выждал пока немцы ушли и подошел нему, решив поговорить напрямик.

— Скажи мне откровенно, как дела на фронте? — спросил я.

— Плохо — окинул он меня взглядом. — Наши отходят все дальше на восток, неизвестно где остановятся. Немцы пишут, что Красная армия разгромлена, Москва накануне падения, и война уже ими выиграна.

— А где фронт?

— Не знаю, наверное, уже за Москвой: ведь они ее окружили. Гитлер хочет окончить войну к новому году и подбрасывает сюда все новые силы. Здесь повсюду полно немцев, все дороги забиты войсками. Нет, здесь через фронт вам не прейти. Если вы не знаете здешних мест, вы до него даже не доберетесь — закончил он, сразу поняв, к чем я завел разговор.

— Нет, я не здешний, я из Харькова.

— Харьковский? Значит украинец — вот вам и выход! Смело говорите, что вы украинец, и вас отпустили домой. А идти можете куда угодно. Я советую на юг — так вы скорее обойдете собранный здесь кулак. Немцы заходят к Москве через Орел и Тулу. На юг от Орла войск, наверное, меньше, там будет легче. Вот туда идите — подозрений это не вызовет: ведь это по пути на Украину. Правда, в Харьков ближе идти через Навлю и Сумы, а не через фронтовую полосу. Но ничего, сойдёт и так. Держитесь только поуверенней и, если будут спрашивать документы, называйте номер полевой почты, первый какой придет в голову, и фамилию отпустившего вас офицера, какая вам понравится. Это будет звучать вполне правдоподобно. Каждый офицер поступает с пленным, как ему заблагорассудится.

Это был дельный совет. Действительно, где был ни был фронт — за Москвой или перед ней — здесь перейти через него я не смогу, только попаду снова в лагерь военнопленных. Пойду в обход на юг. Погибну по дороге — тем лучше: не буду больше мучиться, не выйдет там за Орлом, пойду дальше к Харькову. Дойду туда, так хоть умру дома, все равно ни настоящего, ни будущего у меня нет… Может встречу партизан и буду не один. Может быть, под Харьковом перебраться через фронт будет легче: там места и люди знакомые. Да, пойду, пойду напролом, прямо по шоссе, днем, нахально и открыто, как мог бы если бы меня действительно отпустили домой. Терять мне, кроме совести нечего: мой мир рухнул, жизнь сломана. Пойду

сегодня же, пусть в меня стреляют.

Я вышел на центральную улицу с поднятой головой. Земля стала тверже под ногами: теперь у меня была цель.

У переезда через железную дорогу стояли немецкие обозы. Никто не обращал на меня внимания. На улицах было немало штатских. Шли какие-то старики, бежали гурьбой дети, пожилой железнодорожник катил перед собой бочку, ругаясь, когда попадала в грязь, женщины с корзинками торговались с немцами, меняя яйца на табак.

Я смотрел на этих людей изумленно. Немцы не нападали на них, не стреляли: здесь был тыл. Мне было непонятно, как это — кто-то солит огурцы ли помидоры, когда умираем. Мало того, кто-то торгует с немцами, которые нас убивают, и которых убиваем мы. Это казалось почти что предательством. Я привык к тому, что война — это каждый из нас, и что все должны стрелять. На это было больно смотреть, хоть уже не стрелял и я.

По пути, на шоссе я встретил двух девушек. У одной из них был в руках перочинный нож. Я вспомнил, что пережил из-за того, что у меня не было ножа. Я решил выпросить у девушки нож.

— Товарищ, подари мне нож — обратился я к ней.

Девушка замялась, ей не хотелось расставаться ножом.

— Не могу — это память — сказала она.

— Память не в ноже, а в сердце. Подари мне нож на счастье. Я загадал: если дашь мне его, я с ним спасусь от немцев, и дойду к своим. Не скупись, ведь у тебя тоже кто-то на фронте есть, ты меня должна понять.

Девушка молча протянула мне нож. Это был простенький ученический перочинный нож с оловянной ручкой. Я положил нож в карман, поцеловал мысленно девушку и зашагал на юг по направлению к Рославлю. Я знал куда я иду. Нож был предзнаменованием доброго пути.

Отзыв А.К. Тарасенкова на книгу Ф.Л. Кандыбы[449]

«Я был убит под Вязьмой» .

Борис Горбатов написал книгу «Непокоренные». Кандыба озаглавил свою вещь «Я был убит под Вязьмой». Самое правильное было бы, однако, назвать ее «Покоренные». В двух томах книга с незаурядной силой, наблюдательностью и точностью автор день за днем, месяц за месяцем рассказывает о своей судьбе — человека, попавшего в плен, а затем, по

[449] РГАЛИ. Ф. 618 Оп. 14 Д. 453. Л. 1

существу, продавшегося немцам за котелок супа. Наша армия 1941 г. изображена беспомощной, отступающей панической толпой. Какая это ложь!

Жители оккупированного Харькова, интеллигенты, рабочие, служащие, женщины, старики, — в сущности изображены такими же, покоренными людьми. Это производит тягостное и тяжкое впечатление.

Автор работал в немецкой организации тодтевцев снабженцем. Роль крайне непривлекательная, но именно через нее, через восприятие героя подобной профессии даны все события. Поэтому вся книга проникнута духом пресмыкающейся обывальщины.

В 3-й части автор, видимо, поняв частично, органический порок своей вещи, начал рассказывать о «сопротивлении». Но в этом в большинстве случаев с чужих слов, все это неяркие, всему этому мало веришь, в особенно после сцен «рабства», обладающих большой впечатляющей силой.

Там, где автор, не мудрствуя лукаво, рассказывает о пережитом, — он производит большее впечатление. Однако, Кандыба многословен, язык его крайне неряшлив. Приняв вещь, ее нужно бы было очень серьезно перерабатывать, редактировать, но в противоположность тов. Тимофееву, я думаю, что принимать эту вещь нельзя. Она дает искривленное, ложно представление о советском человеке под ярмом немецкой оккупации. Я категорически против печатания книги Кандыбы в «Знамени».

(А.Н. Тарасенков) 28.IX.44 г.

Стенограмма Заседания Военной Комиссии ССП. Сообщение т. Кандыбы, о судьбе писателей ополченческой дивизии Красно-Пресненского района[450].

Хотя дело датировано 5 апреля 1942 года, по описываемым событиям его датировку можно сдвинуть минимум на 1943 год. На самой стенограмме стоит просто «с.г.» - сего года. В сносках даны как правило лишь ФИО и годы жизни. Стенограмма напечатана на машинке и имеет правки, сделанные, вероятно, рукой Кандыбы. Вычеркнутые фразы отмечены соответствующим образом.

5 апреля 1942 г

СТЕНОГРАММА

Заседания Военной комиссии ССП

5-го апреля с.г.

[450] РГАЛИ. Ф.631 оп.16 д. 97

Тов. Любанский – [451].

Наше сегодняшнее совещания посвящено рассказу тов. Кандыбы о судьбе писателей, с которыми он был в ополченческой дивизии Красно-Пресненского района.

Тов. Кандыба. –

Я сначала был в третьей роте, а затем в транспортной на Западном фронте. У нас политруком был Кирьянов[452], командиром взвода Вильмонт[453]. Со мной были Жаткин[454], Роскин[455], Базилевский[456], Бобрышев[457], Фоньо[458], Афанасьев[459], Жаткин, Роскин и Базилевский попали в санитарную часть. Бобрышев, Фоньо, я и Афанасьев остались в третьей роте в строю. Потом мы были в боевом охранении. Там мы с Афанасьевым делали газету, а затем попали в состав редакции газеты 22-го полка. Там были Стрельченко[460], Маслов-Миних[461], Злыгостев[462]. Мы был в последнем составе редакции полковой газеты.

Когда пришел приказ о том, что наша часть должна отправиться под Ельню, нас распустили. Я был отправлен в свою транспортную роту. Ходил я тогда очень плохо из-за ног. Помню, тогда же проходило обмундирование. Я видел там Бобрышева, Фоньо, Кирьянова, когда они садились на грузовики, чтобы ехать к Ельне. Это было 5-6 октября 1941 года. Потом мы попали в окружение, потому что Вязьма была взята 4-го[463]. Мы из Дорогобужа двинулись в сторону Вязьмы. Несколько раз ходили на прорыв. Тогда я наших видел от случая к случаю.

Стрельченко я видел последний раз едущим на грузовике с гранатами и минами. Я был со своими двумя лошадьми и позавидовал ему тогда. Немцы нас окружали. Я подумал, что он вот доберется до своих, а мне трудно. После говорили, что его видели в колонне военнопленных.

Маслова я видел в окружении, когда он лежал больным. Везли его на подводе с каким-то обозом.

---

[451] Любанский Илья Абрамович (1904 – после 1980), ополченец 4 ДНО, лейтенант, демобилизован после тяжелого ранения в марте 1942 года, возглавлял оборонную комиссию Союза писателей СССР.

[452] Кирьянов Сергей Леонидович (1907—1982)

[453] Вильям-Вильмонт Николай Николаевич (1901—1986)

[454] Жаткин Пётр Лазаревич (1894—1968)

[455] Роскин Александр Иосифович (1898—1941)

[456] Базилевский Натан Григорьевич (1897—1965)

[457] Бобрышев Василий Тихонович (1900—1941)

[458] Фоньо Александр Васильевич (1941—1941)

[459] Афанасьев, Вячеслав Николаевич (1903—1943)

[460] Стрельченко Вадим Константинович (1912—1942)

[461] Миних Александр Викторович (1903—1941)

[462] Злыгостев Юрий Павлович

[463] Вязьма была оккупирована утром 7 октября.

У него было что-то с животом.

Злыгостева я также видел во время хождения в прорыв и наших скитаний. Он получил тогда автомат и пошел на прорыв. Так мы ходили на прорыв несколько раз. Было очень горячее время. Ходили раз пять-шесть. И вот однажды вечером – было недалеко от Семлева – Злыгостев пошел на прорыв. Я встретил батальон Шатилова(??), Клягина[464], Гершензона[465]. Он забрал мою винтовку – я был контужен – мы пошли на очередной прорыв. Я остался с лошадьми, а он пошел. Я потом узнал, что он вышел из окружения[466].

В колонне пленных мне сказали, что Волосов[467] с лошадьми и ранеными идет в колонне. Эта колонна была довольно большая несколько тысяч человек. Мы были, как видно, в вагоне – (вставка неразборчиво) – все здесь, а никого не видим. Я искал Волосова и не нашел.

Относительно Гурштейна[468] мне рассказывали, что был подносчиком патронов под Ельней и погиб. Вместе с Юрезанским[469] ~~Они сели на грузовой автомобиль и поехали к Ельне.~~ Немецкая ~~часть~~ сняла их прямо с машины. ~~Там были жены писателей с подарками~~[470]. ~~Потому все досталось немцам.~~ После пришел наш лейтенант и сказал мне, что Фоньо вышел из окружения.

С Дзюбинским[471] меня судьба столкнула в самый последний день. Это был очень большой прорыв немцев. Мы встретились на юго-востоке от Вязьмы в каком-то лесу. Он был уже без винтовки, только с плащ-палаткой и вещевым мешком. Мы встретили какую-то автороту и сказали командиру, что мы такие-то, просим помочь, что мы люди городские, ни компаса, знания местности у нас нет. Он согласился. Но в этот момент налетели бомбардировщики, роту разбомбили. Началась

---

[464] Клягин Константин Иванович (1894—1942)

[465] Гершензон Михаил Абрамович (1900 – 1942)

[466] Гершензон так описал встречу в рассказе «Семнадцать дней»:

«– и тут встретил Кандыбу.

– Нет, я не ранен, но что-то сделалось у меня с головой, я ничего не понимаю. Мы ходили на прорыв, рядом разорвалась мина, меня завалило землей.

Когда собрались идти на прорыв, он мне отдал винтовку:

– Я не могу, я не смогу стрелять, у меня что-то сделалось с головой. Я поеду кучером, ведь будут идти повозки. Я видел, как он сел на повозку и взял в руки вожжи, — и больше не видел этого дорогого добряка, заику, любителя покушать, чудесного товарища».

[467] Волосов Марк Григорьевич (1895—1941)

[468] Гурштейн Арон Шефтелевич (1895—1941)

[469] Юрезанский Владимир Тимофеевич (1888—1957)

[470] Жены писателей были в дивизии 2 октября 1941 года

[471] Дзюбинский (Пелов) Сергей Николаевич (1895 – 1953), был в плену.

артиллерийская стрельба. Рота рассыпалась. Мы с Дзюбинским оказались в какой-то яме. Было несколько раненых, я был контужен. Дзюбинский был в порядке. Подошли танки. Мы решили дождаться темноты с тем, чтобы попытаться вырваться. Мы не знали, что оказались километров на 100 в тылу у немцев. Когда подошли танки и начали бить, у Дзюбинского сдали нервы. Он сказал: «Я побегу». Я говори, что это глупо, что надо дождаться темноты. Он не согласился и ушел. После мне говорили, что был убит, его труп видели на берегу какой-то речки.

Квасницкого[472] я видел последний раз, когда мы прощались с газетой перед наступлением на Ельню. Мы были уже в окружении. Насколько я представляю, он мог уцелеть потому, что он человек пожилой и, можно думать, что он сошел за крестьянина, за местного человека. Там тогда было много окопников из населения. Во всяком случае шансы пережить это страшное время у Квасницкого есть.

Шалву Сослани[473] я видел перед самым окружением. Он приходил в редакцию. Это было за полчаса до наступления. Мне говорили, что Ельне, в лагере военнопленных умер писатель. У Жаткина я узнал, что ему говорили тоже. Вероятно, это был он.

Тренин[474] был начальником красного уголка в третьем батальоне

Чачиков[475] был адъютантом в первом батальоне. Вид у него был очень неважный, он был болен. У Вильмонта можно узнать несколько больше.

Винера[476] я видел незадолго до окружения. Он приходил в редакцию.

Ингибор[477] был большим начальником по службе ВНОС. Кудашев был в армейской газете. Кирьянов тоже. Роскин был в санитарной части полка. Тригер[478] там был начальником. Я думаю, что он погиб.

Теперь о себе. Дело обстояло так. После встречи с Дзюбинским, когда мы лежали в яме, и подходили танки, прошло несколько

---

[472] Квасницкий Виталий Иванович (1898 – 1941), пропал без вести.

[473] Сослани Шалва Виссарионович (1902—1941?). Работал в Смоленске в немецкой газете, но позже, вероятно, был арестован и расстрелян.

[474] Тренин Владимир Владимирович (1904 – 1941)

[475] Чачиков Александр Михайлович (1893—1941)

[476] Винер Меер Зелигович (Феликсович) (1893-1941)

[477] Правильно Ингобор, псевдоним Николая Аркадьевича Соколовского (1902 – 1941). Попал в плен, позже жил в Германии под именем Николая Александровича Горчакова, умер не ранее 1985 года.

[478] Тригер Марк Яковлевич (1895—1941)

немецких цепей, которые нас не заметили. Мы надеялись, что до вечера на удастся там пролежать. Среди нас был какой-то молодой военный. Он был ранен, у него был компас. Мы думали выбраться. Однако перед вечером 11 октября нас обнаружила одна из немецкий цепей. Вытащили нас, забрали, что у нас было съедобного и из вещей. Когда я сказал, что кожаное пальто моя частная собственность, то получил по шее. Нас было много. Велели встать на колени. Мы решили, что нас расстреляют. Однако нас пока лишь пересчитали. Там же на поле мы остались ночевать. Среди нас были раненые и больные, – люди умирали.

На утро была близкая атака. Мы очень обрадовались, что нас отобьют. Но люди атакующие тоже попали в плен. Колонна получилась очень большая – 30 тысяч человек. Нас погнали на юго-запад по направлению к Дорогобужу и Ельне – туда, откуда мы шли, что выйти из окружения. Раненные, обожжённые, больные – все шли вместе. Немцы стояли по бокам ворот(?) двумя рядами, и каждый брал, что нравится. И потому у меня забрали котелок и перочинный нож. Что это очень важные вещи, в этом я убедился очень скоро.

Мы шли. Нам не давали ни пить, ни есть. Людей, которые пытались пойти за водой, расстреливали. Мы шли мимо смоленских деревень. Крестьяне там хранят картофель под полом. Когда изба сгорает – часть картофеля оказывается (*неразб.*). И вот кто был посильнее, то всякий раз бросался к развалинам чтобы достать несколько картофелин. Немцы стреляли: оставалось два-три убитых, но человек тридцать-сорок набирали картофель в карманы. Я был слишком слаб, пытался достать картофель, но у меня ничего не выходило. Лежали убитые лошади. У кого были ножи, отрезали мясо и либо ели его сырым, либо на привале, если было несколько щепочек, разводили костер и пекли или варили.

Колонна военнопленных была около тридцати тысяч человек. Мы шли около 35 километров день. Люди падали и умирали. Павших немцы пристреливали. Привалы устраивали среди поля. Было холодно. Мы ложились плотно-плотно друг к другу. Несколько раз я просыпался. Случалось, высвобождаться из-под умерших или замерзших товарищей. Те, у кого было две-три щепочки, разводили костер, и мы грелись. У кого щепочек не было, тех греться не пускали.

Так мы дошли до Дорогобужа. Нас повели в парк культуры и от-

дыха, где держали 4 дня. Немцы пустили слух, что Москва и Ленинград взяты, что советское правительство капитулировало, что всех пленных будут отпускать по домам. Это были очень страшные четыре дня. Люди становились буквально сумасшедшими, обезумевали, умирая с голода. Глядишь человеку в лицо и знаешь, что этот человек через несколько часов умрет. И действительно так и было. За все время наших привалов нам только два раза дали сырую картошку, которую бросали с подвод лопатами. Люди бросались давили друг друга. Я тоже пытался, но не мог. За все время я питался только одной и той же селедкой, которая у меня была и снегом. Под Ельней в лесу была такой чистый снег. Потом мы начали сталкиваться киевские с киевскими, одесские к одесским, московские и архангельские к архангельским. ~~Немцы решили подействовать на нас духовной силой.~~ Были случаи, что смоленских отпускали ~~на глазок.~~ Женщины говорили, вот это мой брат, мой муж, и их отпускали. Немцы относились к этому спокойно. Это было время наступления на Москву, когда судьба Москвы была не совсем ясна для немцев. Военнопленные архангельские, вяземские и прочие двигались к выходу из лагеря, а немцы стреляли по ним из пулеметов. Тогда я узнал, что такое Ходынка. Люди падали, и мы шли по их телам, кости трещали под ногами.

Потом нас погнали дальше. Я (*неразб.*) старался выходить из лагеря первым, чтобы прийти последним. Колонна растягивалась километров на пятнадцать. ~~Там я очень близко увидел вершины человеческого падения. Я видел, как одни люди каблуками давили другого, чтобы завладеть его котелком или куском хлеба.~~ На нашем пути оставалось очень много трупов. Они были сухие, как папье-маше.

На привалах я видел, как пленных евреев убивали. Нас всех били палками. Я лично несколько раз получил палкой по спине потому, что оброс бородой и заикался. Немцы кричали давай (*неразб.*). Раз некрасивый – значит еврей.

Недалеко от Ельни я увидел немецкий грузовик. Я подошел и сказал, что харьковский уроженец, хочу говорить с немецким комендантом. Я не знал, что я говорю по-немецки. Я думал, что я умею говорить только по-английски и по-французски. А когда у меня начались звуковые галлюцинации, и, когда оставалось полчаса до смерти, я вспомнил немецкий язык. Мне сказали:

«Харьковский, украинец. Ладно, лезьте в машину». Я полез, но не смог и упал. Меня подняли и посадили. Другой человек полез со мной, его ударили сапогом по лицу.

Мне сказали: Поезжайте с машиной и найдите поле с не выкопанной картошкой. На этом поле будет стоянка, и каждый сможет набрать себе картошки и сварить ее. Поехал я этой машиной вперед и нашел такое поле. Здесь была устроена стоянка нашей колонны военнопленных. В этот день я впервые поел и выпил десять стаканов воды. Наутро я раздирал свои глаза руками, а ноги мои получились с напуском – я отек. Так было на второй и третий день.

Потом мы оказались возле Починка. Немцы пошли пить молоко. А я просить хлеба пошел и отстал от них. По совету переводчика я говорил, что я украинец и что меня (*неразб.*) отпустили домой. Это была неправда, но меня выручали. Всю нашу колонную погнали в Смоленск, в общем, в Германию. Я думаю, что те товарищи, которые уцелели в этом окружении, ~~где было много раненых~~, могли попасть в Германию, и тот, кто переживет это время там, может быть, вернется. Я думаю, что Стрельченко[479], если у него хватило изобретательности мог попасть в Одессу, там у него мать…

Я пошел. Куда было идти? Пробираться через фронт, в том состоянии, в котором я был. Мне пригодилось то, что это было недалеко от Рославля. Итак, я шел и говорил, что я их Харькова и иду домой. Так я и решил, что пойду в Харьков. Меня много раз ловили – заставляли дрова пилить, воду таскать. Я делал все это, а потом меня отпускали опять. Несколько раз давали бумажки. Документы нигде не спрашивали. Немцы были очень упоены своими успехами и не обращали внимания на военнопленных. Дали записку, в которой было указано, что «пленный Кандыба идет домой в Харьков», а потом эти бумажки сами отбирали (*неразб.*)

Пошел я до Рославля. Оттуда на Брянск. Там мне удалось сесть на поезд и доехать до Орла. Около Рославля я видел очень большой аэродром и много немецких машин, которые шли на Тулу. Их было много, что шоссе Рославль — Смоленск — Брянск было, как Арбат в деловые часы в довоенное время. Шли со скоростью километров 60 в час. Всюду были

[479] Числится пропавшим без вести с января 1942 года.

таблички с указанием до Тулы столько-то верст, до Москвы столько-то.

Добравшись до Орла, я впервые увидел немцев в тылу. Играл оркестр в разрушенном городе. Лежали расстрелянные. Дома стояли забитые (*неразб.*). Это была типичная картина немецкого тыла.

Из Орла я двинулся на юг, к Курску. По дороге я как-то увидел много машин с солдатами, которые везли гусей и были вооружены автоматами. Они ехали из того самого местечка, в которое шел я. Фронт был в семи километрах. Все жители местечка были взяты в качестве заложников, и все бродячие, вроде меня, попали туда же.

Я шел по улице. Меня окликнул часовой и спросил, куда я иду. Я обычно всегда говорили, что иду в комендатуру, это отводило подозрения. На это раз меня доставили туда: спросили: кто, что куда? Я говорил, что опухший иду в Харьков. «Нет вы партизан, перешедший фронт и идете обратно». Я отвечал им, что убеждать их не стану. Только посмотрите руки и ноги, — могу и я в таком виде перейти через фронт?

Попал в лагерь, лег третьим к двери в каменном сарае, где были пленные. Ночью пришла фельджандармерия. Взяли первого и второго, взяли пятого и шестого и повесили в ту же ночь на площади. Немцы вообще придерживались круговой поруки – виноваты жители данного города, данной области. Я уцелел.

Пошел дальше и добрался както до Харькова, где у меня до войны были мать и сестра. Я не знал эвакуированы они или нет. Оказалось, что мать и сестра остались. Сестра была на седьмом месяце беременности, матери было 63 года. Муж сестры не успел их вывезти. Обе были черные от голода. Весь запас питания составлял банка макарон с мясом.

Я шел в Харьков умирать. После всего пережитого жить не хотелось. И вот бесконечные поля, снег трупы людские. Мертвые коровы, лошади, помятая рожь, сумерки, до ближайшего села километров сорок. Я знал – упадешь – погибнешь. Надо идти. И вот дошел.

Первое, что я увидел в Харькове, были повешенные. Там взорвали дом немецкого генерала[480] произошел взрыв и за это повесили 50 человек. Был ясный зимний день, слегка морозило. Я видел повешенных на здании Областного комитета партии, и на

[480] 14 ноября в результате подрыва радиофугаса был убит начальник гарнизона генерал-майор фон Браун и около 20 солдат и офицеров.

здании Горсовета, и на балконах гостиницы. Это были горожане, главным образом мужчины. Женщина была только одна. Ее повесили вверх ногами. В заложники было взято 1 200 человек. Это были люди, случайно проходившие по улице мимо места взрыва.

Рославль, Брянск, Орел, Курс были разбиты больше, чем Харьков. Когда я пришел в Харьков, то сказал, что «У вас здесь рай, будет хуже». Мне не поверили. К сожалению, я оказался прав. Очень скоро начались взрывы и массовые казни.

Моя личная судьба сложилась так. С места в карьер я подумал: я пришел сюда умирать, но увидел, что умирают у меня мать и сестра, я – мужчина, надо что-то делать. Я взял топор, мешок, нож, и пошел воровать конское мясо. В это время была гололедица, и лошади на подъеме падали. Этих лошадей немцы оставляли или продавали по 30-40-50 рублей. ~~Этих лошадей надо было украсть у их владельцев.~~ Мясо этих лошадей тащил, кто мог. Однажды я захватил конскую голову и шею. Но у меня не было тогда мешка, я украл его с немецкой фуры. Я принес это все домой и потерял сознание, пролежал три дня, но ели мясо две недели. Потом я достал конскую ногу.

Как-то раз вызывал меня управдом и сказал, что я должен пойти к коменданту. Я пошел. Все мужчины были на виду, переписаны – деваться было некуда. Принял меня не комендант, а кто-то из чиновников и сказал: «Работать надо». Я говорю, что раз я пленный, значит, конечно, надо. «Так вот, я вас отправлю в лагерь». Я ему говорю, что зачем мне было идти из-под Смоленска, посмотрит на мои руки и ноги какой от меня там будут прок.

«Ну вот, вы говорите по-немецки. Я посажу вас на работу переводчиком, пропуска писать. Или еще могу вас направить в отдел пропаганды там будет издавать украинскую газету. Вы там будете на месте». Я сказал, что ничего писать не могу. «Ну тогда вы можете попасть только в лагерь». ~~Надо сказать, что со стороны женщин я видел очень много, вплоть до самоотречения, они приносили в лагерь все (неразб.) питье, еду.~~ Я сказал, чтобы мне дали месяц отдохнуть и что тогда я буду в их распоряжении. Он согласился и прибавил: «Только не вздумайте бежать, все равно поймаем».

Так я и лежал. Потом к нам во двор приехали строители дорог и мостов. Это была полувоенная организация, и они ходили в

(*неразб.*)[481] форме. У меня однажды спросили, где можно достать нитки. Я сказал, что на базаре за хлеб можно достать. Пошел на базар, купил нитки за деньги, а полученный хлеб принес домой. Так я доставал им многие вещи и скоро стал у них снабженцем. Назывался я переводчиком, но это были чисто снабженческие функции. Таким образом я получил немецкую службу, которая избавила меня от необходимости идти в лагерь, или в переводчики к коменданту, или в отдел пропаганды. Это спасло меня от дальнейших разговоров с немецкими властями и еще от многого.

Прошло полгода. Прошли отеки. Строители дорог и мостов уехали, забыв, что я военнопленный, и не передали меня коменданту. Я попал в слесарно-механическую артель, которая состояла из наших людей. Мы делали колосники для электростанции. Это дало мне право получить вид на жительство, мне дали удостоверение личности. Изготовляли мы спички, коробки для клея и т.д. Так просидел я почти все время до освобождения Харькова. Последний месяц мне пришлось скрываться потому, что людей забирали в Германию, причем не организованно, через биржу труда, отчего я бы мог отбояриться, а просто хватали людей на улице. Я сидел в своей забитой клетушке, и выходил только по ночам. Когда пришли наши[482], я явился к генерал-майору Гелову [вероятно описка — Белову[483]], написал визитную карточку, кто я такой, что прошел столько-то километров по немецкому тылу, работал у немецких строителей. Просил связать меня с центральной прессой или Информбюро и направить в военную печать.

Потом приехала областная газета. Там меня знали уже давно, и я начал там работать. Через некоторое время, когда положение стало хуже[484], однажды ко мне явился корреспондент Информбюро и спросил, хочу ли я уходить с частями Красной Армии, оставляющими город. Само собой разумеется, что пошел. Мы пошли через Чугуев на Купянск. Там я получил направление в Москву. Оттуда поехали улучшенным правительственным эшелоном, потом теплушками…

[481] По написанию похоже «английской». Вероятно, это была организация Тодта, рабочие которой носили трофейную чехословацкую форму оливкового цвета.

[482] Вероятно, описывается освобождение Харькова в феврале 1943 года

[483] Белов Евтихий Емельянович (1901 – 1966) руководил обороной Харькова

[484] Немецкое контрнаступление в начале марта 1943 года, завершившееся новой оккупаций Харькова

Чего я боялся больше всего в Харькове, это было не столько Гестапо, сколько отдела пропаганды. Так как я был бы для них человеком, кое-что знающим и умеющим. Так просто я был одним из сотни тысяч, а для отдела пропаганды – фигура. Я знал, как поступили с нашими художниками, которым под угрозой отправки в Германию или ареста было предложено рисовать плакаты и которые стали писать ангелоподобных немцев и звероподобных партизан. Я слышал, что эти художники были в бригаде областного партийного комитета ~~и должны были обслуживать нужды отдела пропаганды и как будто~~, их не успели вывезти, а теперь они попали в лапы немецкого отдела пропаганды.

Та самая газета, о которой говорилось у коменданта, появилась через некоторое время. Печаталась она на двух полосах и называлась «Нова Украина». Ее редактором был западный украинец Петро Сагайдачный – немецкий военный из отдела пропаганды. Его помощником был Всеволод Царинник[485] – бывший работник местной редакции. Душой всей редакции была Софья Щатковская – его жена, украинка из Буковины и учившаяся в Берлине. Она была связана с Гестапо. Вся редакция была одна в трех лицах – сама редакция, Гестапо и лавочка. Дело в том, что при редакции было две лавочки, они покупали на селе всякие товары и продавали их в Харькове. Лавочка называлась Товарищество «РУХ». Здесь собирались всякие продукты, их меняли, продавали, были украденные у немцев сигаретки, коньяки. Таким образом редакция шибко функционировала при помощи гестапо и товарищества «Рух».

(*неразб.*) появился на харьковском горизонте Аркадий Любченко[486]. Я узнал об этом из подвала в харьковской газете «Нова Украина», который был посвящён тому, что наконец-то над украинским городом реет древний желто-голубой флаг, ~~а красный с золотом снят.~~ Второй его фельетон был посвящен Сикстинской Мадонне – о том, что большевики разрушили семью, а немецкое воинство восстанавливает ее на Украине. Это были длинные литературные реминисценции. Два раза я видал Любченко на улице. Выглядел он скверно. И, хотя у редакции была лавочка, публику там держали в черном теле.

[485] Перед войной редактировал газету «Соціалістична харківщина».

[486] Любченко Аркадий Афанасьевич (1899 -1945)

Писатель Варава[487], работавший там тогда, ходил припухшим.

Варава – прозаик, автор «Записок пленного» он сидел и была у него старая обида на советскую власть. Его стихотворение о том, как немецкий солдат дал его мальчику кусок хлеба появилось в «Новой Украине» в то время, когда в немецкой газете «Остфронт» была помещена статья о том, что каждый кусок хлеба, данный ~~чужому~~ (*исправление неразб.*) есть преступление против Германии.

Видал я там украинского прозаика Анатолия Гака[488], который писал фельетоны для «Новой Украины».

Общий тон газеты был таков, что вот Харьков стал европейским городом потому, что девушки носят высокие прически, а велосипедисты ездят зимой на велосипедах.

Кроме газеты «Нова Украина» в Харькове мне доводилось (?) видеть берлинские русские газеты: «Труд» - газету русских рабочих в Германии, которая копировала наш заголовок, макеты «Труда», «Новое слово» и другие.

Видел я в Харькове Топчи. Я. (?) – поэта. Он дал два-три стихотворения в «Новой Украине». Потом он рисовал вывески и пьянствовал, но с немцами не ушел, а явился к агитпропу областного комитета партии и каялся, что напечатал три стихотворения в «Новой Украине». Посажен не был, работал в «Окнах ТАСС».

Другой человек, которого хорошо знают украинцы это некто Веретенченко[489]. (*неразб.*) Доцента литературы, Оглоблина[490] не раз я видел в той украинской газете. Слышал, что композитор и кинорежиссер Кавалеридзе[491] остался в Киеве и плодотворно работает на немцев.

О судьбе Блюменталь-Тамарина[492], ~~который работал в «Новом слове» и рассказывал свою эпопею~~, известно, что в то время, когда немцы подходили к Москве, он был на своей даче в стороне Химок и там вместе с каким-то профессором сидел и ждал. Когда пришли немцы, ~~он начал: «родные, дорогие…»~~ он радостно встретил их. Попал в Берлин и там печатался для них в «Новом слове».

---

[487] Варавва Алексей (Олекса) Петрович (1882 – 1967)

[488] Антипенко Іван Якович (1893 – 1980)

[489] Веретенченко Олекса Андрійович (1918 – 1993)

[490] Оглоблин Александр Петрович (1899 – 1992)

[491] Кавалеридзе Иван Петрович (1887 – 1978)

[492] Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович (1881 – 1945). Актер и режиссер, 10 мая 1945 года вероятно убит советским агентом Игорем Миклашевским.

Я видел в Харькове человека в дореволюционного образца фуражке, который очень приветливо улыбался немцам. Один немец сказал ему: «Раздевайся». Он кричал, что он украинский дворянин, но все-таки разделся и отдал шубу. Блюменталь-Тамарин – вполне законченный антисемит и квалифицированный негодяй, абсолютно сознательно.

В том же «Новом слове» я читал интервью с Печковским[493]. С немецким воинством, надо сказать получился скандал, потому что священники служили молебен о даровании победы христолюбивому немецкому воинству, и бабы бросались к ним, когда пришли немцы, Печковский сказал, что он рад служить своему народу…

[493] Печковский Николай Константинович (1896 – 1966) русский советский оперный певец, оказавшись на оккупированной территории выступал с концертами.

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШИХ УЗНИКОВ ФАШИСТСКИХ ДУЛАГОВ И ШТАЛАГОВ

Из фондов школьного музея в Боровухе-1

2024© С.В. Комогорцева (Республика Беларусь, г. Новополоцк)

В статье представлены воспоминания узников шталага-354, хранящиеся в фондах Народного музея боевой славы ГОУ «Средняя школа №2 им. Е.А. Трапезниковой г. Новополоцка»,[494] Соболева П.П. и Бедертдинова А.М., а также рассказ о старшем враче Беляеве С.В. лазарета шталага-354, который вел тетрадь со списком больных военнопленных, дошедшую до наших дней.

Воспоминания Соболева Петра Павловича

Соболев Пётр Павлович, 1921 г.р., уроженец г. Чимкента Казахской ССР, призван в Москве в 1941 году в отдельный автобатальон № 672 229-й стрелковой дивизии, в октябре 1941 года входившей в состав 20-й армии Западного фронта. Узник немецко-фашистских лагерей военнопленных: дулага-184 (г. Вязьма), шталага-313 (г. Витебск) и шталага-354 (Боровуха-1 под г. Полоцком).

Из письма школьному Совету музея боевой славы в Боровухе-1 от П.П. Соболева, бывшего узника шталага-354 с 03.03.1942 г. по 12.08.1944 г., которому посчастливилось, совершив побег, остаться в живых.

«На 8-й день войны наш автобатальон уже сражался с фашистами. Но враг в то время был силён, и нам приходилось с боями отступать. Наша дивизия отходила, изматывая силы противника, правее города Вязьма. При отступлении мы попали в окружение. При разрыве снаряда я был контужен и выброшен взрывом из кабины автомобиля.

Когда я пришёл в сознание, то меня уже окружали фашисты. Я лежал в каком-то здании, в коридоре, на полу. Ко мне подошёл немецкий офицер, помог подняться и указал, куда идти. Ни шапки, ни шинели на мне не было, а на улице был снег и мороз. На моё счастье, вместе с ранеными я попал в крестьянский дом, иначе бы просто замёрз под открытым небом. Это было 11.10.1941 года. В этом концлагере я пробыл до

[494] Сайт школьного музея: https://museum.sch2.edunp.by/

28 февраля 1942 года. Затем нас посадили на большие армейские машины и повезли вдоль линии фронта в Вязьму…»

Место основного размещения узников в Вязьме находилось вблизи улицы Кронштадтской, улицы Репина на территории надстроенного перед войной авиационного завода – без крыши, с дырами вместо окон и дверей. Лишь несколько сотен военнопленных могли расположиться в корпусах и полузатопленных подвалах завода – подавляющее большинство узников находилось под открытым небом, в месте, ограниченном забором и обволоченным колючей проволокой. Туда, по воспоминаниям узников, было загнано до 30-40 тысяч человек. Большинство из них имели ранения[495].

«...После трёх дней пребывания в пересыльном лагере в Вязьме, немцы стали нас грузить в товарные вагоны. Они так натрамбовывали военнопленных, что одного туда заталкивают, а оттуда падает три–четыре человека. Затем дверь закрывали, убедившись, что больше уже не загрузят. В таком вагоне, в стоячем состоянии нас держали целые сутки. Затем слышим, что колёса зазвенели, зацокали — значит, поезд пошёл. Он то идёт, то опять подолгу стоит. Кругом слышны были орудийные взрывы и автоматная перестрелка. Но потом поезд пошёл, и более суток немцы вагоны не открывали. От тесноты и слабости здоровья, от холода и голода от нас оставались только кожа и кости, такие были истощённые.

Как оказалось, нас привезли в Витебск, в концлагерь (шталаг-313 – прим.автора). Кто остался жив, вышел из вагона, а половина вагона были мертвы. В Витебском концлагере нас начали кормить мёрзлой картошкой, не чищенной и гнилой. Вдобавок в это варево была добавлена приправа, вроде манной каши. Как я сейчас помню, она придавала еде приятный запах и нас, голодных, очень привлекало покушать. Как мы потом узнали, это было какое-то тропическое дерево. В молотом виде оно вызывало запор — и человек погибал. Чудом кой-кому удалось выжить от такого питания. При раздаче этой баланды немцы фотографировали.

Затем нас опять погрузили в вагоны, так же, как и в Вязьме, напрессовав. Простояли в вагоне ещё пол суток, а затем повезли. В вагоне начали умирать от плотности загрузки, да ещё и раненые. Если опустился вниз — счи-

[495] Е.А. Иванова - АД-184.Советские военнопленные, бывшие узники Вяземских «дулагов» вспоминают. М.: Родина. 2021 стр.89

тай, что распрощался с жизнью. Сколько ехал поезд, я не знаю, а привезли нас в Боровуху-1. Весь эшелон был оцеплен фашистами с овчарками. Тех, кто не мог идти, тут же расстреливали или натравливали овчарок, которые загрызали ещё живого человека.

Я как сейчас помню, что кто-то мне помог спуститься из вагона. Фашист заметил, что я очень слаб, и наставил винтовку прямо мне в голову. А я от страха, не обращая на это внимания, пошёл за потоком людей по направлению к концлагерю Боровуха-1.

Когда загнали в лагерь, сразу построили в колонну и заставили маршировать. Немцы охраняли с овчарками, а русские полицаи избивали тех, кто падал от усталости и оттаскивали их в другой угол концлагеря. Нас продержали на плацу до глубокой ночи. Затем дали команду разойтись и занимать места в корпусах, где и как кто может.

Март месяц. Мороз, холодно, окна выбиты. Ложимся в «ёлочку», чтобы согреться друг от друга. Лагерь был заражён сыпным тифом. Вшей было столько, что они даже ползали по стенам и по полу. Вот они тут-то и набросились на нас, ещё не заражённых тифом. Каждый день нас строили в колонну и заставляли маршировать до потери сознания. А полицейским приказывали добивать упавших палками.

Заболел я сыпным тифом. На седьмые сутки у меня поднялась очень высокая температура. Меня, как и других больных, перевели в тифозный блок (старую школу). Я ещё запомнил, как туда привели, как я залез на верхнюю полку нар... А затем я уже ничего не помнил — был в бреду. Без сознания я пролежал 13 суток. Всё тело было покрыто красными пятнышками, а кожа на теле сгорела и облазила так, что любой пласт можно было снять. Помню, когда пришёл в себя, кто-то из пленных давал мне с ложки кушать баланду: картошка порченная, полусгнившая, да ещё какая-то приправа, чтобы скорее умирали.

Вскоре, с помощью других узников, я начал садиться. Стоять я ещё не мог — был очень слаб. Конечно, не только я один был такой, а и все узники, которые были в этом блоке. Примерно через неделю я стал вставать на ноги. Но, как только встану, у меня в глазах сразу тёмная ночь, я ничего не вижу, хватаюсь за нары и стою. Потом начинает появляться свет. Вот тут я и стал наблюдать, как больных тифом, ещё не умерших, клали на носилки и уносили в

братскую траншею, укладывали штабелями и рядом копали другую траншею, из которой землёй засыпали полумёртвых узников концлагеря. В тифозном блоке я пробыл до мая месяца и всего здесь насмотрелся: как люди гибли от тифа и голода, как вши залезали под рубашку...

Я не знаю, как случилось, что меня не унесли в братскую могилу, которая находилась возле старой школы. Наверное, я остался в живых лишь потому, что был на верхней полке нар, и меня не заметили. Таких, как я — живучих, немцы построили и загнали в общий концлагерь.

Как я и раньше писал, они ежедневно издевались над военнопленными: выстроят в строй и держат по 10–12 часов. Тех, кто не выдерживал и падал, полицаи, под наблюдением немцев, добивали палками.

Комендантом концлагеря был немец. Я помню и представляю его, как сейчас: высокий, здоровый, рыжий. Бывало, что я сам видел, как он подходил к колючей проволоке на «утреннюю физзарядку». Пистолет с левой стороны в кобуре, достаёт правой рукой и принимается тренироваться по живым мишеням, по узникам. Когда они ходят в туалет, в этот момент он и начинает «тренироваться». Стреляя, он обычно не отойдёт от проволоки до тех пор, пока не убьёт 4–5 человек. Вот какие зверства чинили гитлеровцы.

В Боровухе-1 я находился в общем отсеке военнопленных. Лагерь был разбит на секции. Они делили ещё по национальностям: украинцев отдельно — в одной секции, казахов, узбеков и вообще всех чёрной нации — отдельно. Содержали одних в условиях получше, а других — похуже (в смысле продуктов). Украинцам давали побольше баланды, а русским доставалась самая меньшая порция.

Вот так текла жизнь в концлагере: издевались, голодом морили, били. Военнопленные умирали, как мухи от дихлофоса. То и дело умерших относили в братскую могилу около старой школы, где упокоились 29 тысяч заключённых.

Где-то в первых числах мая 1942 года приходил немец (по нашему званию – старшина). Лагерь общего отсека был построен на плацу, и он обратился к военнопленным, предложив нам работать. У меня сразу же появилась мысль: возможно, я там смогу уйти на волю в леса. Немец объявил через переводчика: «Кто желает, выходите вперёд

на два шага перед строем». Я, как и многие, тоже вышел. Он по отдельности подходил к каждому и спрашивал: «Ты будешь работать хорошо?» и надо было отвечать: «Да, буду». А у самого в мыслях:

«Я вам наработаю! …Только бы вырваться на волю, я вам за всё отомщу, за себя и за товарищей-узников».

Когда произвели отбор в рабочую команду, нас построили в большую колонну, и отконвоировали на другой конец лагеря, где была специальная секция рабочих военнопленных. В этой секции содержали тех, кто работал — примерно около тысячи человек. Тут тоже умирали от непосильного труда и болезней. На место умерших приводили новых военнопленных. Задача этой команды — снабжать лесом пекарню, на которой выпекали для немцев хлеб. Мы возили на себе кругляк: брёвна по 4 метра длиной. Грузить заставляли на двухколёсную тачку по 5–6 брёвен. На каждую тачку ставили по 8 человек военнопленных, и нужно было выполнить по три рейса под дулом автоматов, чтобы получить баланду и кусочек хлеба 100–150 грамм. Тех, кто падал во время рейса, конвой пристреливал. И мы тут же клали убитого на тачку, прямо на брёвна и отвозили к траншее. На каждых 8 человек пленных приходилось по 4 автоматчика-конвойных. И ещё собаки-овчарки, всё время скалившиеся на нас, были готовы в любую минуту разорвать на части.

Работая, я долгое время наблюдал и изучал, где и как можно совершить побег. Коллективно мы пытались договариваться о побеге из лагеря, но всё оканчивалось провалом. После долгих наблюдений, я принял решение: мне нужно перейти на другую работу. Это можно было сделать только таким образом: добиться на три дня освобождения, а за это время могут поставить в запасную команду. Из запасной команды добавляют туда, где не хватает людей.

Моя мечта сбылась: я попал в запасную команду. Это было 11 августа 1942 года. В составе другой команды нас в количестве 12 человек повели на другую работу. Конвой состоял из 4-х человек чехов. Как только пришли на объект — стройку, конвойные сразу же заняли свои места, а потом поодиночке подходили к месту, где они выкладывали для нас из походных сумок пищевые отходы. Затем мы делили всё это поровну. Чехи, как я уже понял, сочувствовали нашему бедственному положению и старались нам

чем-нибудь помочь. Вот я тут и прикинул, что можно попытаться убежать.

Отработали день, вернулись в концлагерь. Я целую ночь не спал – всё обдумывал, как уйти невредимым от конвоя. Это было 12 августа 1942 года. Конвой нашей группы пришёл раньше всех других. Они подсчитали, что все военнопленные в наличии, и скомандовали: вперёд, на проходную лагеря. Придя на стройку, мы копали траншею под установку пилорамы. И так же, как вчера, конвоиры заняли свои места по охране. Началась делёжка отбросов продуктов, принесённых чехами. Они немного отвлеклись, а я в этот момент попытался удалиться. Они сразу же меня заметили и начали строчить из автоматов. Я бегу в сторону леса, а они всё строчат по мне. И ещё где-то с вышки из пулемёта начали строчить мне вдогонку. Я забежал в лес, а пули всё меня сопровождали. Вдруг всё затихло, а я пробираюсь дальше. Но на пути моём железная дорога, а перед ней завалы леса. Я с трудом преодолел завалы, и только стал на рельсы, как по мне снова открыли стрельбу из винтовок с двух сторон, но я бежал только вперёд, не разбирая куда бегу.

Вдруг на пути — большая река. Когда я вышел к реке, увидел девушку, плывущую на лодке. Я крикнул: «Перевези на ту сторону!». Она сразу же подогнала лодку к берегу и перевезла меня. Это была река Западная Двина. Причалив, девушка мне сказала, чтобы я бежал к лесу, и рукой показала направление. Я её поблагодарил, но жалко, что не спросил имени.

В лесу, скрываясь от фашистов, я прожил 18 дней. Ночами укрывался от четвероногих хищников, прячась на деревьях. Питался в основном ягодами: малиной, голубикой. На полях находил оставшиеся колосья ржи и ел ещё не созревшие зёрна.

Позже попал в партизанский отряд. Но это уже совсем другая история.»

Рассказ о враче Беляеве Степане Васильевиче

Беляев Степан Васильевич, 1903 г.р., уроженец Красноярского края, военврач 2 ранга, командир операционно-перевязочного взвода, парторг 215-го медсанбата 166-й Сибирской стрелковой дивизии, в октябре 1941 года входившей в состав 19-й армии Западного фронта. Узник дулага-184 и шталага-354 (Боровуха-1 под г. Полоцком).

В октябре 1941 года в районе Гжатска (*ныне г. Гагарин Смоленской обл. – прим.автора*) 166 сд вела тяжелый бой в окружении. Степан Васильевич Беляев и его товарищи-врачи всеми силами старались вырваться с транспортом раненых, но вражеское кольцо неумолимо сжималось. Вместе с обозом медсанбата он под Вязьмой попал в плен.

Из пересыльного лагеря в Вязьме их в товарных вагонах трое суток везли на запад. Потом был кое-как обустроенный лагерь в местечке Боровуха-1… Расчёт у немцев был прост: чем больше военнопленных умрёт, тем лучше. Людям почти не давали еды и питья.

Под руководством Степана Васильевича Беляева врачи организовали в лагере санчасть. Лагерное начальство не возражало, но считало главной задачей санчасти не столько помогать раненым, сколько регистрировать их массовую смерть. Требовали писать, что они умирают от туберкулёза.

Но и здесь Степан Беляев не опустил рук: спасал пленных, боролся с антисанитарией, голодом, холодом и требовал жёсткой дисциплины от пленных, заставляя цепляться за жизнь и бороться за неё даже в плену. Степан Васильевич старался сделать все, чтобы сократить смертность: круглые сутки сам работал в операционной, прооперировал около двух тысяч человек, организовал тифозный барак в помещении бывшей школы, производил санобработку военнопленных. Чтобы хоть как-то восполнять силы больных, предложил кипятить воду и витаминизировать её хвоей. Заработала котельная, банно-прачечный комбинат. Смертность в лагере снизилась.

Фото 1. Врач Степан Васильевич Беляев

Немцы ужасно боялись тифа и поэтому не заходили на территорию лагеря, а Беляеву и переводчику Мильцману выдали пропуска, чтобы они сами приносили

списки умерших в комендатуру. Благодаря этому обстоятельству и удалось связаться с народными мстителями.

В конце октября 1941 года Беляев был назначен заместителем старшего врача санчасти. Затем в начале ноября этого же года Степан Васильевич сам попал в тифозный барак: упал без сознания во время операции. Как только спала температура, поднялся. В тот день, когда Беляев вернулся в санчасть, из лагеря исчез доктор Сергей Мельник. Старшим врачом (oberartz) был назначен Беляев. Надежда вырваться из лагеря не оставляла его. Под видом проверки готовности помещения к зиме, он собирал на чердаке санчасти тех, кому доверял. Его поддержали врачи Костя Шадурский, Матюха, Симанский, «доктор Ага» (Александр Яковлевич Мильцман, батальонный комиссар).

В начале 1942 года по лагерю распространилась весть о разгроме немцев под Москвой. Немцы начали вербовать пленных в «особые команды». Чтобы помешать этому, Беляев одного за другим браковал кандидатов, а потом рискнул написать рапорт старшему врачу комендатуры о новой вспышке тифа. Вербовка прекратилась, и Беляев на свой страх и риск вместе с другими врачами под видом тифозных больных, а то и под трупами умерших, вывозили из лагеря командиров.

Зимой 1942 года Степан Васильевич стал работать в Борковичской амбулатории, часто посещая больных на дому. Однажды его вызвали к больному в деревню Церковище Россонского района. Пациентом доктора оказался Леонид Александрович Попковский — один из руководителей Сокольщенской подпольной группы. С этого момента Беляев стал партизанским врачом, разведчиком, членом подпольной группы. Пользуясь относительной свободой передвижения, он оказывал медицинскую помощь укрытым в деревнях раненым партизанам, окруженцам. По просьбе подпольщиков ему не раз приходилось препятствовать угону людей в Германию, выдавая им справки об инфекционных болезнях.

Однажды из отряда пришло задание: не допустить развёртывания карательной экспедиции, прибывшей в Полоцкий и Россонский районы. Беляев решился доложить начальству, что здесь свирепствует сыпной тиф, и это угрожает личному составу карателей. Утром приехали два врача-немца — проверить. Тогда Степан Васильевич взял длинный список больных, привёл врачей сначала в настоящий тифозный

барак, а потом спросил, будем ли проверять дальше. Они отказались. На другой день каратели покинули район. По дороге они попали в партизанскую засаду; был бой, каратели понесли большие потери.

Летом 1942 года доктор Беляев ушёл вместе с товарищами в отряд чекистов «Боевой», захватив немецкие лекарства и медицинские инструменты. Находиться в оккупированных деревнях стало очень опасно. В отряде доктор пробыл недолго, всё это время лечил раненых партизан, больных местных жителей, участвовал в боевых операциях. Осенью передали указание из Москвы переправить его и других врачей-специалистов на Большую землю.

В октябре 1942 года С.В. Беляев возвратился на фронт ведущим хирургом полевого походного госпиталя № 5213 2-й танковой армии. Разведчик и партизанский доктор вновь стал военврачом.

В сентябре 1943 года Степан Васильевич был тяжело контужен. Вернулся в г. Кемерово, работал в областной больнице. Восстановившись после ранения, Степан Васильевич был назначен главным врачом областной больницы.

В г. Кемерово есть Музей Кемеровской областной клинической больницы им. С.В. Беляева, в котором хранятся документы, воспоминания и личные вещи Степана Васильевича[496]. Земляки помнят и чтут подвиг врача С.В. Беляева.

В 2019 году во время ремонта крыши в посёлке Боровуха-1 около г. Новополоцка в доме, где в годы войны находился лазарет шталага-354, под балкой крыши строителями была обнаружена общая тетрадь со списками военнопленных, которую они передали новополоцким поисковикам.

Эту тетрадь в тайне от фашистов вёл узник шталага-354 Беляев Степан Васильевич, старший врач лазарета. Об этой тетради он писал Ванде Евгеньевне Дербенько, руководителю школьного музея в Боровухе-1 ещё в 1976 году. Но тогда тетрадь не нашли. И только теперь, после тщательной сверки каждой фамилии умерших узников с архивными документами, которую осуществили поисковики отряда «Разведчики воинской славы» г. Новополоцка и сотрудники Управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны РБ, список погибших для увековечения передан Полоцкому райисполкому.

[496] Сайт музея Кемеровской областной клинической больницы им. С.В. Беляева http://vrkuzbass.ru/muz/kem/klin/

Фото 2. Общая тетрадь со списком больных военнопленных из лазарета шталага-354, которую вел старший врач С.В. Беляев, найденная строителями под балкой крыши здания лазарета в 2019 году.

Были изготовлены 6 мемориальных плит, на которые нанесено 178 фамилий умерших военнопленных. Знаменательно, что именно в день 80-летия начала самой кровопролитной войны 1941-1945 гг. – 22 июня 2021 года, на воинском мемориале «Звезда» в п. Боровуха-1 состоялось торжественное открытие этих мемориальных плит.

Однако, тетрадь с записями Беляева С.В. хранит ещё очень много загадок. Поэтому мы обратились за помощью к Елене Евгеньевне Савельевой, режиссёру программ НТВ. Она помогла нам найти и связаться с внуками С.В. Беляева, которые живут в Екатеринбурге — Судьбиными Михаилом Борисовичем и Николаем Борисовичем. Возможно, они, внимательно изучив хранящиеся в семье документы-воспоминания деда, смогут помочь расшифровать значки, оставленные возле фамилий в найденной тетради.

Воспоминания Александра Михайловича Бедертдинова

«...Я получил письмо из Боровухи от Позныш Валентины Казимировны. Чудесная память у этой женщины, вспомнившей, как мы — подпольщики лагеря военнопленных ухитрялись помогать больным тифом жителям Боровухи и даже вылечили её родного брата. Эту вылазку в посёлок мы организовали, запугав молодого лагерного врача-немца, сказав, что если мы не будем помогать мирным жителям, то эпидемия перекинется на солдат гарнизона. Так и случилось: заболели не только фашистские солдаты, но и офицеры. Среди них началась паника, и некоторым врачам, в том числе и мне, разрешили посещать дома больных тифом. Кто же были эти врачи из военнопленных? Это:

• Степан Васильевич Беляев — 1903 г.р., уроженец Красноярского края, член ВКП(б), военврач 2 ранга, командир операционно-перевязочного взвода, парторг 215-го медсанбата 166-й Сибирской стрелковой дивизии, в октябре 1941 году входившей в состав

19-й армии Западного фронта (*прим.автора*);

• Григорий Иванович Матюха, 1910 г.р., уроженец Краснодарского края, член ВКП(б), военврач 2 ранга, начальник отдела кадров санитарного отдела19-й армии (*прим.автора*);

• Константин Станиславович Шадурский, 1912 г.р., уроженец г. Куйбышева (ныне г. Самара), подполковник медицинской службы, служил в 166-й Сибирской стрелковой дивизии, 19-й армии Западного фронта (*прим. автора*) и другие.

Они бесстрашно выбирались из лагеря и обходили дома больных. Лекарства мы добывали в аптеке комендатуры, отдавая за них продукты. Чех Макс, заведующий аптекой, благожелательно относившийся к братьям славянам, даже старался говорить с нами на ломанном русском языке, когда немцев не было рядом.

Поддерживая связь с местными подпольщиками — бывшим заведующим местной школы Трукшиным, учителем Дорожкиным, Марией Иосифовной Войткевич и ставшим позднее связным и разведчиком отряда «Боевой» Димой Потапенко, нам удалось организовать ряд побегов военнопленных. Дом семьи Войткевичей был нашей конспиративной квартирой, там мы встречались с боровухски-

Фото 3. Врач Григорий Михайлович Матюха

Фото 4. Врач Константин Станиславович Шадурский

ми и борковичскими подпольщиками, державшими связь с полоцким подпольем. Настоящими героями проявили себя комсомольцы Дорожкин и Дима Потапенко. По нашему заданию они вели разведку в направлении сёл Конный бор, Труды и в других населённых пунктах. Бесстрашный Дима передвигался пешком, а Дорожкин ездил на велосипеде, который потом забрали фашисты, избив Дорожкина до полусмерти. Дорожкин с Трукшиным, опасаясь провала, ушли из Боровухи, а Дима остался один на один с многочисленными врагами, да и мы тоже оставались за колючей проволокой.

...Число военнопленных катастрофически уменьшалось – гибли сотнями в течение одних суток. Лекарств было мало, да и те пришлось утаивать от немца-врача. В лагере начались разговоры об отправке на запад — вплоть до Германии, и наше подполье решило организовать последний побег с моим участием. В первых числах апреля вывезли на двуколках якобы «умерших за сутки» (а на самом деле живых) военнопленных, которые еле передвигались сами. Уложив беглецов между трупами и укрыв их всяким рваньём, мы, натянув на плечи лямки, повезли двуколку за проволоку к выкопанным траншеям. Воспользовавшись тем, что охрана, боясь заразы, как чёрт ладана, убежала и скрылась в своих бункерах, беглецы спрятались на ближайшей опушке леса, а мы, врачи, под предлогом лечения (на что у нас был «аусвайс» – пропуск) стали обходить дома больных и раздавать лекарства. Дошли до последнего дома на краю посёлка и с помощью двух женщин — Борисёнок и Шанько, скрылись в чаще леса.

Поселковые подпольщики не раз направляли беглецов в партизанские отряды Полоцкого и Россонского районов. Уводил пленных к партизанам и связной комсомолец Дима Потапенко.

Диме было 14 лет, когда началась война. Он мечтал стать офицером, но война разрушила все планы. Когда на территории воинской части разместили 30 тысяч военнопленных, взятых в окружении под Вязьмой, Дима помогал бежать узникам из концлагеря в партизанский отряд «Боевой». Ему удалось вывести более 100 военнопленных. Но предатель выдал фашистам партизанского связного. Его схватили полицаи, избивали, а когда Дима терял сознание, отливали водой — и всё сначала.

Полумёртвого, мать нашла его на мусорной свалке. Он умер, не приходя в сознание. Юный герой погиб, но никого не выдал...»

ГЕОРГИЙ ШИГИН – МОСКОВСКИЙ ОПОЛЧЕНЕЦ, УЗНИК ШТАЛАГА-354.

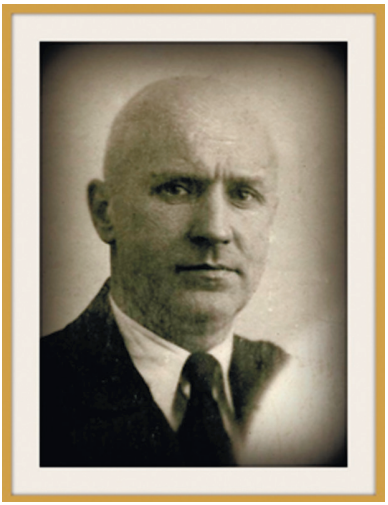
Судьба моего прадеда

2024© А.Ю. Неделина (Российская Федерация, г. Москва)

Война оставила трагический след в истории нашей семьи. Ушел добровольцем в Московское народное ополчение мой прадед Георгий Григорьевич Шигин и пропал без вести. Моя прабабушка Ольга Дмитриевна Шигина всю свою жизнь ждала возращения мужа, судьба которого долго оставалась неизвестной. Бесценные воспоминания старшего поколения легли в основу моей поисково-исследовательской работы по сбору материалов о жизни и гибели прадеда.

До настоящего времени считалось, что Шигин Георгий Григорьевич (далее – Г.Г. Шигин) родился в 1895 году согласно семейным документам, содержащим косвенные подтверждения года рождения. Однако, удалось найти запись в метрической книге Дмитриевской церкви Замоскворецкого сорока г. Москвы о рождении 26 марта 1896 года младенца Георгия в семье крестьянина Григория Егоровича Шигина и его жены Александры Осиповны. Отец прадеда был родом из Тульской губернии, Чернского уезда,

Фото 1. Георгий Григорьевич Шигин, 1940 г.



Раевской волости, деревни Озерок. В феврале 1985 года Григорий Егорович Шигин венчался с Александрой Осиповной Крыловой в церкви св. Афанасия и Кирилла на Сивцевом Вражке. Семья проживала в Москве.

Во время Первой мировой войны в период с 1914 по 1918 годы прадед воевал в чине младшего унтер-офицера в составе 8-й роты

218-го пехотного Горбатовского полка. В семейном архиве сохранилось Удостоверение № 382 от ноября 1917 года, выданное в Действующей армии с печатью полкового комитета.

Фото 2. Удостоверение Г.Г. Шигина от ноября 1917 года.

Воинопреждающий
комитет
218-го пехотного
Горбатовского
полка.
№ 382.
— ноября 1917 г.
Действующая армия.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Копия

Сим удостоверяется, что солдат Мл.-Ун. Офицер Георгій Григорьевичъ ШИГИНЪ, Рузскаго Уѣзда, Ново-Покровской Волости, д. Б о р к и, действительно состоитъ на службѣ въ 8 Запасномъ батальонѣ, т. 218-го пехотнаго ГОРБАТОВСКАГО полка, что подписи и приложеніе казенной печати удостовѣряются.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Секретарь

Позднее Г.Г. Шигин работал в сахарной отрасли (в объединении сахарной промышленности «Союзглавсахар» Наркомата снабжения СССР), занимался налаживанием работы сахарных заводов, часто бывал в командировках по стране, состоял в рядах РКП (б).

Прадед трепетно ухаживал за прабабушкой (в девичестве Рыженковой Ольгой Дмитриевной) из православной, воцерковленной семьи. Для получения благословения родителей невесты на свадьбу прадед вышел из рядов партии. 18 февраля 1921 года молодые расписались в ЗАГСе, а затем 20 февраля венчались в церкви Николая Чудотворца на Ямах в Рогожской Ямской слободе. В молодой семье 12 февраля 1922 года родился сын Шигин Анатолий Георгиевич, а 24 марта 1924 года – дочь (моя бабушка) Шигина Галина Георгиевна. Семья проживала в комнате в коммунальной квартире по адресу: город Москва, Яузский бульвар, д. 13. кв. 12.

С 25 марта 1935 года прадед работал в должности начальника сектора Московской межобластной конторы Главного управления снабжения Наркомата пищевой промышленности СССР по адресу: г. Москва, Кузнецкий мост, 22. В 1937 – 1938 годах семья опасалась ареста прадеда в рамках проводимых массовых зачисток в руководстве наркомата пищевой промышленности СССР по обвинению «в участии в контрреволюционной террористической организации».

Известие о начале войны застало семью Шигиных в Москве. В первых числах июля дочь Галина (ученица 9-го класса) и сын Анатолий (студент 1-го курса Московского энергетического института) как и тысячи московских комсомольцев были направлены на возведение оборонительных сооружений на линии Ржев-Вязьма-Брянск. Прадед сказал: «дети ушли …, и я ухожу на фронт» и следом записался добровольцем в ряды народного ополчения Дзержинского районного военного ко-

миссариата, где формировалась 6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района г. Москвы[497 498].

Фото 3. Справка ГЛАВСНАБа от 11.10.1941 г. о призыве Г.Г. Шигина в ряды Народного ополчения с 7/VII-41 г.
Фото 4. Справка от 05.01.1946 г. о том, что Г.Г. Шигин призван по мобилизации и отправлен в Народное ополчение 06.07.1941 г.

Наркомпищепром СССР
Главное Управл. Снабжения
„ГЛАВСНАБ"
Московская
Межобластная Контора

Справка

Дана настоящая справка тов. Шигину Г.Г. в том, что он работает в ММК Главснаба в качестве нач. сектора с 1941 г. с окладом содержания 1400 руб. в месяц с 25/III-1938 г.

Уволен 1941 г. Г-ун Ч.-Ш. призван Дзерж. Районного военкомата.

Выдана для представления в МОК ком. Минстроя

Управляющий

Тип. Института им. Плеханова. Москва, зак. 463, тир. 5000

СССР — НКО
Военный комиссариат
Дзержинского района
г. Москвы
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
05 „ Января 1946 г.
№ 1/0501
Адрес: Москва Сретенка, 11
Тел. К 4-64-42

СПРАВКА

Дана в том, что военнообязанный Шигин Георгий Григорьевич 1900 г. рожд.
призван по мобилизации и отправлен в части Красной Армии 06 Июля 1941 г.
в народное ополчение.
Выдана для представления в Куйбышевский т-рест ГУПП
Начальник Учебного
майор Кашников
Капитан Адм. Службы

Всего 18 фронтовых писем хранятся в семейном архиве за период с 12 июля по 30 сентября 1941 года. Хронология событий прослеживается в письмах. Первая почтовая карточка от 12 июля 1941 года, в ней прадед сообщает, что выехали в неизвестном направлении.

В письме от 2 августа (4 часа утра) передает родным привет из Действующей Красной армии, спрашивает о судьбе детей, адрес эвакуации жены и сообщает свой адрес: Действующая армия, почтово-полевая станция № 303 (далее – ППС 303), 1-й стрелковый полк. О себе пишет коротко: «*нахожусь на Смоленском направлении, много приходиться быть в походах. Настроение сравнительно хорошее…*». Просит написать открытку Королевой Ф.И. под Челябинск о ее муже Георгии Васильевиче – что все живы и здоровы. А также позвонить Ширяевой Е.В. и сообщить: «*Харитонов находиться с нами, жив и здоров*».

Почтовая карточка от 18 августа адресована жене из Действующей армии с уточнением ППС 303, 1-й стрелковый полк, 2-й батальон, 5 рота. Прадед писал: «*я чувствую себя ничего, коллектив наш весь сохранился, находимся мы на Смоленском направлении, живем в окопах*».

В письме от 19 августа (5 ч. утра) он передает доверенность жене на получение зарплаты и

[497] Военный комитет г. Москвы, Ф. Останкинский ОВК, Д. 11001057.

[498] Военный комитет г. Москвы, Ф. Даниловский ОВК, Д. 11000807/Д. 11000820.

пишет следующее о себе: «*из Москвы мы выехали на автобусах ночью в неизвестном направлении. На место приехали на другой день поздно вечером. Никто не рассчитывал, что так долго будем в пути и плюс к этому нас об этом даже не предупредили, поэтому продуктов на дорогу почти из нас никто не имел. Здорово протряслись и в кустарнике за Дорогобужем расположились спать. За это время много исходили, наконец остановились, но на долго это или нет пока еще неизвестно, все зависит от нашего благополучия. Выдали нам все обмундирование. Принимали 12 августа присягу. Дзержинский район прислал нам знамя. Жизнь проводим всем коллективом в окопах, у каждого отдельная земляная комната. С куревом дело обстоит сравнительно ничего, но со спичками и курительной бумагой - плохо. Один товарищ выбыл по болезни, по приезду в Москву он тебе позвонит по телефону и расскажет все наше бытие. Забыл, когда разувался, правда, 5 дней тому назад мылись в бане, которая без окон и двери были отрыты, т.к. в ней было много дыма...» и добавляет «…много за эти дни пережито, надеюсь, что в недалеком будущем будет большой перелом и фашистские гады покатятся все назад с нашей родной земли. Тогда будет всем праздникам праздник…*»

Письмо от 24 августа было передано с выезжающим в Москву по болезни товарищем. В этом письме прадед пишет «*… как только приехали на место, то не было дня, чтобы мы не были в походе, теперь около 20 дней стоим в 7-9 км от фронта, ведутся строевые занятия, ходим на стрельбу, занимается с противогазом, доделываем свои земляные комнаты с коридорной системой и пилим лес. Спим в одежде, за все время ни разу не разувались и не раздевались… спим очень беспокойно, т.к. все время идет оружейная канонада. Спать приходится всего лишь 3-4 часа в сутки. Кругом глина и после дождей в окопе сыро и долго стоит грязь. В бане были всего лишь один раз, да и то мылись кое-как, так как вода очень ограничена – мылись из котелков. Весь коллектив отрастил бороды, в том числе и я... Настроение у всех неважное, много беспокойства от неизвестности …*»

Обстоятельные письма прадед передавал через выезжающих в Москву по болезни товарищей: Георгия Васильевича Королева, Василия Карповича Харитонова, Терпогосова, Ботова Алексея, Горелова Алексея Дмитриевича.

В письме от 29 августа прадед

пишет: «*Наш коллектив почти весь растерялся, половина нашлась очень счастливая и уехала домой. Осталось нас 4 человека, которых готовят к боевым действиям*».

В почтовой открытке от 2 сентября есть такие строки: «*Сейчас на 5-дневных курсах, стоим в очень большом лесу… вечером после ужина собрались, вспомнили дом. Сегодня начало учебного года, дети должны идти в школу, меня беспокоит Анатолий, а потом с тоски в полголоса пели песни, после чего долго не могли уснуть». Также в письме прадед сообщает, что читает газеты и знает о налетах на Москву: «Желаю тебе и всем москвичам спокойной жизни от налета фашистских стервятников. Спите и отдыхайте от вашей работы спокойно, т.к. нас бойцов и ополченцев здесь много …*».

В письме 16 сентября «*У нас за эти дни много чего изменилось, по газетам вам должно быть все известно. На нашем участке опрокинули гада и наши войска вступили на занятую территорию. Крестьяне и жители встречают нас очень тепло. Описать подробно все ужасы кровавого фашизма потребуется очень много времени. Я очевидец, деревни сожжены дотла, оставшиеся дома, хозяйства разграблены, жители угнаны в тыл, так что деревни пустые, как будто люди в них вымерли и много других разбойных следов.*»

В письме от 17 сентября «*Обрати внимание с 9/IX и по 15/IX на заметки по городу Ельня. Все что описывается в газетах – это есть сущая правда без преувеличения… когда мы вошли в город и проходили деревни, то кровожадные гады с крестьянами поступали хуже, чем разбойники. Они грабили, жгли, народ насиловали, трудно передать все ужасы следов кровавого фашизма. В то время крестьяне встречали нас радостно и очень тепло. Галя, описать всего, что видишь, конечно, не представляется возможным и едва ли можно передать эту действительность как она есть, на это потребуется очень много времени. Вот в коротких чертах даю тебе понять о нашем злейшем враге. На нашем участке большой перелом. Желаю всей нашей Красной армии гнать врага с нашей земли с большими для него потерями». В продолжении к этому письму прадед писал: «Я стал старшиной роты и мне приходиться очень много писать… Пиши мне письма по адресу: Действующая армия, ППС 303, воинская часть 1293, 2-й батальон, минрота.*».

Фото 5. Почтовая карточка от 27.09.1941 г., отправленная Г.Г. Шигиным с фронта жене в Москву.

Фото 6. Ответ семье о судьбе Г.Г. Шигина из Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей Армии от 07.07.1942 г.

Из писем следует, что прадед участвовал в боях по освобождению города Ельни с 30 августа по 6 сентября 1941 года.

Последнее отправленное письмо от 30 сентября: «*...На нашем участке, я сам очевидец и участник, гадина начинает дрожать и отступать, еще немного напряжем свои силы и опрокинем его с нашей земли ...*».

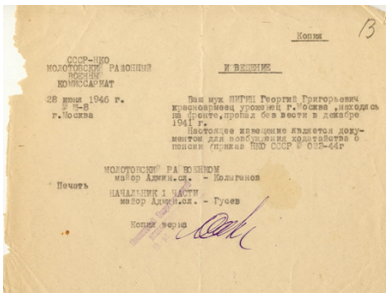
Больше писем от Георгия Григорьевича Шигина семья не получала…

На запрос жены о местонахождении Г.Г. Шигина пришел ответ от 07.07.1942 г. из Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава Действующей армии – «*в настоящее время сведений не имеется.*
В списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести он не значится».

Из воспоминаний моей бабушки – Галины Георгиевны, первое известие о судьбе прадеда передал его однополчанин: «*В мае 1945 года Юдин, товарищ папы (они работали в Москве в одном учреждении и одновременно пошли в ополчение), рассказал нам, что 6 октября 1941 г. после жестокого сражения только 11 человек из их части смогли избежать плена*».

Позднее в 1946 году Ольге Дмитриевне Шигиной было вручено Извещение № III-8 от 28.06.1946 г., в котором сообщалось, что Шигин Георгий Григорьевич, красноармеец, находясь на фронте, пропал без вести в декабре 1941 года. Документы, уточняющие потери[499] [500] [501].

Фото 7. Извещение №III-8 от 28.06.1946 г. о том, что Г.Г. Шигин, находясь на фронте, пропал без вести в декабре 1941 г. Молотовский РВК.



Копия

СОЦ-НКО
МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ
ВОЕННЫЙ
КОМИССАРИАТ

28 июня 1946 г.
№ 8-8
г.Москва

К ИЗВЕЩЕНИЮ

Ваш муж ШИГИН Георгий Григорьевич красноармеец уроженец г.Москва ,находясь на фронте,пропал без вести в декабре 1941 г.
Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (пункт НКО СССР № 028-44г

МОЛОТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ
майор Админ.сл. - Колганов

Печать

НАЧАЛЬНИК 1 ЧАСТИ
майор Админ.сл. - Гусев

Копию верна

Сын Анатолий Георгиевич Шигин в 1942 году окончил военно-десантное училище, и в звании старшего лейтенанта был распределен в 13-й полк 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Северо-Западного фронта. Участвовал в боях, был тяжело ранен. После лечения в госпитале служил техником радиосвязи на Северо-Западном, Ленинградском, Третьем Прибалтийском фронтах и на Балтийском флоте.

Спустя некоторое время на имя прабабушки неожиданно пришло письмо из Ленинграда от Георгия Андреевича Каткова (далее - Г.А. Катков) о гибели прадеда: «Письмо от товарища Вашего мужа, Ольга Дмитриевна, уведомляю вас, что ваш муж Георгий Григорьевич пожелал долго жить вам. Находясь в плену, умер от голодной смерти 1942 г. 2-го января утром около г. Полоцка местечка Боровуха 18 км от города. Посылаю вам фотокарточки, переданные вашим мужем для возврата вам...». В письме также содержалась информация о гибели Озерова Ивана Васильевича, который служил с прадедом в одном учреждении.

Первым в Ленинград ездил и разыскал Г.А. Каткова вернувшийся с фронта сын Анатолий Георгиевич Шигин. Оказалось, что прадед помимо фотокарточек передал товарищу свои золотые часы, которые тот смог обменять на еду.

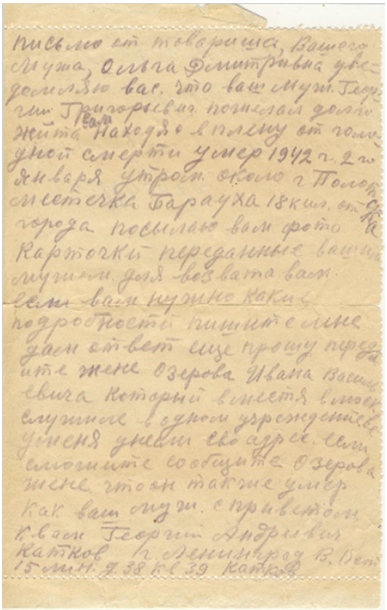
Затем в августе 1964 года дочь (моя бабушка) Галина Георгиевна с мужем и дочкой (моей мамой)

[499] ЦАМО РФ, Ф. 58. Оп. 18004. Д. 1645.

[500] Даниловский ОВК, г. Москва, Ф. Молотовский РВК, Оп. 1946, Д. инв. 18.

[501] Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов [Текст]: 17-ти т. Том 14, стр. 353: Чаадаев - Ящук / ред. кол. Ю. М. Лужков, В. М. Иванов [и др.] Правительство Москвы. М., 1994. 688 с.

Фото 8. Письмо Г.А. Каткова о смерти в плену Г.Г. Шигина 2 января 1942 г. в местечке Боровуха.



выехали на машине из Москвы в Ленинград пообщаться с Г.А. Катковым, а потом выдвинулись в город Полоцк, поселок Боровуху-1, где искали место братского захоронения пленных концлагеря по описанию Г.А. Каткова.

Памятник павшим на братской могиле находился в те годы на закрытой территории воинской части и доступ внутрь был строго ограничен, пропустили только дочь...

Спустя почти полвека в апреле 2013 года вечером в кругу семьи моя бабушка поведала в деталях историю своего отца. Мы разобрали семейный архив и собрали все имеющиеся документы о прадеде. Рассказ бабушки вдохновил меня на поиск информации в открытых интернет источниках, где мной были обнаружены сведения о существовании нескольких мемориальных комплексов в районе города Полоцк, в том числе о мемориальном комплексе «Звезда» в поселке Боровуха-1.

И уже 7 мая 2013 года мы поехали в Белоруссию, в Новополоцк с целью розыска и установления места нахождения братской могилы на основе имеющихся материалов: схемы, нарисованной

бабушкой; адреса из письма Г.А. Каткова и описания памятника на братской могиле на территории военной части из семейных воспоминаний о поездке в 1964 году.

Фото 9. Памятник на территории бывшего лагеря военнопленных шталага-354 в п. Боровуха-1 недалеко от г. Новополоцка.

Благодаря активной помощи

и содействию ставших близкими нашей семье жителей поселка Боровуха-1: заведующей детского сада, народного депутата этих мест Алле Васильевне Молодежкиной и учителя истории, хранителя исторической памяти Ванде Евгеньевне Дербенько удалось подтвердить, что мемориальный комплекс «Звезда» находится на месте захоронения военнопленных шталага-354, а стелы комплекса установлены на месте старого памятника на братской могиле на территории бывшей военной части.

Фото 10. Мемориальный комплекс «Звезда», 9 мая 2013 г.

С 2013 года мы семьей навещаем мемориальный комплекс «Звезда» и взорванный дот с 18-ю погибшими красноармейцами в июле 1941г.

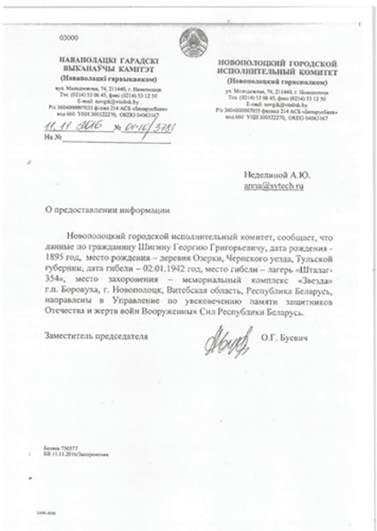
В период с 2013 - 2016 гг. я активно сотрудничала с представителем отдела Идеологии, культуры и по делам молодежи Новополоцкого горисполкома Владимиром Евгеньевичем Беляевым по вопросам сбора и передачи всех необходимых документов о погибшем в плену прадеде.

Летом 2016 года при посещении экспозиции музея Средней школы №15 в городском поселке Борову-

ха-1 (с 25.12.2023 г. - ГУО «Средняя школа №15 им. В.Ф. Маргелова г. Новополоцка») мы увидели на стенде копии переданных материалов о прадеде Г.Г. Шигине. Все фотографии и видео, рассказы о встречах и памятных местах на белорусской земле ждала дома в Москве моя девяностолетняя бабушка – Галина Георгиевна.

Вскоре в ноябре 2016 года пришло Письмо №01-10/3781 от 11.11.2016 г. из Новополоцкого городского исполнительного комитета о направлении данных Шигина Георгия Григорьевича в Управление по увековечению памяти за-

Фото 11. Письмо из Новополоцкого городского исполнительного комитета №01-10/3781 от 11.11.2016 г.



03000

НАВАПОЛАЦКІ ГАРАДСКІ ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ
(Навапалацкі гарадзкі)

НОВОПОЛОЦКИЙ ГОРОДСКОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
(Новополоцкий горисполком)

11.11.2016 № 01-10/3781

Неделиной А.Ю.
anna@svtech.ru

О предоставлении информации

Новополоцкий городской исполнительный комитет, сообщает, что данные по гражданину Шигину Георгию Григорьевичу, дата рождения - 1895 год, место рождения – деревня Озерки, Чернского уезда, Тульской губернии, дата гибели – 02.01.1942 год, место гибели – лагерь «Шталаг-354», место захоронения – мемориальный комплекс «Звезда» г.п. Боровуха, г. Новополоцк, Витебская область, Республика Беларусь, направлены в Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Заместитель председателя О.Г. Бусвич

щитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Ко Дню Победы 9 мая 2020 года пришло долгожданное известие из Белоруссии от Аллы Васильевной Молодежкиной об увековечивании памяти прадеда и размещении на стеле комплекса «Звезда» мемориальной плиты с фамилией Георгия Григорьевича Шигина на белорусском языке «рад. Шигін Г.Р.», но бабушки, дочери ополченца, уже не стало.

Фото 12. Мемориальный комплекс «Звезда», 2020 г.

Только в 2022 году на ноябрь-

ские праздники нам удалось приехать на родную белорусскую землю. По приглашению Аллы Васильевны Молодежкиной и Светланы Витальевны Комогорцевой наша семья приняла участие 5 ноября 2022 года в торжественных мероприятиях по случаю открытия международной «Вахты памяти – 2022» в ГОУ «Средняя школа №2 имени Е.А. Трапезниковой г. Новопо-

лоцка», где меня попросили рассказать о судьбе моего прадеда[502]. В этот же день мы возложили цветы у открытой памятной плиты с фамилией Георгия Григорьевича Шигина на мемориальном комплексе «Звезда», передали в часовню Святого Георгия портрет прадеда и поставили свечи, помянув павших героев.

Фото 13. Мемориальная плита с именем Г.Г. Шигина, 2022 г.

Фото 14. У часовни Святого Георгия на мемориале «Звезда», 2022 г.

Посетили экспозицию «История воинской славы Боровухи», открытую в феврале 2019 года в «Музее истории и культуры города Новополоцка»[503]. Сотрудник музея провел для нас подробную экскурсию по экспозиции и на стенде, посвященном шталагу-354, мы с удивлением увидели фото и копию переданного документа о гибели нашего прадеда – узника концлагеря Г.Г. Шигина.

Фото 15. Экспозиция «История воинской славы Боровухи» в «Музее истории и культуры города Новополоцка»

История дорогого отца, деда, прадеда и прапрадеда Георгия Григорьевича Шигина передается уже четвертому поколению нашей семьи, а теперь появилось долгожданное памятное место, куда можно прийти, склонить голову и почтить его память.

Память предков – богатство нашей души!

[502] Газета «Новополоцк сегодня» https://www.novaya.by/2022/11/11/v-srednej-shkole-2-g-novopolocka-aktivisty-poiskovogo-dvizheniya-otkryli-mezhdunarodnuyu-vaxtu-pamyati-2022/

[503] Музей истории и культуры города Новополоцка http://novopolotsk.museum.by/node/45909

ВОЕННОПЛЕННЫЕ 17 СД: ПУТЬ ОТ СПАС-ДЕМЕНСКА К STALAG XII E ZAMBROW

По воспоминаниям ополченца Ю.И. Егорова

2024© Е.А. Макарова (Российская Федерация, г. Ставрополь)

Тема судеб советских военнопленных, как и тема плена, особенно в первые военные месяцы, остается той частью истории Второй мировой войны, которая в отечественной историографии до сих пор представлена фрагментарно. Внимание исследователей в основном сосредоточено на изучении боевых действий. О плене в таких работах упоминается лишь в связи с отчетами о допросах, которые отражают только первые часы плена, и по большей части касаются судеб комсостава.

Окружение советских войск в районе Вязьмы известно, как одно из крупнейших в истории начального периода войны. В нем оказались одиннадцать дивизий народного ополчения г. Москвы. Сотни тысяч воинов в октябре 1941 г. попали в плен. Судьба плененных московских ополченцев неотделима от судеб военнопленных кадровой армии. И если мы выделяем ополченцев среди узников гитлеровских лагерей, то только в память о жертвенном подвиге Московского народного ополчения, полагая, что этим вносим свой вклад в развитие темы, которой еще предстоит занять должное место в исторической памяти.

В течении нескольких часов 2 октября 1941 г. противником на всю глубину была прорвана оборона 43 А, в прорыв введены четыре танковых дивизии. Части 17-й стрелковой дивизии (2-го формирования) (бывшей 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы) в бой вступили в ночь со 2 на 3 октября. Двое суток ее бойцы сдерживали две пехотных и четыре танковые дивизии врага. Согласно докладу командира дивизии полковника П.С. Козлова, в течение боев 3-4 октября 1941 г. ими было подбито и выведено из строя больше пятидесяти немецких танков, а с 5 октября дивизия оказалась в оперативном окружении. Немцы были вынуждены снять с наступления две своих дивизии и задействовать их для уничтожения окруженцев. Из окружения остатки дивизии выходили

разрозненными группами. В эти дни попал в плен С.Ф. Минаев, Н.И. Лихачев, сотни других бойцов и командиров 17-й дивизии.

Одно из направлений нашего исследования – судьбы оказавшихся в плену бойцов и командиров 17 сд, установление мест их захоронения, увековечивание погибших военнопленных. В работе мы используем источники личного происхождения: мемуары, интервью, дневники, делопроизводственные материалы следственных органов, а также материалы периодической печати. Здесь мы ограничимся примером только рядовых бойцов, оказавшихся в плену, не касаясь судеб и путей передвижения по лагерям попавших в плен командиров. Типичным случаем можно полагать судьбу одного из множества бойцов 17-й сд – Юрия Ивановича Егорова[504].

Отец Юрия Ивановича Егорова был сапожником, родом из Петушков (ныне Владимирская обл.), участвовал в Гражданской войне. Родился Юрий в 1923 г. в г. Чимкенте Казахской ССР. Семья вернулась в Петушки, где юноша в 1939 году окончил семилетку и устроился на фабрику «Катушка»

Фото 1. Ополченец 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы Юрий Иванович Егоров

помощником мастера. Там же его застало известие о начале войны, о чем позднее вспоминал: «*А все ведь патриоты были. Война, война… А мы - мальчишки и девчонки молодые… Стали собирать ополчение. А раньше-то ведь Петушинский район был в Московской области. Нас собрали в школе № 1 в Петушках. Начали формировать и отправлять в Москву*». В июле 1941 г. ему было только 17 лет.

Ю.И. Егоров был одним из попавших в плен в начале октября 1941 г. воинов 17-й сд, у большинства из которых местом пле-

[504] К. Лихачева, Д. Цицеронов. Другая правда о великой войне. Егоров Ю.И. // URL: https://vladimir-smi.ru/item/31369?ysclid=lxhlqjbfv1367599426 (дата обращения: 27.01.2024).

нения означен район г. Спас-Деменска и его окрестностей. «*Нас окружили и постоянно бомбили. Кухни полевой не было, есть нечего. Немец бомбы бросал на нас, а мы спасались, кто как мог. Была большая суматоха, части перегруппировали, штабы; лошади метались. Я был сначала с группой солдат из Москвы. Винтовка одна на несколько человек, мы в плотном окружении, командиров нет, куда идти - не знаем. Не помню уже, как я остался один в лесу. Две ночи переночевал на земле в лесу, заблудился, вышел к какой-то деревне, а там немцы. Везде были немцы. Вот я попал в плен*». Так он вспоминал свое пленение.

Попытка восстановления этапов прохождения транспорта военнопленных, а также относительного определения их числа всегда затруднительна из-за фрагментарности источниковой базы. Путь в неволю у Ю. Егорова начался с ближайшего сборного пункта пленных у Варшавского шоссе. Разными путями колонны плененных у Спас-Деменска брели к Смоленску. Он был важным транспортным узлом, и стал крупным перевалочным пунктом при транспортировке военнопленных – в нем располагалось несколько пересыльных лагерей (дулагов). Военнопленные в этот период находились в пересыльном лагере всего несколько дней, иногда менее суток. После личного досмотра им выдавали паек на дорогу, формировали колонны и под конвоем вели к железнодорожной станции Смоленска, где грузили в вагоны и отправляли в лагеря постоянного содержания. Легкораненых транспортировали вместе со здоровыми. В период с 8 по 22 октября из смоленского дулага-240 по железной дороге было вывезено около 75 тыс. военнопленных.

«*Согнали нас, пленных, в Смоленске, и давай отправлять. Погрузили нас в вагоны и отправили в Польшу, в город Замбров*», - вспоминал Ю. Егоров. Вместе с ним в замбровском шталаге XII E оказались сослуживцы Алгалов А.К., Бабакин В.С., Бахин И.Г., Власов И.И., Гнусарев И.А., Горохов Д.П., Елисеев М.Д., Ксенафонтов А.А., Парфенов Н.Ф., Поляков М.С., Прусов М.И., Степанов И.Т., Толокнов Н.А.

Лагерь военнопленных Stalag XII Zambrow[505] находился в старых городских казармах. Эти помещения не отапливались и не освещались. Солома, на которой спали военнопленные, не меня-

[505] Stalag XII E Zambrow. Поиск военнопленных по лагерю Замбрув, Польша). // Авиация СГВ. URL: https://www.sgvavia.ru/forum/78-1005-1 (дата обращения: 27.01.2024).

лась, и люди лежали практически в грязи. Плохие условия размещения были причиной тяжелых заболеваний, связанных с переохлаждением. Недостаточное питание, голод, антисанитария вызвали эпидемию брюшного тифа и дизентерии. На рубеже 1941-42 гг. в лагере фиксируется большая смертность из-за тифа. «*Кормежки никакой, давали только ковш баланды. Виши заели, очень много больных было. Каждый день увозили две телеги мертвых и закапывали их где-то за городом*», – вспоминал Ю. Егоров. Он старался держаться рядом с однополчанами и земляками. «*Я, Сергей Чачин (из Борщевни) и Владимир Морозов (из Петушков) были там все вместе. Затем часть живых, что остались, погрузили в вагоны и отвезли нас в Германию, в город Истенбург*». Возможно, это помогло ему пережить первую зиму в лагере, и выжить в плену в дальнейшем.

По картам пленных с весны 1942 г. отслеживаются переводы выживших из Stalag XII E Zambrow в шталаг-316 Белосток и в шталаги I округа. Почти все упомянутые нами выше военнопленные, находясь в Stalag XII E Zambrow, умерли, не дожив до конца марта 1942 г. Захоронены умершие в этом шталаге военнопленные в братской могиле на кладбище г. Замброва, которое расположенном на ул. Мазовецка.

В лазарете был опознан как еврей Фельдман Исаак Самуилович[506], и 22.07.42 г. передан в службу безопасности (СД) г. Замбрув.

Фото 2. Ополченец 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района г. Москвы Фельдман Исаак Самуилович

Фото 3. Фрагмент карточки военнопленного Фельдмана И.С., взятого в плен под Спас-Деменском 6.10.1941 г.

[506] Информация о военнопленном: Фельдман И.С. // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1978041880 (дата обращения: 27.01.2024).

Вместе с ним в этот же день в СД переданы, возможно, за то, что не донесли на однополчанина, еще два его сослуживца, - до пленения воины 1314 и 1316 сп 17-й сд – Хромов Иван Антонович[507] и Царенков Михаил Петрович[508], до войны служащий Большого театра. Время их смерти и место захоронения не известны. Исследование и поиск документов об их судьбе продолжается.

[507] Информация о военнопленном: Храмов И.А. // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=300663705 (дата обращения: 27.01.2024).

[508] Донесение РВК. Царенков Михаил Петрович // Подвиг народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat10289253 (дата обращения: 27.01.2024).

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ГИБЕЛИ ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ.

На основе немецких документов

2024© А.Б. Воронин (Российская Федерация, г. Москва), С.В. Вершинин (Канада, г. Торонто)

В ночь на 22 ноября 1941 года линию фронта перешли две диверсионные группы в/ч 9903, под командованием Бориса Крайнова и Павла Проворова. В составе группы Проворова были две девушки: Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. При выполнении задания обе пропали без вести.

27 января 1942 года военный корреспондент «Комсомольской правды» Петр Лидов опубликовал очерк «Таня», о гибели юной партизанки. Вскоре выяснилось, что Таня, это Зоя Космодемьянская. О судьбе Веры Волошиной ничего не было известно до 1957 года, пока молодой журналист Георгий Николаевич Фролов не нашел ее место казни и безымянную могилу.

В своих статьях и книгах[509] Георгий Фролов постарался восстановить обстоятельства пленения и казни Веры Волошиной, основываясь на рассказах бойцов ее группы и местных жителей. До настоящего времени не было известно, кто именно задержал Веру и отдал приказ о ее казни.

Доклад о допросе

В 2023 году независимый исследователь Сергей Вершинин обнаружил среди немецких документов 292-й пехотной дивизии вермахта[510] доклад о задержании, допросе и казни молодой партизанки. Хотя она назвала свое имя и фамилию — Вера Гора — ее не удалось идентифицировать по сайту «Память Народа». Однако последующее изучение текста документа привело нас к убеждению, что в нем описываются обстоятельства пленения, допроса и казни московской студентки и бойца в/ч 9903 Веры Даниловны Волошиной.

Вот полный перевод доклада о допросе, сделанный Сергеем Вершининым:

[509] Фролов Г. Н. Наша Вера: Документальная повесть о комсомолке-партизанке В. Волошиной. Кемерово, 1961., Фролов Г. Н. Вера Волошина. М., 1976.

[510] NARA. T. 315. R. 1924. Был предоставлен Ольгой Ромашовой, исследователем судеб ополченцев 9-й дивизии народного ополчения Кировского района г. Москвы.

Копия[511]
19-й пехотный полк
командный пункт полка,
28 ноября 1941 г.
оперативный отдел
Доклад о допросе Веры Горы, уроженки Кемерово под Новосибирском, 21 год, род занятий: студентка в Москве

Вышеуказанная женщина была задержана в 8:00 27 ноября на участке 3 батальона 19-го пехотного полка. Была одета в военную форму и форменную шинель, вооружена пистолетом и оснащена компасом.

В начале допроса Гора заявила, что относится к группе статистов, принимавшей участие в съемках фильма. 21 ноября группа через Кунцево (в 9 км к западу от Москвы) была доставлена на фронт, на участок южнее озерного дефиле. Форму и оружие якобы получили в здании местного НКВД (современное сокращение ГПУ). Целью экспедиции, которую сопровождало несколько кинооператоров, были съемки пропагандистского фильма о работе военнослужащих женщин как в тылу, так и на фронте. Поначалу из-за описываемых подробностей эти показания казались вполне правдоподобными, и допрашиваемая твердо стояла на своем. И лишь после того, как ей было указано на противоречие, и к ней были применены жесткие методы допроса, она призналась в следующем:

Начиная с 18 ноября 1941 года, в Москве большое число студентов, студенток и других представителей образованных слоев населения добровольно и по принуждению были собраны в школу ГПУ в Кунцево. Там проводится регулярное обучение групп, в среднем по 150 участников обоего пола. На этих краткосрочных курсах обучают обращению с бутылками с зажигательной смесью, ориентированию при помощи компаса и т.п. Через три дня их курс поделили на группы по 20 (в среднем) человек в каждой. Ее группа состояла из 11 молодых женщин и 6 мужчин. Ее группу вместе с еще одной группой поджигателей на синем грузовике ГПУ поначалу по шоссе забросили в Кубинку. Там вторая группа пошла своим маршрутом в район к северу от шоссе, сведениями о ее местонахождении не располагает.

Группу Горы повезли дальше, в Обухово. Группу Горы возглавлял лейтенант русских ВВС. Каждый из участников был оснащен четырьмя «коктейлями Молотова», пистолетом с комплектом патронов, компасом и за-

[511] NARA. T. 315. R. 1924. Ff. 217-218

пасом еды (в вещмешке) на семь дней. Задача была поставлена еще в лагере в Кунцево и заучена: поджигать и уничтожать те населенные пункты в немецком тылу, которые используются для размещения войск. Эту работу нужно было выполнять следующим образом: ночью группа рассредотачивалась по всему населенному пункту, и каждому члену группы (в зависимости от размера деревни) нужно было поджечь один или два дома. Жидкость, которой были наполнены бутылки из тонкого стекла, воспламенялась мгновенно при разбитии емкости. Специально поджигать ее огнем, ручными гранатами и т.п. не требовалось.

Группа Горы имела задачей поджечь деревню Большие Семёнычи, а затем как можно больше деревень, лежащих к западу от нее. Расположенный в Обухово штаб выделил группе 20 солдат в качестве прикрытия для перехода за линию фронта. Командование этой группы с задачей не справилось: сразу после перехода реки они натолкнулись на боевое охранение немцев и вступили с ним в перестрелку. В результате группа, официальное наименование которой – команда поджигателей, была рассеяна.

Согласно показаниям Горы, в Москве постоянно идет набор в школу поджигателей в Кунцево, и прошедшие курс группы постоянно отправляются к линии фронта. Члены этих команд в большинстве своем одеты в военную форму, однако в каждой группе есть несколько женщин и мужчин, носящих гражданскую одежду.

Поскольку эту женщину, по мнению командования полка, следует квалифицировать как партизанку, то она будет расстреляна и затем в целях предостережения населения повешена с табличкой «Эта девушка была членом группы поджигателей».
подписано Пюркхауэр
7-я дивизия
командный пункт дивизии,
разведотдел
29 ноября 1941 г.
В разведотдел 292-й пехотной дивизии
Направляем настоящую копию в целях ознакомления.
от имени командования дивизии
начальник оперативного отдела
штаба дивизии
по поручению
подпись
гауптман

Вера, Петя и Вовка

Уже разбор обстоятельств пленения Веры Горы указывал их схожесть с обстоятельствами исчезновения Веры Волоши-

ной. В допросе указано, что она была задержана в 8 утра (в 9:00 по московскому времени) 27 ноября 1941 года на участке 3-го батальона 19-го пехотного полка. В документах 7-й пехотной дивизии вермахта, в которую входил этот полк, находится схема[512] расположения частей на 19:00 27.11.41 г. на которой обозначено местоположение 3-го батальона северо-западнее деревни Болдино. Примерно в километре от Болдино находится деревня Якшино в районе которой Вера Волошина «отстала при обстреле»[513] 27 ноября.

Также «Вера Гора» сообщает о том, что она уроженка Кемерово, под Новосибирском, ей 21 год, и она московская студентка.

Действительно, Вера Волошина родом из Щегловска Томской губернии. В 1932 году Щегловск был переименован в Кемерово, и на 1941 год входил в состав Новосибирской области. До ухода на фронт она была студенткой и училась в Московском институте советской кооперативной торговли. Вера занизила свой возраст: на момент пленения Волошиной было 22 года. Считается, что она родилась 30 сентября 1919 года — эта дата официально отмечается как день ее рождения, однако в действительности это ее именины: День святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. В Государственном Архиве Кузбасса хранятся документы о рождении и крещении Веры: соответственно 1 и 11 августа 1919 года[514]. И в первом письме домой, после возвращения с оборонительных работ в Смоленской области, 4 сентября 1941 года она пишет: «Да, мне ведь уже исполнилось 22 года. «Большая, да дурная» — как говорит бабушка»[515].

Вера не случайно берет фамилию «Гора». Ее другом со школьных времен был Петя Гора, а после окончания школы они перебрались в Москву. В 1937 году Вера поступила в Институт Физкультуры (из которого ей пришлось уйти из-за болезни), а Петр Гора годом позже в Московский государственный педагогический институт. В сентябре 1938 года Вера упоминает о нем в письме матери: «Вы спрашиваете про Петро Гора. Он здесь в Москве, учится в педагогическом институте. Каждый подвыходной или выходной приезжает к нам. Что с его матерью? Он очень

[512] NARA. T. 315. R. 375. F. 899.

[513] Доклад Алексея Голубева от 1 декабря 1941. ЦАМО. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л. Фотокопия документа из архива в/ч 9903 предоставлена Дарьей Верясовой.

[514] ГКУ ГАК. Ф. Д-60. Оп.6. Д.347. Л.154.

[515] ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп.1. Д.35. Л.18об.

много пережил и от прежнего самоуверенного Петро ничего не осталось»[516]. Его отец —директор Коксохима и руководитель Горплана Кемерово — Василий Борисович Гора, был репрессирован в 1938 году[517], но к счастью, это не закрыло для Петра дорогу в педагогику. В будущем Петр Васильевич Гора станет ученым-историком, проректором МПГУ, создаст собственную методическую школу преподавания. Возможно, Вера Волошина выбрала его фамилию для «псевдонима» не случайно, а по рекомендации кого-то из командиров части 9903: представляться в случае провала репрессированными или их родственниками[518].

В начале допроса Вера говорит, что «относится к группе статистов, принимавшей участие в съемках фильма. … о работе военнослужащих женщин как в тылу, так и на фронте. Поначалу из-за описываемых подробностей эти показания казались вполне правдоподобными». Вполне вероятно, что она воспользовалась рассказами выпускника ВГИКа, кинооператора Владимира Карпова, с которым познакомилась в 1940 году. Общежитие Кооперативного института находилось на Волоколамском шоссе, Карпов также жил в Ленинградском районе[519], они ходили по одним улицам, отдыхали в Серебряном Бору. Именно там осенью 1940 года Владимиром была сделана серия фотографий Веры. Наверняка во время прогулок он ей рассказывал о съемках, работе операторов, артистов, массовки… В конце октября 1940 года Владимир Борисович Карпов был призван в Красную армию («Вовку, что меня фотографировал, из киноинститута забрали в армию»[520]) и отправлен на Крайний Север. Из кинооператора он стал фотограмметристом-монтажистом 118 отдельной дальне-разведывательной авиационной Краснознамен-

[516] МБУК МО «Наро-Фоминский историко-краеведческий музей» Док. 314

[517] Петр Васильевич Гора (1884 – 1939). Приговорен к ВМН 4 июля 1939 года, выездной Сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1959 году. https://bessmertnybarak.ru/article/04_07_1938_vmn/, https://t.me/kmz142/212

[518] Подобная практика существовала, о чем свидетельствует приказ Г. Гиммлера: «Подозрительными являются также лица, выдающие себя за политических заключенных. Они чаще всего бывают красноармейцами, имеющими задачу — присоединиться к партизанским отрядам, действующим в немецком тылу, или образовывать самостоятельные отряды». Приказ №42 «О борьбе против партизан» от 18 ноября 1941 г. цитируется по Война: 1941–1945. [Сборник документов]. М., 2010. С. 455

[519] Призван РВК Ленинградского района н Москвы, 31.10.1940 ЦАМО. Ф. 118 одракэ Оп. 83286с. Д. 19. Цитируется по «Память народа» https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok8324324/

[520] МБУК МО «Наро-Фоминский историко-краеведческий музей». Док 316.

ной эскадрильи[521], расшифровывал результаты аэрофотосъемки, отмечая на них вражеские укрепления, скопления войск и техники, по которым потом наносились бомбовые удары. Он переписывался с Верой, но, конечно, не мог рассказывать ей о том, чем действительно занимается и писал, что работает фронтовым кинооператором. «Вовка за полярным кругом в действующей армии снимает кадры для новых боевых киносборников»[522], — написала Вера в письме матери 15 октября 1941 года. Эту придумку она и пыталась использовать во время допроса.

Но немцы в легенду о киногруппе не поверили и применили «жесткие меры допроса». Под пытками Вера рассказала о своем задании, хотя до последнего пыталась, как приуменьшить свою роль, так и отвести удар от своих товарищей.

Она не рассказала о своем первом выходе за линию фронта, в котором была месяц назад. Выходило, что она оказалась в школе диверсантов в Кунцево только 18 ноября, где прошла трехдневный курс по «обращению с бутылками с зажигательной смесью, ориентированию при помощи компаса». После этого несколько групп на грузовиках были доставлены в район Кубинки, где одна часть направилась севернее шоссе, а группа, в которой была Вера, по ее рассказу была доставлена в Обухово. «Задача была поставлена еще в лагере в Кунцево и заучена: поджигать и уничтожать те населенные пункты в немецком тылу, которые используются для размещения войск».

Вера утверждала, что ее группа должна была поджечь деревню Большие Семёнычи, однако она не была занята немцами, сжигать ее не требовалась и более того, этого не было в задаче, поставленной перед группой Проворова. Похоже, что она назвала единственный известный ей населенный пункт, не раскрыв задания группы, о котором, могла и не знать. О судьбе своей группы она лишь сказала, что та была рассеяна при переходе линии фронта. А ведь перед тем, как Волошина была захвачена в плен, она шла в группе бойцов, пытавшихся вернуться обратно. Получается, что она не выдала своих товарищей, позволив им уйти к своим.

Впрочем, допрашивающие получили достаточно информации о составе групп: девушки и юноши; оснащении: четыре «кок-

[521] Наградной лист. Медаль «За боевые заслуги». Приказ №: 67 от: 13.11.1944 ВС 7 ВА Карельского фронта ЦАМО. Ф.33. Оп. 690155 Д. 7187. Л.290.

[522] ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп.1. Д.35. Л.20об.

тейля Молотова», пистолет, компас и запас еды (в вещмешке) на семь дней; одежде: большинство одеты в военную форму, «однако в каждой группе есть несколько женщин и мужчин, носящих гражданскую одежду»; и тактике: ночью группа рассредотачивалась по населенному пункту, и каждому члену группы нужно было поджечь один или два дома. Как мы видим из того, что доклад о допросе был обнаружен в документах разведотдела 292 пд, этой информацией 19 пехотный полк поделился с соседями, кроме того, небольшая часть доклада вошла в итоговую сводку за 27 ноября по 4 танковой армии вермахта[523].

Это было обычной практикой для разведотделов, однако данная информация, быстро устарела: через неделю началось контрнаступление Красной армии, и необходимость сжигать деревни в тылу немецких войск отпала.

Также отметим, что все подробности о подготовке, оснащении и составе групп, а главное о маршруте их движения до перехода линии фронта и месте этого перехода (Кубинка, Обухово, Большие Семёнычи) мог знать лишь член одной из этих двух групп. Методом исключения[524] мы приходим к выводу, что «Верой Горой» могла быть только Вера Волошина.

Вера и ее палачи

Допрос был лишь жестоким «ритуалом» перед казнью. Все, кто задерживался в ближайшем немецком тылу должны были «беспощадно расстреливаться». Сосед слева 7 пд – 197 пехотная дивизия, солдаты которой захватили и казнили Зою Космодемьянскую, имела на этот счет совершенно конкретные указания.

Приказ оперативного отдела штаба 197 пд от 22 ноября 1941 г. гласил: «Под охраной переместить на запад всех гражданских лиц, находящихся восточнее рубежа Петрищево (исключая) — Дорохово (включительно). Разместить таблички, запрещающие заход на территории к востоку от обозначенного рубежа. Гражданские лица, которые продолжат находиться на обозначенной местности, подлежат расстрелу согласно ранее отданным приказам»[525].

[523] NARA T. 314. R. 349. F. 936.

[524] Большинство диверсантов, перешедших линию фронта в составе групп Крайнова и Проворова, вернулось в часть, пропали без вести Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Василий Клубков и Николай Морозов.

[525] NARA. T. 315. R1561. F.515.

А особое распоряжение от 23 ноября 1941 г. прямо описывало методы борьбы с партизанами: «В последнее время на многих участках отмечен заброс за линию фронта гражданских лиц и одиночных военнослужащих с целью систематического сожжения деревень за линией фронта. Еще раз обращаем внимание на то, что все гражданские лица, выявленные в зоне боевых действий глубже рубежа Грибцово — Дорохово, должны беспощадно расстреливаться»[526]. Вероятнее всего, аналогичный приказ был и в 7 пд.

Выбив пытками необходимые сведения, командование 19-го пехотного полка в лице его командира Херманна Пюркхауэра «квалифицировало» Веру как партизанку и решило, что «она будет расстреляна и затем в целях предостережения населения повешена с табличкой «Эта девушка была членом группы поджигателей».

Приговор было исполнен на окраине деревни Головково, в которой и находился штаб 19-го пехотного полка. Была ли она предварительно расстреляна, а потом повешена или повешена еще живой, как Зоя Космодемьянская, установить в настоящее время невозможно.

По версии Георгия Фролова, со ссылкой на местную жительницу, раненую и избитую Веру привезли на грузовике к месту казни: «Девушка лежала в машине. Сначала не видно было ее, но, когда опустили боковые стенки, я так и ахнула. Лежит она, бедняжка, в одном исподнем белье, да и то оно порвано, и вся в крови. Два немца, толстые такие, с черными крестами на рукавах, залезли на машину, хотели помочь ей подняться. Но девушка оттолкнула немцев и, цепляясь одной рукой за кабину, поднялась. Вторая рука у нее была, видно, перебита — висела как плеть. А потом она начала говорить. Сначала она говорила что-то, видать, по-немецки, а потом стала по-нашему. «Я, — говорит, — не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши все равно победят. Вот увидите!» И девушка запела»[527]. Пела она «Интернационал», бывший в то время гимном СССР.

Дату казни Фролов относит на 29 ноября, в этот день, в деревне Петрищево, что километрах в 20 западнее Головково была повешена Зоя Космодемьянская.

В известных на сегодняшний момент документах нет прямого указания ни на действительный

[526] Там же. F.528.

[527] Г.Н. Фролов. Вера Волошина. Юрий Двужильный: Документальные повести. М. 1987. С. 153,154

способ казни, ни на ее дату. Учитывая, что Вера Волошина была задержана утром 27 ноября и допрошена в тот же день, представляется маловероятным, что ей сохраняли жизнь еще два дня — с Зоей Космодемьянской расправились за 12 часов. Расстрел с последующим повешением в качестве «предостережения населения» ранее применялся и другими частями вермахта. Например, так были казнены 6 ноября 1941 года в Волоколамске бойцы группы Константина Пахомова из той же в/ч 9903.

Жители окрестных деревень, которые позже видели тело казненной девушки, утверждали, что она была ранена в левое плечо. Как рассказывали Георгию Фролову боевые товарищи Веры Волошиной, она была ранена во время обстрела при переходе дороги между деревней Якшино и совхозом Головково. Но возможно, это был след от смертельного ранения после допроса. В немецком документе использован глагол festgenommen — задержали, а не gefangengenommen — пленили. Это говорит в пользу того, что не было ни перестрелки, ни ранения.

К настоящему времени известны три фотографии казненной партизанки. Они были выявлены и атрибутированы около 10 лет назад историком Александром Никитиным. Одну из них, ему удалось обнаружить и приобрести на зарубежном интернет-аукционе. Другая фотография хранится в архиве Кеньон-Колледж (США). На ее обороте имеется надпись: «Bandenführerin in Golowkowo. Dezember 1941», в переводе на русский —«Предводительница банды в Головково. Декабрь 1941». На третей в объектив фотоаппарата попала табличка, прибитая к иве: «Эта девушка была членом группы поджигателей, такая же участь ожидает, тех кто поджигает…». К сожалению, третья фотография была выкуплена неизвестным коллекционером, а доступное нам изображение имеет невысокое качество. Полностью надпись не разобрать, но ее начало полностью совпадает с текстом из доклада Пюркхауэра. Это является еще одним доказательством в том, что допрашиваемой партизанкой была именно Вера Волошина, казненная в Головково.

Решивший ее судьбу Херманн Пюркхауэр не был исчадием ада, или убежденным нацистом – солдаты и офицеры вермахта, как правило не состояли в НСДАП, он был обычным кадровым офицером и «всего лишь исполнял приказы». Преступные приказы.

Пюркхауэр родился в 1897 году, в Баварии. В Первую мировую войну вступил курсантом военного училища, а закончил лейтенантом, командиром роты. Был ранен под Верденом, полтора года провел во французском плену. Имел Железные кресты 2-го и 1-го класса на Первую мировую. После освобождения из плена продолжил военную карьеру в родной Баварии, практически все время служил в 7 пехотной дивизии и 19 полку. 1 октября 1941 года он стал его командиром, через год переведен в резерв и возвращен в Мюнхен, где командовал подразделением по набору кандидатов в офицеры и где в декабре 1943 года умер от рака, за три дня до этого получив звание генерал-майора[528].

Выгнать немца на мороз

Трагедии Веры и Зои разворачивались на фоне близкого перелома в Битве за Москву. 15 ноября 1941 года начался второй этап немецкого наступления, в ходе которого был прорван фронт 16 армии. Реагируя на обстановку и пытаясь использовать фактор суровой зимы, Ставка Верховного главнокомандования 17 ноября издает директиву №0428, суть которой: «Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии». На практике это означает уничтожение, сжигание деревень, оказавшихся на оккупированной территории.

Артиллеристы должны были расстреливать деревни зажигательными снарядами (который у них не было), авиация, сбрасывать зажигательные бомбы, а партизаны использовать бутылки с горючей смесью. Эти бутылки были разработаны в 1940 году и предназначались для уничтожения «танков, броневых и транспортных машин, складов, самолетов на аэродромах и живой силы противника, расположенной в укрытиях или в населенных пунктах»[529]. Постепенно сфера применения зажигательных бутылок увеличилась, их стали использовать для минирования — бутылочных полей, создания огненных валов, горючей жидкостью стали наполнять специальные

[528] BArch-MA. Msg. 109/2046.

[529] Инструкция по применению зажигательных бутылок. М. 1941. С.3

стеклянные шары — ампулы, которые сбрасывались с самолетов или выстреливались из ампулометов.

Бойцам в/ч 9903 могли выдаваться зажигательные бутылки двух видов: с горючими смесями №1 и №3 или «жидкостью «КС». Перед броском бутылки начиненной смесью №1 или №3 было необходимо зажечь специальную спичку «теркой или спичечной коробкой непосредственно перед броском бутылки»[530]. Бутылки с жидкостью «КС» на воздухе самовоспламенялась и горела 2-3 минуты с температурой 800-1000°, а потушить ее было очень сложно. Именно такими бутылками, как мы видим из допроса Веры, были оснащены группы Крайнова и Проворова.

В день получения приказа Ставки штаб 5 армии готовит, а через день подписывает приказ №00272[531] которым, в частности, предписывает Разведывательному Отделу, вместе с Особым Отделом НКВД и партизанским отрядом разрушить «населенные пункты вдоль шоссе Дорохово, Симбухово на участке Дорохово, Колодкино (Грибцово, Усатково, Петрищево, Мишкина[532], Архангельское, Головкина, Никольское, Колодкино)». А 32 сд, «артиллерией и ГМД [Гвардейские минометные части — «катюши» прим. автора]» объекты в районе Скугорово, Крюково, Маурино, Пашково.

Как это не покажется странным, но действия бойцов в/ч 9903 известны нам главным образом по их воспоминаниям и пересказам, доступ к архиву части крайне затруднен. Автор пьесы «9903» (спектакль «Девочки», основанный на этой пьесе, идет в Театре Российской Армии) и вебсайта «Как Зоя»[533], драматург Дарья Верясова поделилась с нами несколькими страницами сканированных документов рассекреченных заданий и отчетов[534] групп Бориса Крайнова[535] и Павла Проворова[536], Эти и другие документы, ранее частично пу-

[530] Инструкция по применению зажигательных бутылок. М. 1941. С.10

[531] ЦАМО. Ф. 208 Оп. 2511 Д. 38 Лл. 280 - 284

[532] Вероятно, деревня Мишинка

[533] https://1941-1942.ru/

[534] Эти документы частично ранее публиковались, в том числе в книге В. Лота. Секретный фронт Генерального штаба. М. 2005. С.379 – 382.

[535] Крайнов Борис Сергеевич (1923 – 1943). В 1943 году воевал во 2-м воздушно-десантном полку 3-ей гвардейской воздушно-десантной дивизии в должности командира отделения. Погиб 5 марта 1943 года в бою под Старой Руссой в районе деревни Кошельки.

[536] Проворов Павел Сергеевич (1923 – 1942). Погиб в бою в районе деревни Пустой Вторник, Смоленская область.

бликовались, например в книге Владимира Лота «Секретный фронт Генерального штаба». Они помогли нам реконструировать действия партизанских групп.

20 ноября 1941 г., несколько диверсионных групп из в/ч 9903 получили задачи «сожжения населённых пунктов в тылу противника которые занимаются или в которых могут находиться части противника»[537]. На выполнение этого задания отводилось 5–7 дней с момента перехода линии фронта. Группа Проворова была обязана сжечь следующие населенные пункты, занятые немцами: 1.Анашкино; 2.Петрищево; 3.Ильятино; 4.Пушкино; 5.Бугайлово; 6.Грибцово; 7.Усатково; 8.Грачево; 9.Михайловское; 10.Коровино. У Группы Крайнова было аналогичное задание, их целью должны были стать деревни Ястребово, Никольское, Богородское, Архангельское, Златоусово и другие[538].

Вероятно, была и другая группа или группы, о которых мы не знаем, но упомянутых Верой Волошиной на допросе: «Ее группу вместе с еще одной группой поджигателей на синем грузовике ГПУ поначалу по шоссе забросили в Кубинку. Там вторая группа пошла своим маршрутом в район к северу от шоссе». Косвенно это подтверждает в своих воспоминаниях Клавдия Милорадова[539]: «На перекрестке машины разъезжаются в разные стороны. Каждая группа едет в своем направлении. Две машины — с группой Крайнова и группой Проворова — идут по Можайскому шоссе»[540].

К 15 часам 21 ноября машины добираются до Обухово, где находится штаб 322 стрелкового полка 32 сд под командованием В.И. Полосухина. С тех пор, как был составлен приказ штаба 5 армии, ситуация изменилась: 7 и 197 пехотные дивизии вермахта перешли в наступление и отодвинули 19 и 32 сд на 5 – 10 километров на восток. И, если раньше оборона проходила рядом с Маурино, Радчино, Головково и Якшино, то теперь она переместилась за Нарские пруды. Прежние цели, обозначенные для 32 сд стали недоступны, а большая часть деревень, на которые нацеливались группы Крайнова и Проворова, оказались западнее немецкой зоны боевых действий.

---

[537] ЦАМО. Ф. в/ч 9903. Оп. 8066. Д. 6. Л.116.

[538] В.И. Лота. Секретный фронт Генерального штаба. М.2005. С.310.

[539] Милорадова Клавдия Александровна (1920 – 2007). Несколько раз ходила за линию фронта, потом работала в Белорусском подполье. Демобилизована в 1945 году.

[540] М.М. Горинов. Зоя Космодемьянская. Документы и материалы. М. 2011. С.90.

Бойцы 32 сд продолжали контратаки и вели разведку в направлении своих оставленных позиций, немцы подтягивали войска на вновь образованный рубеж, и в это время группы диверсантов начали переход линии фронта возле деревни Большие Семеныч. В помощь им было выделено 20 человек «боевого охранения». При переходе реки Нары, больше похожей в этом месте на ручей, они натолкнулись на боевое охранение немцев и вступили с ним в перестрелку. Партизаны продолжили движение на запад, но в районе дороги Дютьково — Маурино снова попали под обстрел, в результате чего группы распались на равные по численности, но неравноценные части.

«При переходе дороги Дютьково — Маурино группы были обстреляны. Голубев[541], Волошина, Самойлович[542], Леонтьев[543], Кузьмичев[544], Емельянов[545] находились в лесу в разведке. После того как группы начали отход, их снова обстреляли, и в лесу наша разведка встретила еще группу из 4-х человек: Блюхер[546], Смирнов[547], Морозов[548], Воронина[549]», — так описал в своем отчете произошедшее Алексей Голубев, ставший командиром одной из новых групп. О том же отчитывался[550] и Борис Крайнов: «При обстреле в районе дороги Дютьково – Маурино кроме охранения отстали 4 человека… в моей группе остались: Крайнов, Булгина[551], Щербаков[552], Булгина[553]. Задачу, которую мне поставили с этим составом, выполнить не мог. Решил соединиться с гр. Проворова, в которой было 6 человек.

[541] Голубев Алексей Федорович (1923 – ?). Пропал без вести.

[542] Самойлович Наталья Трофимовна (1922 – после 1985).

[543] Леонтьев Николай Алексеевич (1923 – ?). Считается пропавшим без вести. Но, согласно наградному листу, летом 1942 года он был разведчиком 409 ап.

[544] Кузьмичев Фридрих Прохорович (1923 – 1942). Погиб 26.12.1942 в деревне Жуковка Брянской области.

[545] Емельянов Иван Леонтьевич (1923 – ?), Прошел войну пулеметчиком, был награжден орденом «Красная Звезда»

[546] Так в тексте. Правильно Брукер Илья Ефремович (1925 – 2007), немец по национальности, родился в Берлине. 16 лет ему исполнялось 23 ноября 1941 года, и его день рождения отмечали в лесу. В ноябре 1942 году Московским городским военкоматом направлен в «Наркомуголь».

[547] Смирнов П.П.

[548] Морозов Николай Иванович (1925 – 1943). Считается пропавшим без вести в 1941 году. Более вероятно погиб в 1943 году.

[549] Воронина Александра Федоровна (1921 – 2003). Мобилизована в январе 1942 года, до 1945 года была медсестрой в 37 полевом подвижном госпитале.

[550] Отчет Бориса Крайнова. ЦАМО. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л.139

[551] Булгина Лидия Александровна (1922 – после 1985)

[552] Щербаков Иван

[553] В документе фамилия Булгиной повторяется дважды, вероятно имелась в виду Лебедева.

Итого у нас было 10 чел. Было решено выполнить задачу этой сборной группой».

То, что оба командира групп оказались вместе, было еще полбеды – куда хуже было то, что лишь у них двоих были карты местности. «Действовать в тылу не могли так как не было карты», — позже констатировал Алексей Голубев. Его группа, в которой была и Вера Волошина, скорее всего оказалась в лесу западнее Больших Семёнычей в ближнем тылу немецких войск. Об этом говорит и свидетельство Голубева о том, что в «районе Радчино в разведку был послан Морозов, который не вернулся».

Объединённая группа Крайнова и Проворова находилась неподалеку, в районе деревни Выглядовка до 24 ноября. За два дня они продвинулись в немецком тылу лишь на 3 – 4 километра. Возможно, это было связано с активным перемещением немецких войск: 62 пехотный полк передавал свои позиции только что прибывшему Легиону Французских Добровольцев (ЛФД) и отходил в тыл на отдых. Штаб ЛФД разместился в деревне Скугорово, буквально рядом со штабом 19 пехотного полка.

На следующие сутки объединенная группа партизан прошла 10 – 12 километров, и оказалась в районе деревни Анашкино, здесь «из разведки не вернулись Булгина и Милорадова, осталось нас 8 человек». Перед этой разведкой Зоя Космодемьянская предложила Клавдии Милорадовой поменяться наганами: у Зоиного нагана был самовзвод и более легкий спуск. В своих воспоминаниях Милорадова поясняла, что они были отправлены в разведку к Петрищево, но практически сразу наткнулись на патруль и не смогли выполнить задание. «Ищем группу, пытаемся восстановить маршрут, но ничего не выходит. Мы окончательно запутываемся без карты». Милорадовой и Булгиной пришлось возвращаться на восток, и самостоятельно переходить линию фронта.

Группа продвинулась дальше на запад, но «в районе Усатково Проворов решил, не выполнив задачу, вернуться. — пишет в своем отчете Крайнов. — К нему присоединились Лебедева[554], Щербаков (гр. Крайнова), Кирюхин[555], Обуховская[556]… Проворов должен был заминировать дорогу Верея —Дорохово и на обратном пути

[554] Лебедева Клавдия Арсентьевна (1920 – ?), в 1942 году была направлена в 707-й ночной бомбардировочный авиационный полк.

[555] Кирюхин Иван Кузьмич (1923 – ?). Был ранен при переходе линии фронта.

[556] Обуховская Наталия Михайловна (1918 – после 1985), участвовала в нескольких операциях за линией фронта.

жечь деревни». Павел Проворов это подтверждает: «В районе Усатково я решил, не выполнив задания, с больными идти на выход (27.11.41 г.). Крайнов решил со здоровыми людьми выполнять задачу. … 27.11.41 ночью мы заминировали шоссе Дорохово — Симбухово, поставив 8 мин на участке Усатково — Головинка. В эту же ночь решил идти на выход. Линию фронта перешли в районе Б. Семенычи. Кирюхин ночью с 30.11 на 1.12. наскочил на мину. Ему оторвало ступню левой ноги. Отправлен в госпиталь. Задачу, которая была мне поставлена по уничтожению населенных пунктов, не выполнил»[557].

Отряд Голубева потеряв Веру Волошину и Николая Морозова перешел линию фронта севернее Якшино, в районе деревни Еремино.

С Борисом Крайновым остались наиболее мотивированные: Зоя Космодемьянская и Василий Клубков — оба из отряда Проворова. «Я решил с двумя товарищами поджигать объекты. Пошли до Петрищево и зажгли 4 дома, на место сбора Клубков[558] и Космодемьянская не явились, ждал до утра. После решил идти до части. В районе Дет.Комунны, Мякишево перешел линию фронта 29.11.41.»[559]

В 2 часа ночи 27 ноября партизаны рассредоточились по деревне Петрищево и подожгли несколько домов. Клубков был замечен немецким патрулем, пытался скрыться в лесу, но в итоге был задержан. По его первоначальным показаниям, он выдал себя за окруженца и был направлен в лагерь в Можайск[560]. В протоколе судебного заседания Военного трибунала Западного фронта указано, что он был схвачен сразу и рассказал, что «вместе с Крайновым и Космодемьянской прибыл по заданию разведотдела Западного фронта с диверсионными заданиями. … Через несколько минут после моего допроса привели в штаб к немецкому офицеру Космодемьянскую»[561]. Однако, в действительности, Зоя была задержана более чем через полутора суток, в 7 часов вечера 28 ноября, при повторной попытке зажечь дерев-

[557] В.И. Лота. Секретный фронт Генерального штаба. М.2005. С.381.

[558] Клубков Василий Андреевич (1923 – 1942).

[559] ЦАМО. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л.139.

[560] Деревня Петрищево была за границей зоны боевых действий, и в соответствии с приказом по 197 пд «Все лица, пригодные к военной службе, не проживающие в данных населенных пунктах в течение длительного времени, подлежат задержанию и водворению в пункты сбора военнопленных». NARA, T315, R1561 F.528

[561] М.М. Горинов. Зоя Космодемьянская. Документы и материалы. М. 2011. С.114

ню Петрищево. После пыток и допросов она была казнена утром 29 октября 1941 года.

Эпилог

Задача, поставленная перед партизанами, была практически невыполнимой. Вместо сожжения десятка деревень им удалось поджечь 4 дома в Петрищево и поставить 8 мин на дороге. И, хотя после войны бойцы обоих отрядов рассказывали о других удачных поджогах и нападениях — подтверждений в докладах их командиров этому нет.

В часть не вернулось 4 бойца. Как мы теперь знаем, Вера Волошина была задержана утром 27 ноября, через 6 – 7 часов после партизанского налета на Петрищево. Зоя Космодемьянская была захвачена около 7 вечера 28 ноября. Обе они были повешены солдатами вермахта. Василий Клубков, возвратившись в Москву в конце 1 февраля 1942 года, вернулся в часть и вскоре был арестован. Первоначально, он утверждал, что после задержания в районе Петрищево несколько раз бежал из плена, но позже поменял показания и заявил, что выдал Зою Космодемьянскую. 16 апреля 1942 года он был расстрелян. Не вернувшийся из разведки Николай Морозов, вероятно не стал возвращаться в часть, он не был комсомольцем, и не подлежал призыву: на тот момент ему было только 16 лет. Среди документов, размещенных на проекте «Подвиг народа», можно найти его полного тезку, Морозова Николая Ивановича, с тем же 1925 годом рождения, призванного военкоматом Киевского района Москвы в феврале 1943 года. Через год Морозов попадет в 158 отдельный разведывательный батальон 144 сд и 28 октября 1944 году умрет от ран.

Диверсанты успели вернуться к себе буквально накануне нового немецкого наступления. 1 декабря в 5 часов утра 4-я полевая армия перешла в наступление по всему фронту. В атаке участвовали и две роты ЛФД, которым после больших потерь от пулеметного огня и мороза удалось выйти к окраине деревни Дютьково[562]. Но здесь они были встречены бойцами 26-й отдельной роты фугасных огнеметов: «На фронте в 300 – 350 м внезапно возникла сплошная стена огня. Вязкая огнеметная смесь, еще загустевшая на морозе, выбрасывалась из резервуаров огнеметов на 100 – 120 м. Поэтому весь боевой порядок роты немецких автоматчиков был

[562] Бэйда О.И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941—1944 гг. М. 2013. С. 88.

накрыт пламенем»[563]. Новое оружие, вместе с огненными валами и бутылочными полями, было использовано и на соседних участках обороны. Огонь, который не уничтожил их в тылу, встретил их на фронте. К 5 декабря положение здесь стабилизировалось. В Битве за Москву наступал перелом…

[563] Военно-исторический журнал, 1968 №8 с. 111-114

ПАМЯТЬ ЖИВА

ГДЕ И КАК ИСКАТЬ: ОБЗОР ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АРХИВНОГО ПОИСКА ПО НЕМЕЦКИМ ДОКУМЕНТАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2024© С.В. Вершинин (Канада, г. Торонто)

Наши знания о Второй мировой войне во многом фрагментарны. Многие темы и аспекты мало исследованы, прежде всего, в силу недоступности источников. Российское государство по-прежнему скрывает большое количество первоисточников под грифом «секретно», а в случае их мнимой открытости нередко казуистически прикрывается нормами о защите персональных данных. Неудобная правда о войне подвергается ретуши, а независимые гуманитарные исследования в этой области стагнируют, находясь в «зоне риска» из-за угрозы административно-правового и уголовно-правового преследования.

К примеру, одной из таких слабо проработанных тем является тема плена бойцов и командиров РККА, инфраструктуры германского вермахта, связанной с местами содержания пленных и местами захоронения тех, кто погиб в плену.

В этих условиях для продолжения исследований дополнительное значение приобретают источники с «другой стороны» – документы вермахта. Впрочем, любую войну невозможно объективно исследовать, опираясь на сведения только одной из сторон.

В условиях цифровой революции многие документы архивного хранения публикуются в интернете и становятся доступными неопределенному кругу лиц. Исследователям войны важно знать о таких ресурсах и уметь ими пользоваться.

NARA - National Archives and Records Administration / Национальное управление архивов и документации (США) является хранителем обширной коллекции трофейных германских документов (Record Group 242)[564].

Значительная часть этой коллекции уже выложена в открытый бесплатный доступ, причем пользователи имеют возмож-

[564] https://catalog.archives.gov/id/569

ность скачивать документы. И эта работа продолжается, с начала 2024 года ее темпы существенно ускорились.

Коллекция разбита на фонды под буквенно-цифровыми обозначениями. К примеру,

• T315 – фонд дивизий вермахта[565] полностью доступен онлайн;

• T311 – фонд групп армий[566] частично доступен онлайн;

• T312 – фонд армий вермахта[567] полностью доступен онлайн;

• T354 – фонд войск СС[568] частично доступен онлайн;

• T501 – фонд тыловых районов, оккупированных территорий[569] частично доступен онлайн;

• T313 – фонд танковых армий вермахта[570] пока недоступен онлайн.

Каталоги каждого фонда также могут быть найдены на сайте архива и скачаны онлайн. К примеру:

T315 – https://catalog.archives.gov/id/345251867 (первая из трех частей),

T311 – https://catalog.archives.gov/id/257722191 (части 1-2),

T312 – https://catalog.archives.gov/id/333412136

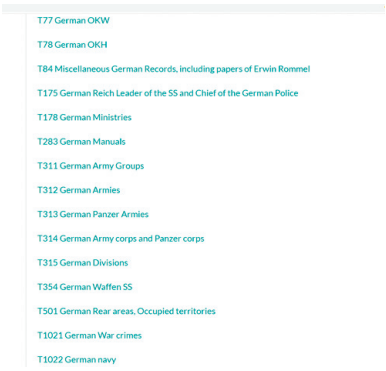
T354 – https://catalog.archives.gov/id/257722187

T501 – https://catalog.archives.gov/id/232473536

Отдельные части фондов, которые пока не выложены в публичный доступ самим Национальным управлением архивов и документации США, могут быть найдены и бесплатно скачаны на сайте https://wwiidigitalarchives.org/.

Это бесплатный и общедоступный архив документов Второй мировой войны, созданный исследователями военной истории.

Фото 1. Бесплатный сайт архивов Второй мировой войны WW2 ARCHIVES.



[565] https://catalog.archives.gov/id/12004423

[566] https://catalog.archives.gov/id/7788370

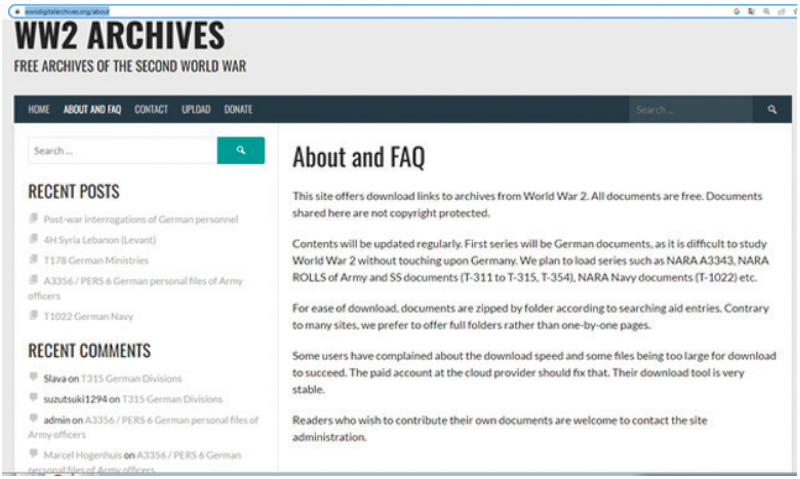
[567] https://catalog.archives.gov/id/12007587

[568] https://catalog.archives.gov/id/7788697

[569] https://catalog.archives.gov/id/7797948

[570] https://catalog.archives.gov/id/7788523

Фото 2. Часть каталога бесплатного сайта архивов Второй мировой войны WW2 ARCHIVES. Поисковик сайта на английском языке.



К примеру, здесь можно скачать отдельные части фонда T313 – танковые армии вермахта[571].

На этом сайте также могут быть найдены и скачаны каталоги отдельных разделов коллекции трофейных германских документов (Record Group 242).

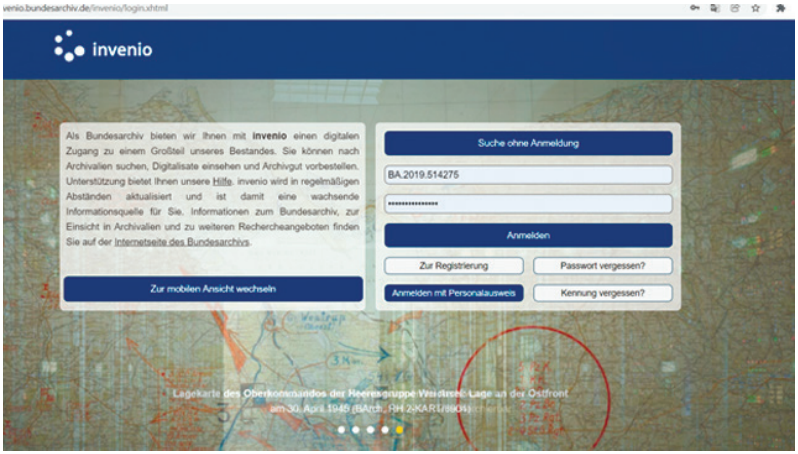
Федеральный архив Германии

Сайт архива является еще одним важным ресурсом для самостоятельного изучения первоисточников. Значительная часть коллекции архива оцифрована и выложена в общий доступ. Доля оцифрованных документов также неуклонно увеличивается. Пользователи имеют возможность бесплатно скачивать любые доступные материалы.

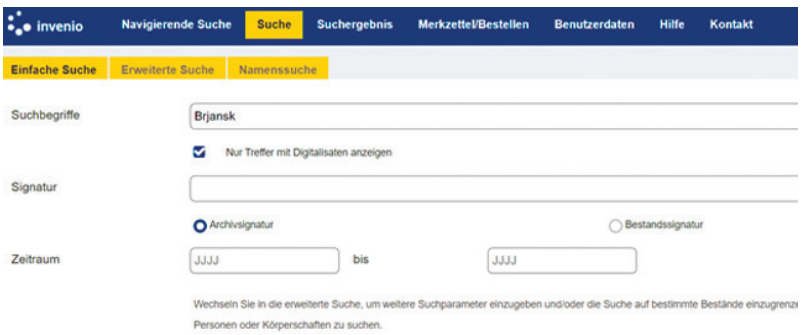
Поисковик по коллекции Федерального архива Германии – https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/login.xhtml. Поиск и скачивание доступны в том числе и без регистрации на сайте архива.

[571] https://wwiidigitalarchives.org/t313-panzer-armies

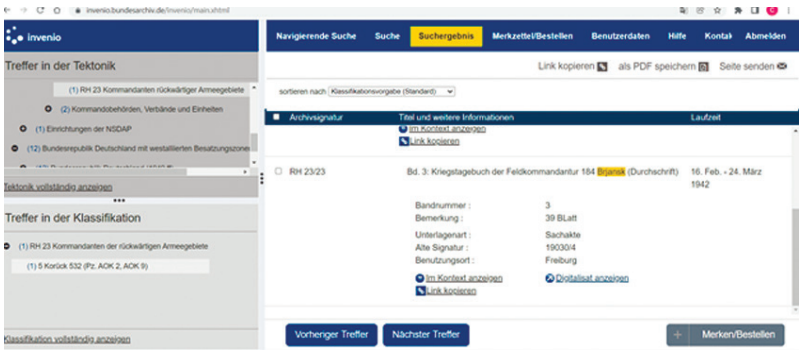
Фото 3. Сайт Федерального архива Германии INVENIO.BUNDESARCHIV



Для поиска среди оцифрованных источников необходимо поставить галочку в соответствующей графе **«Nur Treffer mit Digitalsaten anzeigen»**:

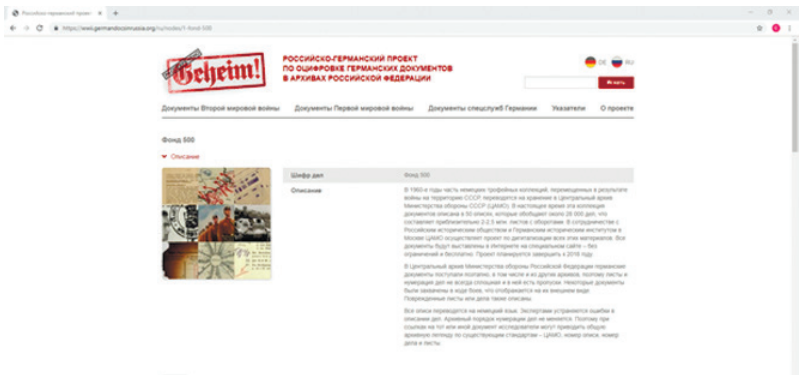


Для просмотра и скачивания найденных оцифрованных документов необходимо пройти по ссылке **Digitalsat anzeigen:**



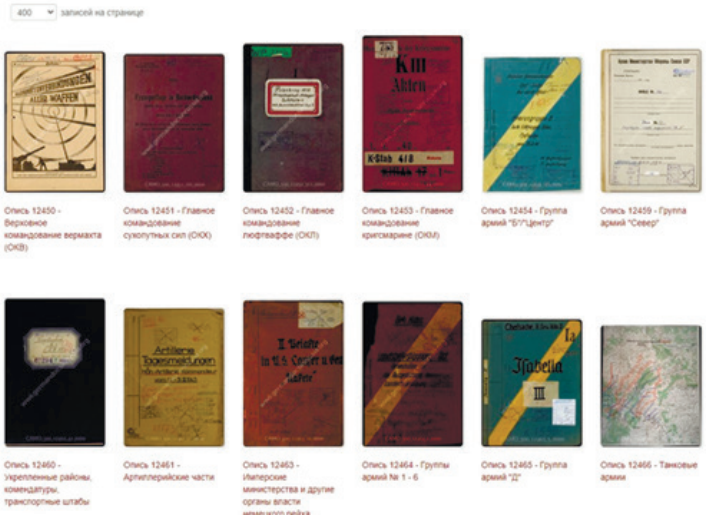
Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) также обладает значительной по объему коллекцией трофейных документов вермахта (Фонд 500).

По счастью, в сотрудничестве с Российским историческим обществом и Германским историческим институтом в Москве эти материалы были оцифрованы и выставлены в интернете на специальном сайте GERMANDOCSINRUSSIA без ограничений и бесплатно[572]:



[572] https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1-fond-500

Поисковик на русском языке и удобный интерфейс облегчают ознакомление с этой коллекцией. К сожалению, владелец сайта не предусмотрел опции скачивания образов документов.



Удачных поисков и интересных исторических открытий!

ОБ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫХ МАРШРУТАХ ПО МЕСТАМ БЫВШИХ ЛАГЕРЕЙ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

2024© А.А. Новиков (Российская Федерация, г. Москва)

В современных условиях особое значение имеет сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., причем, не только о самих сражениях, но и о людях, участвовавших в этих событиях. В этом ключе особый интерес, не только познавательный и исторический, но и воспитательный, имеет организация и проведение поездок по теме, малопривлекательной долгое время у нас.

Благодаря проекту «Без срока давности», тема военнопленных в суровые годы войны в том или ином ключе получает толкование. Но, наряду с архивными знаниями, не менее важно посещение памятных мест, где наши соотечественники в годы войны находились в лагерях военнопленных, гибли в нужде и при жестоком обращении, умирали от голода и холода, зачастую оставаясь неизвестными, в том числе и сегодня для нас.

Поэтому поездки, организованные Фондом сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «МИР РАДИ ЖИЗНИ», направленные, прежде всего, на показ исторической правды о событиях Великой Отечественной войны, на изучение судеб московских ополченцев и кадровых бойцов Красной армии, оказавшихся в трагических условиях плена, имеют особое звучание, и, наряду с историческим осмыслением, носят социально нравственный и воспитательный характер, так нужный сегодня для обеспечения преемственности поколений, воспитания молодежи и недопустимости политизации исторической памяти.

Поездок было две, и мы последовательно представим их.

Поездка «Дорогами военнопленных московских ополченцев»
2-5 ноября 2022 г.

по местам расположения лагерей военнопленных, в которых после пленения в Вяземском окружении октября 1941 г. содержались пленные ополченцы

(в Смоленскую область и Республику Беларусь)

Этот четырехдневный маршрут прошел по памятным местам России и Беларуси, где в 1941-45 гг. размещались лагеря военнопленных. Здесь, по нашим данным, с октября 1941 года находились и московские ополченцы, попавшие в плен в ходе Вяземской оборонительной операции 2-13 октября 1941 года. Эта поездка, по сути, явилась методическим семинаром, поскольку, наряду с потомками московских ополченцев и педагогами к участию в ней были привлечены профессиональные экскурсоводы, научные сотрудники, поисковики, представители властных структур, например, Могилевской области Беларуси.

За 4 дня мы посетили памятные места в Смоленской области: города Вязьму, Духовщину, Рославль, Смоленск и деревню Дурово, а также в Беларуси: города Минск, включая Масюковщину, Вилейку, Молодечно, Могилев и Буйничское поле, Кричев, местечко Долгиново.

Как нужно выстраивать патриотическую работу через сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны? Об этом тоже задумались многие наши участники, прежде всего, педагоги, которых было немало. Это и достоверность исторического события, и широта восприятия.

Фото 1. Памятник воинам, умершим от ран в госпиталях в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн (лазарет №1 фашистского пересыльного лагеря дулаг-184). Вязьма, Красноармейское шоссе.

Фото 2. Мемориал памяти десяткам тысяч советских военнопленных мученически погибших в фашистском пересыльном лагере дулаг-184 в 1941 – 1943 годах в г. Вязьме, ул. Репина.

Фото 3. Беседа с Сергеем Александровичем Амелиным – исследователем темы лагерей советских военнопленных на территории г. Смоленска в годы оккупации.

По мнению директора МБОУ «Наро-Фоминская средняя общеобразовательная школа №9 имени дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта В.В. Лебедева» С.В. Автушко: «*Погружение было полное, т.к. во время движения автобуса мы продолжали узнавать новое: смотрели фильмы о прошедших событиях, делились мнениями... Это нужно грядущим поколениям, наша задача донести информацию до учеников, продолжить работу по сохранению исторической памяти. Ведь память – это сохранение огня. Самым важным инструментом стал сам маршрут. Последовательность поездки, эмоционально-волевая устойчивость… Все моменты точно и четко были подготовлены и воплощены в жизнь. Поездка – это уникальная возможность остановиться и задуматься об историческом прошлом нашей страны. Надеюсь, что полученные знания и опыт мы сумеем использовать в своей работе с обучающимися и педагогами*».

Фото 4. Возложение цветов к Вечному огню у подножия Кургана Бессмертия в Реадовском парке г. Смоленска.

А теперь о составе группы: ветераны и малолетние узники фашистских лагерей, потомки ополченцев, педагоги разных учебных заведений Москвы и области. Именно они участвовали в поездке по местам, связанным с гибелью советских военнопленных.

И еще отзыв педагога-организатора музея ГБОУ г. Москвы «Школа №1285» О.С. Деевой: «*Материал, представленный нам для изучения во время «Семинара на колесах», был для меня весьма важен. Очень логично была выстроена вся поездка – от места пленения под Вязьмой мы двигались на запад, повторяя путь колонн военнопленных к местам массового уничтожения советских солдат и офицеров. Поражали цифры на памятных табличках захоронений и мест расположения лагерей смерти. Самое страшное, что большинство могил так и оста-*

ются безымянными. Огромная работа была произведена поисковиками и потомками ополченцев. Об этом нам рассказывали в пути, как об очень наболевшем, выстраданном опыте. Каждый участник многодневного марафона по местам памяти проникся этой общей болью о тысячах безымянных соотечественников, прошедших страшным путем от мест пленения до своего последнего пристанища в фашистских лагерях. Задумалась о том, как передавать эти важные материалы молодым коллегам и школьникам.

Поездка в Беларусь для меня не первая, но отношение людей, встречавших нас в городах и селеньях Беларуси радует. Приятно ощущать себя частью большой славянской семьи народов, понимать общность цели по сохранению памяти о Защитниках Родины. Печально, что во многих российских городах и селеньях местная администрация так относится к захоронениям, что за их поступки становится стыдно, и горько осознавать, что в Беларуси на этот вопрос смотрят ответственнее перед будущими поколениями, чем у нас.

Тот материал, который я получила в этой поездке, будет использован мною и моими коллегами-историками для уроков мужества, углубления и дальнейшего рассмотрения темы. Очень важно, что в эти поездки вместе собираются потомки ополченцев и малолетние узники. Их стойкость и желание поделиться материалами истории служат примером для всех участников многодневной поездки».

Фото 5. В Зале Славы Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны в г. Минске.

Фото 6. Елена Николаевна Мох, кандидат исторических наук, рассказывает историю шталага-352 на Мемориале-кладбище жертв лагеря советских военнопленных «Масюковщина».

Фото 7. В г. Молодечно у Мемориального комплекса шталаг-342. Списки погибших военнопленных.

И памятные места поездки:

• пересыльный лагерь дулаг-184 в городе Вязьме;

• памятник погибшим в лагере военнопленных в деревне Дурово;

• дулаг-126, военный мемориальный комплекс «Курган Бессмертия» и «Скорбящая мать» в Смоленске, памятник павшим в ночь расстрела военнопленным, гонимым фашистами через город Смоленск;

• стационарный лагерь военнопленных шталаг-352 близ местечка Масюковщина на окраине Минска;

• шталаг-342 в Молодечно;

• мемориальный комплекс «Буйническое поле»; мемориальный камень К. Симонову; мемориал «Детям войны»; памятник «Братская могила ополченцам» в городе Могилеве;

• скульптурная композиция «Поющие» у местечка Прудок Кричевского района, установленная в память массового расстрела узников Кричевского лагеря смерти, партизан, детей-заложников (в числе жертв московские артисты – певец Александр Окаёмов и хормейстер Московской филармонии Геннадий Лузенин);

• братская могила советских военнопленных и гражданского населения, замученных фашистами в 1941-1943 гг. в дулаге-130 города Рославля.

Фото 8. В г. Могилеве у братской могилы по ул. Лазаренко, где покоится прах советских людей, защищавших город в годы Великой Отечественной войны.

В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны в Минске, в Вилейском краеведческом музее, в музее «Дворец Потемкина» в Кричеве участники поездки ознакомились с экспозицией музеев, помогающих помнить и чтить светлую память о защитниках нашей Родины, понимать жестокость и ужас всего происходившего в те времена и не по-

зволить повториться событиям в будущем.

Участники программы посетили улицу Киселева, находящуюся в агрогородке Долгиново в Вилейском районе Минской области. Впервые со дня наименования улицы москвичами и жителями Московской области были возложены цветы и почтена память Николая Яковлевича Киселева – ополченца 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района Москвы, спасшего из гетто Долгиново и других близлежащих местечек 218 евреев (в основном стариков, женщин и детей), переведя их через линию фронта осенью 1942 года.

Торжественные церемонии возложения цветов к памятникам и мемориальным комплексам сопровождались гимном Российской Федерации, минутой молчания и воспоминаниями о великой трагедии, о подвиге ополченцев, о жертвах фашизма.

Поездка «Дорогами военнопленных московских ополченцев»
6 - 8 мая 2023 г.
по местам расположения лагерей военнопленных, в которых после пленения в Вяземском окружении октября 1941 г. содержались пленные ополченцы (в Смоленскую область)

Эта поездка – одно из слагаемых программы памяти Московского народного ополчения, реализуемой Московской городской Думой и Комитетом общественных связей и молодежной политики правительства Москвы. Программу реализует Автономная некоммерческая организация (АНО) «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны», а непосредственный организатор поездки, выполненной по заказу АНО – Фонд сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «МИР РАДИ ЖИЗНИ».

Традиционно любая мемориальная поездка включает в себя важный элемент – возложение цветов к Могиле Неизвестного солдата в Александровском саду, когда каждый участник поездки персонально возлагает гвоздику к Вечному огню. И в путь, в город воинской славы Вязьму... Вяземская оборонительная операция 1941 года... Подвиг и трагедия, мужество и стойкость, героизм и отвага... Жертвенность московских ополченцев и кадровых военных... Об этом написано немало, но… Крайне мало мы знаем о тех местах, где находились лагеря военнопленных, где московские ополченцы и красноармейцы содержались в фашистской неволе,

попав в вяземское окружение. Это надо видеть и надо знать.

Фото 9. У Могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

В составе делегации были родственники тех бойцов, которые оказались в лагерях военнопленных, в том же дулаге-184, ставшим основным пересыльным лагерем на Вяземской земле. Потомки военнопленных приехали из Коми, Ульяновска, Екатеринбурга... Вместе с ними отправились в поездку потомки московских ополченцев, которые полегли на Вяземской земле в октябрьские дни 1941 года. Педагоги, студенты московских вузов, школьники из столицы и подмосковных Люберец, представители школьных музеев, посвященных ополченческим дивизиям Москвы.

Итак, маршрут включал путь от Москвы через Вязьму, Дурово, Дорогобуж, Смоленск, Рославль и обратно в Москву. Мы посещали именно те места, где находились те или иные лагеря военнопленных, где сегодня далеко не везде стоят памятные знаки и мемориалы.

Фото 10. Возложение цветов к памятнику маршалу Победы Г.К. Жукову около Красной Площади.

Первый день в Вязьме – это посещение Богородицкого поля, ставшего местом прорыва из Вяземского окружения 11 октября 1941 года ополченцев и воинов Красной армии; мемориального камня на территории Вяземского завода синтетических продуктов, где находился лазарет пересыльного лагеря дулаг-184; городских мемориалов, главным из которых является монумент памяти жертв немецко-фашистских лагерей военнопленных, установленный на месте дулага-184.

Фото 11. Внучка военнопленного дулага-184 с портретом деда в г. Вязьме на территории лазарета №1 по Красноармейскому шоссе.

Фото 12. На Мемориале памяти воинов Западного и Резервного фронтов в с. Богородицком под Вязьмой. Стела в память об ополченцах 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы и моряках 200-го отдельного морского артдивизиона, прорвавших кольцо Вяземского окружения в ночь с 11 на 12 октября 1941 г.

Второй день поездки – это памятное возложение цветов к Вечному огню в центре Вязьмы. И теперь Дурово Сафоновского района Смоленщины, где находился не один месяц лагерь военнопленных с осени 1941 года. Проникновенный рассказ поисковиков, которые годами собирали информацию о событиях в годы Великой Отечественной войны, не оставили никого безучастным. Переезд в Дорогобуж, где до сих пор место бывшего лагеря военнопленных на территории бывшего аэродрома никак не обозначено. И по старой «Смоленке» через Соловьеву переправу едем в город-герой Смоленск. Здесь нам предстояла ответственная миссия –посетить памятные места города, где пали жертвой десятки тысяч советских военнопленных, попавших в смоленские лагеря из Вяземского окружения. И – смоленский музей, который рассказывает о Смоленщине в годы Великой Отечественной войны. Мероприятия дня завершились возложением цветов у Вечного огня в сквере Героев в центре города-героя.

Фото 13. В школе д. Дурово Сафоновского района Смоленской обл. О дуровском лагере военнопленных рассказывает Нина Петровна Романова – создатель школьного музея.

Фото 14. В Смоленске у Мемориала на месте гибели 1 500 советских военнопленных. Резницкий овраг, ул. Козлова.

На третий день мы отправились в старинный Рославль. Именно в этом городе находился страшный дулаг-130. Именно здесь на Вознесенском кладбище захоронены десятки тысяч наших соотечественников, погибших в этом пересыльном лагере. Здесь и небольшой краеведческий музей, который мы посетили с большим интересом, увидев неожиданно многие артефакты военной истории XIX и XX веков.

Фото 15. В Реадовском парке Смоленска у памятника «Скорбящая мать» рядом с братской могилой жертв фашистского террора. Здесь гитлеровцы расстреливали советских подпольщиков.

Завершением программы явилось возложение цветов на Вознесенском кладбище и у памятника военнопленным на территории больницы.

Фото 16. В Рославле у памятника, установленного на месте замученных и расстрелянных военнопленных Красной армии и мирных жителей немецко-фашистскими захватчиками в 1941 – 1943 гг.

Вывод по поездке: содержательность и насыщенность. Каждый из участников получил немало новой информации об участии ополченцев в Вяземской оборонительной операции 2-13 октября 1941 года в начале Битвы за Москву, о фашистских лагерях, в которых содержались военнопленные, как участники ополчения, так и кадровые военные. О многом мы задумались... Как мало мы знаем об этих тяжелых страницах, о которых нужно говорить и говорить, говорить правдиво и по существу, не кривя душой и не искажая факты.

Таков был наш вклад в мемориальную тематику памяти о Московском народном ополчении накануне главного праздника страны - Дня Победы в 2023 году.

Интересными будут отзывы об этой поездке. Например, семья Кузнецовых (г. Верхняя Пышма, Свердловская область) написала: «*Для нашей семьи это была возможность вновь увидеть то место, где находился пересыльный лагерь дулаг-184, в котором выжил наш герой – Веселкин Прокопий Родионович. Именно благодаря таким поездкам как эта, мы начали поиск информации об истории наших дедов и прадедов, оставшихся в живых и пропавших без вести. Так оказалось, что выживший в лагере военнопленных Прокопий Веселкин, проходил срочную службу с 1929 по 1931 гг., был помощником командира взвода. Во время Великой Отечественной войны служил в 365-ой стрелковой дивизии. С 28 февраля 1942 г. по 2 мая 1945 г. находился в плену, но с 1942 г. считался погибшим от ран в лазарете дулага-184 и внесён в книгу памяти Челябинской области. С первых моментов мы оценили высокий уровень организации маршрута. Нам хотелось бы вновь стать участниками следующих мемориальных маршрутов и поддерживать военно-патриотические организации. Выражаем огромную благодарность всем организаторам и участникам поездки*».

В целом обе поездки в соответствии с программами позволили дополнить и сформировать знания о тех событиях, которые выпали на долю жителей Смоленской области и Республики Беларусь в годы Великой Отечественной войны, о защитниках нашего Отечества, которые попали в плен. Были представлены факты трагических событий, работа поисковых и инициативных групп, воспоминания несовершеннолетних узников фашизма, воспоминания родных и близких защитников Отечества, истории братских могил, запланирован ряд новых мероприятий, направленных на сохранение исторической памяти в рамках программы Памяти Московского народного ополчения.

ОЛЕГ ОЗЕРОВ – УЧАСТНИК ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ.
Судьба и дело моего отца

2024© Л.О. Добрынина (Российская Федерация, г. Москва)

Летом 1941 года войска Красной армии с боями вынуждены были отступать. В районе г. Умани (Украина) часть, в которой служил Олег Николаевич Озеров, была окружена. Тысячи советских солдат и офицеров захвачены в плен, среди них оказался и Олег Николаевич, но не сдался и продолжал борьбу с фашизмом. Вот его история.

Фото 1. Озеров Олег Николаевич, 2000-е годы.

Олег Николаевич Озеров родился 17 июня 1922 года в городе Спасск Рязанской области в семье служащих. Дед – титулярный советник Озеров Касторий Гаврилович приходился двоюродным братом великого русского ученого лауреата Нобелевской премии академика Ивана Петровича Павлова. Они вместе учились в Рязанской духовной семинарии. Отец – Озеров Николай Касторьевич (1886 – 1968) в 1912 году окончил юридический факультет Московского Императорского университета. Мать – Озерова Мария Петровна (1890 – 1975) в 1915 году окончила Высшие женские курсы в Москве, работала учительницей русского языка и литературы. После окончания десяти классов Спасской образцовой средней школы № 1 Олег Озеров был призван в ряды Красной армии.

Фото 2. О.Н. Озеров, 1930-е годы.

Проходил службу вблизи советско-венгерской границы в учебной батарее 468-го корпусного артиллерийского полка. Свой первый бой О. Озеров принял в первые минуты вражеского вторжения, в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Под напором превосходящих сил вермахта с тяжелыми боями батарея отступала на восток. В районе города Умани 12-я армия Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора П.Г. Понеделина, в состав которой входил 468-й корпусной артиллерийский полк, попала в окружение. Во время одного из прорывов под селом Терновка юго-восточнее Умани Олег Николаевич был контужен и попал в плен.

Фото 3. Уманское окружение июля – августа 1941 года.

С первых минут плена его не покидала мысль о побеге, он прошел лагеря Польши, Германии, Франции. (Список лагерей прилагается). Как и многим сотням тысяч советских граждан, попавшим в плен или насильно вывезенных в Германию, ему пришлось пережить непосильный труд, голод, избиения, неимоверные издевательства и моральные унижения, гибель своих товарищей и однополчан. В 1942 году гитлеровцы приступили к строительству, так называемого, «Атлантического вала» – системы укреплений вдоль европейского побережья Атлантики, от Норвегии и Дании до границы с Испанией, создаваемых с целью предотвращения высадки англо-американского десанта на Европейский континент.

Фото 4. Укрепления «Атлантического вала».

Для этой цели из Германии во Францию стали перебрасывать советских военнопленных и «остарбайтеров». В июне 1943 года в составе очередного эшелона был отправлен во французский город Бордо и Олег Озеров. Он попал в лагерь военнопленных «Бакалан», на строительство немецкой базы по ремонту подводных лодок в устье реки Гаронны-Жиронды.

Фото 5. О.Н. Озеров в г. Бордо (Франция).

На строительстве работали также расконвоированные рабочие: французы, испанцы, чехи, югославы и белорусы из Западной Белоруссии, которые ранее (в 1936 – 1939 годах) служили в Испанской республиканской армии и в ее интернациональных бригадах. Попав на землю дружественной Франции, заключенные стали искать связь с подпольщиками для организации побега. В лагере удалось создать подпольную организацию из 14 человек, в которую вошли советские военнопленные. Ее руководителем стал лейтенант Михаил Антомохин, заместителем – красноармеец Олег Озеров. Члены организации устраивали диверсии на линии снабжения стройки электроэнергией и водой; повреждали механизмы, распространяли листовки на русском и немецком языках. Вместе с тем подготовка к побегу не прекращалась ни на минуту. И вот 20 марта 1944 года Озеров и еще 6 человек покинули лагерь. Долго скрывались в болотах, на них шла охота с собаками, но им удалось уйти от преследования. Пройдя цепь конспиративных квартир и явок, с помощью Французской коммунистической партии и Организации иностранных рабочих (MOI), товарищи попали в партизанский отряд «Maquis de Lorette» («Маки де Лоретт»), который базировался в районе французского города Сен-Вивьен-де-Монсегюр.

Фото 6. Французские партизаны Второй мировой войны

В составе этого отряда Олегу Озерову довелось участвовать в диверсионных актах и засадах на автомобильных и железных дорогах, мостах, а после высадки союзников в Провансе 15 августа 1944 года О.Н. Озеров участвовал в открытых боях с эсэсовцам, освобождая города юго-западной части Франции: Сьон-Базель, Марманд, Ла-Реоль, Лангон и другие.

После окончания военных действий Озеров принимал участие в поисках и пленении скрывавшихся в лесах фашистов, дежурстве на контрольно-пропускных пунктах, охране лагерей военнопленных в городах Ла-Реоль и Марманд.

В сентябре 1945 года Олег Озеров, наконец, вернулся на Родину. После положенной проверки, он был направлен для прохождения дальнейшей воинской службы. В 1946 демобилизован и вернулся в г. Спасск.

Фото 7. Олег Озеров, 1944 г.

Все послевоенные годы Олег Николаевич не переставал интересоваться судьбой своих товарищей – ветеранов французского Сопротивления. Не понаслышке зная о проблемах, стоящих перед ними, в 1990 году О.Н. Озеров принял участие в создании Советского комитета бойцов французского Сопротивления в Риге, а в 1993 г. создал благотворительную Межрегиональную организацию ветеранов французского Сопротивления «Комбатан Волонтэр» в Москве, и был избран ее президентом.

Фото 8. Знак Межрегиональной организации ветеранов французского Сопротивления «Комбатан Волонтэр»

В 1993-1997 годах дважды был избран на этот пост. Активно участвовал в работе Содружества ветеранских организаций независимых государств.

Своей главной задачей, делом чести Олег Николаевич считал увековечение памяти погибших и восстановление справедливости в отношении живущих – бывших участников французского Сопротивления, многим из которых после возвращение на Родину было не только отказано в праве называться ветеранами Великой Отечественной войны, но и предъявлено страшное, незаслуженное обвинение в измене. У вернувшихся на Родину участников французского Сопротивления органами КГБ были отобраны награды и документы, подтверждающие их участие в Сопротивлении, многие из них были осуждены или сосланы. Создавая организацию, Олег Николаевич был уверен, что ему удастся помочь товарищам по оружию. Для начала он решил восстановить свои документы. Олег Николаевич Озеров обратился в редакцию газеты французских коммунистов «Юманите». Боевые французские товарищи откликнулись на эту просьбу и выслали Озерову найденные документы.

Фото 9. Документы, п\олученные О.Н. Озеровым из Франции.

RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

ORDRE NATIONAL DU MÉRITE

LE PRÉSIDENT DE LA RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

GRAND MAÎTRE DE L'ORDRE NATIONAL DU MÉRITE

CHEVALIER DE L'ORDRE NATIONAL DU MÉRITE

Полученные материалы Олег Николаевич направил в администрацию Президента Бориса Николаевича Ельцина. В итоге Ельцин издал Указы о признании советских солдат, бывших военнопленных, которые сражались в партизанских отрядах на территориях многих оккупированных стран Европы, участниками Великой Отечественной войны. Это

случилось более чем через 50 лет после окончания войны.

Восстановив свои документы, Олег Николаевич помог восстановить документы своим товарищам. Бывшие участники Сопротивления, потеряв надежду на восстановлении своих прав, обращались к Озерову, и он помогал им восстановить документы и доброе имя. В адрес Ассоциации приходили горы писем с благодарностью. Справедливость в отношении живущих была восстановлена.

Оставалась вторая задача – увековечивание памяти погибших. Олег Николаевич снова обратился к Президенту. Владимир Владимирович Путин поддержал идею по созданию памятника участникам Сопротивления.

Фото 10. Президент В.В. Путин на встрече с российскими ветеранами операции союзников в Нормандии Г.В. Плаксиным и О.Н. Озеровым. Кан, Франция, 6 июня 2004 г.

В день 55-й годовщины Победы, по согласованию с Президентами России и Франции, на кладбище Пер-Лашез в Париже была установлена памятная бронзовая доска, изготовлена Зурабом Церетели. Она размещена на участке земли, подаренном мэрией Парижа Межрегиональной организации ветеранов французского Сопротивления (МОВФС) «Комбатан Волонтэр». Надпись на доске на французском и русском языках гласит:

«РОССИЯ И ФРАНЦИЯ
РУССКИМ УЧАСТНИКАМ
ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ, ПАВШИМ ЗА СВОБОДУ ВО II-ой МИРОВОЙ ВОЙНЕ».

Фото 11. Памятник русским участникам движения Сопротивления на кладбище Пер-Лашез в Париже. Франция.

В 2005 году эта доска была прикреплена к памятнику русским участникам французского Сопротивления, идея создания которого принадлежит кавалеру ордена Почетного Легиона Озерову Олегу Николаевичу и МОВФС «Комбатан Волонтэр». Установлен памятник при поддержке Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Скульптор – народный художник РФ, академик Российской академии художеств, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры, кавалер Ордена Искусств и литературы Франции, дипломант ЮНЕСКО – Владимир Александрович Суровцев, автор памятников и памятных досок, некоторые из которых посвящены Московскому народному ополчению: в д. Озерище Смоленской области и на здании МИД РФ (г. Москва, ул. Кузнецкий мост, д. 21/5) в память об ополченцах-сотрудниках НКИД СССР.

Памятник русским участникам партизанского отряда «Маки де Лоретт» является символом Сопротивления на территории Франции во Вторую мировую войну.

Фото 12. О.Н. Озеров у памятника русским участникам французского Сопротивления в Париже. Скульптор – Суровцев В.А.

Каждый год 9 мая у памятника проходит возложение венков в честь нашей Победы над фашизмом, а с 2015 года у памятника заканчивается шествие «Бессмертного полка». Мы гордимся тем, что приняли участие в первом шествии «Бессмертный полк» в Париже и вместе со всеми пронесли портреты ветеранов нашей организации, воевавших в Сопротивлении.

Фото 13. «Бессмертный полк» в Париже. 2015 г.

Уже после смерти Олега Николаевича Озерова была издана его книга воспоминаний бывших советских партизан и русских эмигрантов участников движения Сопротивления и освобождения Франции: «К победе через плен и подвиг. Памяти павших». Книга дополняет Историю Второй мировой войны малоизвестными страницами мужественной борьбы и подвига русских людей.

Фото 14. Книга О.Н. Озерова «К Победе через плен и подвиг»

Мы продолжаем дело наших старших товарищей. К большому сожалению, сейчас уже никого нет с нами.

Фото 15. Представители МОВФС «Комбатан волонтэр» в Московской городской Думе.

Теперь мы, дети и внуки ветеранов, организуем фотовыставки и вечера, посвященные освобождению Франции от фашистских захватчиков. Передаем материалы фотовыставок в школы Москвы, библиотеки разных городов для освещения неизвестной страницы Истории Великой Отечественной войны для патриотического воспитания молодежи.

Фото 16. Передаем память о движении Сопротивления молодежи из рук в руки.

В 2019 году, когда весь мир отмечал 75-летие освобождения Франции и других стран Европы от фашизма, наша организация МОВФС «Комбатан Волонтэр» вместе с Фондом сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «МИР РАДИ ЖИЗНИ» в рамках Международной историко-мемориальной программы «Память без границ» совершила поездку по местам Сопротивления. Мы посетили места захоронения советских солдат, бывших военнопленных и гражданских лиц, участвовавших в движении Сопротивления Голландии, Бельгии, Франции и Италии.

Фото 17. Совместная поездка МОВФС «Комбатан Волонтэр» и Фонда сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «МИР РАДИ ЖИЗНИ» по памятным местам движения Сопротивления в Европе.

Истоки нашей организации исходят из французской провинции Бордо, где в составе советско-французского партизанского отряда «Маки де Лоретт» воевала группа военнопленных в составе 14 русских, из них 12 советских граждан. Они бежали из лагеря военнопленных «Бакалан» и сражались за свободу Франции. 24 августа 1944 года в тяжелом бою погиб советский солдат Степан Коцур, закрыв своим телом вражеский пулемет, его товарищи завершили атаку и освободили город Лангон.

Фото 18. Степан Григорьевич Коцур (1919 – 1944)

Благодарные жители Лангона с военными почестями похоронили героя под памятником «Сыновьям, за отечество в 1914-1918 гг.». Это большая честь, которой был

удостоен советский гражданин, сражавшийся за свободу Франции.

Французы помнят о нем. В 2004 году именем героя названа площадь, расположенная при въезде в город. Мы почтили память Степана Коцуры, возложили венок на его могилу и прозвучал гимн нашей страны.

Фото 19. На могиле Степана Коцуры на городском кладбище г. Лангона во Франции.

Фото 20. Возложение цветов к могиле Степана Коцуры, г. Лангон, Франция.

Вместе с нами возложили цветы представители мэрии города Лангон. Мы также посетили площадь имени Степана Коцуры.

Фото 21. На площади имени Степана Коцуры в г. Лангон, Франция.

Мы верим, что и в нашей стране всегда будут помнить имена тех, кто отдал свою жизнь за нас, за нашу жизнь, за мир на Земле.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безугольный Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий сектором истории народного ополчения Государственного музея обороны Москвы, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. (Российская Федерация, г. Москва)

Бруева Лариса Наумовна – член Координационного совета МАОПО «Народная память о защитниках Отечества», член президиума Витебского городского и областного совета ветеранов, «Человек гола Витебщины – 2011», «Витебчанин года – 2022», «Женщина года РБ – 2009», ветеран поискового движения Беларуси (с 1984 года) (Республика Беларусь, г. Витебск)

Брунова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной и теоретической лингвистики Тюменского государственного университета. (Российская Федерация, г. Тюмень)

Вершинин Сергей Вячеславович – независимый исследователь, внук добровольца 3-й Московской Коммунистической стрелковой дивизии (Канада, г. Торонто)

Воронин Анатолий Борисович – независимый исследователь (Российская Федерация, г. Москва)

Гордейчик Игорь Николаевич – независимый исследователь, сын малолетней узницы шталага-337, внук добровольцы 5-й Московской стрелковой дивизии, координатор Сообщества потомков узников шталага-337 (Российская Федерация, г. Москва)

Грин Галина Ярославовна – независимый исследователь (Российская Федерация, г. Москва)

Добрынина Людмила Олеговна – дочь участника французского Сопротивления О.Н. Озерова, руководитель Межрегиональной организации ветеранов французского Сопротивления «Комбатан Волонтэр» (Российская Федерация, г. Москва)

Иванова Евгения Андреевна – Президент Международной ассоциации общественных поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества», член Комиссии по увековечению памяти защитников Отечества Московского комитета ветеранов войны, Председатель Комиссии по увековечению памяти защитников Отечества Координационного совета Международного союза

«Содружество общественных организаций ветеранов (пенсионеров) независимых государств», член контрольно-ревизионной комиссии Общероссийского общественное движение «Поисковое движение России» (Российская Федерация, г. Москва)

Комогорцева Светлана Витальевна – командир поискового отряда «Разведчики воинской славы» (Республика Беларусь, г. Новополоцк)

Макарова Елена Александровна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Российская Федерация, г. Ставрополь)

Мох Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая лабораторией историко-обществоведческого и социокультурного образования Научно-методического учреждения «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Неделина Анна Юрьевна – правнучка московского ополченца 1941 года Г.Г. Шигина, узника шталага-354 (Российская Федерация, г. Москва)

Новиков Александр Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, Президент фонда сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «Мир ради жизни» (Российская Федерация, г. Москва)

Швед Александр Анатольевич – независимый исследователь (Республика Беларусь, Витебская обл., г. Браслав)

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ
Международной научно-практической конференции «Дорогами военнопленных московских ополченцев Великой Отечественной войны»

24 – 25 ноября 2023 года

В результате заслушанных на конференции выступлений, предложений и их обсуждения, участники конференции решили:

1. Продолжить разработку и исследование темы военнопленных московских ополченцев с целью прояснения судеб пропавших без вести бойцов и командиров дивизий народного ополчения.

2. Учитывая значимость поднятой темы, проводить конференцию «Дорогами военнопленных московских ополченцев Великой Отечественной войны» не реже одного раза в два года для регулярного освещения новых исторических данных, выявленных в процессе работы, и своевременного решения возникающих практических вопросов мемориализации исторической памяти.

3. Усилить взаимодействие и обмен информацией между исследователями и поисковиками Российской Федерации и Республики Беларусь для создания базы данных о московских ополченцах. Осуществлять на регулярной основе совместную работу в архивах, музеях и мемориальных комплексах Российской Федерации и Республики Беларусь с целью выявления военнопленных ополченцев и уточнения их судеб.

4. Оказать содействие и провести мемориализацию выявленных мест памяти, связанных с военнопленными московскими ополченцами, их подвигом на оккупированной территории и местами массовой гибели в Смоленской области (гг. Вязьма, Дорогобуж, Рославль, Смоленск) и в Республике Беларусь (м. Долгиново, г. Минск и д. Масюковщина, д. Прудок под г. Кричевым, г. Молодечно, г. Полоцк, г. Барановичи).

5. Продолжить на систематической основе поездки «Дорогами памяти московских ополченцев Великой Отечественной войны» по местам расположения дулагов, шталагов и офлагов, в которых содержались в плену московские ополченцы.

6. Начать издание серии книг «Забытая память» о судьбах военнопленных московских ополченцев, партизан и подпольщиков.

Оглавление

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ШАПОШНИКОВ А. В. ……3

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДРАГУНОВА Е. В. ……..…...5

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВОДИМЫЕ КОМИТЕТОМ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ГОРОДА МОСКВЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИВИЗИЙ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ
2024 © А.В. Берлов (РФ, г. Москва)……..…….……..……..9

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В 1945 Г.: ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРУКТУРА, РЕПАТРИАЦИЯ
2024 © А.Ю. Безугольный (РФ, г. Москва)…….……...12

ДОРОГАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ

ЛЮДИ И ЦИФРЫ. СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ 13-й РОСТОКИНСКОЙ ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ г. МОСКВЫ и 389-го ГАУБИЧНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА
2024 © Е.Г. Брунова (РФ, г. Тюмень)…….…….…….21

БОЙ У ДЕРЕВНИ ВИТИТНОВО УГРАНСКОГО (бывш.ВСХОДСКОГО) РАЙОНА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ в НОЧЬ С 5 НА 6 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА. По воспоминаниям московских ополченцев
2024 © Г.Я. Грин (РФ, г. Москва)…….…….…….…….52

ВЯЗЬМА – ЖЕРТВЕННИК ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
2024 © Е.А. Иванова (РФ, г. Москва)…….…….…….……...70

ВОПРОСЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ, УМЕРШИХ В ЛАЗАРЕТЕ ДУЛАГА-126 И ЗАХОРОНЕННЫХ В БРАТСКОЙ МОГИЛЕ №16-19 по проезду МАРШАЛА КОНЕВА В СМОЛЕНСКЕ
2024 © А.А. Швед (РБ, г. Браслав)…….…….…….137

ЛАГЕРЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941-1944): ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
2024 © Е.Н. Мох (РБ, г. Минск)……..…….…….……170

ФАШИСТСКИЕ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ 1941-1944 ГГ.
2024 © Л.Н. Бруева (РБ, г. Витебск)……..……..……...180

БОЙЦЫ СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В ШТАЛАГЕ 337: СВИДЕТЕЛЬСТВА, ИСТОРИИ, СУДЬБЫ
2024 © И.Н. Гордейчик (РФ, г. Москва)……..……..…..193

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

«Я БЫЛ УБИТ ПОД ВЯЗЬМОЙ».
Неизданная повесть писателя-ополченца Фёдора Кандыбы, как исторический источник о судьбах бойцов и ополченцев Красной армии в Вяземском окружении и плену
2024 © А.Б. Воронин (РФ, г. Москва)……..……..……..……328

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШИХ УЗНИКОВ ФАШИСТСКИХ ДУЛАГОВ И ШТАЛАГОВ.
Из фондов школьного музея в Боровухе-1
2024 © С.В. Комогорцева (РБ, г. Новополоцк).……..……..…376

ГЕОРГИЙ ШИГИН – МОСКОВСКИЙ ОПОЛЧЕНЕЦ, УЗНИК ШТАЛАГА 354.
Судьба моего прадеда
2024 © А.Ю. Неделина (РФ, г. Москва)……..……..…388

ВОЕННОПЛЕННЫЕ 17 СД: ПУТЬ ОТ СПАС-ДЕМЕНСКА К STALAG XII E ZAMBROW.
По воспоминаниям ополченца Ю.И. Егорова
2024 © Е.А. Макарова (РФ, г. Ставрополь)……..……..……..399

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ГИБЕЛИ ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ.
На основе немецких документов
2024 © А.Б. Воронин (РФ, г. Москва), С.В. Вершинин (Канада, г. Торонто)….404

ПАМЯТЬ ЖИВА

ГДЕ И КАК ИСКАТЬ: ОБЗОР ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО АРХИВНОГО ПОИСКА ПО НЕМЕЦКИМ ДОКУМЕНТАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
2024 © С.В. Вершинин (Канада, г. Торонто)……..……..……...421

ОБ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫХ МАРШРУТАХ ПО МЕСТАМ БЫВШИХ ЛАГЕРЕЙ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
2024 © А.А. Новиков (РФ, г. Москва)……..……..……..……..…..427

ОЛЕГ ОЗЕРОВ – УЧАСТНИК ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ. Судьба и дело моего отца
2024 © Л.О. Добрынина (РФ, г. Москва)……..……..……..…..437

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……..……..……..…447

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ……..……..…..…....449

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«ДОРОГАМИ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОСКОВСКИХ ОПОЛЧЕНЦЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Корректор: А. Ю. Дрожжина-Лабинская
Компьютерная верстка: Соколкова Е. В.

Тираж 500 экз. Заказ 265.
Формат 135х200 мм. Печать офсетная.

Автономная некоммерческая организация
«Сообщество потомков московских ополченцев
Великой Отечественной войны»
107023, г. Москва, Мажоров переулок,
дом 14, строение 21
Тел. +7 (495) 177-1945, сайт: mosopolchenie.ru
E-mail: mosopolchenie1941@mail.ru

Общество с ограниченной ответственностью
«Типография 24»
109369, г. Москва, ул.Перерва,
д.19, стр.1, пом.1103

ISBN 978-5-6050233-5-7